

Curadeus

Удивительная история Сэра Андрея Кураева -
открытого гея и всемирного короля оперы,
бывшего диакона и миссионера

PHOENIX 2017

Пустая страница

Лорин Патрик МакКевин
Lorin Patrick McKevin

Curadeus

**Удивительная история Сэра Андрея Кураева —
открытого гея и всемирного короля оперы,
бывшего диакона и миссионера**

**религиозно-мистико-юмористический роман
35+ (возрастная категория: для лиц старше 35 лет)**

Все лица и события вымышлены, все совпадения случайны

*Первое цифровое издание
Версия: 1.0 от 30.08(Aug).2017*

**Worcester, MA, USA
Phoenix
2017**

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44

Лорин Патрик МакКевин (Lorin Patrick McKevin)

Curadeus. Удивительная история Сэра Андрея Кураева — открытого гея и всемирного короля оперы, бывшего диакона и миссионера / Л. П. МакКевин. — Worchester, MA, USA: Phoenix, 2017. — 236 с.

PHID — **CBD0B4D6-79DD-42A0-8515-9FE18D47326D** (ID издательства)

PMID — **F2AD92CE-DDF4-470C-8258-A8B194B5154B** (ID печ. продукции — книги)

Издательство «Phoenix», Worchester, MA, USA

Почтовый адрес автора книги: lorin.patrick.mckevin@protonmail.com

temptator@protonmail.com

Сайт автора книги: <http://temptator.ihostfull.com>

Страничка этой книги на нём: <http://temptator.ihostfull.com/books/curadeus>

Блог автора книги: <http://temptator.dreamwidth.org>

Миссионер Русской Православной Церкви профессор и диакон Андрей Кураев, богослов, философ, публицист и писатель, очень известная публичная фигура, вступил в открытую борьбу с высокопоставленными церковными геями и членами церковного гей-лобби, которых возглавляет Патриарх Кирилл и его приближённый — митрополит Илларион Алфеев. В результате этой борьбы Кураев был изгнан почти отовсюду и стал влачить жалкое нищенское существование. У него осталось только одна возможность наносить удары по противнику — писать посты в собственном блоге. Но его враги не унялись — они решили отслужить чёрную мессу по Кураеву и совершить колдовской обряд, после которого Андрей Кураев сам должен стать геєм...

После того, как колдовской обряд подействовал, Андрей Кураев обнаруживает, что не только стал геєм, но и побочно обрёл сверхспособности, которые пришлось очень не по душе как его заклятым церковным врагам, так и всей России.

Как дальше сложится судьба Андрея Кураева? Примкнёт ли он к гей-лобби или продолжит борьбу? Станет ли он на сторону Госдепартамента США и Королевы Англии или останется патриотом России? Или, может быть, произойдёт что-то иное? Как сложатся дальнейшие отношения Кураева с христианским Богом? Кто, наконец, победит в этой неравной борьбе?

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2=411.2)6-44

Дата создания макета: 31.08(Aug).2017; MS Word 2003; Формат: А4; Шрифты: Times New Roman, Arial;
Версия произведения: 1.0 от 30.08(Aug).2017, Первое цифровое издание;
Усл. печ. л. 21.3;

Свободное распространение приветствуется.

Данное произведение передано автором в творческие общественные владения (Creative Commons) по лицензии CC0 1.0 Universal (CC0 1.0) и, соответственно, является частью общественного достояния (Public Domain'a). Отзыв лицензии невозможен.

Творческие общественные владения (Creative Commons) — это собрание произведений (литературных, художественных, научных и так далее), которые всякий может со всей несомненностью, без боязни предъявления к нему впоследствии каких-либо обвинений в связи с посягательством на чужие права, неограниченно-свободно воспроизводить, распространять, включать в другие произведения, изменять, использовать повторно, а также использовать для создания на их основе других произведений — в любой форме, какова бы она ни была, и для любых целей — включая неограниченное извлечение прибыли.

Общественное достояние, лицензия CC0 1.0 Universal (CC0 1.0).

Не охраняется авторским правом.

Public Domain, CC0 1.0 Universal (CC0 1.0) license.

No Copyright.

Оглавление

Оглавление	3
1. Тринадцать архидемонов, тринадцать архиереев и одна ведьма	4
2. Трагедия на дороге между Москвой и Сергиевым Посадом	12
3. Превращение	28
4. Дар	41
5. Передовой боевой отряд партии	55
6. Бегство и первая слава	73
7. Первый большой Кураевский тур	77
8. Адский огонь	94
9. «Блудодемоний»	122
10. Обитель богов	131
11. Пульса де-нура	137
12. Соперники	155
13. Псалмокатара	174
14. Финал	179
15. Кураев у старца Наума. Исповедь (глава не по порядку)	183
16. Кураев у старца Наума. Колдовство (глава не по порядку)	205
17. Кураев у старца Наума. Наставление (глава не по порядку)	222

Цифровое издание этой книги в Интернете

Если вы желаете скачать оригинальное цифровое издание этой книги в форматах PDF, DOC и RTF, то вы можете сделать это по ссылкам отсюда:

формат PDF:

<http://temptator.ihostfull.com/books/curadeus/curadeus.pdf> (<http://bit.ly/2es9eq7>)

формат DOC:

<http://temptator.ihostfull.com/books/curadeus/curadeus.doc> (<http://bit.ly/2xPhR1M>)

формат RTF (zipped файл):

<http://temptator.ihostfull.com/books/curadeus/curadeus.zip> (<http://bit.ly/2x8PkHE>)

На страничке этой книги приведены другие источники для скачивания.

Страничка книги на сайте автора:

<http://temptator.ihostfull.com/books/curadeus> (<http://bit.ly/2xP1P8i>)

Сайт автора:

<http://temptator.ihostfull.com> (<http://bit.ly/2wKWaDb>)

1. Тринадцать архидемонов, тринадцать архиереев и одна ведьма

Близи́лась полночь со Страстного Четверга на Страстную Пятницу. В алтаре погружённого во тьму Елоховского собора облачались несколько видных епископов Русской Православной Церкви. Среди них были: Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл, Илларион Алфеев, митрополит, которого прочили в наследники Его Святейшеству, а также митрополиты Александр Драбинко, прилетевший по случаю с Украины, Питирим Волочков, Никон, бывший митрополит Екатеринбургский, Ростовский митрополит Меркурий, а также некоторые другие епископы; всего числом их было ровно тринадцать. Странны были их облачения: это были сплошь грязные и оборванные саккосы, омофоры и мантии с красующимися на них перевернутыми крестами. Необычна бала и цель, которая свела архи-пастырей вместе в глухой полночный час: чёрная месса и сопутствующее ей колдовство.

По алтарю весело и деловито, то и дело отдавая указания, ходила горбатая, косая и хромая ведьма. Одета она была тоже в грязное и оборванное тряпье. Архиереи держали в своих левых руках посохи с перевернутыми крестами; ведьма же в своей левой руке держала метлу.

— Переверните чашу на престоле вверх ногами и бросьте на пол евангелие! — командовала ведьма и Александр Драбинко немедленно поспешил исполнить указание; он тотчас же совершил это кощунство и надругательство. Как известно, на подобных мессах такие вещи совершаются в изобилии.

— Кто-нибудь скажите, положив левую руку на чашу: «Сатануйя! Сатануйя! Сатануйя!» и далее прочее, что требуется! — снова командовала ведьма и обвела глазами окружающих, грозно тряхнув метлой.

После этих слов к престолу подошёл митрополит Питирим Волочков; он положил свою левую руку на перевёрнутую чашу, стоявшую на алтаре, и произнёс указанные ведьмой слова:

— **Сатануйя! Сатануйя! Сатануйя!**

А затем он набрал в грудь побольше воздуха и, что называется «с выражением», прочитал стих, который предварительно дала ему заучить ведьма:

**Дьявол, ныне торжествуя,
Извращает естество
И по нашим повеленьям
Да свершится колдовство!**

**Час настал полночный, тёмный
Силы мрачной зла детей;
Ад разверзнет свои недра
Сгинут узы всех цепей!**

**В вихре огненном придут
Легионы мрачных бездн
И исполнятся желанья
Тех, кто им врата отверз.**

**Сатануйя! Сатануйя! —
Раздается верных глас;
Вои¹ Дьявола во славе
Исполнять летят приказ.**

¹ Вои (церковнослав.) — воинства, войска.

**Дьявол, ныне торжествуя,
Извращает естество
И по нашим повеленьям
Да свершится колдовство!**

Далее ведьма сама расстелила на престоле антиминс, достала фляжку, в которую был налита смесь собачьей и свиной крови, и нарисовала этой кровью на антиминсе перевернутую пентаграмму в круге; затем сделала на нём же надпись: «Дьявол. Люцифер. Самаэль». После этого ведь громко возопила очень высоким голосом — словно она была оперной дивой с выдающимся колоратурным сопрано:

— Сатануйя! Сатануйя! Сатануйя!

Его Святейшество Кирилл даже поморщился от этого мощного, сверлящего и проникающего в самое нутро мозга голоса — ему даже захотелось заткнуть уши, чтобы приглушить это неистовое моление.

Подготовка к чёрной мессе и последующему колдовству почти завершалась. Три епископа вышли на солею и стали перед царскими вратами, начав читать по девять раз «Отче наш» задом наперед и от этого храм наполнился невнятными бормотаниями. Тем временем, пока ещё до начала мессы оставалось немного времени, Илларион Алфеев и Его Святейшество Кирилл, стоявшие в алтаре, решили переброситься парой слов с ведьмой, находившейся там же, чтобы разъяснить для себя некоторые тёмные вопросы.

— Послушайте, уважаемая э... уважаемая ведьма... — начал речь Кирилл, — послушайте, а что — всё-таки никак нельзя сделать ему насмерть?

— Я же тебе сказала, — молвила ведьма, — я же сказала: нет на то Божьего попущения! Когда ты мне дал его фотографию, то я тут же призвала служащего мне беса и сразу же выяснила у него насколько и как именно мы сможем навредить тому, кому вы хотите и при каких и на каких условиях. И я честно рассказала вам о возможных вариантах. И вы сами вместе с этим... с Илларионом... да, кажется, Илларионом... вы сами выбрали тот вариант, который вам наиболее подходит. Вроде бы насчёт того, как и что мы можем ему сделать и что именно будем ему делать — разумеется, в пределах наших возможностей — мы уже говорили — и не один раз; и в результате этих разговоров уже пришли к вполне определенному решению. Так неужели вы сейчас передумали?! Конечно, вы можете передумать — это ваше право. Но в этом случае всё будет несколько дороже. К тому же вы и так выбрали самый сильный вариант! Ведь для свершения колдовства понадобилось, чтобы аж тринадцать архиереев сразу вместе, соборно, служили чёрную мессу и призывали демонов. Да ещё в действующем кафедральном соборе или подобном по статусу храме! А обычно дело обходится тем, что её, эту мессу, служит один сельский священник в полуразрушенной часовне, стоящей возле деревенского кладбища! Вы и так чёрти что задумали с человеком сотворить! Угломонитесь уже! Успокойтесь! Разве того, что с ним произойдет — разве этого вам мало?

На короткое время наступила тишина — только лишь продолжалось бормотание задом наперед молитвы «Отче наш» да потрескивали сальные свечи: чёрная месса служилась при естественном, природном освещении и в алтарь Елоховского собора было занесено несколько подсвечников, в которые были поставлены свечи из свиного и собачьего сала или, вернее, жира. В семисвечник, стоявший перед престолом, тоже были поставлены и зажжены такие же свечи — только очень толстые.

Тишину нарушил Илларион Алфеев:

— Послушайте, — сказал он ведьме, — и всё-таки я не понимаю: почему ему нельзя сделать насмерть? Вы же сами говорили, что многим другим — можно! А вот именно ему почему-то нельзя. Почему же?

Ведьма пришла в негодование и резко ответила:

— Почему?! И ты, ты, митрополит православной церкви, ещё у меня, у ведьмы, спрашиваешь «Почему?!» Да потому, что нет на это дело Божьего попущения! И из-за этого до таких пределов, до каких тебе хочется, нам ему не навредить, ибо мы не сможем справиться с Божьей защитой, которая охраняет его! Можно, конечно, попробовать, но нам же хуже будет! И демонам, которые нам будут служить!

— Будто не знаете — сказал ведьма, обращаясь и к Кириллу, и к Иллариону, и к другим архиереям, оказавшимся рядом, — будто вы не знаете, что для выполнения колдовства нужны три вещи: ведьма, демон и Божье попущение. В роли ведьмы выступаю я, а также все вы, служащие чёрную мессу; демон, заручившись изъявлением нашей воли на зло, то есть нашим согласием на зло, будет действовать как наше орудие. А попущение Божье нужно для того, чтобы мы и демон всё это смогли свершить — ведь лишь при Божьем попущении Бог снимет защиту с того, на кого направлено колдовство. И когда все три условия сходятся — тогда и совершается колдовство. Именно тогда демон обретает дополнительные способности и возможности вредить тому, против кого мы колдуем. И это происходит оттого, что мы берём на свою совесть ответственность за его вредоносные действия. Мы все, мы все — и я, и вы! — вместе с демонами несём ответственность за свершенное; и на нас на всех — вместе с демонами! — ляжет вина за то, что произойдёт! Но если хотя бы одно условие не соблюдено, то колдовство не свершится. Нечто вы, Ваши Высокопреосвященства, «Молота ведьм» не читали?!

— Послушайте... — продолжил спрашивать ведьму Илларион, — я вот часто думаю: пусть нет божьего попущения на его смерть — но ведь и то, что мы решили сделать с ним — оно ведь тоже очень ужасно! Вот, вы говорили о Божьем попущении и Божьей защите; так скажите же: как Бог может попустить такое?! То есть то, что мы собираемся сейчас сделать?!

— Будто вы не помните, что сказал Достоевский, — молвила ведьма, — а именно то, что глубину и могущество власти Дьявола над творением трудно даже и вообразить, ибо она доходит до глубин, человеку неизвестных и его умом неохватываемых. А теперь — за дело!

Между тем, три архиерея закончили читать перед царскими воротами «Отче наш» задом наперед; наступила пора начинать чёрную мессу. Отверзлись царские ворота. Его Святейшество Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл большим пальцем левой ноги небрежно начертил крест на полу и неистово возгласил:

— Во имя Сатаны, Люцифера и Самаэля!

В ответ раздался громкий и пронзительный возглас ведьмы:

— Сатануйя! Сатануйя! Сатануйя!

Его Святейшество начал кадить. В кадило, естественно, вместо ладана была положена зловонная сера...

Чёрная месса, которую служили собравшиеся в алтаре архиереи, была очень короткой — ибо она являлась ничем иным, как переделанным евхаристическим канонем литургии Иоанна Златоуста и, соответственно, длилась не более пятнадцати минут. Суть же мессы заключалась в превращении смеси собачьей и свиной крови в «кровь Сатаны», а мумифицированной плоти летучей мыши — в «плоть Сатаны». Эти полученные «кровь и плоть» при причащении ими усиливали возможности ведьм и колдунов; они же, эти вещества, зачастую требовались и для совершения различных магических операций. Некоторые ведьмы и колдуны называли «кровь Сатаны» «кровью вурдалака» или «вместилищем лунного сияния», а «плоть Сатаны» — «плотью ночи» или «плотью Пифона». «Кровь и плоть Сатаны» считались его слугами самым действенным магическим средством, которое может их приблизить более всего прочего к своему господину.

Вскоре в Чаше, стоявшей на антиминсе в самом центре начерченной на нём перевернутой пентаграммы, уже плескалась «кровь вурдалака», в которой плавали кусочки «плоти ночи». Сначала ведьма, а потом тринадцать епископов причастились из чаши обо-

их субстанций; некоторые при этом весьма морщились — но пути назад не было, ибо начатое требовалось закончить под страхом грозного гнева Князя Тьмы.

После причастия ведьма окропила «кровью вурдалака» сначала престол, а затем пол алтаря и его стены. Наступило время свершения ужасного колдовства. Ведьма стала перед престолом, сложила руки на груди, а затем воздела их вверх и начала моление к Князю Тьмы:

— О Князь Тьмы, Князь Мира Сего, единый в трех — в Сатане, в Люцифере и в Самазле! К тебе взываю я! Услышь меня! Услышь и исполни просьбу мою!

После этого ведьма дико захохотала и произнесла нараспев высоким голосом — колоратурным сопрано — следующий возглас:

— **Мышь скребется по сусекам,
Стань, Кураев, гомосеком!**

И тринадцать архиереев низкими утробными голосами, свойственным маститым архиереям, повторили этот возглас:

— Мышь скребется по сусекам,
Стань, Кураев, гомосеком!

Далее ведьма продолжила:

— О Князь Тьмы! Да будет он не только гомосеком пассивным, но и активным!

После этого ведьма подала другой возглас:

— **Филин ухает в ночи,
Член Кураева, торчи!**

И тринадцать архиереев низкими утробными голосами повторили за ней:

— Филин ухает в ночи,
Член Кураева, торчи!

Ведьма же продолжала:

— О Князь Тьмы! Да будет он не только гомосеком активным, но и пассивным! И прежде всего — пассивным!

После этих слов архиереи подняли и открыли две коробки с игрушками; эти коробки стояли близ алтаря и в них были две анатомически точных куклы: одна кукла была куклой девочки лет трех, а другая — мальчика этих же лет. Обе куклы были положены на алтарь. Его Святейшество Кирилл надел на лицо куклы мальчика маску, на которую была наклеена фотография лица того, против кого было направлено свершавшееся колдовство.

Действо продолжалось. Ведьма подошла к куклам, лежавшим на алтаре, и достала нож. Сначала ведьма вырезала у куклы девочки женский половой орган, а затем проделала возле ануса куклы мальчика большую дырку. После этого ведьма вставила вырезанный у куклы девочки женский половой орган в дырку, образовавшуюся в области ануса куклы мальчика. Потом ведьма взяла Чашу с «кровью вурдалака» и обильно окропила ею куклу мальчика. А затем ведьма поставила Чашу обратно на престол, на антиминс, и чудовищно-высоким голосом возгласила:

— **Не сухотка, не ангина —
'з жопы будет пусть вагина!**

И когда ведьма произносила эти слова, то несколько раз пронзила голову куклы мальчика своим ножом; и каждый раз она проворачивала нож в голове куклы, словно стремясь взболтать имевшийся там мозг. При этом тринадцать архиереев троекратно повторили сказанное ведьмой своими низкими голосами:

— Не сухотка, не ангина —
'з жопы будет пусть вагина!

Затем, закончив предыдущую операцию, ведьма огляделась вокруг и с чувством глубокого удовлетворения произнесла:

— **Ведьма, кровь из чаши пей!
Всё — навек Кураев — гей!**

И архиереи, тоже не без подобного же чувства, повторили:

— Ведьма, кровь из чаши пей!

Всё — навек Кураев — гей!

Ведьма вновь взяла Чашу и причастилась из неё обеих веществ — «крови вурдалака» и «плоти ночи»; затем она пустила Чашу по кругу и стоявшие возле алтаря архиереи также вновь причастились. Наконец, Чаша вернулась на своё место, на антиминс.

Оставалось произнести молитвы. Ведьма взяла в руки огромную колдовскую книгу, загодя положенную на престол вместо Евангелия, открыла ее на нужной странице, набрала в грудь побольше воздуха и начала звать к Сатане:

— О, Князь Тьмы и Князь Мира Сего, единый в трех — в Сатане, Люцифере и Самаэле! Открой кладязь адской бездны и сними печать с врат её! Выпусти тринадцать блудных скверных и нечистых архидемонов адской бездны, да поразят они врага, против которого направлено наше колдовство!

— К вам взываю я, о тринадцать великих блудных архидемонов и стратилатов² адской бездны, к вам, о начальники тринадцати легионов блудных бесов, несущих всякий блуд и всякую нечистоту и всякое развращение в человеках и всякое омрачение в умах их! К вам и к легионам подвластных вам демонов!

— Сракотрахаддён, к тебе взываю я и к легиону, что под властью твоею!

— Педеромэлех, к тебе взываю я и к легиону, что под властью твоею!

— Геефэн, к тебе взываю я и к легиону, что под властью твоею!

— Хреноглоотофёр, к тебе взываю я и к легиону, что под властью твоею!

— Миньетиэль, к тебе взываю я и к легиону, что под властью твоею!

— Аналинкиэль, к тебе взываю я и к легиону, что под властью твоею!

— Дилдиэль, к тебе взываю я и к легиону, что под властью твоею!

— Фельчингодром, к тебе взываю я и к легиону, что под властью твоею!

— Риммингзмодэл, к тебе взываю я и к легиону, что под властью твоею!

— Свингербрэс, к тебе взываю я и к легиону, что под властью твоею!

— Свалдабаоф, к тебе взываю я и к легиону, что под властью твоею!

— Аналлэт, к тебе взываю я и к легиону, что под властью твоею!

— Мастурбокарон, к тебе взываю я и к легиону, что под властью твоею!

— Восстаньте из глубин преисподней и из бездны ада, найдите врага нашего и поразите его, и сотворите с ним по воле нашей, которая была открыта вашему великому и страшному господину — Князю Тьмы, который есть Князь Мира Сего, владычество которого простерто до самых глубин адских бездн! Великим страшным именем его заклинаю вас! Заклинаю вас именем Сатаны, Люцифера и Самаэля!

Ведьма окончила моление на пронзительно-высокой ноте и тринадцать архиереев тут же вслед её произнесли:

— К вам взываем мы, о тринадцать архидемонов, тринадцать начальников, властителей и стратилатов адской бездны и глубин ада и к легионам бесов, подвластных вам!

— Сракотрахаддён, Педеромэлех, Геефэн, Хреноглоотофёр, Миньетиэль, Аналинкиэль, Дилдиэль, Фельчингодром, Риммингзмодэл, Свингербрэс, Свалдабаоф, Аналлэт, Мастурбокарон и легионы демонов, что под властью вашею! Восстаньте из глубин преисподней и из бездны ада, найдите врага нашего и поразите его, и сотворите с ним по воле нашей, которая была открыта вашему великому и страшному господину — Князю Тьмы, который есть Князь Мира Сего, владычество которого доходит до самых глубин адских бездн! Великим страшным именем его заклинаем вас! Заклинаем вас именем Сатаны, Люцифера и Самаэля!

И после того, как последнее слово было произнесено, случилось то, чего никто из архиереев не ожидал — хотя ведьма не раз рассказывала им об этом и предупреждала их о том, как при этом себя вести. Елоховский собор огласил мощный оглушающий низкий рык; он был настолько низок, что находился на грани восприятия слухом. Воздух словно

² Стратилат (греч.) — военачальник, полководец.

завибрировал, а тьма храма словно сгустилась. Странные и страшные тени замелькали возле алтаря и архиереев; они начали танцевать какой-то завоораживающий и увлекающий танец; затем они закружились в черном вихре, который поднялся от пола алтаря до самого потолка над алтарем.

— Врата отверсты! — прорычал откуда-то низкий голос.

Все архиереи услышали этот голос; словно заколдованные стояли они, не шевелясь, возле алтаря.

— Чего стоите?! Отбегайте подальше от алтаря, к стенам! Что я вам говорила?! Быстро! Выходите из вихря теней, который кружит над алтарем! — пронзительно заорала ведьма.

Но архиереи её словно не слышали. Они стояли и смотрели на вихрь теней, внутри которого находились — вихря, который уходил высоко вверх, под самый потолок алтаря, и, по-видимому, далее продолжался в небесной выси.

Пентаграмма, начертанная на антиминсе, вспыхнула ярким багровым светом; через несколько секунд из неё изошло яркое красное пламя; столб пламени взметнулся до самого потолка. Произошёл взрыв; пламенные языки огня разошлись из пентаграммы в разные стороны, повалив стоявших возле алтаря архиереев на пол. Несколько архиереев потеряли сознание; остальные же отползли от престола к стенам. Прислонившись к стенам, они с удивлением продолжали заковано смотреть на престол, не находя в себе сил прекратить страшное зрелище. Столб огня по-прежнему бил из пентаграммы, нарисованной на антиминсе, в потолок, в полусвод, алтаря — даже, пожалуй, он бил ещё сильнее. Раздался ужасный скрежет, скрип и звон цепей, сопровождаемый дикими нечеловеческими воплями. Огненный столб превратился в огненный вихрь. Из пентаграммы стали во множестве появляться странные чёрные существа с крыльями; и только лишь успевали они появиться, как столб огненного вихря уносил их прочь, ввысь. Эти существа проходили через потолок и покидали храм, а затем исчезали в ночном московском небе. Среди них были существа с мечами, трезубцами и копьями, бывшие сами по себе, и существа, восседавшие на крылатых драконах; эти существа держали в своих руках изумительные, неземные блистающие мечи и щиты.

Через несколько минут всё закончилось. Одни архиереи лежали далеко от алтаря на полу, прислонившись к стенам; они с трудом дышали, будучи перепуганы до смерти увиденным; другие же архиереи, которым повезло меньше, — те, что не смогли отползти к стенам, — в бессознательном состоянии валялись на полу возле алтаря.

— Вставайте, вставайте! — начала ободрять ведьма архиереев. — Вставайте! Всё закончилось. Как и было обещано, на зов пришли тринадцать легионов демонов плюс тринадцать архидемонов-стратилатов. Из самых глубин и бездн ада. В каждом легионе — четыре тысячи двести обычных, «пеших», демонов — что-то вроде пехоты — и триста демонов верхом на демонах-драконах — что-то вроде конницы. И, конечно, плюс ещё тринадцать архидемонов-стратилатов, начальников над легионами. Состав римских легионов знаете? Помните? Нет?! Историю в школе не учили что ли? И почему вы не отошли к стенам, когда услышали возглас «Врата отверсты!»?! Я вам сколько раз про это говорила?! Ведь вам же не придет в голову стать на пути стада несущихся на вас бегемотов или бизонов? Хорошо, хоть никто не пострадал! Легко отделались!

Чёрная месса и следующие за ней колдовские действия были закончены. Епископы сняли свои облачения и стали одеваться в светские одежды. Лишь один из них — митрополит Питирим — вместо светской одежды облачился в иерейскую фелонь, вышел из алтаря, подошёл к аналою и громко слащаво-елейно сказал:

— А теперь, отцы и братья, прошу на исповедь! Сегодня мы тяжко нагрешили колдовством, молитвами к Сатане и бесам, кощунством и прочими непотребными делами! Поспешим же покаяться, чтобы милосердный Господь простил нам грехи, и далее да будем проводить свою жизнь в чистоте и непорочности!

Митрополит Питирим достал требник и стал читать молитвы перед исповедью. Прочие епископы во главе с Патриархом и митрополитом Илларионом потянулись к аналою, чтобы исповедаться в совершенных только что беззакониях и грехах. Но это сильно не понравилось ведьме. Она ударила метлой об пол и громко возмутилась:

— Вы что?! Совесть уже замучила что ли?! Так знайте: если сейчас исповедуетесь, то я не гарантирую, что все наши действия к чему-то приведут! Вот так! Поэтому подождите исповедоваться хотя бы с полгода или год. Через полгода или год с ним... с этим... всё уже будет сделано окончательно!

А затем ведьма громко захохотала и, сквозь смех, добавила:

— Если только, конечно, покаяние ваше будет искренним. Если же нет — то можете исповедоваться прямо сейчас хоть десять раз, но при этом всё, что было мной и вами наколдовано, всё равно с ним свершиться и демоны, вышедшие из ада, завершат свою работу так, как им и было приказано! Поэтому, по-видимому, ваша исповедь ничего не меняет.

Несмотря на такие слова ведьмы, епископ Питирим Волочков захлопнул требник и пошёл переодеваться в светскую одежду. Покаяния архиереи решили не проводить.

— Что же... — молвил Патриарх Кирилл, обратившись к митрополиту Иллариону, — придётся подождать с полгода; а лучше — с год. Поступим так, как посоветовала ведьма. Нужно, чтобы уж наверняка было сделано. Нельзя рисковать!

Митрополит Илларион понимающе кивнул.

Епископы, переодевшись, стали расходиться из храма. Было очень поздно, а уже грядущим утром их ожидал тяжелый и напряженный богослужебный день.

Ведьма прислонила свою метлу к стене алтаря и тоже начала переодеваться, чтобы ехать домой. Шёл первый час ночи.

Его Святейшество Кирилл на мгновение задумался и в его голове возник новый вопрос к ведьме. Он позвал к себе Иллариона Алфеева, уже переодевшегося, и они вместе подошли к колдунье. Кирилл спросил её:

— Послушайте. Вы предложили сделать его... этого... его... геем по ритуалу, который предполагает как физическую трансформацию тела, так и психическую трансформацию души. Вы сочли это наилучшим — в смысле: наименее вредным и наименее ужасным для него, чего мы у вас, собственно, и просили — чтобы всё повредней и поужасней было... И посильней. Но, в то же время, я, как архипастырь, должен заметить и засвидетельствовать, что церковное учение о природе гомосексуальности не таково. Согласно церковному учению гомосексуальность возникает или от развращённости и саморазвращённости человека, которой сопутствует соответствующее демонское воздействие, или от демонского насилия, которое может доходить до одержимости; либо, разумеется, и от того и от другого вместе. То есть согласно церковному взгляду гомосексуальность не предопределена биологически и, аналогичным образом, не предопределена тем, что заложена в устройении души. Ваш же ритуал говорит не о том, о чем учит церковь — он говорит о том, что гомосексуальность именно что может быть предопределена биологически и психически — то есть прирожденным устройением тела и души. И, таким образом, получается не два, а три составных источника гомосексуальности: развращённость, одержимость и биологически-духовная предопределённость. Как это понимать? Ведь церковь, источник и кладязь истины, так не учит, а учит существенно иначе!

Ведьма усмехнулась и молвила:

— Ваше Святейшество! Церковь много по каким вопросам учит, как вы изволили выразиться, не так, а существенно и даже совершенно иначе. Например, она учит о тверди — твёрдом небесном своде, к которому прикреплены солнце, луна и звёзды; она учит о небесном океане, который плещется над этой твердью, а также о том, что земля — плоская и круглая и имеет края; а ещё о том, что первостихиями были вовсе не химические элементы или частицы, но обычная вода, которая течёт из водопровода в вашей кухне.

Вспомните и церковное учение о том, что в конце времен все звёзды с этой самой тверди падают на землю! Вы сами всё это знаете и отлично помните, Ваше Святейшество!

Патриарх Кирилл смутился и промолчал на это едкое замечание. Затем он спросил:

— Хорошо. Допустим, вы правы. Отметьте: я с вами вовсе не соглашаюсь — я только лишь хочу рассмотреть ситуацию со всех сторон при том допущении, что вы правы. Почему же, по-вашему, гомосексуальность, приобретенная через трансформацию души и тела и имеющая биологическую и психическую основу, ужасней, чем гомосексуальность, приобретенная через развращение демонами и демонскую одержимость?! Признаться, я думал, что вы наслёте демонов на... на него... чтобы они через всякие искушения постепенно развратили его, а затем, ввергнув его в пучину греха, вошли бы в него и сделали бы его одержимым... одержимым развращенным геєм, ненасытным ко греху... Конечно, и тот, кто гей биологически и психически, через свою гомосексуальную предрасположенность может развратиться и стать одержимым демонами; но тут, в случае биологической и духовной обусловленности гомосексуальности и предрасположенности к ней, всё выглядит несколько иначе... несколько снисходительней, так сказать...

Ведьма снова усмехнулась и сказала:

Во-первых, Ваше Святейшество, сами подумайте: одержимость от демонов и развращенность можно победить молитвою и постом, а также приобщением к различным святыням; учтите также, что демона может изгнать опытный экзорцист. А если наколдовать на какой-то предмет и затем подложить этот предмет, скажем, под порог его дома или зашить в подушку, на которой он спит — то ведь кто-то может об этом догадаться или провидеть и сообщить ему об этом. Кто-нибудь из святых подвижников. А затем этот предмет уничтожат. Впрочем, эти действия с наколдованным предметом — по сути то же самое, что и приставление к нему ещё нескольких демонов для искушения и соращения. И, в принципе, их можно прогнать и иным способом. Постом и молитвой. Но что делать с биологической и психической предопределенностью и предрасположенностью? Ведь избавиться от такой гомосексуальности — это всё равно, что вырастить отрубленную руку или ещё одну, вторую, пару глаз... Или начать видеть в ультрафиолетовом и инфракрасном диапазонах...

— Ха-ха-ха! — весело засмеялся Его Святейшество. — Если так и обстоит дело, то вы, пожалуй, правы...

— К тому же, — продолжила ведьма, — с чего вы взяли, что, делая его биологически и психически геєм, мы не посылаем демонов, которые будут развращать его и делать его одержимым?! Наш ритуал подразумевает как одно, так и другое; вместе с третьим, разумеется. Ваше Святейшество! Уверяю вас: будут задействованы все три фактора, названные вами! Все три источника и три составные части гомосексуальности!

— Да ну?! — радостно и весело спросил Кирилл.

— Именно так! — сказала ведьма.

— А, во-вторых, — продолжила ведьма, — я прошу больше не говорить, что будто бы «я сделала с ним это», «я сделала с ним то». Не «я», а «мы». Все мы виновны в том, что с ним сделано; и все мы за это будем отвечать. Все вы, все тринадцать архиереев, — точно такие же соучастники в деле, как и я; и поэтому вам отвечать так же, как и мне. И без вашего изволения, без изволения каждого из вас, ничего бы с ним не произошло! И поэтому, — тут ведьма засмеялась громко, засмеялась в лицо Кириллу и стоявшему рядом с ним Иллариону, — и поэтому вы несколько не лучше меня. А даже хуже... Прощайте! Я ещё свяжусь с вами и дам вам дальнейшие указания. А пока, надеюсь, вторая причитающаяся мне сумма будет в срок переведена через два дня.

— Постойте... постойте... — недоуменно сказал Илларион Алфеев, — а то видение, которое мы видели, — этот темный вихрь теней, этот огненный столб из закрученного в вихрь огня, этот лязг и скрежет... Эти существа... существа с трезубцам, мечами и копьями... существа на драконах... Это всё было вправду или только казалось нам? Неужели это всё было вправду?!

Ведьма усмехнулась, презрительно окинула взглядом Иллариона, и сказала:

— Вы обратились не к шарлатанке. Я — не шарлатанка-гипнотизерка. Моему роду уже больше трех тысяч лет. Он начался тогда, когда Романовы, Рюриковичи и даже Меро-винги ещё лазили по деревьям... Запомните это! И все вы в этом вскоре убедитесь.

Ведьма взяла в руки сумку с одеждой и метлу и направилась к выходу, на автосто-янку, чтобы ехать домой. Архиереи уже разошлись. А Илларион и Кирилл ещё несколько минут молчаливо стояли друг напротив друга и с изумлением обдумывали услышанное и увиденное. Кирилл, наконец, прервал молчание:

— Вообще-то, чёрт с ним, с Кураевым. Надеюсь, совесть будет несильно мучить нас из-за того, что мы с ним сделали... Так ему и надо! Совсем разошёлся: то у него, по-нимаешь ли, тот — член гей-лобби, а этот — так вообще — сам гей. И кроме геев и чле-нов гей-лобби, по-Кураеву, среди епископов и прочих важных лиц в церкви больше вооб-ще никого нет. Слишком умный он, этот Кураев, да догадливый. И я у него — гей, и ми-трополит Никодим, и владыко Питирим, и ещё много кто. Весь Интернет этот Кураев своими догадками уже засрал. Аж непродохнуть! Только напишет — и вся страна тотчас обсуждает. Сверхгерой, видите ли он! С мужеложцами и педофилами в рясах воюет и не даёт им развращать юные души неутвержденных семинаристов и наивных алтарных маль-чиков... Да ты их души сам-то видел?! Супермен он! Айронмен! Росомаха! Бэтмен против Джокера! Ксавье против Магнето! Чёрный Плащ против Мегавольта! Он, видите ли, — Артур, а мы все — коллективный Мордред! Вот пусть сам и побудет геем и поймет — ка-ково это — быть геем! Сам, небось, первый к геям побежит и первый же в гей-лобби по-пробует записаться — словно пионер, желающий поскорее стать комсомольцем. А геи и гей-лобби ещё посмотрят — записать его в свои ряды или нет. Умный какой нашёлся... Профессор... Вундеркинд пятидесятилетний... Тоже мне...

— Да, нечего его жалеть! — поддакнул Илларион.

После этого Илларион осмотрелся вокруг, мысленно вспоминая то, чему свиде-телем он стал сегодня ночью, между 00:00 и 00:30, и сказал:

— Невероятно. Это всё правда! Врата преисподней... Всадники-демоны на демо-нах-драконах... Тринадцать легионов... Тринадцать архидемонов-стратилатов... Неверо-ятно... Это невероятно... Значит... значит там, там... значит там что-то есть!

2. Трагедия на дороге между Москвой и Сергиевым Поса-дом

Было утро Страстной Пятницы. Кураев проснулся очень рано. Взглянув на часы, он увидел, что времени до того срока, когда ему следовало отправляться в родной храм, где он служил заштатным дьяконом, было ещё очень много. Тогда Андрей Вячеславович стал думать о том, чем ему можно занять время. Кураев решил, что ему следует полазить в Ин-тернете и, может быть, даже написать пару постов, обличающих мужеложников, окопав-шихся в Церкви. Собственно, писать ему ничего было не надо — можно было просто опубликовать несколько писем, которые прислали ему вчера его корреспонденты из раз-личных дальних и близких епархий. Писем было то ли три, то ли четыре.

— Сколько же вас, пидарасы! — пронеслось в голове у Андрея Вячеславовича. — Каждый день почти мне про вас пишут. И не по одному письму шлют, а по два-три, а то и по целых четыре!

Кураев опубликовал свои письма и стал бесцельно бродить по православному рус-скоязычному Интернету. На сайте журнала «Фома» он нашёл про себя статью, опублико-ванную в номере за позапрошлый месяц. Статья называлась так: «Как на самом деле был низвергнут Андрей Кураев святюсеньким Патриаршенькой Кириллом». Хотя с того вре-мени, как Кураева отовсюду повыгоняли, прошло уже много времени — больше трёх лет — но история этого всё ещё интересовала многих и поэтому статья была весьма кстати. В

ней описывалось не только, что да как было, но и велась полемика с Андреем Вячеславовичем через множество обращённых к нему вопросов и разъяснений. Кураев с нескрываемым любопытством стал читать эту статью.

«

Как на самом деле был низвергнут Андрей Кураев святюсеньким Патриаршенькой Кириллом

При восшествии на престол Святейший Патриарх Кирилл, уподобившись царю Соломону, молил Господа, чтобы Тот даровал ему мудрость для управления церковью Христовой и, в особенности, множеством подчиненных ему клириков. И всецелый Господь услышал его и не оставил просьбу его тщетной.

Однажды Патриарх Кирилл, этот столп от земли до неба, стяжавший ум Христов, доблестный муж, обильно исполненный божественной премудростью, для пользы церковной задумал посвятить в епископа видного миссионера Андрея Кураева — ибо слава о делах его дошла до слуха Святейшего. И посему он стал молить Господа, чтобы Тот открыл ему духовное состояние Андрея Вячеславовича, дабы быть точно уверенным — достоин ли он епископского сана или нет. И эта молитва верного раба Божьего также не осталась безответной.

Во время благопотребное случилось так, что Святейший Патриарх с некоторыми другими епископами и некоторыми маститами протопопами шёл по Троице-Сергиевой Лавре, а навстречу им шёл Кураев. И только лишь они завидели друг друга, как Господь немедля в божественном видении показал Патриарху Кириллу духовное устройство и расположение Кураева. И так, в божественном видении, Кирилл узрел очень и очень низкий духовный уровень Кураева. Кирилл даже громко рассмеялся тому, как вообще может быть такой маленький духовный уровень даже у начинающего православного христианина?! А ведь Кураев пробыл в церкви уже несколько десятков лет! Да не простым мирянином — к тому времени он окончил Духовную Семинарию и Академию, пробыл годы референтом патриарха, стал преподавателем в Духовной Академии, участником богословской комиссии и даже профессором богословия и написал много духовных книг. И, к тому же, он ещё был рафинированным интеллигентом, кандидатом светских наук и преподавателем МГУ.

Тогда спутники Патриарха Кирилла спросили его:

— Чему смеётесь, Ваше Святейшество?

Он же им проглаголал:

— Вон, смотрите — идёт всем известный Кураев. Присмотритесь, какой низкий и маленький у него духовный уровень!

— Ничего не видим, Ваше Святейшество! — ответили Патриаршеньке его спутники.

Тогда Его Святейшество сотворил молитву к Господу, дабы милосердный Владыка открыл и им духовный уровень Андрея Вячеславовича. И Господь вновь услышал молитву Патриарха, избранника Своего. Тогда открылись у епископов и протопопов, бывших с Кириллом, духовные очи и узрели они маленький и низкий духовный уровень Кураева. И тогда поняли Кирилл и его спутники, что вся слава Кураева — земная, бесовская, от стихий мира сего, а не от божественного просвещения и не от силы Святого Духа. Тогда уразумели они, что вся премудрость Кураева есть земное лукавствование и сплошная еллинская философия, изощренные софистика, силлогистика и диалектика. А всё сие есть ничто иное, как внешняя³ блядь⁴, которая, в лучшем случае, может быть лишь служанкой бого-

³ Внешняя — то есть светская, нецерковная, внецерковная, недуховная, лишенная Святого Духа.

⁴Использовано церковнославянское слово «блядь», которое означает: «пустословка» и/или «лгунья», а также: «заблуждающаяся» (сущ., а не прил.); слово произведено сразу от двух глаголов: (i) от глагола «блудить» — то есть «пустословить», «трепаться» (отсюда английское «бла-бла-бла»), а также (ii) от глагола

словия и божественного откровения — и не более. Да и то, если философ просвещен Богом, не лукав и не блядив⁵ по натуре своей — то есть не таков, как Андрей Вячеславович. По сем же, снова будучи просвещены Богом, явно узрели епископы и протопопы то, как лукаво оплетает хитро составленным словесами по стихиям мира сего Андрей Вячеславович умы неутверждённых в истине к своей собственной и к их гибели. Тогда сказали они Кириллу:

— Ваше Святейшество! С этим нужно что-то делать! Нельзя позволять сему умственному волку пожирать овец стада Христова ради умножения собственной славы! Нельзя позволять, чтобы он своими афинейскими⁶ философическими хитросплетениями лживых и гнилых словес подавлял божественную и святую истину, которую Господь открывает в Духе и силе тому, кто чист сердцем.

Тогда Кирилл говорит им:

— Вижу, вижу сие братья! Вижу и, как и вы, мню, что с Кураевым надо что-то делать. Да запретит ему Господь! Итак, братья, умножим нашу молитву — будем молиться, чтобы и другим Господь открыл о том, каков истинный духовный уровень Андрея Кураева, какой на самом деле размер у его духовности! И да усилим ради сего пост: да будем сорок дней вкушать лишь по одной просфоре и пить лишь по стакану святой воды в день. И да пойдем и благословимся ради святого дела у святого Сергия!

И ответили Кириллу епископы и маститые протопопы:

— Да будет по слову твоему, Святейший Владыка! Благослови нас!

И се, по прошествии сорока дней Его Святейшество встретился с ректором Московской Духовной Академии и сказал ему:

— Обратите внимание на духовный уровень Кураева. Что скажете о нём?

Тогда ректор присмотрелся внимательнее к Кураеву и по молитвам Его Святейшества узрел низкий и маленький духовный уровень Андрея Вячеславовича. А после сего ректор тотчас же громко рассмеялся и сказал:

— Ваше Святейшество! Спасибо вам, что подсказали! Уж не знаю — и как мы раньше сами не заметили, того, низок духовный уровень у Кураева и как мал размер у его духовности! Несомненно, такой человек не может быть преподавателем и профессором Духовной Академии. Да что там! Таковой человек не может даже преподавать в обычном епархиальном училище или даже простой деревенской воскресной школе! Итак, позвольте, Ваше Святейшество, мы его удалим из своей среды.

Тогда Кирилл смиренно попросил:

— Только не говорите Кураеву о причинах его увольнения, чтобы не лишить его награды за то, что он сам узрит свой грех и так, самостоятельно узрев свой грех, раскается. Итак, пусть он сам подумает и поразмыслит о том, в чём его недостаток и каков его грех. Пусть сам дойдёт до понимания того, за что он был удалён из Академии. И да наставит его Господь на путь покаяния и исправления! Как знать — может быть, раскаявшись, он составит и воспоёт такие покаянные псалмы, которые затмят пятидесятый псалом Давида? Как знать — может быть, эти кураевские псалмы войдут в золотой фонд нашей церкви и будут каждый день воспеваться за богослужениями?

Тогда ректор Духовной Академии попросил всех заведующих кафедрами внимательнее присмотреться к духовному уровню профессора Андрея Кураева. Заведующие же

«блудить» в смысле: «блуждать» (например, ходя по лесу). Вероятно, сначала было два слова — «бладь» и «блудь», которые слились в одно слово «блядь», которое вобрало в себя все упомянутые значения.

⁵ Использовано церковнославянское слово «блядивый», означающие: «пустословный» и/или «лживый», а также: «заблуждающийся» (отглагольное прил., полученное адъективацией прич. — то есть прич., употребляемое как (в значении) прил.).

⁶ «Афинейскими плетениями», то есть «афинскими словоплётством» христиане презрительно называли учения философов из Афин, греческих философов и философов вообще. Под учениями философов тут следует понимать то, что они говорили в самом широком смысле: всё, что не нравилось христианам в философии, они могли обозвать «афинейскими плетениями». Отсюда, от «афинейских плетений», произошло русское слово «ахиня» (то есть правильное бы было говорить не «ахиня», а «афиня»).

кафедрами попросили об этом остальных преподавателей. И так все профессора, кандидаты и магистры, все преподаватели Академии заинтересовались духовным уровнем Кураева и размером его духовности. И по патриаршей молитве познали и уразумели они то, сколь низок этот уровень и сколь мал этот размер.

Так весь профессорско-преподавательский состав осознал, что не место Кураеву в Московской Духовной Академии и Семинарии. Тогда собрались все преподаватели, доценты и профессора Академии и купно единогласно извергли Кураева из среды себя и по просьбе патриаршей не сказали за что.

Тогда Кирилл обратился к главе богословской комиссии и сказал ему то же самое, что прежде сказал ректору Духовной Академии. И по молитве Патриарха глава богословской комиссии тоже узрел низость духовного уровня Кураева и малый размер его духовности. Прозревши же, глава комиссии рассмеялся и понял, что не место Кураеву среди членов комиссии. Тогда сказал глава богословской комиссии прочим рядовым членам, чтобы те поподробнее присмотрелись к духовному уровню и к размеру духовности Андрея Кураева. И вновь по сугубой патриаршей молитве уразумели все они сколь низок оный уровень и сколь мал оный размер. И тогда, как и глава их, поняли они, что не место Кураеву среди них. И собрались они все вместе и единогласно извергли Кураева из среды себя. И, по просьбе Патриарха, снова не было сказано Кураеву о том, за что его извергли — дабы он не лишился награды за то, что сам узрел свой грех и добровольно раскаялся в нём.

После сего Патриарх Кирилл обратился к ректору МГУ и попросил и того внимательнее присмотреться к духовному уровню и размеру духовности Андрея Кураева. И по трегубой патриаршей молитве ректор узрел оные. Тогда Патриарх Кирилл спросил ректора:

— Что скажете?

Ректор же ответил:

— Не ладно всё это, отче, не ладно! Теперь государство и церковь заедино, хоть это и не афишируется. А это предполагает, что Кураев, хоть и должен говорить о религии по-светски, но, тем не менее, исподволь он должен располагать слушателей к принятию православия. Такова установка государства. Но как он будет располагать к этому, если у него столь низкий духовный уровень и столь малый размер духовности? Ведь здесь необходимы явления Духа и силы Божьей! Мню, Ваше Святейшество, что не место Кураеву в МГУ среди преподавателей!

Тогда обратился ректор МГУ к сотрудникам кафедры, на которой работал Кураев, и попросил их внимательнее присмотреться к тому, соответствует ли Кураев тем высоким стандартам, которым он должен удовлетворять согласно гласным и негласным требованиям государства и надлежащим ли образом он исполняет свои обязанности. И вновь по трегубой патриаршей молитве узрели все профессора, доценты и преподаватели кафедры, на которой работал Кураев, что не удовлетворяет он этим требованиям и исполняет свои обязанности ненадлежащим образом. И поняли они, что не место Кураеву среди профессорско-преподавательского состава МГУ и что не может он преподавать не то что в университете, но даже в школе вести уроки труда или ОПК не может — хоть и кандидат наук. Тогда собрались они купно и единогласно извергли Кураева из среды себя. И снова по просьбе Патриарха не было сказано Кураеву за что его извергли.

О Кураев, как трёхкратно ты был извержен подобно Люциферу из среды огненных камней! О Кураев! Помысли — кем ты был и кем стал по грехам своим! Некогда, будучи референтом, предшествовал ты Святейшему Патриарху, предваряя путь его подобно утренней звезде, предшествующей Солнцу, — и что теперь?! О горе! Горе!

После же того, как извержен и исторгнут был Кураев трёхкратно — из Московской Духовной Академии и Семинарии, из богословской комиссии и из МГУ — зело задумался Патриарх: как посмотрит на оное извержение и исторжение народ божий? Не подумают ли люди, что Кураев попал безвинно в опалу?! И не будут ли они приклонять уши свои к

его словесам, мня его невинным и благим агнцем, в то время как он есть козлище, погрязшее в грехах?! Ибо любит народ русский сирых и убогих, любит тех, кто безвинно пострадал за правду.

Тогда собрал Кирилл своих приближенных епископов и маститых протопопов и сказал им: «Будем сугубо молиться и поститься другие сорок дней, вкушая по стакану воды и по половине просфоры в день, дабы и прочие от народа Божьего узрели духовный уровень Кураева и дабы ясно стало им, чего ради трёхкратно извержен был Кураев». И как сказал Святейший патриарх, так они и сотворили. Когда же так постились и молились они, стал Патриарх Кирилл обращаться к подвластным ему епископам различных епархий, чтобы и они внимательнее присмотрелись к духовному уровню и размеру духовности Кураева. И се, по молитве патриаршей, узрели они это и познали, что по правде Божьей произошло трёхкратное Кураева низвержение и низложение.

Тогда епархиальные епископы, в свою очередь, попросили присмотреться к духовному уровню и размеру духовности Кураева благочинных, маститых протопопов и попов, протодиаконов и диаконов, а те — прочих от народа Божьего. И так по молитве патриаршей и по молитве пастырей и архипастырей народ божий тоже узрел всё ничтожество Кураева и познал, что по правде Божьей было свершено Кураева трехкратное низвержение и исторжение и что в сем деле вина целиком лежит на самом Кураеве.

Узрев же и познав всё это, все епископы, протопопы и попы, протодиаконы и дьяконы в епархиях своих изумились и подумали: «И такого-то дрянного человечешку приглашали мы читать лекции и миссионерствовать! Зачем нам нужен какой-то заштатный дьякон — хоть и из Москвы?». И, изумившись и подумав так, купно и единогласно перестали они звать к себе, в свои епархии, Кураева; и негде стало ему читать лекции, проповедовать и миссионерствовать. Равно, и книги, которые написал Кураева, повсюду перестали продаваться. И так постигла Кураева засуженная им кара.

Но были и те, кто из-за грехов своих и рабства духам злобы омрачились и не уразумели, что по грехам своим и по своей вине пострадал Кураев и воспринял наказание. И не узрели они ни истинного духовного уровня Кураева, ни истинного размера его духовности, продолжая считать его столпом православия. И вотще по недостойнству их — ибо бог века сего ослепил им глаза — была трегубая молитва Патриарха, в которой Его Святейшество Кирилл молился за них. Таковые-то негодные и греховные люди, к вящему их осуждению и стыду, возомнили, что Кураев пострадал за правду, что он — борец за справедливость, безвинно попавший в опалу и благой и кроткий агнец, к словесам которого следует приклонить ухо. И велика была промеж таковых негодных и несчастных людей вера в Кураева и в пагубные слова его.

Что же Кураев? Когда узрел Кураев, что стал виден всему благочестивому народу Божьему, всем простецам и всем начальствующим, его низкий духовный уровень и малый размер его духовности, когда узрел он, окаянный, что уразумел народ божий, яко вся слава его и вся премудрость его есть ничто иное, как изощренность плотского ума в пустой еллинской философии, следующей стихиям мира сего и хитросплетениям софистики, силлогистики и диалектики, а паче же сего уразумел, яко чужд Кураев божественному Духу и божественной силе и яко отрекся он божественной простоты благовествования Христова, то весьма и весьма опечалился и обозлился. Да и как было не обозлиться ему — ведь мигом снизошла в ад, к рефаимам, вся слава его. Но тут же заметил Кураев тех многих помрачённых людей, которые не познали его, кураевской, ничтожности и непотребности. Тогда обрадовался Кураев и не стал каяться в делах своих, не стал исправлять путей своих, но вознеистовствовал пуще прежнего, пытаясь ещё сильнее обольстить тех, кто и так находился в заблуждении и помрачении и, если на то будет божье попущение, соблазнить и избранных.

Ещё более изощрил Кураев свой окаянный ум в софистике, силлогистике и диалектике, ещё сильнее стал он предаваться блядивой еллинской философии, которая следует стихиям мира сего, а не Христу. Ещё более злохитро и искусно ум Кураева стал плести се-

ти логических хитросплетений, дабы более удобно ему было уловлять в свои сети тех, кто отверг простоту Христова благовествования.

Но не только это сделал Кураев после своего трехкратного низвержения. Ибо воздвиг он великую непотребную хулу на священноначалие: стал он обвинять различных многих епископов, архимандритов и игуменов, а также протопопов и попов, иподиаконов и семинаристов и иных прочих в мужеложестве и педофилии и в прочих непотребных блудных грехах. Стал обвинять их в жадности, алчности, чревобесии и гортанобесии, в многообразных поборах с приходов и во многих других грехах. Омраченные же люди зело внимали Кураеву и имели великую веру в словеса его, почитая его как борца за правду и вдохновляя его на дальнейшую брань. И так дошёл Кураев до того, что намекал, яко блаженный аввущка Никодим Ротов, учитель Святейшего Патриарха Кирилла, мужеложец есть. А поелику, как все знают, яблоко от яблони недалеко падает, оный окаянный Кураев как бы намекал и на то, что блаженненький и святюсенький Патриаршенька тоже мужеложец есть. Впрочем, будучи спрошен об этом явно, Кураев, уподобляясь коварному и лукавому змию, отвергал яко Патриаршенька Кирилл мужеложец есть. И сие делал окаянный Кураев не из страха пред блаженным и великим господином своим, владыченькой и отченькой, но поступал так, хорошо зная и ясно понимая, что не понравятся словеса такие народу Божьему. Ибо зело чтит народ Божий блаженного владыченьку и отченьку Святейшего Патриарха Кирилла.

И возымел Кураев великую зависть к исполненным духом мужам, кои безупречно и беспрепятственно проходили свое служение Господу и за это возвышены начальством были. И по зависти сатанинской Кураев запинал их, подобно аспиду, засевшему в кустах при дороге. Так, тех, кто молод был и отроду лет семнадцати или восемнадцати принял посвящение в иереи, а также тех владыченек, кои их посвятили, пятнал окаянный Кураев грехом мужеложества, намекая на то, что именно из-за него оные молодые люди посвящены в иереи были. Также запинал он и молодых иподиаконов, служивших у различных блаженных владыченек. И много подобных грехов сотворил Кураев по своей зависти духовной, будучи сам тощ Духа Святого. И, действуя так, много досаждений сделал Кураев епископам и видным протопопам.

И стал Кураев подобен Люциферу — ибо вознесся гордынею своей превыше всех протопопов и епископов и даже выше самого Святейшего Патриарха Кирилла, возомнив себя верховным их судиею и наставником, указующим, что им делать и как им поступать. Ей, стал он подобен Люциферу и потому, что стал день и ночь непрестанно клеветать на братию свою — да запретит ему Господь!

И стал Кураев подобен Хаму — ибо подобно ему насмеялся над своими отцами, Святейшим Патриархом Кириллом и иными епископами. Выискивал Кураев наготу духовную у блаженных владыченек, у протопопов и иподьяконов и даже у семинаристов и выставлял ее на всеобщее обозрение и насмехался над нею.

И стал Кураев подобен Иуде — ибо как Иуда отвергся Христа и продал Его, так и он, Кураев, отделил и отторг себя от единства с многими блаженными владыченьками и даже с самим Патриархом Кириллом и отвергся их, и предал их, и стал заpinать их и досажда́ть им. Впрочем, что касается Патриарха Кирилла, то внешне Кураев не показывает сего.

И стал Кураев подобен Онану — ибо как Онан некогда извергал семя на землю, так и Кураев ныне извергает из ума своего семя злочестия и зловерия. Ей, извергает он хитросплетённые афинейские плетения еллинской философии, различные словесные изошрения в софистике, силлогистике и диалектике, кои по стихиям мира сего, а не по Христу и кои суть внешняя блядь.

Впрочем, всё это проделывал Кураев и ранее, но после своего трехкратного и трегубого низвержения стал он проделывать это и усердствовать в этом стократ сильнее и больше против прежнего — словно устремившись на собственную погибель с огромной

силою и неистовством, как Дьявол, ведающий, что недолго ему осталось до низвержения в геенну огненную.

Оле! Напрасно мнил Патриарх Кирилл, что раскается Кураев и так, в покаянии своем, воспоёт дивные покаянные псалмы, которые затмят пятидесятый псалом царя Давида. Увы! Увы! О, окаянный Кураев! Видимо, и доброту Патриаршеньки толкуешь ты превратно — не как проявление милосердия, но как слабость! Не ведаешь ли, что Патриаршенька Кирилл имеет власть предать тебя во власть Сатане, да дух спасен твой будет?!

О, окаянный Кураев! Что говорил ты про трёхкратное и трегубое своё извержение и исторжение? Глаголал ты, яко мужеложцы и лобби мужеложцев подступило к Патриарху и принудило его к тому, чтобы дал он добро на твоё извержение и исторжение! О Кураев! Разве так надлежит рассуждать в себе христианину про то, отчего на него нашли бедствия и казни?! Разве не надлежит христианину прежде всего считать, что всё сие было грехов ради его, кои бесчисленны, как песок морской? Не надлежит ли ему сказать: «По делам моим достойное приемлю»? И не надлежит ли ему слёзно с умилением возопить пред величеством Божиим: «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие моё...» и далее: «В беззакониях зачат я, и во грехах родила меня мать моя...»?!

О Кураев! Ведай же, яко по делам своим и по грехам своим достойное ты приемлешь! О, окаянный Кураев! Как смел ты громогласно при всём народе разглашать грехи ближних своих и братьев своих? Разве так надлежит поступать христианину? Разве не следует христианину покрывать грех братьев своих и не осуждать оных грешников? Разве не помнишь того игумена, которого позвали обследовать келью брата, в которой, как предполагалось, пряталась блудница? Не ведаешь ли, яко сей игумен намеренно сел на бочку, в которой пряталась эта блудница, дабы её не смогли найти? Ибо не хотел оный игумен, чтобы был обесславлен пред всеми согрешивший брат? О, окаянный Кураев! Разве не слышал ты слова: «Не верь глазам своим, даже если увидишь брата твоего, в блуд впадающего»? Сказаны сии слова по причине того, что оное бесстыдное действие может быть лишь наваждение бесов, а сам же брат на самом деле в это время, может быть, пребывает в чистоте? Не надлежало ли тебе подумать, что это нечистые бесы клеветуют на достойных пастырей, представляя их в видениях впадшими в различные блудные грехи? О, окаянный Кураев, злая твоя глава! Разве не знаешь ты, что верующий христианин должен считать себя ниже всех и грешнее всех, видя множество великое грехов своих и непрестанно укоряя себя в них? А, значит, истинный христианин должен почитать себя хуже и грешнее мужеложцев! Как же тогда он будет осуждать их и метать в них камин? Воистину, низок и мал твой духовный уровень, о Кураев!

Итак, что же оный блаженный Патриаршенька? Увидев, что творит Кураев, какие злодосаждения творит он епископам и протопопам, собрались близкие Его Святейшеству владыченьки и протопопы и молвили ему:

— Се, Кураев не кается, но беснуется паче прежнего. Что думаешь, Великий Господин и Отче — не пора ли извергнуть его из сана?

Тогда задумался Великий Отченька и сказал:

— Да явится на Кураеве милосердие Господа. Пусть и дальше диаконствует. Будем кротко ожидать его покаяния и обращения — ведь он и так изрядно наказан. Да будет ему его сан в малое утешение.

Тогда рекли Великому Отченьке епископы и протопопы:

— Отче! Не ведаешь ли, яко Кураев в таком состоянии в суд себе яст пиет Святые Дары? Итак, хотя бы запрети ему причащаться!

И рек святюсенький Патриаршенька:

— Кураев и так изрядно наказан. Будем ожидать его покаяния и обращения. Да не пребудет он под отлучением. А то, что он недостойно яст и пиет Дары в осуждение себе, то да пребудет сие на его совести. Не ведаете ли, яко Сам Господь мститель за сие? Не ведаете ли, яко из-за сего, по слову Павла, многие болеют и умирают? А если и не болеют и

не умирают, то, мню, получают достождное воздаяние за это на том свете, аще не раскуются. Итак, да ждем покаяния и обращения Кураева!

И после сего стали некоторые епископы и протопопы говорить, яко премудро поступил Великий Отец Кирилл в мщении своем, не извергнув Кураева из сана и не наложив на него прещение в виде отлучения от причастия: Кураев будет во осуждение себе недостойно причащаться за каждой службой и за это подпадет под наказание от Самого Господа — или тяжко заболает, или умрет, или и то и другое вместе; а если же этого не свершится, то он, Кураев, за недостойное причащение всё равно будет тяжко наказан на том свете.

О, окаанный Кураев! Сколь милостиво поступил Патриарх Кирилл с тобою, не извергнув тебя из сана, не запретив тебе служение и не отлучив тебя от причастия! Помысли, окаанный — какое великое утешение оставил он тебе, недостойному! Что же ты сделал в ответ? Да, явно и прямо ты не хулишь Святейшего Патриаршенку; ты даже, порой, хвалишь его и хорошо о нём отзываешься. Но что ты содержишь у себя внутри и для чего? Ей, содержишь ты в себе яд и злобу! Разве ты не знаешь, что Патриаршенка знает, за кого ты его считаешь?! Разве ты не знаешь, что Патриаршенка знает, что считаешь ты его учителя и благодетеля Никодимушку Ротова за мужеложца?! Разве ты не знаешь, что Патриаршенка знает, что и его самого ты тоже считаешь за скверного мужеложца?! И не только мужеложца, но и стяжателя, и властолюбца, и повинного во многих прочих грехах? А добро ты говоришь про Патриаршенку лишь до поры до времени; и, притом, для того, чтобы тебе было удобнее дожидаться подходящего часа и в этот час нанести удар, объявив принародно всё, что тебе якобы про Патриаршенку и Никодимушку Ротова известно. И Патриаршенка Кирилл знает и про это! Разве ты не знаешь, о Кураев, что Патриаршенка знает и про это? Он знает, что ты уподобился аспиду, змее, засевшей в засаду при дороге; змее, поджидającej беспечного путника, чтобы запять его и поразить в пяту! Не обольщайся, о Кураев! Своими добрыми речами тебе не притупить бдительность Патриаршенки! Он всегда готов к тому, что ты его укусишь и поразит, как только придет удобное для сего время! Но благ наш Патриаршенка, добр, мудр и милосерден в своем стремлении уподобиться Господу нашему! Ожидает он от тебя покаяния, о Кураев, о нечестивая бесплодная смоковница! Да хранит Господь нашего Патриаршенку!

О, окаанный Кураев! Ты — профессор богословия. Разве тебе неведомы, спросим, слова «синергия», сиречь содействие Бога и человека, и «симфония», сиречь содействие светской и церковной властей? Ей, ведомо тебе сие. Так скажи нам, Кураев: как ты думаешь — извержение и исторжение тебя из Духовной Академии и из богословской комиссии было совершено синергийно или несинергийно? А, скажи нам, Кураев: как ты думаешь — извержение и исторжение тебя из МГУ как произошло — симфонийно или несимфонийно? Ей, ведаем мы, яко удален ты был из Академии и из богословской комиссии совместным действием Бога и человек, кои следовали в сем деле воле Божьей; ведаем мы, яко удаление тебя из МГУ произошло совместным действием церковной светской властей. Признай же, Кураев, яко трёхкратно и трегубо извержен ты был не как-нибудь, а синергийно и симфонийно!

О, окаанный Кураев! Покайся, покайся! Посыпь пеплом главу свою и раздери одежды свои! Возопи к Господу: «Господи! Соблудил, как овца заблудшая; помилуй меня!», «Господи, прости меня, мерзость запустения!», «Боже, прими меня, как блудного сына, прости меня, как простил оную блудницу, отиравшую тебе ноги власами своими!». Покайся пред епархиальным духовником, покайся в том, как клеветал ты на братию свою — на епископов, протопопов и прочих, как запибал их и как досаждал им по злобе, гордыне и зависти. И Господь простит тебя. И Великий Господин и Отец Кирилл тоже простит тебя! Ибо он, по заповеди, стремится уподобиться Господу, а в Евангелии сказано, что Бог есть любовь. Вернись, чадо строптивое и непослушное, к своему отченьке! Великий Господин и Отец любит тебя! Он ждёт тебя, чтобы заключить тебя в свои объятия! Чадо строптивое, чадо сварливое, обрати к Господу пути свои! Вспомни блудного сына и приди, подобно

ему, к своему владыченьке; реки ему, что уже недостойн называться сыном и попроси у него рожков свиных и укрух, падающих со стола его! Вспомни оную блаженную блудницу, и подобно ей приди к владыченьке своему с водою и благовониями; возлей на главу его благовония, а на ноги его — воду; отри ноги его власами своими. И так, сотворив любовь господину своему, станешь ты вновь пребывать в любви его. Разве не знаешь как велико благо сие — пребывать в любви правящего епископа? После же ещё ревностнее простри свое покаяние. Отвергни упражнения в пустой философии, отвергни любоначалное глаголение с кафедры и устремись к делам смирения и покорности. Иди в монастырь, иди в послушание старцам и игумену; работай там как новоначальный, чистя уборные и ухаживая за коровами. А если ты немощен и не можешь понести сего, то по немощи своей устройся в храме уборщиком под началом строгого настоятеля и так яви деятельное раскаяние в грехах своих. Тогда ты узришь, как Господь вознесёт тебя! Ибо Господь гордым противится, смиренным же даёт благодать. Может быть, Господь вознесет тебя так, что правящий епископ призовет тебя на трапезу, дабы на трапезе беседовать с тобою о таинствах веры; может быть, позволит он тебе возлежать на трапезе на персях своих.

О люди! Не слушайте лживых словес Кураева и не говорите с ним, ибо он обязательно обольстит вас своею лживою и пустою философиєю! Да и отцы святые не советовали спорить и даже говорить с бесами и с Дьяволом — ибо те гораздо опытнее, умнее и изощреннее, нежели человеки. Разве не ведаете, что Кураев весьма и весьма изощрил ум свой в афинейских хитросплетениях еллинской философии, в софистике, силлогистике и диалектике? Изощрил так, что вы вряд ли возможете противостоять ему! Ведайте же лишь это одно: трёхкратно извергнув и исторгнув Кураева, церковь Христова дала ясно уразуметь всем верным чадам, что Кураев есть гнилой уд, который следует отсечь и который готовится к таковому отсечению, дабы злое гниение не поразило и добрые уды. А ещё она дала уразуметь, что Кураев есть дурной плод, лишь снаружи выглядящий как плод добрый, внутри же полный всякой гнили; и посему плод этот непотребен для вкушения. Познайте же: Кураев есть бесплодная смоковница, которую готовят срубить и исторгнуть из земли; но по милосердию, в надежде на выздоровление, ныне её обложили навозом милосердия для исцеления. О люди! Не говорите и не спорьте с Кураевым, а на все его слова и доводы отвечайте одно: «Мы ведаем, что ты гнилой уд! Мы ведам, что ты дурной плод! Нас предупредила мать-церковь, и ты не обманешь нас! Сотвори же достойный плод покаяния, ибо если не покаешься, то будешь сожжен как солома огнём!».

Но, Кураев, ты скажешь: «Верьте мне! Я — профессор, я — кандидат наук, я — кандидат богословия, я преподавал в Духовной Академии, я преподавал в МГУ, я заседал в богословской комиссии! Мне установили мемориальную доску в МГУ! Я закончил МГУ с Красным Дипломом! Я закончил школу с Золотой Медалью! Я написал много книг! Видите, сколько у меня регалий, званий и заслуг?». О, окаянный Кураев! Этим ли ты надеешься обольстить простецов и омраченных тьмою греха людей? Воистину, ты — гнилой уд, воистину, ты — дурной плод! Что ответить на это простецам и невеждам? О, вы, простецы и невежды! Устремите взор свой на священноначалие! Разве не знаете, что Патриарх Кирилл — почётный доктор МГУ? Разве не ведает, что он — кандидат богословия? Разве не помните, что он стал ректором Ленинградской Духовной Академии и Семинарии в двадцать сем лет? Посмотрите на регалии, степени и звания тех, кто заседает в богословской комиссии! Посмотрите на регалии, степени и звания тех, кто работает на той кафедре МГУ, на которой работал Кураев! Разве у всех у них вместе взятых регалий, званий, заслуг, книг и научных публикаций не больше, чем у Кураева? Разве всё это не перевешивает то, что имеется у Кураева? И, притом, их — множество, а Кураев — один.

О, окаянный Кураев! Опомнись, одумайся! Подумай о том, сколько тебе осталось жить и как! Подумай о том, куда ты катишься! Осталось тебе идти в либеральную оппозицию, осталось тебе шакалить у иностранных посольств и выступать в медиа, принадлежащих «пятой колонне»! А отсюда — прямая дорога до измены Родине, прямая дорога до

различных раскольников и еретиков! И это-то ты предпочел тому, чтобы пребывать в любви правящего епископа! Одумайся, пока не поздно!

Разве не ведаешь ты, о окаянный Кураев, что есть такое епископ? Разве не разумеешь этого? Разве не знаешь, как и с каким великим усердием православному христианину должно почитать сей церковный чин?

Когда Святые Отцы говорили о любви человека к Господу, то замечали, что слово «любовь» («агапэ») по своей силе слабо, чтобы выразить всю ту огромную силу, с которой человек должен стремиться к Богу, и что более уместно тут иное слово — «вожделение» («эрос»). Человек, согласно Святым Отцам, должен не только любить Бога, но и вожделевать Его. Разумеется, здесь слово «вожделевать» понимается в высоком, богоприличном и бесстрастном смысле.

Что же можно сказать про любовь человека к епископу? Епископ, как известно, — это князь церкви, преемник апостолов; на нём почивает апостольская и пророческая благодать. Он — тот, о ком сказано: «Не прикасайтесь к избранным Моим и пророкам моим не делайте зла». Его душа и тело богато изобилуют божественными энергиями; чрез него эти энергии подаются всем верующим. А ещё епископ — это образ Христа. И в силу этого, заключим по аналогии, верующий должен испытывать вожделевание (эрос) не только к Богу, но и к его образу — епископу. Не вожделевающий епископа, который видим, не вожделеет и Бога, Который невидим. И оное блаженное и бесстрастное вожделевание епископа должно сопровождать верующего всю его жизнь.

Верующий должен испытывать постоянное чувство необходимости с оным бесстрастным блаженным вожделеванием лобызать тело епископа своими устами и орошать оное блаженное девственное тело своими слезами; верующий должен вожделевать бесстрастно возлежать у епископа на персях подобно тому, как Иоанн Богослов возлежал на персях Самого Христа; верующий должен вожделевать омыwać ноги епископа и их своими власами подобно тому, как это делала блудница для Христа. И оное блаженное вожделевание, оный блаженный эрос не в коем случае не должен позволять того, чтобы верующий хоть как-нибудь досаждал епископу, хоть как-нибудь делал ему зло или хотел сделать ему зло — даже самое малейшее зло, даже в мыслях. Ибо, повторим, сказано: «Не прикасайтесь к избранным Моим и пророкам Моим не делайте зла». Не прикасайтесь и не делайте зла даже в мыслях, даже как-нибудь по неосторожности или неопытности!

Имеешь ли ты в себе оный благой эрос, оное бесстрастное блаженное вожделевание, свойственное мужам совершенным и мудрым, о окаянный Кураев? Что ответишь ты на суде Божьем, имея против себя столько сделанных тобой досаждений наследникам апостолов? Итак, убойся! Убойся и покайся! Ибо Бог есть Бог-отмститель и Бог-ревнитель!

И ещё. Епископ в церкви, в доме своем, полновластный владыка. И иереи, и диаконы зависят от него и суть представители и помощники его. Именно епископ дает им право и силу говорить и действовать от имени церкви. И так получается, что по сути все они питаются от него — от тех укруп⁷, которые падают с епископского стола. И посему по гроб жизни должны они быть благодарны епископу за полученную власть и за те укрупы, которые он им уделяет со своего стола. Все они должны брать пример с благодарных псов, которые лижут руки своего хозяина и радостно встречают его; эти псы отнюдь не огорчают своего хозяина. И посему священники и диаконы не должны быть неблагодарными собаками, которые кусают руку, дающую им пищу и различные блага. Вспомни, окаянный Кураев, оную блаженную женщину-сирофиникиянку, у которой была больна дочь. Эта женщина-язычница молила Господа Иисуса Христа об укрупках, которые падают псам-язычникам со стола хозяев, сынов Израилевых, и получила просимое; и за это она была возвышена, ибо явила величие веры. Как благодарна была она Господу за оные укрупы! Подобен ли ты, Кураев, этой сирофиникиянке? Просишь ли ты со слезами и преданностью

⁷ Укруп (церковнослав.) — крох, крошек.

ухрух со стола епископа? И, получив просимое, благодаришь ли его и лобызаешь ли его руку?

О, окаянный Кураев! Когда же ты, наконец, обратишься от злых своих дел досаждения князьям церкви, преемникам апостолов, украшенных обилием божественных энергий, просиявших и прославившихся девством, постом, бдениями и молитвами за нас, грешных и непотребных? Притеки же к ним и пади рабски к стопам их и, посыпав главу прахом и пеплом, моли о прощении.

О, окаянный Кураев! За всё ли ты благодаришь Господа? Благодарить ли ты Его за своё трёхкратное исторжение и извержение из среды огненных камней? Благодарить ли ты Патриарха Кирилла за то, что он явился орудием и проводником Божьей воли при твоём извержении и исторжении? Или же ты устами своими лицемерно благословляешь его, но сердцем своим — проклинаешь? И нет ли яда аспидов во устах твоих тогда, когда ты лицемерно произносишь благословения и похвалы Патриаршеньки, когда молишься за него пред престолом Божиим и в частной молитве? Смирись, смирись, о Кураев, и отвергни всякую злобу, всякое лукавство и всякое лицемерие!

Уразумей, раб Божий Андрей, что ты подобен куску глины, а Патриаршенька — гончару; что ты подобен сосуду, а он — хозяину этого сосуда. Что захочет гончар, то и вылепит из куска глины. И если хозяин захочет одного, то может сделать сосуд сосудом в чести; а если захочет другого, то может сделать этот же сосуд сосудом не в чести. Ибо властен гончар над глиной и хозяин волен распоряжаться тем, чем он владеет так, как он хочет. Итак, Кураев: раньше ты был сосудом в чести, ныне же, по воле господина твоего, стал сосудом не в чести. И как ты, кусок глины, противостоянешь господину своему и скажешь ему: «Что ты делаешь?». Верую, что сие произошло для смирения твоего и что всё это послужит твоему благу. Помни: Господь гордым противиться, а смиренным подаёт благодать. Разве не знаешь этого?

А ещё Патриаршенька не только смиряет тебя, но и гонит из тебя беса. Эх, раб Божий Андрей! Не видишь ты того, что бес-то в тебе от этих патриаршенькиных экзорцизмов весь худой, весь облезлый стал, мучается непрестанно. Но, однако же, всё противится, всё выходить не хочет — ибо гордыня твоя великая и отсутствие смирения вместе с высокоумием твоим его удерживают. И этот бес всё вселяет в твой дебелий ум помыслы гордости и противления. Ты бы, раб божий Андрей, вместо того, чтобы досаждать нашему Патриаршеньке, помолился бы лучше Богу, чтобы Он вразумил Великого Господина и Отченьку как ему дальше смирать тебя и как дальше гнать из тебя беса!

Разве ты не знаешь, Кураев, как порой епископ смиряет батюшек? Бывает, выстроит батюшка большой и богатый городской храм и потом думает: «До самой смерти буду тут настоятельствовать! До самой смерти буду в достатке жить!». А епископ ему, для его же пользы и для его смирения ему возьмёт и скажет: «Э-э нет, батюшка! Послужи-ка ты в глухой деревеньке, восстанови там храм, смири гордыню свою и самость свою, да не погибнешь в гордыне и в самодовольстве!». И батюшка, исполняя послушание, едет в эту глухую деревню. Так и тебя Патриаршенька смирил, чтобы ты не погиб через гордыню, превозношение и высокоумие. Смири гордыню свою, окаянный Кураев! Смири! Да в ноженьке Патриаршеньке поклонись за то, что он преподал тебе спасительный и назидательный урок.

О, окаянный Кураев! Пребудь в послушании Патриаршеньке! Помни, что он наказывает того сына, которого любит. Для его наставления и исправления. А если нет наказания — значит, ты не есть законный сын и не пребываешь в любви отчей.

О, раб божий Андрей! Есть у тебя лукавая и дебелия дочь — ум твой; и есть у оной дочери дети-младенцы, сиречь злободейные помыслы — помыслы гордыни и любоначала, помыслы хулы, помыслы зависти и клеветы, помыслы противления священноначалию и помыслы осуждения собратьев своих. О, окаянная дочь кураевская! Блажен тот, то возьмёт и разобьёт младенцев твоих о камень! Блажен тот, кто вполне смирит тебя, Кураев, и уцеломудрит ум твой и помышления твои!

Едва Кураев закончил чтение статьи, как зазвонил телефон. Андрей Вячеславович поднял трубку и изумился — на другом конце был никто иной, как митрополит Илларион Алфеев, правая рука Патриарха Кирилла.

— Ваше Дьячество! Андрей Вячеславович! — начал разговор Илларион. — Андрей Вячеславович! Вот, вы уже несколько лет не занимаетесь преподавательской деятельностью и миссионерством. А ведь вы — известный профессор и миссионер! Причем талантливый. И, честно говоря, это ваше многолетнее бездействие — не ваша вина, а вина священноначалия нашей церкви. И оно это поняло! Оно поняло, что было неправо по отношению к вам. И поэтому уже давно хочет загладить свою вину...

— Священноначалие... — пронеслось в голове у Кураева, — священноначалие... Пидарасы вы заднеприводные с дырявыми жопами, а не священноначалие!

Меж тем Илларион Алфеев продолжал на другом конце:

— Андрей Вячеславович! Священноначалие хотело бы, чтобы вы как можно скорее вернулись к преподавательской деятельности в стенах родной вам Московской Духовной Академии. И поэтому кое-кто желает поскорее встретиться с вами сегодня. Встретиться в Академии. Как можно раньше. Я знаю, что сегодня — Страстная Пятница, но всё же настоятельно рекомендовал бы вам приехать пораньше именно сегодня и именно сегодня встретится с наместником Троице-Сергиевой Лавры и с ректором Академии. Дело срочное. Приедете?

— Приеду, Ваше Высокопреосвященство! — ответил Кураев и положил трубку. А, положив её, тут же, бурча, добавил:

— Пидор сраный! Холуй Кириллов! Мальчишка на побегушках!

Несмотря на это бурчание, Андрей Кураев всё-таки был рад звонку. Наконец-то дело противостояния между ним и священноначалием — то есть между ним одним с одной стороны и Патриархом, Синодом и практически всем епископатом с другой — сдвинулось с мертвой точки! Как казалось Кураеву, священноначалие дало слабину и от бескомпромиссной борьбы с ним решило перейти к подкупу. В самом деле: только что ему было предложено вернуться на преподавательскую деятельность в Академию, вернуться на профессорское место! Лёд тронулся! И что бы ни происходило сейчас там, среди церковных верхов, в действительности, ему, Кураеву, всё равно следовало бы сегодня съездить в Академию и в Лавру для того, чтобы разведать поподробнее все обстоятельства дела, а также для того, чтобы встретиться и переговорить со многими старыми знакомыми.

Так или примерно так думал Кураев, собираясь ехать в Сергиев Посад. Конечно, при этом ему пришлось бы пропустить службы Страстной Пятницы в своём родном храме — храме Михаила Архангела в Тропарево; но он вполне мог не пойти сегодня в храм — ведь, во-первых, он был заштатным церковнослужителем и поэтому мог ходить на службы тогда, когда ему вздумается, а, во-вторых, он был всего лишь диаконом и священники, правя службу, вполне могли обойтись и без него.

Кураев оделся, взял мотоциклетный шлем и вышел из квартиры. На улице, под окнами дома, его ждал скутер. На нём-то Андрей Вячеславович и намеревался добраться до Сергиева Посада.

Кураев вышел из подъезда и направился к скутеру. Весна вступала в свои права. Светило солнышко. Распускались деревья. Начинала зеленеть трава. Лишь только Кураев сел на скутер и завел его, опять зазвонил телефон. На том конце вновь был Илларион Алфеев:

— Так вы едете? — спросил он.

— Уже выехал! — ответил Кураев.

Кураев положил телефон в карман пиджака, надел шлем и тронулся в путь.

А в это время Илларион уже делал другой звонок — звонок Патриарху Кириллу.

— Ваше Святейшество! — промолвил Илларион. — Ваше Святейшество! С Кураевым всё как надо — как и просила сделать та особа с метлой, с которой мы сегодня встречались в полночь в Елоховском. Он едет. И, надеюсь, не доедет...

Но Кураев ничего не знал об этом звонке и ничуть не догадывался о том, что его ждёт...

Пока Кураев ехал по Москве, его голова был совершенно пуста; её не посетила ни одна мысль. Но только лишь он выехал из города, как его сознание наполнили мысли о пидарасах — пидарасах в монашеских рясах и в иерейских облачениях; пидарасах в епископских митрах и патриарших куколях; пидарасах в пономарских стихарях и пидарасах в строгих пиджаках, преподававших в семинариях и академиях; пидарасах с учёной степенью и без таковой; пидарасах, которые таились от его, кураевского, взгляда и взглядов прочих, и пидарасах, которые действовали ничего и никого не боясь, открыто; пидарасах активных, пассивных и активно-пассивных; пидарасах манерных, пидарасах изнеженных, пидарасах brutальных и пидарасах, почти ничем не отличающихся от обычных людей; пидарасах тощих, разукрашенных разноцветными перьями и скачущих на музыкальных шоу, и пидарасах мускулистых и упитанных, выступающих на спортивной арене; жирных пидарасах, парящихся в бане, и пидарасах, выступающих на сценах театров оперы и балета в обтягивающих одеяниях; пидарасах старых, пидарасах молодых, пидарасах в полном расцвете сил и пидарасов совсем юных — словом, голову Кураева преисполнили мысли о пидарасах всех возможных видов, цветов и оттенков. Кураев даже заметил, что, думая о пидарасах, он почти не следит за дорогой и от этого подвергается немалой опасности попасть в аварию. Осознав это, он гневно громко пробурчал: «Вот же ж пидоры! Чёртовы хреноглофы! Нет от вас покоя нигде!». И подобные возгласы он отпускал по пути в Сергиев Посад не один, не два, а множество раз.

После того, как миновала половина пути, Андрея Вячеславовича стали посещать другие мысли. Сначала он вспомнил, что в одной из своих книг им разбирался вопрос о действительности колдовства, а также другой подобный вопрос: подобает ли христианину верить в порчу и в сглаз? Далее к Кураеву пришло на ум, что неплохо было бы развить те несколько страничек, которые он уже написал в своей ранней книге, в целую отдельную книгу для назидания всех православных христиан. Эта мысль заинтересовала Кураева; он стал перебирать и придумывать в своей голове аргументы за и против действительности колдовства и тщательно исследовать все эти аргументы. Он припоминал содержимое книг «Молот ведьм» Шпренгера и Инститориса, «История колдовства и демонологии» Монтэ-гю Саммерса и многих других книг и полемизировал в голове со всеми этими книгами и с их авторами. И как ни крути, по его, Кураева, мнению, выходило, что колдовство недействительно и что сглаза и порчи не существует. Или, по крайней мере, получалось так, что православному не угрожают ни колдовство, ни порча, ни сглаз и поэтому ему их бояться не следует. Разбив в уме аргументы всех своих противников, Кураев подумал, что неплохо бы было приступить к написанию задуманной им книжки про колдовство уже в ближайшую неделю.

После этого мысли Кураева опять переключились на геев. «Отчего становятся гомосеками? И в чем причины гомосексуальности? Где её истоки? Каковы они? Что заставляет человека стать пидором и начать заглатывать хрен ртом, которым едят, и втыкать этот хрен в жопу, которой срут, а не в вагину? Почему люди сосутся и лижут?» — в который раз задавал себе проклятые вопросы Кураев. И, как знаток и приверженец Святого Писания, уже в который раз Кураев сам же себе и отвечал на них довольно тардиционным для православия образом: «Библейская концепция гомосексуальности подразумевает, что она приобретается и что она не есть нечто врожденное. Приобретается либо из-за того, что человек развратился и стал рабом возросшей в нём страсти, либо из-за того, что этот человек сделался одержим демонами. А одержимым демонами человек, как правило, становится из-за грехов и, притом, скорее всего, грехов великих, из-за которых Бог отворачивается от человека и перестает защищать его от бесовских нападков. Но вот то, что человек

может биологически или психически быть предрасположен к гомосексуальности — это библейская концепция гомосексуальности крепко-накрепко отвергает»; «И потому, — думал далее Кураев, — пидарас, в сущности, сам виноват в том, что он — пидарас. Не надо было этим пидорам следовать своим страстям, которые распаляет в них Дьявол! Не надо было им поддаваться и прочим дьявольским воздействиям и уловкам! И не надо было им грешить до одержимости демонами! И потому, — продолжал свою мысль Кураев, — пидарасы в сущности своей есть конченные грешники и моральные уроды. Причем такие грешники и уроды, от действий которых содрогается и оскверняется земля»; «Да, — продолжал далее свою мысль Кураев, — все они, как учит об этом Писание, оскверняют саму ту землю, по которой ходят! А потом из-за этого на те государства, в которых завелось слишком много пидарасов, находит, как об этом тоже учит Писание, множество наказаний от Бога в виде различных бедствий: эпидемий чумы, наводнений, землетрясений и нашествий иноплемеников».

Андрей Вячеславович на пару секунд приостановил свой внутренний монолог, чтобы обогнать какого-то чудака-велосипедиста, а затем продолжил рассуждения: «Хм... — говорил Кураев, в сотый или даже в тысячный раз повторяя то, что говорил ранее, — хм... было бы очень неприятно, если бы наука доказала, что гомосексуальность предопределена биологически и изначально вложена в психику человека. Было бы очень неприятно, если бы какой-то провидец, которому доступен невидимый мир, вдруг въяе узрел, что эта чёртова гомосексуальность как-то изначально, ещё при самом зачатии и рождении, уже внедрена в душу и в тело... было бы очень неприятно. И тем более это всё было бы неприятно, если бы эта чёртова гомосексуальность ещё и наследовалась...».

Кураеву пришли на ум двое сосущихся в позиции «69» мужиков. Андрей Вячеславович встряхнул головой, брезгливо поморщился от представшего пред его умственным взором видения, презрительно буркнул свой дежурный возглас «Хреноглофы!» и громко воскликнул: «Как понять этих чёртовых пидарасов?! Они же совсем на голову больные!».

Затем мысли Кураева вновь вернулись к книге о колдовстве, которую он собрался написать. А потом ум Андрея Вячеславовича снова заняли геи всех цветов, раскрасов и оттенков. Далее сознание Кураева снова переключилось на библейскую концепцию гомосексуальности и на её защиту. Так, думая то об одном, то о другом, то третьем, Андрей Вячеславович уже совсем близко подобрался к Сергиеву Посаду. Всё это время его сознание было погружено в раздумья так сильно, что он не замечал не только многого из того, что происходило на дороге, но и того, что погода сильно изменилась: чёрные тучи нависли надо всей землёю — доколе можно было её обозреть; ветер постепенно крепчал: его порывы становились всё сильнее и сильнее, пока, наконец, не начался самый настоящий ураган, который мог сбить с ног человека; стал накрапывать дождь; то и дело громыхали громы и сияли молнии. И если бы Кураев включил радио, то услышал бы различные предупреждения метеорологов о надвигающемся и даже уже надвинувшемся ненастье.

Кураев очнулся и встрепнулся только тогда, когда сильнейший порыв ветра чуть не повалил и скутер, и его самого на землю. По лицу Кураева хлестал дождь. Тёмное небо озаряли всполохи молний. Раздавались оглушающие раскаты грома. Деревья гнулись к земле под неистовством ветра. То там, то здесь возникали маленькие вихри, которые то и дело пересекали дорогу, по которой ехал Кураев. Эти вихри появлялись где-то среди холмов, на полях и в лесах; путешествуя, вихри переходили дорогу, порой подолгу оставаясь на ней, а затем снова уходили на холмы, на поля и в леса, окружавшие дорогу. Но, несмотря на это неистовство стихий, Кураев продолжал свой путь в Сергиев Посад. Постепенно он привык к этим ударам ветра и дождя, к блистанию молний и к раскатам грома и вновь погрузился в свои размышления. И тут в бок скутера ударил сильнейший порыв ветра. Удар пришёлся на неподходящий момент — как раз на тот момент, когда один из мощных вихрей, пересекавших дорогу, тоже ударил по Кураеву и по его скутеру. Скутер повалился на бок, на дорогу, и протащил Кураева по земле, то есть по дороге, на достаточно большое расстояние; при этом Кураев сильно ударился головой, то есть шлемом, о землю. Андрея

Вячеславовича проволочло по земле метров двадцать и выбросило на обочину встречной полосы. Кураев потерял сознание. Но перед тем, как погрузиться в забытье, чувствуя, что его ожидает удар о землю, — в том числе и удар о землю головой, — Андрей Вячеславович ещё успел громко крикнуть: «Чёртовы хреноглолоты!».

К счастью для Кураева, в это время на дороге совсем не было машин. И поэтому, несмотря на то, что Кураева долго волокло по другой стороне дороги, по встречной полосе, с ним ничего особо страшного не произошло. Как сказано, его вынесло на обочину встречной полосы; там он и остался лежать.

Обморочное состояние у Кураева длилось не более, чем половина минуты. Затем сознание вернулось к нему. Он медленно встал и, пошатываясь, сделал несколько шагов. Затем Кураев попытался осмотреться вокруг, но видимость была плохая, ибо дождь «лил стеной» и сквозь пелену дождя ничего не было видно. Ветер по-прежнему неистовствовал; полыхали молнии и гремели громы. Андрей Вячеславович непонятно зачем снял шлем и разгладил рукой волосы. «Вроде бы пронесло! — подумал Кураев, Пара шишек на голове — это сущие пустяки!»

При этом, однако, Андрей Вячеславович обнаружил, что у него сильно болит нога: при каждом шаге её простреливала сильная боль. «Перелом ноги? Или кость только лишь надкололась? Растянулись связки?» — мелькали мысли в голове Кураева.

Тут Андрей Вячеславович заметил, что невдалеке посередине дороги валяется его скутер. Кураев попытался подойти к нему поближе и выяснить: можно ли на нём ехать дальше? Кураев даже сделал несколько шагов, с трудом терпя возникавшую при каждом шаге сильную боль в ноге.

Чтобы пояснить то, что произошло дальше, надо сказать, что скутер Кураева упал на землю на достаточно крутом повороте дороги, располагавшемся на склоне холма; вообще говоря, участок дороги, на котором Кураев упал вместе со скутером, почти целиком располагался на высоких холмах. И поэтому сразу за той обочиной дороги, на которую вынесло Кураева, располагалось вовсе не поле, и не лес — там сразу же начинался глубокий каменистый обрыв, по дну которого протекал то ли большой ручей, то ли маленькая речка. С места же, на котором стоял Кураев, дорога просматривалась в обе стороны лишь на небольшое расстояние: и с одной, и с другой стороны она, огибая холм, уходила в густой лес. Находясь в замешательстве, Кураев даже не заметил — или, может быть, просто не придал этому значения, — что оказался почти у самого края обрыва.

Итак, оказавшись у края обрыва, Андрей Вячеславович сделал несколько шагов по направлению к скутеру, лежавшему на середине дороги. В голове у Кураева снова закрутились мысли о гаях и о природе гомосексуальности; эти мысли несколько заглушали боль в ноге и поэтому были весьма кстати. И тут из-за поворота на всей скорости прямо на Кураева выскочила роскошная иномарка чёрного цвета. Дождь лил стеной; фигура Кураева «растворялась» в этом дожде и водитель иномарки слишком поздно заметил, что перед ним находится человек. Поскольку тормозить было поздно, водитель решил свернуть. Он подумал, что Кураев, увидев машину, побежит не к обрыву, а на другую, противоположную полосу дороги; поэтому, чтобы избежать столкновения с Кураевым, при торможении водитель стал поворачивать на обочину своей полосы, к обрыву. Но Кураев почему-то тоже двинулся к обрыву. Затем Кураев закричал. Автомобиль ударил Кураева в пояс, протаснул его несколько метров и скинул в обрыв, едва не упав в него сам: машина успела затормозить и остановилась на самом его краю. На голове Кураева уже не было шлема и поэтому, падая в каменистый обрыв, Андрей Вячеславович то и дело стучался ничем не защищённой головой об острые камни. Кураев потерял сознание ещё перед тем, как достиг дна обрыва; но перед тем, как потерять сознание, он успел громко прокричать: «Чёртовы хреноглолоты!!!».

Кураев очнулся и огляделся. Оказалось, что он лежал на острых камнях, рядом с ручьем. Вокруг росли маленькие деревца и кустарник. Дождь стал слабее. Кураев не знал, сколько пролежал; никто не спешил ему на помощь. Водитель, сбивший его, поспешил

скрыться с места, на котором произошёл несчастный случай. Всё тело Кураева пронизывала боль. Нога стала болеть ещё сильнее. Кураев пощупал себя и обнаружил, что у него сломано несколько ребер. Голова сильно кровоточила. Кураев исследовал руками свою голову и обнаружил, что она проломлена в нескольких местах. Кровотечение было столь сильным, что Кураев стал опасаться за свою жизнь. Внезапно он обнаружил, что через проломы в его голову, прямо мозг, было воткнуто несколько веток то ли деревьев, то ли кустарников. Кураев изумился этому и подумал о том, почему он вообще ещё жив с воткнутыми в мозг ветками. Но затем отец Андрей вспомнил, что некоторые люди выживали даже после того, как у них в мозгу оказывались гвозди, лезвия ножей и прочие подобные предметы. Кураев также осознал, что самостоятельно ему эти ветки лучше не извлекать — ибо это исключительно дело нейрохирургов. Надо было выбирать.

Кураев огляделся ещё раз и обнаружил возле себя дырн, который можно использовать как посох. Он поднял этот дырн-посох и, опираясь на него, встал. Кураев решил вернуться на дорогу, чтобы позвать за помощью; а для этого надо было подняться вверх по склону близлежащего холма: идя по гребню этого холма, можно было легко добраться до дороги. Андрей Вячеславович двинулся в путь. Боль в ноге, в голове и в других местах была настолько сильной, что вытесняла все мысли.

Перейдя ручей, Кураев подошёл к подошве холма и, опираясь на посох, стал карабкаться вверх. Время от времени ему приходилось цепляться за ветви кустарников и за корни деревьев. Подъем был не очень сложен, но, учитывая, что Кураев находился в плохом состоянии, этот подъем давался ему с великим трудом. То и дело он останавливался, чтобы передохнуть. Наконец, примерно через полчаса Кураев достиг вершины холма. Он встал на самой вершине, опершись на свой посох, и, решив немного передохнуть, начал рассматривать открывавшийся с этой вершины вид; до дороги было совсем близко. И тут...

И тут сильнейшая молния поразила Кураева в самую голову. Некоторое время он, словно превращенный молнией в камень, не падал; затем же он начал пошатываться и постепенно оседать на землю. Но в то время, в которое он ещё стоял, в то время, в которое через него протекал электрический заряд молнии, у Кураева открылось второе зрение; и, перед тем, как упасть, Андрей Вячеславович увидел многое. Кураев увидел, что вокруг него, восседая на огнедышащих драконах, стояли с десятков или даже более чёрных воинов-рыцарей в пламенеющих доспехах. Все эти воины держали огненные или, лучше сказать, объятые пламенем мечи. И драконы, и воины-рыцари были закованы в броню; и у драконов, и у воинов-рыцарей были крылья из стали; перья этих крыльев были подобны мечам. Кураев даже встретился взглядом с одним из этих воинов-рыцарей и запомнил его вселяющее ужас и требующее поклонения себе лицо. По-своему этот лик был даже прекрасен и привлекателен. Далее, за этими воинами-рыцарями, стояли бесчисленные крылатые воинства, ожидавшие и жаждавшие повелений своих владык. Лики этих воинов были страшны: это были лики кровожадных отвратительных клыкастых зверей и чудовищ. Все эти воинства были построены подобно римским легионам. Кураев даже заметил, что там, среди этих войск-легионов, было и что-то подобное пешим подразделениям, и что-то подобное конным. Конники, как и воины-рыцари, также восседали на огнедышащих драконах, но эти драконы были поменьше и другого цвета.

Внезапно по мановению одного из воинов-рыцарей — того, которого Кураеву удалось рассмотреть лучше всего, — все эти легионы одновременно бросились на Кураева и вошли в него. Они рвали его плоть и впивались в неё своими зубами и клыками; они терзали его мозг и рассекали этот мозг своими мечами на части; они втыкали в тело Кураева трезубцы и копья и метали в него огненные стрелы. Когтистые лапы драконов рвали плоть Кураева на части и выдавливали из его головы мозги; из пастей драконов исходило пламя; своим огненным дыханием эти драконы опаляли Кураеву голову. Наконец, неподвижно стоявшие и наблюдавшие за всем этим действием воины-рыцари, восседавшие на драконах, подняли к небу свои мечи, приблизились к Кураеву и нанесли по его голове тринадцать

завершающих ударов; Кураев точно запомнил, что их, этих ударов, было именно тринадцать. После этого Кураева окутал мрак и, потеряв все чувства и осознание своего «я», он рухнул на землю.

3. Превращение

Кураев открыл глаза. Он ожидал, что увидит над собой тёмное небо и сияние молний и услышит шум дождя и раскаты грома. Вместо этого он обнаружил, что лежит в какой-то комнате, в окна которой обильно бил солнечный свет; почти сразу Кураев заметил, что в его рот и ноздри вставлены какие-то трубочки.

— Чёртовы хреноглофы! — пробормотал Кураев, почувствовав, что в его разум возвращаются рассуждения о природе гомосексуальности. Тут же он заметил, что его голос звучит хрипло и очень слабо.

Отворилась дверь. В дверном проеме Кураев увидел женщину в белом халате. Она изумилась и, обернувшись к кому-то стоящему в коридоре, с удивлением сказала:

— Невероятно, но он всё-таки очнулся!

— Мне надо быть сегодня в Сергиевом Посаде! У меня встреча! — сказал Кураев и сделал попытку встать.

Тотчас медсестра подбежала к нему и прижала его к кровати, пытаясь не дать ему подняться.

— Лежите... Ваше Дьячество, лежите! — сказала она. — Вы попали в аварию под Пасху, в пятницу, и долго пробыли в коме. Сегодня уже Троица. Прошло более полутора месяцев как вы были без сознания!

Кураев сильно изумился и несколько минут лежал молча, обдумывая сказанное. После этого в палату зашли двое студентов медицинского института, третьекурсников, которые подрабатывали в больнице на полставки медбратами. Они встали возле кровати Андрея Вячеславовича и стали осматривать его. В голове у Кураева всплыл номер телефона. Кураев вспомнил, что это был телефонный номер настоятеля храма, в котором диаконствовал Андрей Вячеславович. Кураев продиктовал номер телефона студентам и попросил, чтобы они позвонили настоятелю и сообщили, что он очнулся. А дальше произошло нечто для Кураева непонятное.

Одни из студентов взял руку Кураева, чтобы измерить давление. Кураев обернулся и стал всматриваться в глаза, лицо и вообще во всю фигуру молодого человека. И тут Кураеву внезапно захотелось обхватить студента руками, зарыться в его шевелюру и целовать, целовать, целовать...

Кураев встряхнул головой, чтобы избавиться от наваждения и уставился на второго студента, стоящего рядом с первым, и обнаружил, что тот был ещё красивее и привлекательнее первого — если первого можно было сравнить с просто красивой девушкой, то второй выглядел просто как фотомодел. И тут Кураев испытал сильнейшую эрекцию...

— Чёртовы педики! Два чёртовых хреноглофа... Развелось вас! — пробормотал Кураев — правда, достаточно тихо — так, что его никто толком не расслышал.

— Что?! Что вы говорите? — переспросил один из студентов.

— Ничего. — ответил, смутившись, Кураев. — Ничего. Какая-то ерунда пришла в голову.

После этого все вышли из палаты, оставив Кураева наедине с самим собой. Андрей Вячеславович лежал и напряженно думал о том, что сейчас произошло. Наконец, он пришёл к той мысли, что «эти чёртовы педики совсем охренели» и что «нигде нет от них покоя». После этого Кураев успокоился.

Через пару часов настало время обеда. Его принесла в палату медсестра. А ещё через пару-тройку часов произошло другое знаменательное событие — из храма Михаила Архангела в Тропарево прибыл священник. Правда, это был не сам настоятель, а второй

священник храма. Он исповедал и причастил Андрея Вячеславовича. Кураев весьма оценил это — ведь была Троица, великий праздник, и вот, даже в день такого торжества и сопутствующей ему суматохи, о нём, о Кураеве, не забыли! Правда, Андрей Вячеславович ничего не почувствовал при причастии — ничего трогательного, возвышенного и неземного, ничего из того, что всякий раз он чувствовал ранее. Он словно не причастился, а проглотил в больничной столовой ещё одну ложку супа. Это «бесчувствие» Андрей Вячеславович списал на болезнь и на травму головы. А после причастия Кураев уснул — хотя до вечера было ещё далеко.

Кураеву снилось, что он находится на молодежной вечеринке и пляшет вместе со студентами под «Лебединое озеро» Чайковского. «Лебединое озеро» время от времени прерывалось оглушительной рок-музыкой и неистовыми воплями каких-то певцов — кажется, Шевчука и Кинчева. Рядом с ним плясали двое этих самых студентов-медиков, которые только что к нему приходили. Они были одеты в белые халаты, но каким-то образом Андрей Вячеславович знал, что под белыми халатами у них не было абсолютно ничего. Внезапно эти двое студентов очень близко приблизились к Кураеву, взяли его в свои руки, и, словно балерину, подняли на руках высоко вверх... А дальше у Кураева случилась поллюция.

Кураев немедленно проснулся, вспомнил то, что ему приснилось, и выругался: «Чёртовы гомосеки! Хреноглофы!». А затем Кураев осекся. Он вспомнил, что всего лишь несколько часов назад причастился Святых Таин. «Как возможно, чтобы Дьявол так надругался надо мной сразу же после причастия? — изумился Кураев, — Как такое возможно?!».

В подобных размышлениях Кураев пребывал до самого вечера. Вечером по его просьбе ненадолго включили телевизор, стоявший в палате, и Андрей Вячеславович посмотрел новости. Кураев с радостью узнал, что за прошедшие больше чем месяц с половиной ничего важного и заслуживающего его внимания не произошло. Затем Кураеву включили свет и он попытался заснуть. В голове у отца Андрея всплывали и переплетались друг с другом какие-то обрывки мыслей и воспоминаний. Почему-то он вспомнил, как в детстве читал дневники Толстого и сразу же, словно привет из далекого невозвратного детства, в голове у Кураева зазвучали слова Льва Николаевича:

«Красота всегда имела много влияния в выборе; впрочем, пример Дьякова; но я никогда не забуду ночи, когда мы с ним ехали из Пирогова, и мне хотелось, увернувшись под полостью, его целовать и плакать».

«Чёртов хреноглоф!» — инстинктивно пронеслось в голове у Кураева. А затем, немного поразмышляв о гомосексуальных наклонностях Льва Толстого, он спокойно заснул.

Сон или, лучше сказать, сновидения у Кураева в эту ночь были очень тсранными и пугающими. Кураеву привиделось, что он сидит в каком-то небольшом тёмном кабинете за столом; на противоположной стороне стола никого не было. Дверь в кабинет отворилась и в него зашёл худощавый мужчина в чёрном. Он был лыс и носил очки. «Какие большие уши!» — отметил про себя Кураев, окинув взглядом незнакомца.

Незнакомец, не теряя времени даром — сразу же, ещё находясь в дверях, он заговорил с Кураевым — причём безо всяких вступлений:

— Известный сексолог и сексопатолог доктор Кинси задался вопросом: сколько мужчин знакомо с гомосексом? Его исследования показали, что 37%. Причем только 4% из них — открытые, честные гомо...

Тут незнакомец сел за стол напротив Кураева, достал не сигареты, а самую настоящую трубку, набил ее табаком, закурил и продолжил:

— А остальные 33% занимались гомосексом скрытно — несколько лет или год и даже меньше или всего лишь мечтали о гомосексе во сне, но — подчеркнём! — вплоть до оргазма.

Незнакомец пустил несколько колечек дыма, посмотрел на потолок и продолжил:

— Почему этот момент — «вплоть до оргазма» — так важен? Обычно нормальному мужчине по молодости снятся голые женщины. Эдакие гурии в раю... Они его окружают и... А когда он просыпается, то обнаруживает, что у него от этих снов была поллюция. Поэтому если вы не хотите бегать по сексопатологам, чтобы узнать про свою ориентацию, то можете устроить себе самопроверку: вспомните — что вам снилось в 14 – 16 лет и позднее? Если вам снились женщины, то благодарите Бога: с вами всё в порядке. Но если вместо этих гурий... хм... вам снились сами понимаете кто... снились голенькие мальчики или голенькие мужчины, то у вас — гомосексуальная ориентация.

Незнакомец поправил лампу, стоявшей на столе, выпустил ещё несколько колечек дыма и спросил Кураева:

— Андрей Вячеславович! Вспомните пожалуйста — что вам снилось на шестом десятке лет несколько часов назад, перед поллюцией?

Кураева объял страх и он проснулся. Затем он оглядел палату. Никакого незнакомца рядом не было. Осознав это, Кураев перевел дух и успокоился. Он взглянул на стену, на мерцавшие зеленым светом электронные часы. Те показывали 00:45.

— Троица прошла, — подумал Кураев, смотря на часы, — и теперь уже Духов День. Все православные праздновали в Троицу сошествие Святого Духа на апостолов. И сейчас, в Духов день, — тоже праздник. Через считанные часы в моем храме Михаила Архангела в Тропарево начнется служба. Вот, все священники сейчас спят спокойным сном; а затем, совсем скоро, они проснутся и, счастливые, начнут готовиться к службе. И только мне уже второй день лезет в голову чёрти что! Тьфу!

Кураев лег на кровати поудобнее. Всякие тяжелые мысли почему-то перестали лезть в его голову и он скоро заснул. Но сон этот был недолгим — в 03:45 Кураев снова проснулся и захотел сходить по-большому. Он вызвал сестру с уткой. К несчастью, Кураев обнаружил, что у него был запор и из-за него ему пришлось долго и тяжело тужиться. А когда дело стало совершаться, то Андрей Вячеславович обнаружил, что испытывает что-то похожее на то, что испытывает женщина, забавляющаяся фаллоимитатором. Ощущения были свежи и сильны и Андрей Вячеславович невольно стал услаждаться ими; он хотел, чтобы эти ощущения при дефекации продолжались и продолжались... Кураев поймал себя на этих мыслях и пришёл в неопиcуемый и ничем не скрывае́мый ужас. Его зрачки расширились...

— Тысяча дьяволов! — взревел Кураев и стукнул кулаком по кровати.

— Что с вами? — спросила его сестра-сиделка.

Кураев опомнился, осознал, что ведет себя неадекватно и сказал:

— Ничего. Просто приходят в голову какие-то странные мысли...

— Хотите, медсестра вколет вам успокаивающего? — спросила сестра-сиделка.

— Нет, — ответил Кураев, — спасибо. Не надо — как-нибудь справлюсь.

Кураев сделал свое дело и сестра-сиделка ушла. Кураев снова лежал на кровати и думал о том, что с ним только что произошло. Постепенно он стал засыпать. Обрывки различных мыслей и воспоминаний снова полезли в его голову. Одни воспоминания вспыхивали и угасали, другие — переплетались и путались между собой. Кураев вспомнил, как однажды, когда он был на Украине, в Почаевской Лавре ему попала́сь одна книжка, отпечатанная в типографии Лавры. Эта книга, именовавшаяся «В помощь исповедающимся», помимо различных наставлений в покаянии содержала подробный перечень грехов. Книга была напечатана мелким шрифтом, но всё равно в ней было достаточно много страниц. Перед глазами Кураева всплыла 246-я страница книги, на которой начинался перечень девятой сотни грехов. Андрей Вячеславович стал читать этот перечень, словно книга была у него не в уме в виде воспоминаний, а перед глазами:

901. Долго сидел в туалете.

902. Услаждался каканием.

903. Специально затягивал какание ради услаждения.

904. Слишком долго мыл гениталии и область афедрона

905. Услаждался ощущениями при мытье гениталий и области афедрона.
906. Специально затягивал мытье гениталий и области афедрона ради наслаждения.
907. Услаждался при постановке клизмы.
908. Ставил сам клизму или просил других, чтобы они сделали это ради наслаждения.
909. Лечился клизмами сверх необходимого.
910. Специально подбирал диету, чтобы образовались запоры, а затем наслаждался, испражняясь твердым калом.
911. Предавался мечтам, в которых наслаждался тем, как испражняюсь твердым калом или как какаю вообще или как мне ставят клизму.
912. Подтираясь после испражнения, сверх необходимого раздражал область афедрона.
913. Услаждался мочеиспусканием.
914. Слишком долго и слишком усиленно придерживал член при мочеиспускании.
915. С наслаждением и необоснованно часто использовал свечи для лечения геморроя.

Кураев с трудом оторвал мысли от чтения словно как бы раскрытой перед его глазами книги и неистово встряхнул головой, чтобы отогнать от себя явившееся ему «книжное» наваждение.

— Хм... — подумал Кураев, — вот, раньше я считал подобные книжонки чистой ахинеей и плодом больного возбужденного религиозным фанатизмом ума, а теперь... Теперь я вынужден признать, что в таких книгах есть свое рациональное зерно! И, притом, очень даже большое рациональное зерно!

— Хм... — думал Кураев далее, — подбирать диету, чтобы образовывались запоры и затем испражняться твердым калом... А это ведь идея! И, кстати, — почему никто ещё не выпускает специального мыла для долгого мытья гениталий и области ануса?! Не для быстрого, не для обычного, а именно что для долгого мытья?!

После таких пронёсшихся в голове мыслей Кураев тотчас же осекся, а затем, осекшись, он, бия себя кулаком по голове, взревел:

— Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Наконец, Кураев успокоился и уснул. Ему приснилось, что уже известные ему студенты-медики, в белых халатах на голое тело, угощают его в баре изысканными коктейлями где-то на Багамах и что при этом он сидит на коленях одного из этих студентов. В баре звучала волнующая душу музыка — какие-то испанцы неподалеку играли на гитарах и во всю били в барабаны. Закончился этот сон тем, что Кураев проснулся и обнаружил, что у него произошла ещё одна поллюция. Кураев чертыхнулся и посмотрел на часы. Они показывали 04:43, а, значит, можно было поспать немного ещё. И Кураев опять заснул.

На сей раз Кураеву приснилось, что он всё ещё был референтом у Патриарха Алексия Второго и сидел в особой комнате, располагавшейся перед кабинетом, в котором Его Святейшество вел официальные приемы различных лиц. Кураев принёс Алексею Второму какие-то бумаги со своими соображениями, но не обнаружил его на рабочем месте и был вынужден ждать прибытия своего шефа. Шеф надолго опаздывал. В это время в комнату зашёл какой-то незнакомец. Кураев подумал, что тот тоже пришёл на встречу с Алексием Вторым и сказал ему:

— Его Святейшества ещё нет. Можете сесть и подождать. Но уже поздно и я думаю, что сегодня он вообще не придёт.

— А я не к Его Святейшеству, я — к вам, Андрей Вячеславович! — молвил незнакомец. И тотчас Кураев в незнакомце узнал того, кого он уже видел в предыдущем сне.

Незнакомец достал трубку, снова набил ее табаком и закурил. А затем он начал ходить по комнате, время от времени пускать колечки дыма, и говорить:

— Так на чем мы остановились, Андрей Вячеславович? Ага. Вот. Вроде бы, остается 63% нормальных мужчин. Но и из них доктор Кинси выделяет 13% тех, кто иногда эро-

тически реагирует на мужчин — без сопутствующих физических контактов. Таким образом, абсолютно нормальны лишь 50% мужчин. Это, очевидно, и есть те мужчины, которые не занимаются ни оральным, ни анальным сексом со своими женами и женщинами. Ведь, как известно, анальный и оральный секс с женщинами означает наличие у мужчин гомосексуальности.

— Итак, — продолжал незнакомец, — имеем: 4% открытых, явных гомосексуалистов и 37% или даже 50% гомосексуалистов скрытых — всех цветов и оттенков: гомосексуалистов латентных, гомосексуалистов подавленных, и гомосексуалистов «действующих», подавляющая часть из которых скрывает свою активную сексуальную жизнь. И вот что интересно: как говорят психиатры, не так опасны 4% открытых гомосексуалистов, как опасны прочие. Хотя бы из-за того, что их, скрытых, в десять раз больше... Хотя бы из-за того, что всем ясно, чего можно ожидать от открытых гомосексуалистов и поэтому всегда можно подготовиться к их действиям.

Затем незнакомец пристально посмотрел на Кураева и спросил его:

— Так вы, Андрей Вячеславович, из каких будете?

— Пошёл вон отсюда, ушастый! Я не звал тебя! — вскричал Кураев и запустил в незнакомца чернильницей, стоявшей на столе. Кураев даже удивился: откуда на столе вдруг оказалась чернильница? — ведь этот письменный прибор относился ко дням, давно уже минувшим.

Чернильница пролетела сквозь незнакомца, не причинив ему вреда, а затем ударилась о стену и разбилась. По стене, по обоям, стало расплываться огромное чернильное пятно. А незнакомец тотчас исчез.

— Какое огромное пятно! — Подумал Кураев, взирая на стену. — Надо же! Его Святейшество будет очень недоволен этим пятном!

Кураев представил, как Алексей Второй отреагирует на чернильное пятно и как он заставит его, Кураева, на собственные скромные референтские деньги делать ремонт. Затем Кураев испугался этому и тотчас проснулся. Было уже утро и солнце давно взошло. Пора было завтракать. А затем, как и положено, в понедельник должен был состояться врачебный обход.

На обходе врач весьма изумился тому, что Кураеву удалось выйти из длительной комы. Удивился он и тому, что Кураев мог рассуждать здраво и долго.

Поговорив с лечащим врачом, Кураев подробно выяснил о том, что с ним произошло в тот несчастливый день:

Во-первых, у него был перелом ноги, руки и пяти ребер, а также пролом головы в трех местах.

Во-вторых, в его мозг через проломы проникло пять инородных тел — веток кустарников и деревьев. Они проникли на достаточную глубину, пронзив кору головного мозга, и двинулись далее. Над их извлечением долго работала бригада нейрохирургов.

В-третьих, в мозгу у Кураева произошло четыре крупных кровоизлияния и три мелких; они были подобны инсультам и затронули достаточно обширные участки мозга.

В-четвертых, у Кураева было сильное сотрясение мозга.

В-пятых, в Кураева ударила молния, следы которой остались у него на теле. Как полагал доктор, молния поразила Кураева в голову и заряд прошёл через головной мозг, затронув его глубинные структуры. От удара молнии на лбу у Кураева остались таинственные отметины, походящие на руны; среди них даже можно было отчётливо разобрать руну «Одал». И действительно — Кураев припомнил, что перед потерей сознания в его голову ударила молния; он припомнил также и то, что, оставаясь в сознании достаточно долгое время, он ощущал и наблюдал, как электрический заряд молнии протекал по его телу. Правда, в тот понедельник Кураев ещё не вспомнил тех самых воинов-рыцарей и их легионы.

В-шестых, оказалось, что медики, прибывшие к месту несчастного случая, обнаружили Кураева уже бездыханным, в состоянии клинической смерти. И никто не знал того,

сколько Кураев пробыл в этом состоянии ко времени прибытия врачей — несколько минут, несколько десятков минут или, может быть, час или более. Попытка реанимации была предпринята наудачу и увенчалась успехом, хотя этого никто и не ожидал. Однако он, Кураев, после реанимации не очнулся, а впал в кому. Поскольку было неизвестно точно о том, сколько времени Кураев пробыл в состоянии клинической смерти, никто не мог дать гарантии того, что, выйдя из комы, Кураев окажется в здравом уме. Почти все полагали, что после выхода из комы Кураев станет полубезумным или совсем безумным «овощем».

Наконец, следует сказать, что не было уверенности и в том, что Кураев вообще выйдет из комы и что его не придется отключать в ближайшие месяц-два от системы жизнеобеспечения.

Далее выяснилось, что Кураеву несколько раз делали компьютерную томографию и обнаружили существенные нарушения в работе его мозга. Кроме того, таинственные, непонятные и непредсказуемые изменения в работе головного мозга Кураева, как выяснилось, привели к изменению гормонального фона и к различным изменениям состава крови.

Таким образом, то, что Кураев очнулся и оказался в здравом уме, оказалось самым настоящим чудом. Более того — выяснилось, что заживление ран и восстановление организма у Кураева идет очень быстрыми темпами — такими, которых никто из врачей не мог ожидать.

Далее все складывалось для Кураева как нельзя лучше: спустя несколько дней он уже ходил с костылями по больнице; поскольку заживление переломов шло быстро, через месяц после выхода из комы Андрей Вячеславович мог ходить не с помощью костылей, а с помощью обычной палки. Раны на голове зажили. После повреждения мозга Кураеву даже не пришлось восстанавливать подвижность конечностей или способность ясно говорить. И за несколько дней до Преображения Кураев был выписан из больницы. В это время он уже вполне нормально, без всяких палок, мог ходить по улице.

Единственным ужасом для Кураева, когда он находился в больнице, было влечение к мужчинам — в особенности же к молодым студентам-медикам, подрабатывавшим медбратьями. При этом Андрей Вячеславович стал совершенно равнодушен к женщинам: он ничего не испытывал при их виде. Однажды у Кураева заболел зуб и его отвели к зубному врачу. Это была молодая и красивая дантистка. Во время лечения зуба ей почему-то пришлось навалиться всей своей грудью на грудь Кураева. И Андрей Вячеславович не почувствовал совсем ничего. Влечение же к мужчинам у Кураева постепенно всё усиливалось и усиливалось и, наконец, приобрело характер неисцелимой страсти: Кураев постоянно думал «обо всём этом» и его тело постоянно было возбуждено неистовой страстью и неистовым вожделением.

Кураев не знал, как укротить свои страсти: находясь в больнице, он причастился ещё несколько раз; каждый день он пил крещенскую воду и ел антидор; он постоянно окроплял себя крещенской водой; он мазал себя освященным маслом от различных мощей и чудотворных икон; он постоянно молился — в частности, он постоянно, день и ночь, повторял молитву Иисусову — но всё это было напрасно: окающая мужеложественная страсть никак не хотела оставлять Андрея Вячеславовича. Под конец пребывания в больнице у него от этой страсти даже начал мутиться разум. Что же касается причастия — то, как и в первый раз после несчастного случая, Кураев, причащаясь, не чувствовал ничего. Абсолютно ничего — как будто он и вовсе не причащался Крови и Плоти Бога, а лишь проглатывал в столовой ложку супа или съедал фрикадельку из консервной банки на кухне, желая по-быстрому «перехватить». И постепенно над Кураевым возобладала не только страсть мужеложественная, но также уныние и отчаяние. «Когда же всё это закончится?» — непрестанно думал про себя Кураев. Но конца «всему этому» не было видно.

Итак, Кураев, в конце концов, оказался дома. Его больничная эпопея завершилась. Близилось Преображение. Кураев решил сходить на Преображение в свой храм — в храм Михаила Архангела в Тропарево. Правда, он не решился участвовать в богослужении как

диакон, сославшись на болезнь, но всё равно отстоял всю службу. Наступил вечер. Кураев решил отпраздновать не только Преображение, но и свое возвращение из больницы. Он накопил всякой всячины из еды и выпивки в ближайшем супермаркете и отправился домой. Андрей Вячеславович решил никого не приглашать к себе — даже старшего брата. Отец Андрей по-быстрому наготовил себе еды и, прихватив с собой выпивку, решил послушать любимой музыки и посмотреть любимые фильмы.

Андрей Вячеславович знал, что на его электронной почте скопилось множество непросмотренной корреспонденции, в которой, несомненно, была куча писем, в которых обличались дела высокопоставленных (и не очень) церковных мужеложников. В самое время было взяться за разбор этих писем и опубликовать их в своем живом журнале. Несомненно, если бы Кураев остался прежним, то именно так он и поступил бы. Но теперь в душе Андрея Вячеславовича завёлся червь, постоянно точивший её вопросом: «Андрюша! Вот, ты обличаешь мужеложников. А сам подумай: ты-то кто?». И каждый раз, слыша этот вопрос в своей душе, Андрей Вячеславович вспоминал являвшегося ему два раза во сне таинственного незнакомца, по-старомодному дымившего трубкой.

Какие же фильмы собирался посмотреть Кураев? Во-первых, несколько только что вышедших фильмов про супергероев, а именно про людей «икс» и среди них — про Росомаху. Во-вторых, ещё до того, как попасть в больницу, Андрей Вячеславович собирался посмотреть новый фильм про Айронмена — то есть Железного Человека. В-третьих, наверняка уже где-то в сети валялся (пусть и с плохой русской озвучкой) новый фильм про Бэтмена. Да мало ли ещё чего можно было посмотреть или пересмотреть заново! Гораздо интереснее было то, какую музыку собирался послушать Кураев.

Да, Кураев часто появлялся на всяких рок-концертах и проповедовал там под рев гитар и грохот барабанов; да, он дружил со многими рок-музыкантами; и вообще весь из себя он был молодёжный-премолодёжный. Но на самом деле всё это было лишь видимостью. А ещё Кураев всем давал понять, что он очень любит футбол, что он не прочь посетить футбольный матч и что он — самый что ни на есть заядлый футбольный болельщик. Но это тоже было неправдой и только лишь видимостью. И эти две видимости создавались для того, чтобы его считала своим «российская молодежь» и «русский мужик». А ещё Кураев ходил по всяким рок-концертам и трепался про футбол для того, чтобы никто ничего не заподозрил о его истинной страсти, которой были опера и балет, а также симфоническая музыка вообще.

К опере и балету Кураев был равнодушен с детства; бывало, крадучись тайком, чтобы никто из мальчишек, игравших возле дома, не заметил этого, Кураев отправлялся в театр, купив билет на сэкономленные им деньги. Словно разведчик, идущий через вражескую территорию, пробирался он через московские дворы к автобусной остановке, с отворачиванием глядя на своих сверстников, пинавших презренный футбольный мяч. Скривив лицо и плюясь, смотрел Кураев на афиши с анонсами концертов различных рок-групп, творчество которых он считал пощёчиной здоровому вкусу. От одного вида Кинчева или Шевчука у повзрослевшего Кураева начиналась головная боль; что же говорить о реакции Кураева на них, когда они брались за микрофон и издавали звуки?! Но Андрей Кураев не подавал вида, что всё это ему противно — ибо он не хотел, чтобы его засмеяли те, к кому была обращена его проповедь, те, перед кем он хотел выглядеть сначала «обычным, нормальным русским парнем», а затем — «обычным нормальным русским мужиком».

Дом Кураева был забит не только книгами. В столах и шкафах и вообще повсюду в квартире Кураева валялись виниловые диски, магнитофонные ленты, видеокассеты, DVD и жесткие диски, на которых были записаны любимые Кураевым оперы, балеты, симфонии и прочие произведения, собранные им за десятилетия — начиная с тех пор, когда он ещё был простым советским пионером. Словом, Кураев был одним из самых заядлых меломанов «от классики». Но никто не знал этого — разве только что его покойные родители и его старший брат; но родители у Кураева уже давно умерли, а старший брат хранил

обещание молчать об этой страсти Кураева — хранил ещё с тех времен, когда Кураев учился в школе.

Итак, было Преображение. Кураев вернулся со службы в храм, приготовил себе побольше еды, откупорил бутылки с вином и поставил на стол банки с пивом. Затем он включил компьютер и стал смотреть фильмы про супергероев на широком экране. Сначала Андрей Вячеславович посмотрел два американских фильма про людей «икс» и начал смотреть новый фильм про Халка, но вскоре бросил. Затем он прослушал симфонии №№ 26, 27 и 30 Гайдна и решил посмотреть новую зарубежную постановку «Лебединого озера». Где-то в середине «Лебединого озера» Андрей Вячеславович сделал музыку почти максимально громкой. Была уже ночь, соседи могли спать, но Кураев наплевал на это. И вот, вскоре после этого Кураев почувствовал, что его объяла мужеложественная страсть. Объятый этой страстью, он не знал, что делать и желал только одного — как бы поскорее с кем-нибудь совокупиться. Страсть полностью поглотила сознание и разум Кураева. В таком-то состоянии он и пошёл на кухню, чтобы слегка подкрепиться. Кураев открыл холодильник в поисках припасов съестного и, помимо всяких прочих снедей и напитков, обнаружил в нём целую палку копченой колбасы; и, обуянный неистовой страстью, находясь в крайнем иступлении, диакон РПЦ Андрей Вячеславович Кураев взял эту палку колбасы в руки и засунул её себе в задницу. Целиком.

Уже через минуту Кураев обнаружил, что вынуть эту палку колбасы обратно он никак не может. И тогда Кураев запаниковал. «Что делать? Звать на помощь? Но как открыть врачам то, что было сделано?! Какой стыд! И не засмеют ли они? И что если всё это станет известно другим? Верно говорят: «Не делай того, что не сможешь потом объяснить врачам «скорой помощи»!» — носились тревожные мысли в голове Кураева. Но ему очень сильно повезло. Практически рядом с Кураевым — этажом или двумя выше — жила старушка, ветеран войны, которая в последнее время часто страдала сердечными приступами и поэтому почти каждый день вызывала «скорую помощь». Вот и сейчас, выглянув в окно на кухне, Кураев заметил, что к его подъезду подъехала «скорая помощь» и что из неё вышел доктор.

Доктор — это была женщина — подошла к двери и позвонила в домофон. Вскоре ей открыли дверь подъезда; она вошла в него и стала быстро подниматься вверх. Кураев подошёл к двери и, внимательно вслушиваясь, определил, что докторша поднялась вверх на этаж выше того этажа, на котором жил он. По-видимому, она действительно приехала к той самой старушке, страдавшей сердечными приступами. Кураев подождал, пока докторша не закончит свои дела у старушки, а затем, когда докторша спускалась вниз и проходила мимо квартиры Кураева, он открыл свою дверь и тихо и деликатно сказал: «Товарищ доктор... Извините... Можно на вас на минутку? Зайдите пожалуйста...».

Докторша зашла в коридор квартиры; затем Кураев пригласил её пройти дальше, в свою комнату. Там громко звучала музыка Чайковского — шли последние минуты «Лебединого озера». Докторша прошла в комнату, оглянулась, увидела широкий экран монитора и невольно всмотрелась в него. На озере бушевала буря; волны, вызванные магическим искусством Ротбарта, вздымались ввысь и пытались поглотить плывущего по озеру Зигфрида, стремившегося сразиться со злодеем. Наконец, Злой Гений сделал последние взмахи руками и пучина вод поглотила несчастного влюбленного почти возле самого берега.

Кураев досмотрел этот момент вместе с доктором и, наконец, узнал то, что его больше всего интересовало в этой постановке «Лебединого озера» — да, здесь конец был несчастлив: злой волшебник Ротбарт торжествовал, а влюбленные герои гибли. А после того, как отец Андрей удовлетворил это свое любопытство, он с превеликим трудом решился заговорить с докторшей на столь постыдную для него тему:

— Извините, доктор... — немного заикаясь и смущаясь сказал Кураев. — Извините, доктор... со мной случилась одна неприятность, о которой мне стыдно и говорить...

— Рассказывайте и не стесняйтесь... — попросила докторша. — Нас чем-то удивить трудно.

Вобщем, и докторша в домашних условиях не смогла сделать, то, что пытался сделать Кураев сам, один. И посему Андрей Вячеславович был госпитализирован в больницу на машине «скорой помощи». Ему повезло: нужный специалист по странному стечению обстоятельств почему-то присутствовал в больнице — прямо среди ночи! Сначала Кураеву была сделана рентгенограмма и поставлен диагноз: «инородное тело прямой кишки», а затем это инородное тело было с успехом извлечено. Уже в 3 часа пополудни Кураев, довольный и счастливый, вышел из больницы, поймал такси и отправился домой. Дома, намучившись этой тревожной ночью, он быстро и крепко уснул и проснулся лишь в 9 часов утра. Идти в храм было поздновато, но ещё можно было сходить и простоять там большую часть службы. А ещё можно было сходить на исповедь и покаяться в грехах. Именно это и захотел сделать Андрей Вячеславович.

Андрей Вячеславович вышел из дома и отправился в храм, на покаяние. Но он не намеревался идти в тот храм, в котором служил диаконом, — ибо не хотел, чтобы служащий вместе с ним в храме священник знал о совершённом им постыдном блудном грехе. Кураев пошёл в другой храм. По пути у него неожиданно возникла очень сильная эрекция — этаким приступом приапизма. И вместе с этим приступом его вновь, как и ночью, обуяла неистовая мужеложественная страсть. Андрей Вячеславович смутился и пришёл в крайнее отчаяние. Он не знал, что делать. Кураев не решился идти в храм с эрегированным членом и бесцельно пробродил по улицам Москвы целых два с половиной часа. Но приступ всё равно не проходил. Кураев всё ходил и ходил по улицам, стремясь из последних сил сохранить серьезность и невозмутимость, но, тем не менее, иногда сквозь эту серьезность то и дело пробивался смешок. Дело было в том, что в голове у Кураева всё время вертелись строки из его же собственной, весьма давней, статьи «Грязная тема», в которой речь шла об эротических похождениях греческих богов:

«По слову Климента Александрийского, Гигин в «Астрономических рассказах» повествует о том, как Дионис хотел спуститься в царство Аида, чтобы вывести оттуда свою мать Семелу. Человек по имени Просимн показал ему путь, попросив, однако, у прекрасного мальчика вознаграждение. Дионис, желая увидеть мать, поклялся, что исполнит по возвращении то, что от него хотят. Плата же, будучи постыдной, устраивает Диониса. Любимым было вознаграждение, платой был сам Дионис. Возвратившись назад, он не застаёт Просимна — ведь тот умер. Исполняя «священный» долг перед любовником, Дионис спешит к могиле и предается там противоестественной страсти: срезав кое-как ветвь смоковницы, он придает ей форму мужского члена и садится на неё, исполняя своё обязательство перед усопшим. Как мистическое воспоминание о сей страсти по городам воздвигаются фаллосы Дионису. А ещё Климент Александрийский в другом месте говорит: «Мне кажется, что следует объяснить происхождение слова «мистерия» от «мисос» («μῖσος») — позора, выпавшего на долю Диониса»».

Наконец, побродив ещё какое-то время, Кураев обнаружил, что острейший приступ приапизма прошёл. Взглянув на часы, Кураев обнаружил, что уже 12 часов дня и, следовательно, что церковные службы повсюду уже закончились; и поэтому на исповедь ему идти стало некуда. Тогда Кураев решил отправиться домой — пешком же. Спустя полчаса или час он испытал новый сильнейший и неистовейший приступ блудной противоестественной страсти. Кровь бешено стучала в висках. Разум испытывал помутнение. Неожиданно для себя Кураев вспомнил несколько московских адресов, по которым собирались гомосексуалисты; эти адреса словно сами всплыли в голове Андрея Вячеславовича. По всем этим адресам располагались вовсе не гей-клубы (куда он идти не хотел), а парки или памятники. Адреса нужных ему парков и памятников Кураев узнал совершенно случайно: не так давно Андрей Вячеславович разыскивал в Интернете информацию о сексуальных похождениях церковных геев и в ходе этих изысканий набрел на статью, в которой говорилось о местах встреч московских гомосексуалистов. Не раздумывая, Кураев направился в одно из подобных мест — в ближайший парк. По мере того, как Кураев приближался к

месту встречи геев, в его голове стали появляться вполне разумные мысли, которые отговаривали его от затеянного им предприятия:

— Не по любви, а потому, что «хочется»?! И из-за этого-то «хочется» взять и пойти в какое-то грязное место, где обитают непонятно и неизвестно какие геи, являющиеся «сточными канавами» и рассадниками всякой заразы от гепатита и СПИДа до мандавошек? Тьфу! Стоит ли туда идти?

Думая так, Кураев остановился — хотя уже был почти возле нужного ему парка. Кураев подумал ещё немного и решил туда не идти. К тому же неистовая страсть слегка отступила от него. Кураев сел на лавочку и снова задумался. В его голову постучалась цитата из дневников и писем Чайковского, которые он читал когда-то. Эта цитата находилась в письме Петра Ильича к брату Модесту и звучала так (в голове Кураева она воспроизвелась дословно):

«Представь себе! Я даже совершил на днях поездку в деревню к Булатову, дом которого есть не что иное как педерастическая бордель. Мало того, что я там был, но я влюбился как кошка в его кучера!!! Итак, ты совершенно прав, говоря в своём письме, что нет возможности удержаться, несмотря ни на какие клятвы, от своих слабостей».

— Да... — подумал Кураев, — я правильно сделал, что не пошёл в это место. Но что же мне теперь делать?!

Кураев встал и снова стал бесцельно бродить по городу. Через полчаса он остановился на какой-то площади, огляделся и увидел «Макдональдс». «Пойду, перекушу чего-нибудь!» — решил Кураев и направился в эту забегайловку.

Андрей Вячеславович не знал, что это был как раз тот самый «Макдональдс», в котором некогда во время поста был застукан маститый протоиерей Всеволод Чаплин — застукан с пищей, сильно походившей на непостную, которую сам Чаплин, правда, идентифицировал как «филе-о-фиш». Но, впрочем, сейчас это было неважно. Андрей Вячеславович купил себе в этой забегайловке поесть и попить. И вот, когда он сидел и спокойно поедал свой биг-мак и запивал его кока-колой, в это-то самое время, недалеко от его стола начал уборку полов один из сотрудников «Макдональдса» — красивый молодой человек. По старой миссионерской привычке, из-за любви общаться с молодежью, без всякого сексуального подтекста, Кураев спросил его:

— Молодой человек! Не всю же жизнь вы планируете работать здесь? Кто вы и откуда? Учитесь и подрабатываете?

Молодой человек перестал мыть пол и разговорился с Кураевым. Оказалось, он был студентом консерватории четвёртого курса, взявшим академический отпуск по болезни. В начале зимы он был на операции, которая прошла успешно. Теперь, до сентября, он вынужден подрабатывать. А вообще он подрабатывает либо скрипачом по различным группам и оркестрам, либо, когда в группу попасть не удаётся, по подобным забегайловкам.

Кто-то из менеджеров проходил мимо и сделал молодому человеку замечание: надо мыть полы, делать работу, а не разговаривать с клиентами. На это ему молодой человек ответил, что на днях он всё равно уходит из этого гадючника, ибо нашёл временную работу в каком-то оркестре. И тут...

И тут Кураев поднял свои глаза и взглянул в лицо молодого человека, в самые его глаза. Это же сделал и молодой человек. Словно искра пробежала между ними. Кураев сразу же, без слов, понял, что молодой человек — гей; и тот тоже понял, что Кураев — гей. И эта искра мгновенно вспыхнула сильнейшей любовью. Молодой человек бросил швабру, взял за руку Кураева и сказал, что они могут уединиться здесь же, в «Макдональдсе», в какой-то подсобке. И тотчас же они пошли туда... И в этот же день молодой человек, студент консерватории, переехал к Андрею Вячеславовичу Кураеву жить. Было Преображение, один из двенадцатых праздников. Но, встретив молодого человека, Кураев забыл об этом — он забыл обо всём и ему было наплевать на то, что скажут соседи, узнав, что в его квартире поселился новый постоялец.

В это же день, вечером, Илларион Алфеев ужинал в VIP-номере гостиницы Даниловского монастыря и наблюдал за закатом солнца. День праздника Преображения заканчивался. Илларион подошёл к шкафу, открыл его и достал скрипку. Он настроил её и попробовал сыграть что-то из Паганини, но вышло довольно скверно. Получилась какая-то дрянь, которую засмеял бы даже ирландский фидлер, развлекающий людей на ярмарках и свадьбах и умеющий играть только в первой позиции.

— В конце концов, — вслух произнёс митрополит Илларион, — я — не скрипач, а композитор!

Зазвонил телефон. Илларион положил скрипку и смычок, поднял трубку и обнаружил, что на другом конце говорила давняя знакомая — старая ведьма.

— Всё, с ним покончено, — сказал ведьма, — переводите третью часть оговоренной нами суммы. Надеюсь, что задержек не будет. И ещё: демон сказал мне, что вам следует навеститься в больницу, «скорая помощь» которой обслуживает его дом, и узнать поподробнее о болезни, с которой он был госпитализирован и почти сразу же выпущен. И ещё: он уже живет со своим любовником в своей квартире. Дело сделано...

Ведьма положила трубку. Разговор был окончен.

Илларион тут же позвонил Патриарху и сообщил ему о том, что сказала ведьма.

Уже на следующий день благодаря сотрудникам органов госбезопасности на руках у Кирилла и Иллариона были снимки медицинских документов, касавшихся «болезни» Кураева. Это были снимки истории болезни, содержавшей диагноз «инородное тело прямой кишки», переснятая рентгенограмма с этим инородным телом и снимок из журнала вызовов «скорой помощи». Кроме того, Кирилл и Илларион заполучили и ту самую злополучную палку копчёной колбасы, которая стала причиной госпитализации Кураева. По предложению Иллариона эта палка была немедленно заспиртована. А ещё Кириллу были переданы записи доверительных бесед сотрудника органов госбезопасности с докторшей, пришедшей на вызов Кураева, и с доктором, извлекавшим из кишечника Кураева оказавшееся там инородное тело.

Впрочем, в действительности «людьми из органов» был всего один человек — отставной майор госбезопасности на пенсии, который по старой дружбе был пристроен Кириллом на должность настоятеля одного из доходных московских храмов. Этот-то настоятель и «тряхнул стариной», посетив больницу и выпытав у докторов всё, что интересовало Кирилла — разумеется, щедро заплатив при этом за полученную информацию.

На следующий день — на второй день после Преображения — все эти документы и аудиозаписи — с измененными голосами, разумеется, — были выставлены в Интернете — сначала в блогах церковных ревнителей, патриотов и искателей враждебных либеральных происков, а затем и во многих других местах. Эти документы быстро расплозились по всему русскоязычному Интернету. Впрочем, многие ставили под сомнение действительность документов и держались того мнения, что высокопоставленные геи и члены гей-лобби провели против Кураева, своего врага, психологическую операцию и оклеветали его. Вскоре в Интернете также появилась фотография Кураева, заходящего в подъезд своего дома вместе с каким-то молодым человеком; но, впрочем, эта фотография ещё ничего не доказывала.

Кураев несколько дней пребывал в «подвешенном» состоянии, ни на что не реагируя; ему писали письма и звонили по телефону, пытаясь выведать: всё то, что про него говорят — это правда или клевета? Но Кураев ничего не отвечал ни на письма, ни на звонки. Наконец, события церковной жизни всё-таки заставили его выйти из режима молчания и появиться на публике.

Как известно, в Успенском соборе Кремля хранятся мощи четырёх московских святителей — митрополитов Петра, Филиппа, Ионы и Гермогена. Но доступ к этим мощам затруднен даже для москвичей. Поэтому Его Святейшество придумал вот что: он решил, что надо провезти частицы всех этих мощей по всей России, совершив при этом несколько заходов в соседние государства. По приказу Кирилла из рак были изъяты частицы мощей

этих святителей — у кого десница, у кого — челюсть, у кого — часть ноги, у кого — часть позвоночника с ребрами — и затем эти частицы были помещены в особые серебряные ковчезцы. Но перед тем, как отправить мощи в «гастроли» по всей России, Кирилл решил испытать свою затею в пределах Москвы. По решению Патриарха четыре ковчезца сначала должны были побывать в двух десятках московских храмов. Для того же, чтобы определить порядок пребывания мощей в избранных храмах, был брошен жребий. И вот, согласно жребию, первым на очереди оказался храм Михаила Архангела в Тропарево — тот храм, в котором Андрей Кураев служил заштатным диаконом.

Пребывание мощей в храме Михаила Архангела должно было широко освещаться в церковной и светской прессе репортерами центрального и московского телевидения, православных телеканалов «Спас» и «Союз», радио «Радонеж», «Журнала Московской Патриархии», «Московского церковного вестника», «Русского вестника», «Русской линии», а также многих других СМИ — даже оппозиционных. Кроме того, выяснилось, что в ту субботу, в которую начиналось пребывание мощей в храме Михаила Архангела, на вечернее богослужение в этот храм должен был прибыть сам Патриарх. Поэтому настоятель храма заранее обзвонил всех подвластных ему священнослужителей — в том числе и заштатного дьяка Андрея Кураева — и строго-настрого приказал всем им быть на месте в положенный срок. И Кураев был вынужден явиться в свой храм.

Наконец, наступила суббота. Дякон Андрей вышел из дома и направился в храм. По пути у него зазвонил телефон. Кураев взял трубку и услышал, что на том конце говорил кто-то незнакомый; Кураев даже заметил, что голос незнакомца был сильно изменен техническими средствами.

— Андрей Вячеславович! — сказал этот голос. — Как вы могли понять из того касающегося вас материала, который циркулирует в последние дни в Интернете, кому-то стало много известно о вашей личной жизни. И этот кто-то — мы. Это мы добыли документы и свидетельства, а затем пустили их в оборот, сделав их достоянием всех. А ещё у нас есть фотографии, на которых вы изображены вместе с вашим любовником. Кроме того, у нас есть заспиртованная палка колбасы с остатками кала из вашего кишечника. А в кале, как известно, содержатся остатки отмерших клеток кишечника, из которых можно извлечь ДНК и установить, что эти клетки принадлежали именно вашему телу. Итак, мы предлагаем вам следующее: вы прекращаете бороться с геями и гей-лобби в церкви, каетесь в её очернении, а также в злобствовании против многих важных высокопоставленных церковных лиц и в клевете на них. Каетесь публично, в своем блоге и в СМИ. А затем начинаете писать про церковь и про её князей, епископов, различные «светлые» материалы, критикуя только лишь «отдельные недостатки» на низах и вообще никак не касаясь «голубой» темы. И ваше покаяние, уверяю вас, будет принято. Взамен мы берем на себя обязательство провести в СМИ кампанию по восстановлению вашей пошатнувшейся репутации: все обвинения против вас, касающиеся вашей гомосексуальности, будут объявлены происками ваших врагов и врагов православия. Если же вы не согласитесь на это, то вы вззоете — уверяю вас. Всё, что про вас говорилось, вдруг окажется чистой правдой. Ибо это и есть сущая правда. Поэтому будьте благоразумны. Мой номер вы теперь знаете. Жду ответа до понедельника. До свидания.

И незнакомец положил трубку.

Кураев ожидал подобного удара; но, несмотря на готовность к нему, этот удар всё же ошеломил его. Кураев занервничал и очень сильно расстроился; а затем он обозлился. Когда Андрей Вячеславович подошёл к храму, то весь он был как на иголках. До телефонного звонка Кураев думал о том стыде, который он испытает, выйдя на глаза многочисленных людей и корреспондентов, собравшихся в храме и вне храма; но когда он подошёл к храму, то не испытывал ничего, кроме гнева, злобы и досады.

Подходя к храму, Кураев заметил, что перед ступенями храма стоял большой стол, на котором стояло четыре серебряных ковчезца с мощами московских святителей. Стол был окружен толпой народа, среди которого маячили с камерами и микрофонами репорте-

ры. Некоторые люди, стоявшие в толпе, держали хоругви. Возле стола стоял настоятель храма с пономарями. Все ждали приезда Его Святейшества. Кураев решил незаметно прошмыгнуть в храм мимо толпы. Это ему почти удалось. Но, только лишь вступил он на ступени храма, как сразу же был замечен корреспондентом «Радио Радонеж». Тот быстро подбежал к нему, ткнул ему в лицо микрофон и спросил его:

— Ваше Дьячество отец Андрей! Скажите — а то, что про вас говорят в последние дни в Интернете — это правда или клевета? И если клевета — то почему вы никак на неё не отвечаете?

Кураев покраснел и на мгновение закрыл глаза. Когда он открыл их, то увидел, что рядом с корреспондентом «Радио Радонеж», устремив на него, Кураева, свои микрофоны и телекамеры, уже стояли репортеры «Спаса», «Союза» и Первого канала центрального телевидения. А к ним всё подбегали и подбегали другие их собраты и просто заинтересовавшиеся лица, оставив стол с ковчежцами стоять совсем одиноким. Кураев заметил, что в последних рядах собравшегося вокруг него народа, устремив на него свой взор, с нетерпением и жадной ответа стояли настоятель храма и пономари...

Кураев покраснел ещё сильнее и снова прикрыл глаза. И тут он ощутил, как в его голове произошёл взрыв; а после этого взрыва, Кураев почувствовал, что пришёл в исступление... Это было какое-то светлое и смешливое исступление. Кураев громко захохотал и почти крича — словно он был воскресший Ленин на трибуне Мавзолея, грозящий мировой буржуазии, — проглаголал:

— Да, я гей, гомосек, хреногло! По-вашему — пидор! И мне нравится, когда в моей жопе — большой член! И во рту тоже! Огромный, толстый и длинный! И я сам люблю засовывать его мужчинам в рот и в жопу! Да! И я давно живу с любовником! А ещё я люблю глубоко засовывать в свою жопу палки копчёной колбасы, дилдо, велонасосы, скалки и много чего ещё! И у меня отличный стояк — как у молодого! И с самого детства я помню себя пидором и хреноглотом! Что вы хотите от меня услышать?! Чего вам всем от меня надо?! Хотите, чтобы я вам здесь же, прямо сейчас, показал член и жопу и засунул в неё ваш микрофон?! Или кадило?! Хотите — да?! Я вам покажу! Давайте!!! Я вам устрою сенсацию!

Честно говоря, Кураев говорил много неправды и наговаривал на себя. Он вовсе не был в обалдении от огромных, толстых и длинных членов, а, скорее, наоборот; и он не считал, что член — это главное в том, кого он полюбил; главным привлекательным в человеке Кураев, вопреки всяким ученым и экспертами, он считал лицо и глаза... Да и фанатом введения в кишечник инородных тел он тоже не был. И про свое детство Кураев тоже наврал — гомосексуальное влечение в себе он обнаружил только лишь после аварии. До этого же он был из тех самых «хороших 50%» доктора Кинси. Но Кураеву сильно хотелось побыстрее всё закончить. Ему так хотелось, чтобы все эти люди поскорее от него, наконец, отвязались «получив брошенную им кость» — то есть желанное для них признание, — что он специально подыграл публике. Он подыгрывал ей так, чтобы его действия она восприняла как можно скандальнее, возмутительнее и ярче; чтобы она восприняла их как действия шута, как яркую и дерзкую буффонаду, в которой не зрители смеются над шутком, но шут — над зрителями. А ещё Кураев почему-то вдруг захотел сказать свою речь так, чтобы многие ему втайне позавидовали. И всё это ему вполне удалось.

Хотя Кураев говорил громко сам и хотя толпа тоже громко вздыхала в изумлении с каждым новым его словом, но он смог разобрать, как какая-то старушка в платочке, стоявшая рядом с ним, сказала:

— Отец Андрей! Что вы говорите? И эти уста целуют Чашу с животворящей Плотью и Кровью? И эти руки держат Христа-Царя?!

Кураев обернулся и увидел, что этой старушкой была никто иная, как Жанна Бичевская, известная православная певица-патриотка и монархистка.

— И эти ноги смеют ходить по земле, и эти лёгкие смеют дышать воздухом, и эти глаза смеют смотреть на Божий мир? — передразнил её Кураев, а затем поправил свои развивавшиеся на ветру волосы и пошёл прочь от храма.

Уже ночью с субботы на воскресенье это интервью Кураева стало достоянием русскоязычного Интернета; в воскресный день оно разлетелось по тысячам блогов и самых различных интернет-изданий; во вторник, с неизбежным опозданием, об этом интервью написали многие газеты. А с понедельника по пятницу «Радио Радонеж» и телеканалы «Спас» и «Союз» не раз передавали интервью Кураева «на бис» по многочисленным просьбам радиослушателей и телезрителей. И комментарии к этому медийному событию всё множились и множились...

Вобщем, с церковной карьерой Кураева и с его авторитетом в церкви было покончено. Спустя считанные дни, в ближайшую среду, он был обвинен в мужеложестве и, согласно канонам Православной Церкви, лишен священного сана. На церковный суд Кураев не явился и был осужден заочно. А на следующий день, в ближайший четверг, по представлению какого-то ученого совета РПЦ, в котором заседали всякие разные доктора богословия, преподававшие в духовных академиях, Патриарх Кирилл лишил Кураева церковного ученого звания «профессор».

4. Дар

После своего скандального интервью Кураев впал в глубокую депрессию. Он день и ночь лежал на диване, не о чем не думая, словно погрузившись во тьму. Он не смотрел ничего и ничего не читал; он не просматривал свою почту; он ничего не знал о множестве статей, появившихся о нём как в бумажных изданиях, так и в Интернете, хотя и предполагал, что они должны были быть. Даже то, что его лишили диаконского сана и ученого звания профессора, он узнал лишь от своего возлюбленного.

Возлюбленного Кураева звали Александр; он учился, как уже говорилось, в консерватории, а именно на факультете композиции и дирижирования, на кафедре оркестровки и общего курса композиции — то есть он хотел стать композитором и к четвёртому курсу уже написал несколько произведений. А ещё он хорошо играл на скрипке и на фортепьяно и поэтому временами подрабатывал в различных музыкальных группах. После четвёртого курса Александр взял академический отпуск по болезни и перенёс тяжёлую операцию, добавившую его от долга государству в виде необходимости провести несколько лет в армии. Почти все, кого это интересовало — и в консерватории и в быту — знали, что Александр — гей. Александр сдал вступительные экзамены так хорошо, что не принять его в консерваторию было как-то неудобно. Он обладал абсолютным слухом и удивительной музыкальной памятью. И вполне обладал даром сочинять музыку — она приходила к нему внезапно, как стихи к поэту, и как бы сама звучала в его голове. А ещё в Александре, как и в Кураеве не было ни капли еврейской крови. Ни родители Александра, ни родители их родителей геями не были. Отец и мать Александра жили в глухом провинциальном городе и работали инженерами на оборонном предприятии, которое не успели развалить перестроечные реформаторы.

Наступил сентябрь; Александр вернулся из академического отпуска и продолжил учиться в консерватории. А Кураев всё лежал на диване целыми днями, ни о чем не думал и тупо глядел в потолок в зашторенной от солнечного света комнате. И вот в один из таких серых и даже тёмных дней с Кураевым произошло нечто необычное.

Кураев встал с постели, чтобы сходить на кухню и чего-нибудь перехватить. Но только лишь он встал, как тьма объяла его и, чуть-чуть не потеряв сознание, он рухнул обратно на кровать. «Давление начинает пошаливать!» — успел подумал Кураев, а затем он куда-то провалился и... услышал музыку. Хотя он и был заядлым меломаном «от классики», но Кураев не смог определить, что же именно он услышал; скорее всего, это была ка-

кая-то странная комбинация отрывков самых различных слышанных им ранее произведений, но склеенная и составленная весьма умело — так, что она представляла из себя как бы новое отдельное произведение. Играл целый симфонический оркестр и Кураев чётко мог различить партию каждого музыкального инструмента или группы музыкальных инструментов. Кураев отчётливо и ясно слышал музыку, которую играл оркестр, словно он сидел в первых рядах зала; при этом Кураев отлично осознавал, что на самом деле он одиноко лежит в комнате, где царит тишина и тьма. Кураев понял, что музыка звучит единственно у него в голове. А после этого произошло вообще нечто удивительное: все вокруг словно вспыхнуло вокруг Кураева яркими, чудесными, неземными красками — такими красками которые лишь иногда, — может быть, только лишь раз или несколько в жизни, — человек видит в люсидных снах. Кураев лежал на кровати с закрытыми глазами, но перед его внутренним взором танцевали, взрывались и извивались сообразно слышимой музыке яркие, неземные краски и яркие, неземные всполохи. Эти краски, всполохи и взрывы непостижимым образом комбинировались как в калейдоскопе и составляли изумительные пятна, фигуры, искривленные плоскости и линии, которые то возникали, то исчезали, то объединялись друг с другом, то разъединялись. Они плясали и кружились в каком-то непостижимом танце; и это был не танец на плоскости, как в калейдоскопе, а танец в пространстве, в объёме. Кураев понял, что может видеть музыку. Он и раньше слышал о людях-синестетиках, которым доступно подобное, но не мог и представить себе, каково это — испытать всё это на собственном опыте. Кураев видел каждый звук; видел как звуки объединяются в аккорды; видел, как каждый звук аккорда длится и затухает; он видел «окраску» каждого звука, которую давал инструмент, играющий у него в голове этот звук или этот аккорд.

Кураев попробовал остановиться и перевести дух. И это ему удалось. «Парад» красок словно застыл перед его внутренним взором. И тогда Кураев подумал: а не может ли он заставить как-то иначе танцевать эти краски? Кураев попробовал каким-то непостижимым образом изменить ту, картину, которая стояла перед ним, добавить новых красок и цветов, новых оттенков, ввести новые вспышки света и что-то перестроить; а затем он попытался заставить всё то, что получилось, плясать в каком-то новом, интуитивно и смутно ощущаемом Кураевым танце. И сразу после этого он услышал изумительное звучание этой изменяющейся, словно в объемном калейдоскопе, картины. Это была какая-то новая, чудесная музыка, только что сочиненная Кураевым. Тут Кураев заметил, что это была, если можно так сказать, «люсидная» музыка. Как нигде наяву нет тех красок, которые можно увидеть в люсидном сне, так нигде наяву не было и тех звуков и аккордов, которые слышал Кураев. Эти звуки издавали какие-то особые, «люсидные» музыкальные инструменты. И эти звуки, эти мелодии наполняли всё нутро и весь мозг, всё сознание Кураева, переполняли их и неистово рвались наружу. А далее Кураев обнаружил вот что: Кураев понял, что помнит всю ту музыку, которую когда-либо слышал и точно может воспроизвести её у себя в голове и при этом «просмотреть» её «в люсидных красках». Кураев попытался вспомнить одну из своих любимых симфоний Гайдна — и это ему удалось. Кураев лежал с закрытыми глазами и всё слушал и слушал её и, вместе с тем, «смотрел». Эта музыка зачаровала его и, зачарованный, он забылся.

Внезапно он осознал, что находится на скале, перед самым обрывом, и смотрит на море. На скале одиноко росло дерево; неистовый ветер гнул его, как хотел, и листья дерева шелестели, словно что-то пытаюсь сказать Кураеву. Внизу, под обрывом скалы, яро бились волны. Сзади, обернувшись, можно было увидеть множество зеленых холмов и зеленющие поля. Одна половина неба была затянута грозными тучами, а другая половина была свободна от них и через эту половину неба ярко светило солнце. На тёмной половине неба раздавались раскаты грома и сверкали молнии. Кураев понял, что дерево через шелест листьев, море через биение волн о скалы, небо через гром, ветер через свои дуновения и много ещё что или даже кто пытались сообщить, пропеть ему какую-то дивную, неземную мелодию. Осознав это, Кураев вслушался в звуки усерднее — вплоть до того, что

ему стал слышен шелест травы и мышинный писк — и услышал во всём этом дивные звуки и дивные мелодии. Приглядевшись ещё внимательнее, Кураев вдруг увидел, что мелодии ему напевали не только шелест листьев, биение волн и раскаты грома, но и тёмная зелень листьев дерева, и более светлая зелень полей, и голубизна моря, и белизна барашков волн, и всполохи молний; пел свет солнца и тьма суровых туч; и даже сами формы холмов и волн, изгибы ствола одинокого дерева и танцы листьев и ветвей дерева под напорами ветра издавали звуки и мелодии и пели свои песни особо для него, Кураева. Они пели то радостно, то грустно — как будто встретив старого друга, которого не видели сто лет, и которому хотели поведать обо всём том плохом и хорошем, том радостном и грустном, что произошло за эти долгие годы разлуки. Кураев пришёл в какое-то исступление и ухватился за ствол дерева, чтобы не упасть. Он всё слушал, слушал и слушал... Позднее то, что он услышал, составило основу столь любимой всеми оперы «Прометей» — первой оперы Кураева, которая всегда и всюду шла с неизменным успехом.

Кураев пришёл в себя и открыл глаза. Исступление прошло. Он увидел, что держится не за дерево, а лежит, ухватившись руками за подушку. Кураев попытался осознать, что с ним произошло, что это было. Недолго пребыв в раздумье, он понял, что для него открылась в дверь в какой-то новый, неизведанный, дивный и чудесный мир. Это был мир волшебства, магии, сказки, мир из которого не хочется уходить; это был мир, в котором желаешь провести всю жизнь без остатка. Это был мир, словно созданный богами света, гармонии, радости, сильных, невыразимых словами чувств, мир, созданный богами ярких неземных образов, и богами любви. Кураев застыл возле этой двери и заворожено смотрел в дверной проем, не веря своему счастью. Кураев был словно Алиса, вернувшаяся из Зазеркалья.

То, что Кураев услышал, само просилось выплеснуться наружу. Кураеву нужно было только лишь записать ту музыку, которая звучала в его голове. Но как? Ведь он не знал нотной грамоты; он мог услышать и увидеть аккорд и точно указать все звуки аккорда среди тысяч и десятков тысяч других звуков — но как ему всё это записать? К тому же, Кураев не мог играть ни на каком музыкальном инструменте — ну, разве что он знал несколько гитарных аккордов.

Побывав в столь чудесном месте, располагавшемся внутри его, Кураева, головы Андрей Вячеславович ощутил прилив сил. Он почувствовал, что долгие дни чёрной меланхолии и депрессии завершаются. И поэтому решил хоть немного заняться делами. Но какими делами ему следовало заняться? Конечно, Кураев понимал, что ему нужно засесть за музыкальную теорию и научиться играть хотя бы на чем-то вроде фортепиано — хотя бы очень примитивно. Но для этого нужно было раздобыть книжки и музыкальный инструмент или хотя бы дождаться Александра. У Александра была скрипка, на которой он часто играл. Эта скрипка сейчас лежала перед Кураевым на столе — но Кураев совершенно не умел играть на ней. Поэтому Андрей Вячеславович решил полазить в Интернете и поинтересоваться: чего нового произошло за эти дни и что о нём, о Кураеве пишут.

Кураев включил компьютер и зашёл на страничку поисковика. «Andrew Kurayev, Andrey Kurayeff, deacon, gay, homosexual, sensation, confession» — ввел запрос Андрей Вячеславович. Сначала он хотел узнать, что о нём пишет зарубежная пресса. И поисковик не подвел Кураева, выдав несколько десятков ссылок на газетные публикации и видеоролики.

Первой стояла ссылка на межконфессиональную интернет-газету христиан-геев «**The Cross and The Rainbow**» — «Крест и радуга». На первой странице этой газеты красовалась фотография Кураева в молодости и располагалась статья «**Is there a Perestroika in ROC?**» — «**Перестройка в РПЦ?**». Кураев не стал читать всю статью, а пробежался только по краткому завлекающему предисловию:

«Andrew Kurayeff, the glamour Russian deacon, likes to push a smoked sausage stick deep into his asshole. The sensational interview of His Deaconhood on the steps of the Archangel Michael's church in Troparevo».

Кураев перевел:

«Гламурный русский диакон Андрей Кураев любит глубоко засовывать палку копченой колбасы в дыру своей жопы. Сенсационное интервью Его Дьячества на ступенях храма Михаила Архангела в Тропарево».

Кураев поморщился и перешёл к следующей ссылке. Она вела на интернет-газету «**National Catholic Reporter**». Там статья о Кураеве стояла не на первом месте, а в самом конце, среди всяческих забавных происшествий. Она называлась «**A censer, a microphone and the hole of the bottom**» — «**Кадило, микрофон и дырка в попе**». Кураев снова прочитал только краткое предисловие:

«The orthodox people were shocked with the defiant demonstration of homosexuality by Andrew Kurayev, the second-grade Moscow deacon of the ORC».

Кураев перевел:

«Православный народ был шокирован вызывающей демонстрацией гомосексуальности, устроенной Андреем Кураевым, второсортным московским диаконом РПЦ».

— Хм... — пробурчал Кураев, переведя заголовок, — надо же — написали! «Second-grade», «второстепенный», «второсортный»... Не могли нормального слова подобрать для «заштатный»...

Андрей Вячеславович перешёл по третьей ссылке и оказался на страницах интернет-газеты «**The Irish Times**». Там статья о Кураеве также стояла чуть ли не в самом конце выпуска, но она была значительно обширнее, чем предыдущая. Эта статья называлась «**Huge, Thick and Long**» — «**Огромный, толстый и длинный**». Сначала Андрей Вячеславович прочитал предисловие к статье. Оно гласило:

«Andrew Kurayev, the famous missionary and deacon of the ORC, the former aide of the Patriarch of Moscow, revealed his gay sexual orientation and his sexual preferences during the unexpected public confession».

Кураев перевел:

«Андрей Кураев, знаменитый миссионер и диакон РПЦ, бывший референт Патриарха Московского, раскрыл свою гейскую сексуальную ориентацию и свои сексуальные предпочтения в ходе неожиданного публичного признания».

Кураев пробежал взором основную часть статьи и заметил, что в ней даже были дословно приведены те самые вызывающие и скандальные слова, которые он произнёс на ступенях храма Михаила Архангела в Тропарево:

«Yes, I am a gay, a queer, a “dickgobbler”! I am a fag, as you say! And I like when there is a big dick in my ass! And in my mouth too! Hu-uge, thick and long! And I like to push it into mouths and asses of men myself! Yes! And I live with a lover long ago! And still I like to push deep into my ass smoked sausage sticks, dildos, bike pumps, rolling-pins and much that else! And I have an excellent erection! It’s like a youth! And since my very childhood I remember myself as a fag and a “dickgobbler”. What do you want from me to hear?! What do you all want from me?! Do you want me to show you the dick and the ass and to push your microphone into it right here, right now?! Or a censer?! Do you want it — isn’t it?! I’ll show you! Let it be so! I’ll make the sensation for you!»

Кураев снова поморщился. После этого желание читать подобные сообщения иностранной прессы о себе у Кураева отпало. Тогда он решил почитать то, что пишет про него пресса отечественная. Андрей Вячеславович сделал новый запрос в поисковике: «Андрей Кураев, гомосексуалист, педераст, пидор, сенсация, признание» и тот выдал новую порцию ссылок. Количество ссылок было несравненно бóльшим, чем ранее, но у Кураева отпало всякое желание ходить по ним, лишь только он прочел заглавия статей в ответе поисковика:

«**Отрыжка проклятого хама**» — так озаглавил свою статью «Русский вестник»;

«**Содомская блевотина церковного либерала, снявшего маску**» — озаглавила свою статью «Русская линия»;

«Выпердыш советской партноменклатуры оказался моральным уродом и извращенцем» — озаглавил свою статью «Третий Рим».

А далее шли такие названия статей:

«Библия предписывает казнить Кураева и подобных ему»;

«Не оставляй мужеложца в живых!»;

«Педераст Кураев оскверняет грехами Святую Русь!»;

«Педераст навлекает на нас Божий гнев!»;

«Душевный стриптиз старого мужеложца на ступенях храма»;

«Педераст Кураев вывернул наизнанку свое гнилое и смердящее нутро»;

«Пидорскую суть не скрыть! Признания бывшего диакона Кураева»;

«Провал агента Гоминтерна»;

«Мощи московских святителей заставили демона во плоти признаться»;

«Очистим церковь и Россию от Кураевых!»;

«От него смердело Содомом уже давно!»;

«Что нового о Кураеве? Он таки пидор!»;

«Педерастическая свинья Кураев под дубом»;

«Колбаса в заднице под балет Чайковского»;

«Кураев и инородное тело прямой кишки»;

«Когда стыдно звать «скорую»: странные немощи педерастов»;

«В Духовную Академию пролез бес из Содома»;

«Профессор. Либерал. Пидор».

Поисковик даже привел фрагмент первой статьи, в котором говорилось: «Предположение о том, что Андрюшка Кураев балуется под хвост, высказанное «Русским Вестником» ещё в статье 2012 года под названием «Спецмиссионер Кураев», блестяще подтвердилась: да, балуется; и не только под хвост!».

Особо изумился Андрей Вячеславович статье, размещённой на одном из сайтов старообрядцев-ультраконсерваторов, с заголовком:

«Один никонианец засунул в попу палец...»

Просмотрев ответы поисковика, Кураев решил по ссылкам не ходить — одних названий статей для него было достаточно. По крайней мере, на сегодня.

Тогда Кураев вспомнил, что он давно выключил телефон и что ему, наверное, успело позвонить уже много людей. Кураев включил телефон и увидел, что да, звонков было действительно много. А некоторые звонившие даже оставили для Кураева голосовые сообщения. Среди таких были Шевчук, Кинчев и Зладостанов, известный под кличкой «Хирург».

Сначала Кураев послушал Кинчева:

— Слушай, ты, пидор! — говорил Кураеву известный рок-музыкант и кумир молодежи. — Позвонил тебе, пидор, чтобы плюнуть тебе в твою пидорскую рожу, хреноглот! Но тебя нет... Так слушай, пидор сраный! Отвали от меня и не показывайся больше мне на глаза! Как я с тобой только дружил, гавно вонючее! Даже не говори никому, что был со мной знаком, пидор! А ещё на концерты мои ходил и перед ними проповеди всякие говорил... Кастрировать тебя, гандона, надо и на кол посадить! Иди к чёрту! Заявишься ко мне — смотри! Саксофон из твоей жопы врачи выковыривать будут! Под похоронный марш! Слышал?! Я тебя предупредил!

Затем Андрей Вячеславович решил послушать Шевчука:

— Ах ты сраный пидар-рас-с! — надрывно шипел и рычал Шевчук, другой известный рок-музыкант и кумир не только молодежи, но и людей постарше. — Как ты смел, пидор заднеприводный, на наших концертах ошиваться и что-то там про Христа вякать в своих сраных проповедях?! Ещё раз придешь — яйца тебе, пидар-рас-с оторву! И член отрежу! И в рот тебе засуну! Гомосек чёртов! Держись, падла, от меня подальше! Понял?! Жопу себе ещё не разорвал там, сраный гандон?! Ну, всё... Катись! Слышишь?! Катись! Пидар-рас-с-с... Покажешься на глаза — я твою жирную сраку на самый большой барабан

натяну и на ней «Последнюю осень» или «Родину» сыграю! Молотом, кувалдой, которой костыли в шпалы забивают!

Наконец, Кураев переключился на Зладостанова:

— Эй, ты, пидор! — вещал знаменитый байкер. — Предупреждаю — если ещё раз сунешься в нашу компанию, чтобы «слово Христа» нести... Или просто сунешься и на глаза мне попадёшься, то я засуну тебе в жопу по самые гланды глушитель от моего «Харлея-Дэвидсона»! Понял, хреноглот?! Теперь все про тебя всё знают — так что сиди отныне в своей дыре и помалкивай! И не смей никому говорить, что меня знал! Желаю тебе, чтобы то порвал свою сраку, истек кровью и сдох, как собака! Пидор вонючий!

Среди прочих голосовых сообщений Кураев увидел и сообщение от Никиты Джигурды; но Андрею Вячеславовичу хватило и прежних сообщений; поэтому сообщение от Джигурды он открывать и слушать не стал, примерно представляя себе, что в нём могло содержаться. Почему Джигурда позвонил ему Кураев так и не понял: ведь он с ним, собственно, не был знаком и его жизненный путь никак не пересекался с жизненным путем Джигурды.

В этот момент телефон зазвонил. Кураева домогался кто-то неизвестный. Но Кураев и так был слишком взволнован, чтобы с кем-то общаться, и поэтому немедленно выключил телефон.

Когда вечером из консерватории пришёл Александр, то Кураев рассказал ему о том удивительном даре, который у него внезапно открылся. Кураев даже напел — и весьма недурно — несколько мелодий, которые он услышал, когда стоял на скале, на краю обрыва. И Александр нашёл их прекрасными. Он даже не поверил, что Кураев сочинил их сам — ему показалось, что это взято откуда-то из Моцарта или Гайдна. Александр записал эти мелодии на клочке бумаги — ибо у Александра был абсолютный слух и он «в лицо» знал все ноты и мог свободно, безо всяких камертонов, брать каждую из этих нот с изумительной точностью.

А дальше Александр показал эти мелодии одному пожилому преподавателю консерватории и тот заинтересовался Кураевым. Оказалось, что у Андрея Вячеславовича появился такой же замечательный абсолютный слух, как и у Александра — и даже значительно лучше. Оказалось также, что у Кураева был не только абсолютный слух, но и относительный. А ещё, как уже говорилось, Кураев прекрасно запоминал услышанные и сочиненные им мелодии и свободно мог их воспроизвести. И он видел все эти мелодии «в красках».

Вобщем, как уже тоже говорилось, чтобы стать композитором, Кураеву надо было только лишь научиться записывать на бумагу ту музыку, которая звучала у него в голове. И Кураев, как мог, принялся за обучение музыкальному искусству — ведь делать ему всё равно теперь было нечего. А устроиться на работу теперь мог разве что конференсье в гей-клубе.

Меж тем денежные накопления Кураева постепенно истощались. Он уже долго жил на подаяние поклонников его литературного творчества и его проповеднического таланта — но этих денег, этих пожертвований он получал очень и очень мало. А после своего скандального саморазоблачения этот источник иссяк. Никто не переводил Кураеву денег на карту больше ни копейки. И даже один епископ, сочувствовавший Кураеву и не одобрявший тех гонений со стороны священноначалия, которые обрушились на Кураева, — и тот перестал ему делать небольшие пожертвования после того, что произошло на ступенях храма Михаила Архангела. Тогда Кураев продал свою дачу в Абхазии, которую в свое отсутствие там сдавал постояльцам; вместе со старшим братом Кураев также продал и родительскую московскую квартиру. На полученные деньги он думал хоть скромно, но достойно просуществовать лет семь или, может быть, даже десять — до тех пор, пока не наступит пора получать пенсию. Правда, пенсия эта предполагалась достаточно нищенской...

Получив деньги, Кураев купил себе приличный синтезатор и начал учиться на нём игре на фортепиано. За полгода он достиг того, что мог наигрывать основную часть композиций, звучавших у него в голове. Эти композиции были очень сложными, а даже самые простые произведения Кураев тогда не мог исполнять сносно; но по-примитивному, с перерывами, он всё-таки мог кое-что наиграть. Научиться ассоциировать клавиши со звуками и красками, звучавшими и являвшимися у него в голове, и вслепую находить эти клавиши на синтезаторе заняло у Кураева как раз эти самые полгода. И это оказалось для Кураева не намного сложнее, чем научиться печатать «вслепую» на компьютерной клавиатуре. А ещё за эти полгода Кураев обучился нотной грамоте вплоть до того, что мог читать музыку «с листа». Конечно, он не мог исполнять её «с листа» — ибо произведения были сложными, — но музыка при чтении «с листа» звучала и начинала жить в самой голове Кураева...

Научившись читать музыку «с листа», Кураев ещё за месяц научился записывать её на лист. Попутно со всем этим Кураев изучал теорию музыки; и тут оказалось, что не то, что звучало в голове у Кураева, надо было согласовывать с тем, что написано в книгах, а, скорее, наоборот. Гармония и оркестровка произведений Кураева были совершенны ещё «в голове» у него, и если какая-то правка после перенесения на бумагу и требовалась, то она была ничтожно малой. Андрей Вячеславович с легкостью сочинял «в голове» и записывал «прямо из головы» даже сложные полифонические произведения. Кураев прекрасно ощущал и замечал все недостатки равномерно темпированного музыкального строя и делал многочисленные попытки выйти за его рамки, чтобы придать своим произведениям более естественное звучание. Александр же старался помочь Кураеву в его первых шагах в мире музыки.

Время шло. Наступила середина мая. Александр уже почти написал то произведение, которое хотел показать на выпускных экзаменах — ибо он заканчивал консерваторию. Это произведение Александр писал долго — он начал его ещё в декабре. А уже к середине весны Александр стал осознавать, что Кураеву для написания чего-то подобного понадобилось бы не более недели, а то и всего несколько дней; и при этом ему не пришлось бы помногу раз всё править и изменять, подолгу экспериментировать, сидя за фортепиано или за синтезатором. Кураев мог вообще не пользоваться всем этим — он мог просто взять и, поднапрягшись, написать всё «из головы» дня за три-четыре.

Собственно говоря, как правило, Кураев писал свои произведения не на нотную бумагу, а в компьютерных редакторах. Это позволяло сразу же проиграть написанное на программном синтезаторе. Кураев ознакомился также с несколькими программами, которые сами сочиняли музыку, которые сами подсказывали, как надо писать её и находили ошибки в уже написанном произведении или его части. Такие программы, как правило, давали советы по исправлению ошибок, предлагая при этом различные уже готовые варианты исправления. Но всем этим Кураев не пользовался: эти советы и подсказки для его произведений или вообще не возникали, или только портили то, что написал Кураев, и бесцеремонно вмешивались в его замыслы, не понимая, что в них к чему.

Настали первые дни июня. Александр готовился к выпускным экзаменам. Но за два дня до них его убили в одном из московских дворов, недалеко от консерватории. Александра забила бейсбольными битами, утыканными гвоздями, толпа каких то отбросов. Следствие так и не вышло на преступников. Когда Кураева вызвали на допрос, то он встретился в полиции со свидетелями убийства. Один из них сказал Кураеву, что будто бы слышал крики нападавших, которые орали: «Бей пидараса!» и «Сдохни, пидор!». Но эти слова свидетеля дознаватель отчего-то не занёс в протокол.

После смерти Александра мир снова померк для Кураева. Мелодии перестали приходить к нему. Он вновь лежал днями на кровати в зашторенной от солнечного света тёмной комнате и ни о чём не думал. А когда через две недели ему стало немного лучше, Кураев оказался охвачен сильнейшим неожиданно возникшим покаянным чувством. Под воздействием этого чувства Кураев составил огромный список своих грехов и поехал ка-

яться в них в Троице-Сергиеву Лавру, к великому старцу и прозорливцу архимандриту Науму. Тот почему-то принял Андрея Вячеславовича безо всякой очереди и смиренно и кротко выслушал его исповедь. Кураев покаялся во всём, в чём только можно. В том числе во множестве грехов, перечисленных в книжке «В помощь исповедающимся». Кураев исповедался в грехах, значившихся там под пунктами с 901 по 915 и далее, а также во многих других пунктах вроде пункта 328, гласившего: «Испускал дурной воздух в храме».

Покаявшись, Кураев завел речь о том, что, прожив нормальным человеком почти всю свою жизнь, на шестом десятке лет он вдруг почувствовал себя геем после приключившихся с ним повреждений мозга и психологических стрессов. А после подобных рассказов Кураев добавил, что, по-видимому, гомосексуальность у него — вовсе не от развращенности и от демонов, а от травм, и что теперь, после травм он стал «физически и духовно устроен иначе». То, что с ним произошло, — заключил Кураев перед отцом Наумом, — это что-то вроде приобретения «врождённой гомосексуальности», обусловленной психологически и биологически. А ещё Кураев добавил, что он очень сильно скорбит по любимому им Александру, убитому в самой молодости, и что больше он, Кураев, не мыслит жизни без него. Сказав это, Андрей Вячеславович с нетерпением стал ждать старческого ответа и совета.

— Бес хочет обмануть тебя! — молвил, выждав некоторое время, старец Наум. — Нет никакой врождённой гомосексуальности. Бес насел на тебя по грехам твоим и соблазняет тебя к мужеложеству, а ты, окаянный, по развращенности твоей, следуешь советам и нашептываниям беса и распаляемой в тебе блудным бесом блудной страсти. И вот грехи твои, за которые бес получил над тобой власть: ты, раб Божий Андрей, был модернистом и сторонником отмены многих святых канонов нашей церкви; ты покрывал и оправдывал экуменистов, врагов Божьих! Ты заступался за «Pussy Riot»! И эти твои дела говорят о том, что ты взрастил в себе великую гордыню — ты возгордился так, что восстал даже на священные каноны и правила, установленные святыми мужами на святых соборах и принятые повсеместно церковью от времён древних. А эти правила святая церковь заповедала хранить навек неизменно! Ты же, Андрей, по гордости своей, всё это вменил ни во что и восстал на церковь и на Бога! А ещё, раб Божий Андрей, ты не по-православному учил народ о колдовстве — о всяких порчах и сглазах. Ты учил, что будто бы всего этого нет или что, по крайней мере, православному христианину ничего из этого не грозит, подавая тем самым великий соблазн — ибо жития святых ясно нам говорят, что колдовство, волшебство, волхвование есть и что оно действует; причем, по попущению Божьему оно действует даже на православных христиан! За это-то Бог и убрал с тебя Свою божественную защиту и предал тебя на поругание блудным демонам и распаляемым ими страстям! Сотвори же достойный плод покаяния! Ибо грехи твои возопиют пред Богом о возмездии и земля, которая осквернилась от мерзких противоестественных грехов твоих, также вопиет к Богу о возмездии и просит очищения чрез пролитие твоей оскверненной противоестественным нечестием крови! Покайся — ибо и секира уже при корне дерева лежит, и огонь всепоедающий и неугасимый ожидает соломую! И не ищи себе оправданий! И помни — бес скрывается под маской всяких травм мозга и травм психики!

Отец Наум разрешил Кураева от исповеданных им грехов и тот, под шушуканье и подозрительные взгляды узнавших его духовных чад отца Наума, ожидавших приема, вышел из келии старца и направился на причастие в храм Успения Пресвятой Богородицы.

Кураев причастился. И сейчас, как и тогда, когда Кураев исповедовался и причащался в больнице, он снова не почувствовал ничего возвышенного, просветляющего и утешающего душу — словно вместе с травмой мозга для Кураева стала недоступна столь важная для него прежнего область бытия, словно вместо открытой двери туда он обнаружил стену с толстой кирпичной кладкой. Кураеву даже казалось, словно её, этой области, никогда и не было, а те смутные воспоминания о ней, которые ещё оставались в голове, представлялись Кураеву пришедшими не из действительности, а из какого-то странного сна.

Осознав всё это, Андрей Вячеславович снова опечалился. Он вышел из храма и немного бездумно и бесцельно побродил по Лавре, а затем с грустным видом уселся на лавочку. И тут к лавочке подошла косая, хромая и горбатая старуха.

— Разрешите присесть? — спросила она невообразимо высоким, красивым и певучим голосом.

— Садитесь! — сказал Кураев и вновь погрузился в свои тяжёлые думы.

Кураев вспоминал ту радость, которую он испытал, когда поверил в Бога; он вспоминал годы далёкой юности и молодости, когда учился в МГУ, в семинарии и в Академии, годы, в которые был референтом у Патриарха и разъезжал вместе с ним по стране и по миру. Он вспомнил и многие годы миссионерства, в которые нёс проповедь Христову по всей России и по соседним странам, вспомнил многочисленные встречи с молодежью, со студентами, которых он так любил; он вспомнил, как писал христианские книги и как преподавал в стоявшей рядом Духовной Академии... Он вспомнил, как вёл борьбу за чистоту церковных рядов и бесстрашно выступал против церковных геев и церковного гей-лобби и, не боясь, бичевал митрополитов, членов Синода и даже самого Патриарха. Он вспомнил, какие бедствия претерпел от них и как был отовсюду ими изгнан... И вот теперь — что в итоге? «В какой тьме пребываю я ныне! И что мне делать дальше? Ведь выхода нет!» — подумал Кураев и на его глазах невольно навернулась слеза. «Бог оставил меня. Бог предал меня. И не только оставил и предал, но и всадил мне нож в спину. И не защитил, а ушёл, оставив на растерзание злодеям. И если теперь демоны смеются надо мной, то, может быть, и Бог смеется вместе с ними, наблюдая за моими бедствиями... Может быть, я всю жизнь зря служил какому-то подлому предателю и злобному злодею и лицемеру, скрывавшемуся за маской голубя? Служил «накрашенному гробу, полному всякой нечистоты» — как говорил Иисус про фарисеев. Одной рукой он предписывает побивать камнями, а другой — нарочно, словно для развлечения, создает людей, которых надо побивать. И смеётся этой забаве. Его совесть черна» — думал свои тяжкие мысли Кураев. И от этого ему становилось ещё грустнее и ещё тяжелее.

Та женщина была ведьмой. Да-да — той самой ведьмой... И она увидела, что сидящему рядом с ней мужчине нехорошо. Ведьма не узнала Кураева, хотя и видела его фотографию: ведь за прошедшее время Кураев сбрил усы и бороду, сделал красивую и модную причёску, стал носить светские одежды и даже похудел — в особенности на лицо.

— Вам плохо? — спросила ведьма Кураева.

— Мне не только сейчас плохо, — сказал Кураев, — у меня вся жизнь такая. И нет выхода.

— Знаете, — сказала ведьма, — знаете, что говорил Серафим Саровский? Если ради того, чтобы попасть в рай после смерти, в этой жизни надо бы было всю жизнь пробыть в тёмной зловонной яме, полной червей, постоянно мучаясь, — то всё равно надо было бы, не сомневаясь, выбрать такую ужасную жизнь и, не ропща, прожить её...

— Я слышал об этом, — грустно сказал Кураев, — но порой то ли демоны, то ли сама жизнь вводят в такие бедствия, что не понятно: где же Бог и почему Он молчит и ничего не делает? И почему столько силы в руках Его врага, Дьявола?! И тогда мучает вопрос: подлинно ли Бог благ и подлинно ли в Нём нет никакого зла? И неужто ли власть тьмы и демонов, власть всяких бедствий и всякого горя может быть так сильна при таком благом Боге?

Ведьма слегка улыбнулась и ответила на это:

— Достоевский говорил, что глубину и могущество власти Дьявола над творением Божиим трудно даже и вообразить, ибо она доходит до глубин, человеку неведомых и его умом неохватываемых...

Кураев тоже улыбнулся; затем он встал с лавочки и вновь начал бесцельно бродить по Лавре в тяжелых раздумьях.

Что же делала эта ведьма в Троице-Сергиевой Лавре? Ну, мало ли какие дела могут быть у ведьмы в монастыре и в монастырских храмах! Православная подвижница Пелагея

Рязанская (пожалуй, даже гораздо более православная, чем сам Кураев) как-то сказала одной из своих собеседниц по поводу людей, любящих паломничать по всяким известным святым местам: «Есть такие люди, которые мечтают: «Загорск! Загорск!». А что — Загорск?! Там колдунов полно. Где святыня, там и нечистая сила слетается! Кого там просто соблазняют, а кого и портят! Вот вам и Загорск!». Но ведьма, с которой встретился Кураев, пришла тогда в Лавру вовсе не затем, чтобы кого-то околдовать и навести на него порчу. Нет. Эта ведьма любила изредка приходить в святые места — в монастыри и в храмы, чтобы отдохнуть там душой.

Ведьма, о которой идет речь, стала ведьмой ещё в детских годах. Она приняла «колдовскую силу» — то есть получила служащих ей бесов — по наследству от своей умиравшей бабушки, ведьмы. Не только бабушка, но и мать ведьмы, с которой встретился Кураев, тоже была потомственной ведьмой. И эта ведьма, с которой встретился Кураев, влезла в колдовские дела, что называется «по самые уши»: она не была шарлатаном или каким-то жалким и наивным экстрасенсом, для которых оставалась возможность относительно безболезненно «вылезти» из колдовства, покайсявшись в церкви и прибегнув к её помощи. Для таких людей, как эта ведьма выход из колдовства грозил смертью. Конечно, ей могло и повезти, но риск всё равно был и он был очень большим; на кону была сама жизнь.

Есть ведьмы, погрязшие во зле и наслаждающиеся творимым им злом. Отчасти таковой была и эта ведьма — но лишь отчасти и, скорее всего, оттого, что была вынуждаема бесами заниматься колдовством и, занимаясь им, постепенно понемногу привыкла к чувству наслаждения и радости от творимого ею зла. (При этом, как известно, даже самые отъявленные ведьмы, колдуя и с помощью бесов нанося зло, всё-таки порой не очень-то стремятся творить слишком большое зло, опасаясь грядущего возмездия.) Когда ведьма долго не творила зла через колдовство, то к ней приступали бесы и различными муками заставляли её вновь и вновь колдовать — пока она не выполняла некий нужный для бесов «план» по колдовству. После этого бесы отставляли её и давали пожить некоторое время более-менее спокойно. И в эти моменты ведьма и посещала храмы и монастыри — ибо там она чувствовала себя спокойнее и лучше; и эти святые места давали для неё некую защиту от нападений демонов. Однако же, когда «план» по колдовству был не выполнен, то в святых местах ведьме было очень и очень плохо от бесовских нападков; и в такие моменты она старалась покинуть святые места как можно скорее, чтобы не вызывать недовольства Князя Тьмы и его демонских легионов. Порой ведьма даже подумывала о том, чтобы причаститься — разумеется, не открывая на исповеди о том, кто она, не каясь в колдовстве и не обещая порвать с Сатаной и прекратить колдовать. Ведьма хотела бросить колдовать — но не могла, ибо опасалась последствий, а именно мести от Сатаны и других колдунов. А иногда, совсем редко, ведьма всё-таки подумывала о том, чтобы покаяться по-настоящему. Ибо с самого детства своего, ещё только связавшись с демонами, она сразу же поняла: главная цель и назначение ведьм — гадить людям и мучить их и причинять им всякое зло; а это ей не очень-то и понравилось. Но после того, как ведьма подумывала о покаянии, ей являлись бесы и говорили, что после покаяния она не проживет и суток: ибо ей сразу же явятся окрестные колдуны и служащие им бесы во главе с самим Сатаной и вмиг живьем разорвут её на части. И это будет ей, — как говорили бесы, — наказанием за всё то зло, которое она совершила. То есть по их словам, по божьему приговору и божьему попущению, она будет должна пострадать за свои грехи ещё при своей земной жизни и принять за эти грехи смерть. И ведьма, с которой встретился Кураев, очень боялась этих угроз.

Поэтому-то эта ведьма и находилась тогда в Троице-Сергиевой Лавре, испытывая нечто, похожее на приступ покаянного чувства, и отдыхала там душой от бесовских нападков и от службы бесам, пользуясь некоей свободой и неким покоем. И она вовсе не собиралась колдовать на кого-то и насылать на него порчу. Поэтому Кураев, встретившись с ведьмой, был в безопасности.

Что же Кураев? Он бесцельно и бездумно бродил по Лавре, пока не увидел, что стоит близ Троицкого собора, в котором почивали мощи преподобного Сергия Радонежского. Кураев вспомнил, как во время учебы в семинарии он часто с благоговением приходил в этот храм, чтобы приложиться к мощам; он вспомнил и о том, какую радость при этом испытывал. И вместе с этим Кураев вспомнил, в каком состоянии богооставленности и омрачения он находится теперь, не имея надежды на какую-либо помощь от Бога. «Бог оставил меня и подло предал меня; и не защитил меня и ударил мне ножом в спину; и подарил мне камень вместо хлеба. И сейчас Он, наверное, смеется надо мной вместе с Дьяволом. Благой Бог, допускающий такое торжество бедствий и страдания и такое торжество нечистой силы — разве это благой Бог?!» — вновь подумал Кураев. А потом он вспомнил слова, которые часто любил повторять известный безбожник и отступник от веры Дулуман: «Да поймите же вы, наконец, что единственное оправдание для вашего Бога — это то, что Его нет!». Вспомнив эти слова, Кураев горько усмехнулся. Он давно и много раз слышал эти слова; они давно набили Кураеву оскомину, но только сейчас он «на практике» понял всю глубину этих слов и нашёл то «рациональное зерно», которое было в них заключено. Даже, если хотите, он понял ту «свою правду», которая была в них. Но всё же эти слова не вполне удовлетворяли Кураева: ему, скорее, сейчас казалось, что Бог всё-таки существует, но прячется от него, втайне посмеиваясь над его горем и его страданиями, словно объединившись вместе с Дьяволом, чтобы мучить его, Кураева, и сживать его со света.

Кураев зашёл в Троицкий собор и огляделся вокруг. Всё было по-прежнему. Вот, рядом с Кураевым стояла рака с мощами Сергия; всё те же иконы, всё те же стасидии возле стен; но Кураеву не захотелось ни приложиться к мощам, ни перекреститься — как это было раньше, всего лишь менее двух лет назад. Вместо этого Кураева охватили какие-то странные чувства; в них были и гнев, и жажда правды, и обида, и уверенность в собственной правоте, и невероятная смелость и храбрость. Кураев пришёл в иступление; он поднял вверх руку, зажатую в кулак, и, глядя на икону над алтарем, обратился с грозной и громкой речью к Богу:

— Будь Ты проклят, безучастно сидящий на Небе на Своем холодном мраморном троне и взирающий на людское горе! Будь проклят Ты, подающий камень вместо хлеба, Ты, просмердевший всё Небо Своей чёрной совестью! Будь Ты проклят, Иуда! Будь Ты проклят, покрашенный гроб, полный мерзости внутри! Будь Ты проклят, если Ты есть!

Кураев резко опустил руку, повернулся к дверям и быстрым шагом вышел из храма. Его путь лежал обратно, домой. Затеянное им покаяние не принесло ничего; стало даже хуже: Кураев проклял Бога, не очень-то сомневаясь в Его существовании — хотя и прибавил к своему проклятию слова «если Ты есть». Кураев ехал домой и думал про себя: «Теперь мы отдельно друг от друга. Бог — Сам по Себе и я — сам по себе; и не надо больше никакой злобы и проклятий. Ведь, как говорят, настоящая противоположность любви — не ненависть, а забвение, полное забвение».

Когда Кураев приехал домой, он снова лёг на диван и снова погрузился в меланхолию и пустоту забвения. Даже музыка не радовала его. Так продолжалось целую неделю. Наконец, из этого чёрного и мрачного состояния Кураева вывел профессор консерватории, который присматривал за Кураевым после того, как узнал о нём и о его даровании от покойного Александра. Профессор время от времени руководил Кураевым: он давал ему разные указания о том, чем ему следует заниматься далее, а также просматривал и прослушивал те сочинения, которые писал Кураев; порой профессор даже давал Кураеву задания написать то-то и то-то. Этот-то профессор и позвонил Кураеву и спросил: почему его давно не видно, почему он давно не приходит в гости и не показывает, как он выполнил данные ему задания?

— Вы же знаете, — ответил Кураев, — что я — гей, и что Александра убили. А это убило меня. Я не знаю, как теперь жить. Я лежу целыми днями и ничего не делаю. И мне

ничего не идет в голову. Вокруг — один мрак. И мне кажется, что у меня нет больше никакого будущего.

— Знаете что? — сказал профессор. — Приезжайте сегодня вечером ко мне. Я как раз свободен и мы можем поговорить и попить чаю. Может быть, я вам помогу советом. К тому же вам уже давно пора подняться с дивана и развеяться.

— Хорошо, — сказал Кураев, — обязательно приеду.

Когда Кураев приехал к профессору, тот сразу же предложил выпить чаю. Профессор жил одиноким холостяком; его первая и последняя жена умерла ещё в годы его молодости; детей у него не было.

За чаем профессор консерватории и бывший дьяк Кураев сначала поговорили о разных житейских мелочах, а затем, когда Кураев вновь стал жаловаться о том, как ему плохо — в особенности, после того, как его покинул Александр, — и говорить, что теперь он не видит перед собой ничего впереди, профессор перебил его и сказал:

— Знаете, когда у меня умерла после тяжелой болезни жена, я был в подобном тяжелом положении. Я знал и понимал, что не полюблю больше никого иного и оттого мне было ещё тягостней. Тогда я был начинающим композитором и после этой смерти не мог написать не строчки несколько лет. Тогда я ощущал себя творчески совершенно бесплодным; но вместо того, чтобы совсем порвать с музыкой, я почему-то пошёл преподавать. Я был довольно неплохим преподавателем и, как видите, по педагогической и научной линии дошёл до того, что стал профессором. Работа с молодыми людьми как-то разбавила мое одиночество и отчасти придала смысл моей жизни. Я полюбил молодежь. У меня не было своих детей и возможность как-то воздействовать на молодых, заставляя смотреть их на мир своими глазами и учиться смотреть на мир их глазами самому, каким-то образом скрасила мне бездетность. Собственно, жизнь консерваторией, жизнь интересами студентов и забота о них — это всё, что у меня осталось, всё что связывало и связывает меня с жизнью и всё, что было для меня дорого и всё, что остается дорогим для меня сейчас.

— Я так и не стал более-менее знаменитым композитором, — продолжал профессор, — ибо слишком много времени я уделял консерватории и студентам; но я не жалею об этом. Через несколько лет я уже отошёл от утраты и смог понемногу писать музыку — чисто для развлечения, — но ничего крупного я так и не написал. И знаете, чем было обусловлено мое возвращение к написанию музыки и к жизни вообще? Я очень скорбел по жене. Я очень любил её. И однажды я осознал, что любовь к ней продолжала жить во мне потому, что какая-то частица моей любимой всё ещё жила во мне и любила меня; эта частица моей любимой, живущая во мне, была подобна теплу от закатившегося солнца. И она была самым дорогим, что осталось у меня. Затем я понял, что эта частица подобна искре: если её раздувать и постоянно питать любовью, то она никогда не угаснет и будет любить тебя всегда; да, она никогда не угаснет и будет освещать и согревать твою жизнь своей любовью до самой твоей смерти. И я, если можно так сказать, раздувал эту искру. Я говорил с ней, я гулял с ней, я пытался смотреть на мир её глазами. Окружающие думали, что я помешался. Но, хотя это и продолжалось довольно долго, в конце концов я смирился с утратой и научился жить вместе с этой искрой, с этой частицей, любя её; и она разогрелась от этой любви; она стала освещать мою жизнь, согревать меня и любить меня в ответ. Она придала смысл моей жизни и вдохнула в меня новые силы, она дала мне вдохновение. Я даже стал смотреть на мир её глазами и чувствовать её чувствами. Все свои немногие произведения — очень даже неплохие произведения — я написал под тем вдохновением, которое мне дала мне эта искра и все мои произведения были озарены её светом и её любовью...

Профессор закрыл глаза и замолчал, что-то вспоминая. Кураев не посмел прервать молчание и тоже сидел молча за столом, прихлебывая чай. Наконец, профессор заговорил снова:

— Знаете... я прошу вас подумать вот о чем: возможно, часть Александра ещё жива в вас. Словно тепло зашедшего солнца в траве или в камне. И эта часть по-прежнему

любит вас. Попробуйте же отыскать её. И если вы отыщете её, то, возможно, она поможет вам вернуться к жизни и к работе и, может быть, даже поможет вам в самой работе.

После этого профессор и Кураев говорили ещё много о чем, но эти слова почему-то Кураев запомнил особо. Под конец встречи профессор сказал Кураеву, что, по его мнению, Андрей Вячеславович уже вполне мог бы взяться за серьезные произведения и написать оперу или балет.

Этот разговор запал в душу Кураева. Целый следующий день он обдумывал слова профессора и пытался понять: каким образом часть Александра могла всё ещё продолжать жить в нём и как можно было эту часть найти и с ней связаться? Но ничего путного в голову Кураева так и не приходило. Через несколько дней Андрей Вячеславович ходил по своим делам по городу. Уже под вечер он проходил мимо парка аттракционов. Кураев вспомнил, что именно в этом парке они несколько раз гуляли и веселились вместе с Александром в первый месяц после того, как они встретили друг друга. На глаза Кураева навернулась слеза. И тут произошло что-то удивительное. Солнце заходило, но его не было видно из-за нависших над городом туч. Но среди этих туч, где-то близ горизонта, был разрыв. И в этот разрыв пробились последние лучи заходящего солнца. Они осветили вращавшееся колесо обозрения, на котором давным-давно катались вместе Кураев и Александр. И это колесо обозрения заиграло золотистыми и багровыми красками под лучами солнца — заиграло среди мрака, образовавшегося в городе от туч. Кураеву почему-то показалось, что это Александр шлёт ему привет и говорит, что всегда будет с ним. А затем Кураев ощутил в себе то, о чем ему недавно говорил старый профессор: да, частица Александра осталась в нём и она была по-прежнему жива и не собиралась умирать. И тогда Кураев решил, что будет писать музыку ради него, Александра и в память о нём. А уже на следующий день Андрей Вячеславович ощутил в себе силы засесть за серьёзное произведение.

Менее чем за год, к следующему лету, Андрей Вячеславович закончил две оперы и один балет. Две оперы назывались: «Прометей» и «Ио», а балет назывался «Король Лир». Либретто к первой опере основывалось на мифах о Прометее и на трагедии Эсхила «Прометей прикованный». Либретто ко второй опере также основывалось на мифах об Ио и на трагедии «Прометей прикованный», но в ход событий была вплетена новая сюжетная линия, которая стала основной. Эта линия была следующая:

Зевс домогается Ио и преследует её, не давая ей покоя; жена Зевса превращает Ио в корову и эта корова продолжает убегать и скрываться от Зевса. Но при этом появляется некий смертный пастух, сын смертного и речной нимфы, который может видеть Ио в её прежнем виде, и влюбляется в неё; она отвечает взаимность. Этот пастух становится на пути Зевса и его жены и пытается защитить Ио, свою возлюбленную, от домогательств, преследования и гнева богов. Но все его усилия тщетны. Тогда он проклинает Зевса за все его злые и бесчеловечные дела и ругает его. После этого ищет случая вступить с ним в битву. Но Зевс лишь смеётся над ним. Тогда этот пастух намеревается отыскать путь к обители богов на Олимпе, придти туда и там сразиться с Зевсом. Для этого пастух приходит к прикованному к скале Прометею и пытается вывести у него путь к обители богов. Прометей изумляется его безрассудству и пытается отговорить его, указывая на те муки, которыми подвергнет его Зевс в Аиде или в Тартаре. Но пастух не слушает Прометея. Тогда титан открывает ему путь к обители богов. Пастух с мечом приходит туда и вызывает Зевса на поединок. Зевс снова лишь смеется. Тогда пастух нападает на бога и тот поражает его молнией. Душа пастуха нисходит в ад, чтобы вечно мучиться; перед самой смертью пастух говорит:

Пусть прокляты все боги будут,
Что правят над людьми насильем
И правду подавляют ложью
И ни во что любовь вменяют смертных,
И следуют своей презренной страсти,

Что забавляются людскою мукой,
В блаженстве свой нектар вкушая!
Быть в глубине Аида с правдой лучше,
Чем на Олимпе на пиру злодея!
И если б тысячу имел я жизней —
Всех их прожил бы я,
Сразить пытаюсь Зевса
И от неправд его
Любовь свою избавить!
Да будет проклят он,
Тиран эгисоносный
И злое семя Крона!

Либретто к операм, как и к балету, Кураев написал сам — он внезапно обнаружил в себе также и поэтический дар, чему сильно удивился.

К середине мая две оперы и балет были уже готовы и Кураев передал профессору консерватории их конечный вариант. Профессор весьма похвалил произведения Кураева и перешёл к самому важному. Летом в Москве готовился музыкальный фестиваль всяких новинок, на котором этот профессор хотел представить произведения Кураева. Но, поскольку Кураева никто не знал, профессор решил пойти на хитрый трюк: он решил выдать произведения Кураева за свои, а затем, после фестиваля, объявить о том, кто был истинным творцом этих произведений. Профессор сказал Кураеву, что, по условиям фестиваля, только лишь одно из произведений участника конкурса может быть поставлено сцене и поэтому ему, Кураеву, придется выбрать произведение, которое он хочет увидеть поставленным на сцене. И Кураев выбрал оперу «Прометей». Следуя выбору Кураева, профессор передал организаторам фестиваля произведения Андрея Вячеславовича под видом своих и уже в последнюю неделю мая начались репетиции. Кураеву оставалось только ждать результата.

Когда Кураев и профессор консерватории встретились на репетиции «Прометея» в начале июня, профессор сказал Кураеву то, что долго скрывал от него — то, что он, профессор консерватории, болен раком и вряд ли доживет до Нового Года. Поэтому Кураеву было предложено нотариально заверить авторство своих музыкальных произведений на тот случай, если профессор умрет ранее предполагаемого срока и не успеет сказать о том, кто был истинный автор «Прометея», «Ио» и «Короля Лира». Это заверение авторства было сделано в следующий день.

Итак, Кураеву оставалось только лишь дожидаться своей славы. Музыкальный фестиваль должен был стартовать в начале сентября и продлиться целых полтора месяца. До злополучного августа, в котором в России был совершён государственный переворот, оставалось более чем полтора месяца.

В середине июня Кураев узнал, что его лишили ученой степени — как светской, степени кандидата философских наук, так и церковной, степени кандидата богословия. Его работы были признаны слабыми и несоответствующими тем высоким требованиям, которые предъявлялись к «настоящим» диссертационным работам. Ученой степени кандидата философских наук Кураева лишил ВАК, основываясь на заключении специально созданной им экспертной комиссии, а также на ходатайстве о лишении ученой степени, которое подал в ВАК Ученый Совет МГУ. Церковной ученой степени кандидата богословия Кураева лишил какой-то церковный Ученый Совет, состоявший из докторов богословия различных духовных семинарий и академий; при этом Ученый Совет ещё руководствовался каким-то заключением синодальной богословской комиссии. Решение этого Ученого Совета о лишении Кураева степени кандидата богословия чуть ли не в тот же день было утверждено Патриархом.

В конце июня началось что-то невообразимое. Книги Кураева уже давно не продавались в церковной сети книготорговли; но от прежних времён кое-какие книги Кураева

остались в церковных библиотеках — от обычной приходской библиотеки до библиотеки Духовной Академии. И вот эти-то книги было решено изъять и уничтожить как «вводящие православных в соблазн и содержащие сомнительное или даже явно неправославное мудрствование». Естественно, что книги Кураева православным рекомендовалось не держать и в домашних библиотеках.

Книги Кураева попросту сжигали как книги еретические. Сожжения книг Кураева даже несколько раз показывали по православным телеканалам. Так, телеканал «Союз» сделал целую передачу, в которой разъяснялось, почему книги Кураева надо жечь; в ней говорилось, что «книги Кураева заражены духом вольнодумства, либерализма и содомии». В другой передаче, передававшейся по православному телеканалу «Спас», старец архимандрит Илий, духовник Патриарха советовал выкинуть книги Кураева из домашних библиотек и предать их сожжению — чтобы никто больше не мог заразиться из этих книг неправославным духом. По тому же телеканалу «Спас» Кураев увидел передачу, в которой, кроме подобных вещей, рассказывалось и показывалось, как со здания МГУ снимают памятную доску с надписью «Здесь учился Андрей Кураев». Но всё это мало затронуло Андрея Вячеславовича. Конечно, ему было неприятно, но все эти удары с лишением учебных степеней и изъятием и сожжением книг он воспринимал как удары весьма слабые и почти незаметные. Кураеву было попросту не до этого — у него появилось новое увлечение и новая страсть — музыка.

Затем наступил июль. И в июле произошло то, что заставило Кураева навсегда покинуть Россию, так и не дождавшись августа.

5. Передовой боевой отряд партии

Возле одной подмосковной деревни, на берегу небольшого озерца, среди лесов, молодёжная организация «Святая Русь» проводила субботне-воскресный слёт для своих членов из Москвы. Эту молодёжную организацию курировали люди из «Единой России».

Было субботнее позднее утро. На поляне перед озером стояла наспех сколоченная сцена, а на ней — трибуна. Прямо на земле перед сценой были расставлено множество стульев, на которых сидела молодёжь; при этом некоторым стульев не хватило и они сидели или полулежали прямо на земле, на траве, подстелив под себя простыни или одеяла.

За трибуной выступал оратор. Справа и слева от оратора стояли хоругви; сзади него было укреплено несколько икон. Выступающим был отец Афанасий, иеромонах, долгие годы подвизавшийся на горах Кавказа, в Абхазии, а затем и на самом Афоне. Собравшаяся молодёжь должна была почти целые сутки слушать различную православно-патриотическую пропаганду с огромной долей нравственных наставлений, уже успевших набить оскомину. Вот и сейчас, немного позёывая, все слушали общие рассуждения отца Афанасия о нравственности. Вдруг по рядам пошло оживление — ещё бы! — отец Афанасий завёл речь о мужеложестве: о том, как гнусны мужеложники и какое зло они всем приносят; о том, как они противны Господу Богу, а также о том, как с ними надо бороться.

Среди собравшихся на лесной поляне близ озерца были довольно известные люди: младший сын Константина Душенова Иван, Дмитрий Энтео и многие его соратники по «Божьей воле». Но что самое интересное — среди молодых людей было видно много уголовных или полууголовных лиц. Первые уже отсидели по несколько лет, а вторые ещё только готовились к этому. Среди последних были и те, кому не раз удавалось избежать суда и тюрьмы только потому, что их родители или они сами давали взятки прокурорам и следователям. Садить же их хотели за дела достаточно обычные: за драки с нанесением телесных повреждений, просто за нанесение телесных повреждений без драки, за кражи, разбойные нападения, сбыт наркотиков, рэкет и тому подобное — не говоря уже о хулиганстве.

Надо сказать, что идейные православные Иван Душенов и Дмитрий Энтео со своими соратниками, составлявшие лишь малую часть собравшихся, сильно удивились, увидав окруживших их на этом сборище людей. Ещё бы — ведь среди них, как было сказано, было множество, а, пожалуй, даже и квалифицированное большинство представителей уголовного или околоуголовного мира; представителей всякой гопоты и, вообще говоря, людей, у которых «всё не лбу написано». Как кажется, здесь было много детей уголовников и алкашей уже даже и не в первом поколении; только наркоманы были в основной своей массе представлены наркоманами в первом поколении. Увидев всё это сборище Иван, Дмитрий и прочие люди их круга опешили и задали сами себе вопрос: чего, спрашивается, им здесь делать среди всего этого сброда? Впрочем, они не могли отказаться присутствовать на этом собрании: ведь об этом их попросили люди сверху, из самой «Единой России» и даже из Государственной Думы. А ещё им дали понять, что эту самую «Святую Русь» курируют высокопоставленные генералы из МВД, а также из другой организации, название которой тоже состоит из трех букв.

Итак, отец Афанасий, стоявший за трибуной, завёл речь о мужеложниках:

— Все мы знаем, сколько сейчас развелось всяких... этих... тех, которые называют себя нерусским словом «геи». Геи они! Тьфу! Мерзость. Слово-то какое ненормальное! Ненормальное, как и они сами! Для названия этих людей на русском языке есть своё слово. Родное слово. И все мы знаем это слово или слова: «пидоры», «пидарасы»! Эй, слушай, ты, гей! Ты никакой не гей! Пидор ты — вот ты кто! Понял?! Пидор! Гнойный пидор! И место тебе не на гей-параде, а в смрадной дыре в горе мусора и всякого гóвна, расположенной на помойке! Вот сиди там тихо — и не высывайся! И знай, пидор, своё место! А то до чего дошло? Это же позор! Позор для Святой Руси! Чего себе эти пидоры ныне позволяют?! Забылись, видимо! Ну, забылись — так мы напомним!

Затем отец Афанасий перевёл дух, немного помолчал и продолжил:

— Братья и сёстры! Знаете ли вы, что нам говорит Святое Писание, Библия о мужеложниках — то есть о пидорах, пидарасах?! Вот что: «Если кто ляжет с мужчиною, как с женщиною, то оба они сделали мерзость: да будут преданы смерти, кровь их на них» (Лев.20:13). Сам Бог, братья и сёстры, дав свой Святой Закон, повелел убивать пидарасов! Поняли? Сам Бог! В своем Святом Законе, в своей Святой Книге! Видите — какой это страшный грех — педерастия! За него положена смерть. Почему? Потому, что Сам Господь сказал: «Не ложись с мужчиною, как с женщиною: это мерзость» (Лев.18:22). Слышите вы? Пидарасы — это мерзость. Так говорит Сам Бог. Они мерзки и пред Богом и пред людьми. Что такое мерзость? Разлагающийся труп — это мерзость. Блевотина — это мерзость. Испражнения, говно — это мерзость. И пидарас — это мерзость. Слышите — чему подобен пидор? Пидор — это труп, это падаль, гóвно, блевотина, жижа навозная. Весь, целиком. И мозги у него — падаль, гóвно, блевотина и навозная жижа, и кости у него, и плоть — всё у него такое; и кровь, что в нём циркулирует — тоже падаль, гóвно, блевотина и навозная жижа. А, что самое главное, — такова и чёрная и смрадная душа пидараса, вся провонявшаяся мерзкими грехами. Всё это — пидорская гнойная навозная жижа. А что люди делают с подобными вещами? Стремятся избавиться от них и закинуть их куда-то подальше, на самую далекую помойку, — чтобы всё это не попадалось на глаза и не воняло. А желательно... Желательно вообще всё это зарыть глубоко в землю где-нибудь на далеком пустыре. И если вы видите гóвно, блевотину и падаль, валяющуюся на улице, то вы, надеюсь, приложите все усилия, чтобы, не дай Бог, не вляпаться во всё это, чтобы никак не соприкоснуться со всем этим. Апостол Павел говорит про то, как надо исправлять грешников: «И к одним будьте милостивы, с рассмотрением, а других страхом спасайте, исторгая из огня, обличайте же со страхом, гнушаясь даже одеждою, которая осквернена плотью» (Иуд.1:23). Вот к пидарасам как раз и надо относиться так, чтобы наводить на них страх и так, чтобы гнушаться даже их одеждой, которая вся провоняла и пропиталась их гноем, их блевотиной, их гóвном, их навозной жижей, из которых они состоят как телом, так и душой. Да что я говорю — одеждой?! Надо гнушаться не только одеждой,

но и вообще всем, к чему прикоснулись пидарасы! Надо гнушаться самих их видом, оскверняющим зрение! Слышите вы, братья и сёстры?! Это не я говорю — это говорит Святое Писание! Это говорят авторы Писания — святые люди, в которых все эти слова вложил Сам Бог, Сам Дух Святой! Слышите, что Он говорит?! Таким людям нет места на земле, нет места среди живых! Эту ходячую мерзость, эту навозную жижу, гóвно и блевотину, этот гной надо убивать — по словам Писания. Убирать подальше, под землю, убивать. А разве так поступаем мы, братья и сёстры?

Тут отец Афанасий снова сделал перерыв, выпил несколько глотков воды из стоявшего на трибуне стакана с чаем, а затем, пылая праведным гневом и словно находясь в каком-то пророческом раже-исступлении, продолжил:

— Так вот, братья и сёстры! Спрошу вас ещё раз: разве так мы поступаем, как это предписывает делать Господь, как об этом говорит нам Святое Писание?! Нет. Не поступаем мы так. И что же за это нам будет от Господа? А вот что, братья и сёстры! Послушаем, что говорит Слово Божье про содомские грехи — то есть про всяких пидарасов: «Не оскверняйте себя ничем этим, ибо всем этим осквернили себя народы, которых Я прогоняю от вас: и осквернилась земля, и Я воззрел на беззаконие её, и свергнула с себя земля живущих на ней» (Лев.18:24-25); и ещё: «Не поступайте по обычаям народа, который Я прогоняю от вас; ибо они всё это делали, и Я вознегодовал на них, и сказал Я вам: вы владейте землею их, и вам отдаю в наследие землю, в которой течёт молоко и мед. Я Господь, Бог ваш, Который отделил вас от всех народов» (Лев.20:23-24).

Обратите внимание, братья и сёстры: пидарасы не просто грешат — они настолько гнусны, что оскверняют саму землю своими грехами! Оскверняют дома, поля, реки, леса. Ведь если гóвно, блевотина или навозная жижа или гной попадут куда-то, то они растут по этому месту, всюду просочатся и всё провоняют. Так и пидарасы оскверняют землю своими грехами! И это не я говорю — это говорит Святое Писание! Слышите вы?! И что же дальше происходит с этой осквернённой землей? Она свергает живущий на ней народ, допустивший в своей среде разлитие всего этого пидорского зла, этого осквернения земли Божьей пидорами и их пидорскими грехами. Как понимать, братья и сёстры, эти слова Писания о том, что земля свергает с себя живущий на себе народ за грехи этого народа? Разве земля — это разумное существо? Разве у неё есть чувство распознавания добра и зла и разве может она реагировать на добро и зло? Нет, конечно! Здесь речь идет не о том, что земля буквально, сама по себе, начинает уничтожать живущих на ней людей и разгонять их, а о том, что Бог, увидев великое осквернение земли всякими пидорами, отдает повеление о том, чтобы на землю, которую населяет этот народ, и на сам народ пришли всякие бедствия. И эти бедствия суть бедствия ни за что иное, как за пидорские нечестия и грехи этого народа. И тогда начинаются землетрясения и пожары, наводнения и засухи, градобития и ураганы, голод и эпидемии, нашествия иноплеменных народов, всякие катастрофы в экономике, политике и демографии, извержения вулканов, цунами, взрывы ракет со спутниками на старте, внештатные ситуации на орбитальных станциях, неудачные стыковки с ними транспортных кораблей и многое другое. А всё это — оттого, что какой то пидарас, работавший на сборке этого транспортного корабля, осквернил своим пидорским гноем и калом какой-то винтик или какую-то микросхему! И всё это уничтожает грешный пред Богом пидорскими грехами народ. И от этих бедствий гибнут не только пидоры — гибнут и те, кто потворствовал пидорам через то, что так или иначе способствовал неисполнению святой заповеди Бога убивать и уничтожать пидарасов! Гибнут все эти гуманисты и либералы, гибнут все эти оправдыватели пидорского нечестия, выставлявшие его как норму, гибнут все теплохладные христиане, которым не было дела до того, что пидоры ходят среди них живыми и оскверняют своими грехами землю, на которой эти теплохладные христиане проживают. И эта гибель для них — также есть справедливое возмездие за их дела — как и гибель пидарасов за их дела есть для них справедливое возмездие от Бога. Земля захлебывается от пидорской блевотины и пидорского гноя

с калом и гибнет, будучи уничтожаема Богом; а вместе с ней гибнет и народ, погрязший в пидорском нечестии и допустивший жить среди себя пидарасов.

Отец Афанасий снова остановился, немного помолчал, выпил воды из стакана и продолжил:

— Так вот, братия и сестры! Наша задача в том и состоит, чтобы не только убивать пидарасов, как о том учит Святое Писание, но и не давать им осквернять нашу землю, дом Пресвятой Богородицы, нашу Святую Русь, которую Господь Бог дал нашему русскому православному народу в удел! Господь сказал: «Соблюдайте все уставы Мои и все законы Мои и исполняйте их, — и не свергнет вас с себя земля, в которую Я веду вас жить» (Лев.20:22). Какой же устав Бога, братия и сестры? Устав и Закон Бога прост: убивай пидарасов! Не давай им осквернять землю! То есть братия и сестры: не давай пидарасам жить, убивай их, чтобы они не оскверняли своим пидорством той земли, на которой живешь ты, той земли, на которой будут жить твои потомки! Поступай так ради собственной жизни и ради того, чтобы на этой земле продолжили жизнь твои потомки! Убивай пидарасов! Так говорит Бог!

Что же мы видим ныне, братия и сестры? Бесстыдно кривляются они в телевизоре! Бесстыдно ходят на гей-парадах! Бесстыдно и открыто ходят они в свои гей-клубы! Почти открыто предаются противоестественному пидорскому разврату! Они развращают молодежь, развращают наших детей! Они открыто издают свои вонючие книжонки, журнальчики и газетенки! А мы молчим! А нам всё равно! А мы боимся этих гнойных пидоров! Братия и сестры! Будет ли нам прощение и помилование от Бога за нашу теплоравнодушие, за наше безразличие, за нашу боязнь?! За наше наплевательство по отношению к нашей собственной судьбе и к судьбам наших детей? Не оттого ли отовсюду идут на нас кризисы в экономике и в политике? Не оттого ли у нас засухи и лесные пожары? И наводнения? И неурожай? И тяжелое положение на международной арене, грозящее нам полной изоляцией и блокадой?! И не от того ли у нас много малоимущих, которым нечего есть и которым нечем кормить своих детей? Не от того ли так много безработных и так мало работы? Не от того ли эта работа малооплачиваема — так, что мы много работаем, а плодами наших трудов наслаждаются другие? Не оттого ли застопорилось развитие нанотехнологий?! Не оттого ли так подешевела нефть и столь низок курс рубля? Не оттого ли все эти войны в Чечне и в других местах? Не оттого ли террористы взрывают ваши дома и взрывают вас на улицах и в метро? Не оттого ли так низка рождаемость, не оттого ли мы вымираем? Не оттого ли падают самолеты и тонут подводные лодки? Не оттого ли у нас такие плохие медицина и образование?! Не оттого ли в нашу страну едут толпы мигрантов и гастрабайтеров чуждой нам веры и чуждой нам культуры, чтобы отобрать у наших рабочих последний кусок хлеба и понизить стоимость их труда? И они едут не только для этого — они едут ещё и для того, чтобы заселить наши пустующие земли! Что же вы молчите, братия и сестры? Оттого, что вы более-менее спокойно живете в Москве? Оттого, что в вашем холодильнике ещё есть еда, в розетке — электричество, в плите — газ, а в кране — горячая и холодная вода?! Что же! Молчите и бездействуйте дальше! И Господь продолжит вас бить по всем местам, продолжит вас бить куда только возможно — раз вы не понимаете Его слов! Начнутся перебои с электричеством и с газом; начнутся перебои с горячей водой, а затем — и с холодной; а после этого ваши холодильники опустеют! За то, что вы не убили пидора, живущего рядом с вами в соседней квартире! Пидора, который осквернил вашу квартиру — ибо гной и блевотина с калом из его соседней квартиры уже давно просочились в вашу квартиру, пропитав все стены и весь потолок! За то, что вы не убили пидора, который осквернил вашу лестничную клетку, ваш подъезд, ваш дом, вашу детскую площадку, вашу автомобильную стоянку, ваш квартал и вашу улицу. Не убили пидора, который осквернил водопроводные и канализационные сети, линию электропередач, газопровод и газораспределительные станции! Пидора, который осквернил проводную и беспроводную телефонную сеть вместе с оптоволокном, которое доставляет вам Интернет! Пидора, осквернившего сам воздух, которым вы дышите! И потому не удивляйтесь,

если ваш дом взорвут террористы — вместе с этим пидарасом и вместе с вами. Ведь вы жили рядом с ним — и он спокойно жил рядом с вами. Вы и ваши соседи пожимали ему руку, вместо того, чтобы забросать его камнями вместе с другими нормальными жильцами дома. И вы же желали ему здоровья или доброго утра, встречаясь вместе с ним на лестничной клетке или в подъезде, вместо того, чтобы коллективно забить его монтировками по голове досмерти или переехать его вашими автомобилями. Чего же вам удивляться тому, что на вас найдут различные бедствия? И это обязательно произойдет, если вы не будете слушать гласа Господа Бога вашего, который повелел убивать пидарасов и не допускать до того, чтобы эти пидарасы оскверняли землю, на которой вы живёте! Ибо всё это — от лесных пожаров в Сибири и извержений вулканов на Камчатке до перебоев с горячей водой в вашей питерской или московской квартире — всё это за то, что вы не исполняли заповеди Господа Бога вашего! И, в частности, за то, что вы не убивали пидарасов, но оставляли их в живых и позволяли им осквернять землю, на которой вы живёте! Помните — страшен гнев Господа! Страшно впасть в руки Бога Живого!

— Братия! Очистим же нашу Святую Русь от пидорской нечести! Загоним её в глубое подполье — в глухие леса и топкие болота, в места безлюдные! Будем бороться за то, чтобы на Руси Святой не осталось ни одного живого пидараса! Гной и навозную жижу — в землю! И как можно глубже! И тогда Господь благословит нас и его обильное благословение пребудет на нас, на наших детях и на земле нашей! Ибо воистину дал Господь нам великую землю; и если не источает земля наша мед и молоко — ибо она не так хороша, как Святая Земля времен Авраама и Моисея, — то обильна земля наша русская всякими подземными богатствами: и рудами, и нефтью, и газом. Богата и изобильна она и лесом, и реками и ещё много чем. И народ наш талантлив и силен. Избавимся же от пидорской нечисти! Пусть земля горит под ногами пидарасов! Вернёмся во времена Святой Руси!

Произнеся эти слова, отец Афанасий немного замялся, пару раз кашлянул и сделал важное в юридическом смысле замечание:

— Но, братья и сёстры, я должен сделать одно важное дополнение: жизнь пидоров ныне защищает закон Российской Федерации — как и жизнь прочих её граждан; и, согласно светскому закону нашей страны, все эти пидорские дела преступлением не являются. Поэтому, прежде чем убивать пидоров — по светскому ли закону, по церковному ли закону, обычным судом или судом Линча, — мы должны добиться соответствующего законного изменения законодательства Российской Федерации. Соответственно, выше, говоря об убийстве пидоров, я имел в виду их законное убийство, предполагающее приведение законодательства Российской Федерации в соответствии с божественным законом, данным нам Богом в Святой Библии.

После этих слов отец Афанасий загадочно оглянулся, пристально посмотрел на собравшихся и сказал:

— Надеюсь, вы поняли мою речь правильно — так, как и надо. Аминь.

Иван Душенов долго слушал эту речь. Надо признать, она взволновала его. Однако, вместе с тем, эта речь показалась Ивану слишком грубой. Иван знал — как это знали почти все более-менее интересовавшиеся житием звёзд православного бомонда, — что отец Афанасий — бывший уголовник, по молодости отсидевший несколько лет в тюрьме за кражи. Зная это, Иван, конечно, не слишком удивился грубости речи — но всё-таки его не переставало удивлять: как может так говорить человек, окончивший Московскую Духовную Семинарию и Академию и ставший кандидатом богословия? Как может так говорить человек, около десяти лет монашествовавший на Афоне и даже некоторое время бывший там духовником в одном из скитов — не считая тех лет монашества, которые он провел на Родине?! Иван даже припомнил, что темой диссертации отца Афанасия было что-то вроде: «Исихизм, фаворский свет и вкушение Бога: паламитские споры и их влияние на православное учение о сущности Бога и Его энергии». И от этого Иван изумился ещё больше.

Иван также вспомнил вот что. Ещё в те давние времена, когда он не занимался политикой и реагированием на текущие новости, в те времена, когда он ещё не считал себя журналистом и пропагандистом, а был всего лишь простым верующим, он любил читать наставления святых отцов. Собственно, он и сейчас любил их читать, сейчас, когда ему было уже больше двадцати лет; но только дела, всякая журналистская работа, всякие командировки, всякие монтаж и верстка собранного материала собственными силами почти не оставляли времени на то, чтобы заняться чем-то другим. Так вот в те давние времена Ивану пришлось прочитать наставление одного старца — какого именно, Иван уже не помнил; это наставление было примерно следующим:

«Христианин стремится видеть свои грехи; и чем лучше его духовное зрение, тем больше своих грехов он видит и тем тяжелее их считает; и оттого чем более преуспевает он в духовной жизни, тем бóльшим грешником себя признает и почитает. И поэтому самый преуспевший в духовной жизни считает себя грешнейшим всех и достойным бóльшего, чем все прочие грешники, наказания. К тому же, зная слова Господа «каким судом судите других, таким и сами будете судимы», этот преуспевший в духовной жизни, слыша о грехах других, их пытается всеми возможными способами оправдать, а себя же он судит строже, чем других и пытается во всем себя обвинить. А ещё он пытается не судить никого — как и заповедал Господь, — но предаёт суд Богу. А ещё — он стремится всех прощать — даже своих злейших врагов, — чтобы и ему прощено было. И от этого в подвижнике угасает злоба и от этого в нём рождается истинное смирение и неосуждение: ибо как он, грешнейший и повиннейший прочих злой волк, будет осуждать тех, кто по сравнению с ним почти невинный агнец?! И поэтому как такой подвижник может бросать в кого-то камни за грехи их? Он не может этого сделать, ибо прежде он по-справедливости должен осудить и предать казни себя. И это исполнение слов Господа рождает в подвижнике надежду на милостыню помилования. И когда подвижник мыслит и поступает так, то в нём истлевает всякое превозношение и всякая гордость. И кто не поступает и не мыслит так — о том нельзя сказать, что он истинно познал и постиг учение и дела Христа и истинно встретился с Ним и есть истинный Его ученик».

Иван хорошо помнил это поучение — не дословно, но суть его пересказать он мог вполне сносно и без всяких искажений.

И вот тут Иван решил задать отцу Афанасию вопрос. Иван поднял руку, давая понять Афанасию, что хочет его о чём-то спросить. Когда Афанасий дал ему знак рукою, чтоб он говорил, Иван встал и пересказал перед всеми это поучение старца. Пересказал, а затем неожиданно для отца Афанасия задал вопрос:

— Отец Афанасий! Так это что же — надо себя почитать худшим, чем самый последний педераст? Отец Афанасий — вот, вы монах. Но следуете ли вы старческим наставлениям и учению Христа? Почитаете ли себя грешнее и хуже и недостойнее всех педерастов? Ведь если вы так не делаете — то вы не ученик Христа и не знаете Его! Но тогда зачем вы носите монашеские одеяния, священнические облачения и крест?

Отец Афанасий замялся и уставился на Ивана колючим взглядом. Он начал думать и на время умолк. А по рядам прошёл смешок — смешок, который очень не понравился отцу Афанасию. Наконец, он нашёл, что сказать:

— Послушайте, молодой человек! Хорошо, я вам отвечу на этот вопрос. Или даже вопросы. Но сначала ответьте вы на один мой маленький вопросик. Видимо, это старческое поучение вам очень понравилось и вы примеряете и приноравливаете его к себе и к другим. Так скажите здесь мне и всем нам: вы сами что — хуже самого последнего пидараса, хреноглоота, которого трахают за деньги в рот и, извините, в жопу!?

Иван замолчал. Он огляделся вокруг, увидел скривившиеся в ухмылке полууголовные рожи подворотной гопоты и услышал исходящий из них смех. Смех становился всё громче. Теперь уже не посмеивались над отцом Афанасием, а громко хохотали над самим Иваном. Иван постоял молча ещё немного и, ничего не ответив, сел на свой стул.

Следующим выступал отец Владимир Василиков, доктор богословия и доктор филологических наук, преподававший как в Санкт-Петербургской Духовной Академии, так и в одном из крупнейших и известнейших питерских университетов. Начал он издавека:

— Братья и сёстры! Знаете ли вы, что в Священное Писание входят Маккавейские книги? И знаете ли, о чем они говорят? Эти книги, братия и сестры повествуют о том, как избранный народ Божий, иудеи, боролись с властью нечестивого царя Антиоха Епифана, который, уподобившись Антихристу, возжелал истребить Закон Бога и народ Его. В те времена Иудея уже давно находилась под властью иноземных и иноверных царей и эти цари разрешали иудеям исповедовать свою религию и не заставляли их поклоняться идолам. Но нечестивый царь Антиох нарушил этот обычай и захотел либо сделать из иудеев язычников, либо истребить их. И тогда, когда насилие над иудеями со стороны царя достигло своей вершины, когда Антиох принёс в Божьем Храме жертву языческим богам — свинью, и когда осквернил Храм свинной кровью, когда, казалось бы, иудеям неоткуда было ждать ослабы гонениям и притеснениям, — тогда иудеи восстали против нечестивого царя. Они решили, что лучше им погибнуть, чем отступить от святой веры, хранить которую заповедал им Бог.

— Спросим: по какому же закону действовали иудеи? Ведь они находились под властью иноземцев и иноверцев, которые ввели в Иудее свои законы и обычаи. И, с точки зрения этих законов, восставшие иудеи были беззаконниками, были бунтарями, были изменниками государству, в котором они жили. Но с точки зрения Божьего Закона все эти так называемые «беззакония», «бунты» и «измены» были вполне оправданы: ибо здесь был как раз тот случай, когда кесарь покушается на то, что принадлежит одному Богу. И если отстоять то, что принадлежит одному Богу можно лишь через то, что иноземная и иноверная власть именует «беззаконием», «бунтом», «изменой» и другими подобными названиями — то верующий может, должен и даже обязан пойти на всё это. И пусть иноземная и иноверная власть в таком случае именует действия верующего как хочет! Верующему не нужно обращать на это внимание — он должен знать только одно: его действия благословлены Самим Богом и за эти действия он будет оправдан Господом и получит от Него награду — прежде всего на Небе.

— Не совсем по этому поводу в Библии сказано: «мерю доброю, утрясённою, нагнетённою и переполненною отсыплют вам в лоно ваше» (Лук.6:38). Но эти же слова можно применить и к нашему случаю. Если человек сражается с оружием в руках за Бога и за Закон Его, за исполнение Заповедей Его, сражается так, как сражались воины иудейские во времена Маккавеев, то верьте: такой человек не останется без награды в будущей жизни и «мерю доброю, утрясённою, нагнетённою и переполненною отсыплют ему в лоно его»! Многие иудеи в те времена погибли: одни были убиты в боях, а другие были замучены за Бога и за Закон Его безбожной и богохульной властью, царем Антиохом Епифаном! И наша святая православная церковь чтит память всех их! А их борьбу против власти Антиоха Епифана ставит всем в образец.

— Но вернёмся к нынешним временам. Сейчас идет тяжёлая война. Война не телесная или, вернее, не столько телесная, сколько духовная. Война с демонами и самим Сатаной, пытающимися развратить человеческие души грехом и заставить поклоняться себе вместо единого Бога. И особую роль в этих пагубных сатанинских делах играют блудные грехи. А среди них — грехи противоестественные. И, прежде всего — окаянное и треклятое мужеложество, педерастия. Пидарасы, братья и сёстры, эти гнусные пидоры, насквозь пропитавшиеся греховным гноем и просмердевшие развратом, — все они — передовой отряд Сатаны, пытающийся разрушить нашу святую православную веру; и не только её, но и всякую естественную, присущую человеческой природе, нравственность, которая столь сильно проявлена в нашем народе, в нашей Святой Руси. Но ведь и насквозь прогнивший Запад пытается уничтожить нас и нашу страну! Поэтому пидоры — это естественные наши внутренние враги и естественные же союзники Запада и прочих наших врагов внешних! Пидоры — это пятая колонна, которую надо уничтожить! Они ждут всяких

свобод! Своих, пидорских, свобод — свобод трахаться в рот и в жопу, свобод развращать молодежь, свобод устраивать свои пидорские шествия! Запад, — думают они, — принесёт нам эти свободы и за это мы должны быть ему благодарны и за это мы его должны поддерживать как только можем! Поддерживать антигосударственной и антипатриотической пропагандой; поддерживать разрушением нравственности и всяких традиционных человеческих отношений; поддерживать насаждением в обществе отношений звериных: «человек человеку — волк!». Поддерживать насаждением поклонения доллару, Золотому Тельцу, и насаждением всякой продажности и проституированности! Поддерживать саботажем и шпионажем! Поддерживать диверсиями и терактами! Поддерживать, наконец, организованным вооружённым сопротивлением! Устраивать покушения на выдающихся церковных и государственных деятелей нашей Родины!

— Братия и сестры! Отечество в опасности! Ему грозит быть залитым пидорской нечистью, гнусным и грязным пидерастическим гноем вконец обнаглевших пидарасов и их либеральных приспешников, эти взбесившихся осатаневших собак самого Дьявола, изрыгающих из своих пастей адское пламя из самой глубины преисподней!

— Я повторю, братья и сёстры! Пидоры, пидарасы — это пятая колонна нашего времени. И, пожалуй, это пятая колонна всех времён и народов! Это самый настоящий интернационал! Гоминтерн! И их, эту пятую колонну, надо уничтожить! Их надо уничтожить ради свободы, счастья и процветания нашей страны, ради свободы, счастья и благополучной жизни вас и ваших детей! И уничтожить их надо так, как некогда, перед Великой Отечественной Войной, Сталин уничтожил пятую колонну его времени!

— Братья и сёстры! Или они — или мы! Иного не дано. Если мы не уничтожим их, то они уничтожат всех нас, даже не ведя открытый бой! Они уничтожат нас через то, что развратят нас и наших детей, а также через то, что осквернят своими грехами нашу свято-русскую землю и, по повелению Божью, наша земля свергнет нас, как некогда Святая Земля, Палестина, свергла с себя семь развращённых мерзкими грехами народов. Да, братья и сёстры, они были развращены в том числе и пидорским нечестием! Слишком много было там пидарасов и им подобных — вот и пришли к ним и на них иудеи во главе с богодарованными вождями и уничтожили все эти народы, не пощадив не женщин, ни детей!

— А что было перед Потопом, братья и сёстры?! Что говорит нам про Великий Потоп Святое Писание? Вот что: «Но земля растлилась пред лицом Божиим, и наполнилась земля злодеяниями. И воззрел [Господь] Бог на землю, и вот, она растленна, ибо всякая плоть извратила путь свой на земле. И сказал [Господь] Бог Ною: конец всякой плоти пришёл пред лице Мое, ибо земля наполнилась от них злодеяниями; и вот, Я истреблю их с земли» (Быт.6:11-13). Ясно, что перед Потопом на земле пышным цветом расцвели самые различные виды греха и порока. В том числе много на земле развелось и пидарасов. «Земля растлилась пред лицом Бога», «всякая плоть извратила путь свой на земле» — говорит Писание. И что же? «Конец всякой плоти пришёл пред лицом Бога»! Долготерпеливый и милосердный, но справедливый и страшный в гневе Господь уничтожил всех пидарасов! И вместе с ними и тех, кто не останавливал и не убивал их за их пидорские грехи! Видите — какое наказание за беспечность и отсутствие ревности по Боге, за попустительство греху?! Те, кто не убивали пидоров, были убиты Господом вместе с этими пидарасами! В том числе и за то, что не убивали пидарасов!

— Обратите, братья и сёстры, внимание на слова Святого Писания: «всякая плоть извратила путь свой на земле». А что делают пидоры? Пидоры засовывают, извините, хрен в рот, который Господь Бог создал для того, чтобы им вкушать пищу и благословлять Бога! А ещё они засовывают хрен в жопу, которая создана Богом для того, чтобы, извините, срать! Чтобы испражняться! А что делают эти пидоры, эти дети сатанины?! Они сосутся и лижут, они трахаются в рот и в жопу! В рот, которым едят, и в жопу, которой срут! Перепутали входы и выходы они! Разве это не значит то, о чем сказало Святое Писание: «всякая плоть извратила путь свой на земле»? И вот за то, что они неправильно использу-

ют член, рот и жопу — за это-то пидоров и накрыл Потоп, который наслал Господь Бог на жителей земли в Своем праведном гневе! Господи, помилуй нас грешных!

— А надо ли напоминать вам, братья и сёстры, о том, что произошло в Содоме? Как на окаянных пидарасов Господь Бог низверг кару с небес и излил на Содом огненный дождь? «И пролил Господь на Содом и Гоморру дождём серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и [все] произрастания земли» (Быт.19:24-25) — так говорит нам о казни содомлян Святое Писание. И опять, братья и сёстры: в Содоме были уничтожены и малые дети, и женщины, и немощные старики! Страшен долготерпеливый и милосердный Господь в Своем праведном гневе! «Страшно впасть в руки Бога живого!» (Евр.10:31). Страшно, братья и сёстры, страшно!

— И я повторю, братья и сёстры: или мы, или они! Третьего не дано! Господь заповедал нам убивать пидарасов и мы должны, насколько это в наших силах, с Божьим содействием их убивать — так, чтобы ни один из пидоров не остался в живых! «Убивай пидарасов!» — повелевает нам Сам Господь и кто мы такие, чтобы послушаться Его святых повелений и приказов, Его святых законов и постановлений?! Слышите вы, малoverные и теплохладные?! Сам Господь провозглашает: «Смерть пидорам!»!!! Сам Господь в святом Своем Слове — в Слове Божьем, в Святом Писании! «Смерть пидарасам!» — говорит Он, от херувимов и серафимов приемлющий поклонение и восхваляемый ими в дивной небесной песне «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! Вся земля полна славы Его!». А Русь Святая была, есть и должна быть святою землею! Домом Пресвятой Богородицы! И на этой земле, на нашей земле, должна почивать слава Господа Бога! Но как земля может быть свята, если она осквернена пидорами и если по ней ходят те, кто не должен быть среди живых — то есть пидоры, пидарасы?! Как, братия и сестры, в этом случае почиет на нас и на нашей земле, на Руси, благословение Божье и как в этом случае земля наша исполнится Божьей славы? Посему, братья и сёстры, прислушайтесь к тому, что говорит Господь! Он говорит: «Смерть пидорам!»!!! Он заповедует и повелевает: «Убей пидараса!»!!! Аллилуйя, братия и сестры! Аллилуйя! Вы должны быть народом святым, новым Израилем! И Бог должен благословлять вас и почивать на вас! Не оставим в живых ни одного пидора, сделаем так, как заповедал Господь! Аллилуйя!!!

Отец Владимир Василиков сделал небольшой перерыв; он немного запыхался от своей вдохновенной речи и поэтому ему требовалось немного перевести дыхание. Отдохнув, отец Владимир выпил несколько глотков воды и продолжил свою речь:

— Братья и сёстры! Я так счастлив, что сегодня мы собрались здесь, собрались все вместе, чтобы начать борьбу с пидарасами и пидарасией! Мне радостно! Мне так радостно, как будто бы мы положили начало строительству величайшего и святейшего Божьего храма! Но в то же время я осознаю, что нам будет трудно. Ведь пидарасы просто так не сдадутся! Пидоры будут сопротивляться! И от них можно ожидать всего: пули в спину, яда, клеветы и многого другого! И поэтому мы, радуясь и благословляя Бога, в то же время ощущаем опасность. Но мы под защитой Бога! Господь защитит верных слуг своих! И нам не надо бояться пидоров и их пидорских козней! Нам надо бояться Бога! Бояться Его и уповать на Него! И Он защитит верных своих! Но, как говорится, «на Бога надейся, а сам не плошай»! И мы должны «не плошать»! Мы всегда должны быть в полной готовности отразить пидорские козни! И поэтому мы должны быть во всеоружии! По этому поводу мне вспомнились вот какие слова из книги Неемии. Когда иудеи вернулись из плена Вавилонского, то они начали восстанавливать Иерусалим вместе с городской стеной, а также Храм. И когда под руководством Неемии они делали это, то окрестные народы очень не хотели, чтобы Иерусалим и Храм были восстановлены, чтобы была отстроена городская стена; и они нападали на иудеев, строивших и восстанавливавших всё это. Но не преуспели в этом. Почему же? Вот что говорится об этом строительстве в книге Неемии: «С того дня половина молодых людей у меня занималась работою, а другая половина их держала копья, щиты и луки и латы; и начальствующие находились позади всего дома Иу-

дина. Строившие стену и носившие тяжести, которые налагали на них, одною рукою производили работу, а другою держали копьё. Каждый из строивших препоясан был мечом по чреслам своим, и так они строили. Возле меня находился трубач. И сказал я знатнейшим и начальствующим и прочему народу: работа велика и обширна, и мы рассеяны по стене и отдалены друг от друга; поэтому, откуда услышите вы звук трубы, в то место собирайтесь к нам: Бог наш будет сражаться за нас. Так производили мы работу; и половина держала копья от восхода зари до появления звёзд. Сверх сего, в то же время я сказал народу, чтобы в Иерусалиме ночевали все с рабами своими, — и будут они у нас ночью на страже, а днём на работе. И ни я, ни братья мои, ни слуги мои, ни стражи, сопровождавшие меня, не снимали с себя одеяния своего, у каждого были под рукою меч и вода» (Неем.4:16-23). Так и мы братья, строя наш храм антипедерастической борьбы, храм исполнения воли Божьей, всегда да будем держать при себе меч и копьё, всегда да будем настороже, всегда да будем ставить на часы бдительную стражу, чтобы всегда быть готовыми отразить все нападки пидарасов! И да будет у каждого из нас в одной руке — кирпич и мастерок, а в другой — меч и копьё на поражение всяких пидорских козней. Разумейте же здесь под мечом и копьем меч и копьё духовные, а под бдительностью стража — духовную бдительность и непрестанную молитву! Помните, что сказал о духовных орудиях святой апостол Павел? «Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, всё преодолев, устоять. Итак станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскалённые стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие» (Еф.6:13-17). О, братья и сёстры! Обуйте же ноги в готовность благовествовать мир! Благовестие же заключается в том, чтобы вы всем говорили: «Убивайте пидарасов, ибо так повелел Бог! И когда вы совершите это, на нашей земле наступит мир и благоденствие, ибо она восприимет обильные благословения от Господа!». Обуйте ноги и в готовность исполнять волю Божью; воля же Божья — это убивать пидарасов! Перпояшайте чресла ваши истиною Божьей, а истина же Божья — это та истина, что пидарас не должен жить, но его должно предать смерти! Облекитесь в броню праведности; броня же праведности есть искреннее желание сердца исполнить волю Бога и следование этой воле всеми силами души и тела; воля же Бога — это убить пидараса! И щит веры в обетования и словеса Бога возьмите, братия! Верьте, братия и сестры, что неложно Господь Бог заповедал в Слове Своем, в Писании, убивать пидарасов и что за исполнение заповеди этой вы получите великую награду! И шлем спасения возьмите! Спасение же заключается в том, чтобы спасти свою землю, Святую Русь, и своих ближних от развращения и осквернения пидарасами, предав всех пидоров смерти! И меч духовный — то есть Слово Божье, — возьмите себе! Слово же Божье ясно говорит: предай пидараса смерти! И помните, что было сказано Господом: «Господь не мог более терпеть злых дел ваших и мерзостей, какие вы делали; поэтому и сделалась земля ваша пустынею и ужасом, и проклятием, без жителей, как видите ныне» (Иер.44:22). Посему, братья и сёстры, убивайте пидарасов, чтобы были живы и вы, и дети ваши, и чтобы земля наша обильно исполнилась божественных благословений!

Отец Владимир снова перевел дух и отхлебнул несколько глотков воды из стоявшего на трибуне стакана. Затем он продолжил:

— Так-то братья и сёстры! И, борясь с пидарасами, всегда да пребудем едины, всегда да будем помогать друг другу, всегда да будем друг друга подбадривать и вдохновлять друг друга! И всегда будем приходить друг к другу на помощь! И всегда будем действовать в одном духе — в Духе Господнем! Пусть же почиет на всех нас благословение святых Божьих угодников и Пресвятой Богородицы! И да будет у нас так, как сказано в книге пророка Исайи про пребывающих в единомыслии и братолюбии родных друг другу людей: «каждый помогает своему товарищу и говорит своему брату: «крепись!» Кузнец ободряет плавильщика, разглаживающий листы молотом — кующего на наковальне, говоря о спайке: «хороша»; и укрепляет гвоздями, чтобы было твердо» (Ис.41:6-7).

— Благословляю вас на эту святую борьбу с пидорской гнилью, заведшейся на Святой Руси! Да пребудет на вас благословение преподобного Сергия и благословения святителей московских Петра, Филиппа, Ионы и Гермогена! Да пребудет на вас благословение святого страстотерпца царя Николая и всех царственных мучеников, а также благословение святого Серафима Саровского и святого праведного Иоанна Кронштадтского, благословение святого Игнатия Брянчанинова и святого Феофана Затворника! Да пребудет с вами благословение всех святых в земле российской просиявших! Да пребудет на вас благословение Пресвятой Богородицы!

После этого отец Владимир на пару секунд замялся и, как и отец Афанасий, с видимой большой неохотой сделал важное в юридическом смысле дополнение или, лучше сказать, разъяснение, к произнесённой им речи:

— Братья и сёстры, помните: жизнь и здоровье пидарасов, как и жизнь и здоровье прочих, находятся под защитой законов нашего государства. И эти законы таковы, что пидоров за их пидорские дела не наказывают. Поэтому, братия и сестры, чтобы законным образом убивать пидоров мы должны законным образом изменить законы Российской Федерации. Я призываю и призывал ранее, в этой речи, только лишь к законному убийству пидоров. А для этого все мы, как уже сказано, должны в рамках действующего законодательства изменить законы России так, чтобы они соответствовали законам Бога. Аминь.

Отец Владимир закончил речь и сошёл с трибуны. Пламенные речи о нравственности и возрождении Святой Руси закончились. После этого на трибуну взошла женщина, одна из организаторов слёта. Она сказала, что наступило время обеда и пора идти в столовую, возле которой стояло несколько полевых кухонь. Молодежь стала расходиться.

Иван Душенов не спешил идти на обед. Он сидел и улыбался. Ему вспомнился роман Войновича «Москва 2042». Там один из коммунистических деятелей с горечью и досадой говорил: «Мы думали, что окончательное обнищание народных масс наступит при капитализме, а оно возьми и наступи при коммунизме!». Припомнив эти слова, Иван подумал: «Вот, отец Афанасий и отец Владимир говорят о том, что после того, как Святая Русь очистится от пидарасов, её ждёт расцвет и благоденствие. Но не получится ли так, что окончательное обнищание людей на Руси наступит не при педерастической, безбожной и сатанинской демократии и либерализме, а при гетеросексуальной православной монархии или теократии? Вот и будет тогда всем «Божье благословение»! И что, если конец и разорение придет не гей-странам с их пидорократией, а, наоборот, православной России?». Но, подумав так, Иван тут же спохватился и сказал: «Надо же! Искушение-то какое!» и тут же занял свой ум молитвой Иисусовой.

После обеда и отдыха культурная программа продолжилась. Никаких пламенных речей больше не было — был концерт, на котором пели и плясали. После концерта началось вечернее субботнее богослужение — прямо за сценой, на открытом воздухе. После этого последовал ужин и снова краткий отдых. А затем стемнело и собравшимся на слёт показали развлекательный кинофильм. Вернее, даже целых два кинофильма. Последний из этих фильмов закончился где-то аж к 10 часам вечера, когда уже было совсем темно. Наконец, пришла пора расходиться по палаткам. Всем сказали, чтоб они сидели в своих палатках и никуда не выходили — ибо к ним должны будут зайти их старшие товарищи и провести очень важную разъяснительную беседу. И все разошлись по палаткам.

Иван Душенов сидел в своей палатке вместе с другими её обитателями и с отвращением устало слушал всякую ахинею, которую несли собравшиеся люди, большинство из которых было, как сказано, уголовной или околоуголовной гопотой. Справа от Ивана один уголовник рассказывал более молодым товарищам про то, как ходил по проституткам и трахал их в рот и в зад. Другой околоуголовного вида парень, который был моложе первого, поддержал первого в его рассказах и сообщил о том, как вместе с друзьями ходил за секс-услугами в детский дом, в котором его обитатели-парни подторговывали своими подружками, девушками, принуждая их к проституции; с удивлением и восторгом он говорил о том, что оттрахать любую девушку в рот стоило всего несколько бутылок или банок

хорошего пива. Прочие из обитателей палатки весьма изумились такой дешевизне и с интересом стали расспрашивать рассказчика об адресе.

Помимо подобных разговоров по всему лагерю велись и другие беседы, а именно о том, что всем здесь собравшимся вскоре придется убивать геев в самом буквальном смысле и что для этого им придется организовываться в особые пятерки. Называлась даже сумма вознаграждения за убийство: каждому из пятерки за успешное убийство одного гея всей пятеркой будут платить по 50 тысяч рублей — то есть будут платить по 250 тысяч рублей на всю пятерку за одного убитого ей гея. Услышав подобные речи, Иван Душенов весьма изумился: ведь официально никто ничего подобного никому не говорил; но, как говорится, «слухами земля полнилась»... Иван попытался выведать насчёт готовящихся убийств поподробнее и из нескольких расспросов заключил, что примерно год или даже менее назад убийства геев уже проводились и что, по крайней мере некоторые из собравшихся на слёт, уже участвовали в подобных убийствах. Как думал Иван, этим-то людям неофициально и приказали распространить подобные слухи среди собравшихся, чтобы не у кого из них не было сомнений о том, ради чего в действительности здесь на субботу-воскресенье был устроен лагерь молодежной организации «Святая Русь» и чем в действительности вскоре придется заняться здесь собравшимся.

Сидевшие в одной палатке с Иваном Душеновым вновь заговорили о походах по проституткам и о том, как они сношались с ними и со своими подружками в рот и в зад. Ивану это надоело; он плюнул и, нарушая повеление, отданное всем, вышел из палатки и отправился побродить по окрестному лесу. Иван шёл тихо; внезапно он заметил, что впереди него, возле дерева, за кустами, стояли, курили и разговаривали двое взрослых серьёзных мужчин. Иван остановился, затаился и прислушался. Он сразу узнал эти два голоса: утром, ещё до того, как на сцену перед собравшимися вышли выступать священники, речь к молодежи держали эти двое. Это, судя по выправке и по манерам, были военные в чине полковника или даже повыше. Впоследствии Иван узнал, что один из них был генерал-майором ФСБ, а другой — генерал-лейтенантом МВД. Иван вслушался. Говорил генерал-майор:

— Вот, затеяли там, наверху, зачистку от пидарасов. А какая из башней Кремля это организовала, интересно? Патриотическая, чтобы действительно зачистить от пидарасов, или либеральная, чтобы организовать провокацию? Или они все вместе? И, что самое странное, в каждой из этих башен полно пидарасов. Что они там — с ума посходили что ли и сами себя извести захотели?

— Ну что ты... — ответил ему генерал-лейтенант, — из серьёзных геев никто не пострадает. Так — шушера всякая. Отбросы. Эти чёртовы либералы, среди которых много геев, совсем развинтились и слишком близко сошлись с Западом. Попугать их надо, чтобы были поосторожнее и поутихли. И забились в свои норы. Пусть знают у кого сила! Шушера пострадает, а те, кто повыше — те, скорее всего, попритихнут.

— Когда мы где-то год назад предварительную зачистку проводили, — продолжил говорить генерал-майор, — примерялись что да как, то где-то с десятков пидоров зачистили. Для пробы. Вроде бы, всё прошло как надо, но только контингент у нас уж больно ненадёжный...

— Что? Контингент ненадёжный? — отвечал генерал-лейтенант. — А вы что, хотите для этой грязной работы идеалистов в белых перчатках, которые даже курицу на бульон нарезать не могут? Полагать, что подобную работу будут делать такие идеалисты — это, извините, наивность и идеализм! Конечно, всё это придется делать руками уголовных отбросов, по которым давно тюрьма плачет. И, вообще говоря, нашей партии нужен передовой боевой отряд — молодые волчата, что-то вроде штурмовиков; и это должен быть передовой боевой отряд, готовый на всё. И поэтому он должен почувствовать вкус крови. Вот мы его, этот отряд, и готовим. И обкатываем на деле.

— Так кого же убивать будем? Поконкретнее? Кто на повестке дня? — спросил генерал-майор.

— Я же сказал: шушера всякая, отбросы, те, кого не жалко. Вот, Кураев, например...

— Кураев? — переспросил генерал-майор. — Кураев?! Так ведь он вроде бы видным миссионером был! Профессором. Не слишком ли заметная фигура?

— Ну, во-первых, за ним никто не стоит. В смысле: никто из гей-лобби. А, во-вторых, он уже давно — отработанная личность. Шлак. Отработанный шлак. Ему теперь нигде пути вперед не будет, а только назад... на помойку.

Иван Душенов не стал дальше испытывать судьбу. Конечно, ему хотелось бы послушать этот разговор дальше, но риск обнаружить себя был слишком велик. Поэтому он потихоньку отошёл назад, подальше от говоривших, вышел из леса и вернулся в свою палатку.

Это возвращение было как раз вовремя — ибо почти сразу после того, как Иван зашёл в палатку, туда же вошёл для доверительной беседы и «старший товарищ». Этим «старшим товарищем» оказался никто иной, как отец Афанасий. Он лукаво улыбнулся, подмигнул собравшимся в палатке молодым людям и сказал:

— Ну что? Вопросов не у кого нет о том, для чего мы здесь все собрались и что мы вскоре будем делать дальше? Нет? Вот и хорошо! Трындец пидарасам! Все всё знают и всем всё ясно. Надеюсь на вас! И вся Россия надеется на вас! Надеется на то, что вы порвете грязные дырявые жопы всем этим говнюкам-пидорам и заткнете их гнилые вонючие пасти! Пусть сдохнут эти хреноглофы, тыкающие членом друг другу в рот и в жопу! И да пребудет с вами благословение Пресвятой Богородицы и благословение Спаса нашего Иисуса Христа!

Окончив эту краткую речь, отец Афанасий быстро вышел и направился к другой палатке для новой доверительной беседы.

Наконец, время приблизилось к половине двенадцатого и все начали укладываться спать. Иван долго не мог заснуть в тот день. Ему всё думалось о том, чем ему предстоит заняться вскоре — то есть об убийстве геев. Иван был или, вернее, намеревался стать именно что идейным убийцей, которому не нужно никакое вознаграждение, не нужны эти обещанные всем 50 тысяч рублей за участие в одном убийстве. А ещё Иван был именно тем человеком, которому трудно было убить курицу, чтобы сварить суп; собственно, он никогда их и не убивал — ибо покупал уже убитых и выпотрошенных куриц в магазинах. И тем труднее Ивану было пересилить себя, чтобы заставить себя убить целого человека — пусть и грешного. Порой Ивану думалось, что он собирается заняться не тем, что подобает делать христианину. В такие моменты Ивану вспоминались слова о христианской любви к ближнему и дальнему, о христианском всепрощении, о кротости, о том, что лучше самому переносить страдания вплоть до смерти, чем мучить и убивать других. И от этого решимость убивать геев в Иване ослабевала. Но при этом Ивана посещали и другие мысли — он думал о том, что Бог не только милосерд, но и справедлив и ужасен в своем праведном гневе; а потому, — думал далее Иван, — поскольку пидарасы перешли меру своих злодеяний, есть явная воля Бога на то, чтобы их убить. Да, — думал Иван, — это грязная работа, но и её надо делать кому-то и стыдно бежать от этого Божьего дела. После «изменнических» мыслей Иван подолгу укорял себя за слабость, трусость и небрежение к Божьему делу и, наконец, решимость убивать геев в нём вновь крепла — крепла так, что порой доходила до стадии неистовства, подобного некоему желанию добровольного мученичества.

Вот и сейчас Ивана посетили трусливые и «отступнические» мысли — мысли жалости к «гнилым пидорам». Но Иван тут же углубился в молитву Иисусову, борясь с этим навязчивым искушением; при этом Иван говорил сам себе: «Хватит! Хватит говорить о спасении России! Надо спасти её! Хватит говорить о делах! Надо действовать! Смерть врагам России и Бога! Убей хотя бы одного врага России и русского народа! Убей хотя бы одного врага православия!». Но бес-искуситель нашептывал ему в левое ухо: «Послушай, Иван! Разве геи осудили твоего отца как экстремиста и посадили его в тюрьму —

хотя он всего лишь пользовался свободой слова? Разве геи избили его вдесятером или вдвадцатером в тюремной камере и сделали его инвалидом? Нет! Это сделали русские, это сделал тюремный спецназ! По приказанию генералов МВД! От имени государства! Так почему же ты не мстишь за отца им, а хочешь убивать геев, которые не сделали тебе ничего? Вот, ты ездил и в Донбасс, и в Сирию как корреспондент. Почему же ты не добыл в Донбассе оружие и не расстрелял МВДшных спецназовцев, сделавших твоего отца калеккой? Почему ты не достал оружие и не убил начальника тюрьмы, в которой сидел твоей отец и в которой произошло его избиеение? Чем ты занимаешься, Иван? Неужели ты так глуп?». И эти нашептывания беса сильно смутили Ивана. Но он, наконец, преодолел искушение и вновь погрузился в молитву Иисусову. Помолившись некоторое время, он тихо сказал: «Иди прочь от меня, Сатана!» и снова стал молиться. А ещё через несколько минут, незаметно для себя, Иван уснул.

Наступило утро. Все отправились на воскресную божественную литургию, которая служилась тут же, на сцене, под открытым воздухом. Иван вновь был обуреваем тяжелыми раздумьями о том, как следует поступать христианину, а как не следует. Пребывая в подобных раздумьях, Иван не пошёл вперед, к сцене, а остановился подальше от неё, возле деревьев. Внезапно Иван обнаружил, что стоит рядом с Дмитрием Энтео, лидером молодежной организации «Божья Воля».

— Как дела? — поинтересовался Энтео у Душенова. — Ты, вообще, в первый раз или уже ходил на дело раньше?

— В первый — угрюмо ответил Иван. — И, признаться, меня одолевают сомнения: тем ли делом я решил заняться?

— Тем, что нужно! — сказал Энтео. — Я вот, например, уже на подобное дело ходил с год назад; сначала, конечно, было тяжело, но потом поосвоился, попривык — и словно всё так и должно быть! Вернее, не словно так и должно быть, а именно так и должно быть!

— Тяжело, небось, было убить первого? — спросил Иван.

— Известно дело, тяжело. Но надо себя преодолеть! — ответил Дмитрий.

— А как ты убил первого? — спросил Иван.

— Да, славная была задумка! Пригласили мы к себе, в квартиру, мальчика по вызову. Там и порешили пидараса. Когда мы начали ему из Библии слова читать, и когда он понял, что мы его убивать будем, то тут он взмолился. Кое-кто из нас даже отпустить его хотел. Но я был за старшего и не допустил этого. В квартире был тяжеленный утюг ещё советских времен и я взял его и ударил им этого пидора по голове. Он упал. Тогда я его добил. Ударил его по голове, в висок, несколько раз этим же утюгом. Пидор и сдох. Потом мы его в ванной на части расчленили и по частям вывезли. Отвозили мы эти части в лес, в различные места, и там закапывали. Во славу Божию!

— А по ночам он к тебе не приходил? Совесть потом не мучила? — спросил Иван.

— С чего бы это он приходил и с чего бы это меня мучила совесть?! — изумился Энтео. — Ты что — Библии не читал что ли?! Писание про такие случаи говорит: «Кровь его на нём!». То есть по Божьему правосудию выходит так, что он сам виноват в том, что его убили; то есть он как бы сам себя взял и убил. Поэтому, Иван, не бери подобную чушь в голову и помни, что сказал Бог: «Кровь его на нём!».

Иван замолчал и надолго задумался; после этого он отошёл от Энтео и направился поближе к сцене, за которой шла литургия. Иван стоял за литургией, молился и думал: «Вот, даже Энтео убил пидора! А я? Неужели я не смогу?! Грош мне тогда цена! Ведь какой я тогда воин Христов, какой я тогда русский? Позор!».

Далее не происходило ничего примечательного. Литургия закончилась; после неё был обед; а после обеда подошли автобусы, чтобы отвезти собравшихся в лагере обратно в Москву. Перед тем как начать рассаживаться в автобусы, иерей Владимир поставил на стол, стоявший на сцене, частицы мощей четырёх московских святителей; эти частицы находились в серебряных ковчежцах и это были те самые частицы и ковчежцы, возле кото-

рых некогда Андрей Кураев неожиданно для себя сделал свое скандальное публичное признание. Все собравшиеся приложились к святым мощам. После этого иерей Владимир и иерей Афанасий ещё раз благословили всех, а затем все расселись по автобусам и тронулись в путь. К вечеру все были уже в своих домах.

Убивать Ивану пришлось идти уже через неделю. Для убийства геев члены «Святой Руси» организовывались в пятерки. Иван был старшим в своей в пятерке. Его заместителем был то ли уже отсидевший уголовник, то ли просто парень уголовного вида. Он был на год младше Ивана. Иван и этот молодой человек уже встречались — это было в молодежном лагере; они даже, кажется, жили в соседних палатках. Из остальных трех человек двое были младше Ивана, а один был на два года его старше; этот молодой человек уже отсидел несколько лет и поэтому смотрел на Ивана и на всех прочих свысока. Никто из этих трех не был приглашен в молодежный лагерь — хотя все они и состояли в молодежной организации «Святая Русь».

План был следующий: пятерка во главе с Иваном собиралась в предварительно обусловленном месте; при этом никто из пятёрки не знал заранее, кого следует убивать и где нужно искать того, кого надо убить. Через некоторое время к этим собравшимся должен был подойти «старший товарищ» из «Святой Руси», которого почему-то именовали «комиссаром». Он-то и должен был сказать, кого надо убивать и где следует его искать; кроме того, он должен был передать оплату за убийство главе пятерки. После этого комиссар уходил, а пятерка шла убивать. Оплата следовала сразу же за убийством. После убийства следовал устный отчет главы пятерки «комиссару»; для этого глава пятерки должен был один придти в указанное ему место, где и должна была состояться его встреча с «комиссаром».

И вот настал день убийства. Пятерка во главе с Иваном Душеновым уже была на обусловленном месте и ждала прибытия комиссара. В лицо этого комиссара знал только Иван Душенов. Ни у кого — в том числе и у комиссара — не было телефонов; на этом пункте организаторы убийств настояли особо: ведь по телефонам можно было довольно точно отследить местоположение всей пятерки. Пятерка сидела на скамейке и смотрела вдаль, на автобусную остановку, туда, откуда, сойдя с автобуса, должен был прибыть комиссар. И тут произошло странное стечение обстоятельств...

Комиссар вышел из дому с заданием для пятерки. Задание было таково: убить Андрея Кураева прямо в его квартире; квартиру следовало предварительно взломать. Но едва комиссар вышел из дома, как почувствовал сильнейшую спинную боль. Такие боли периодически бывали у него раз или два в год. Приступ, который почувствовал комиссар, был очень некстати. Комиссар не мог стоять; он был вынужден лечь на лавочку. Так он пролежал более получаса. Наконец, боль прошла. Уже заметно опаздывая, комиссар подошёл к автобусной остановке и сел на автобус. И тут произошло второе неприятное происшествие. Где-то за километр от той остановки, на которой комиссару надо было выходить, автобус сломался и из-за этого комиссар был вынужден идти до места встречи с пятеркой пешком. Он очень торопился, но, тем не менее, вполне мог не успеть и придти к тому моменту, когда ожидавшие его люди уже разошлись. Из-за поломки автобуса комиссару пришлось идти к месту назначения совсем не по тому пути, который от него ожидала собравшаяся пятерка: ведь эта пятерка надеялась, что комиссар должен был появиться на автобусной остановке и придти к ним именно оттуда. Дело осложняло также то, что от беспокойства комиссар забыл взять в левую руку газету «Известия», что было обговоренным условным знаком, по которому его можно было узнать.

Когда комиссар уже почти подошёл к обусловленному месту, собравшаяся пятерка решила, что в этот день из-за опоздания комиссара убийство не состоится: они и так уже выждали всё обговоренное время, в течение которого им следовало ждать «вестника из центра». Все собрались расходиться. Но тут Ивану Душенову пришла в голову следующая мысль: все ждали комиссара у дома с номером 154 дробь 3, но что если комиссар что-то напутал и ждет их почти рядом — у дома 154 дробь 1 или 154 дробь 2? Для «очистки со-

вести» Иван Душенов решил сходить по этим адресам и поискать там комиссара. И вот, когда Иван отошёл от остальных членов пятерки на самое дальнее расстояние, на глаза оставшимся членам пятерки явился этот самый злополучный комиссар. Никто из оставшихся четырех не знал, что человек, которого они видят перед собой — это тот самый комиссар; к тому же, как сказано, он не держал в левой руке условленную газету. Комиссар был одет в дорогие, красивые и модные «фирменные» одежды; в руке он нёс дипломат. Место было глухое и тёмное; прохожих не было. И тогда четверо, немного переговорив между собой, пошли навстречу комиссару. Ничто не предвещало беды. Когда четверо и комиссар поравнялись друг с другом, заместитель Душенова нанёс комиссару сильнейший удар в нос. Тот потерял сознание и упал. Удар не был слишком тяжелым или даже смертельным, но, падая на землю, комиссар ударился головой о камень. И этот удар почти убил его. Ещё не понимая, что комиссар уже не дышит, четвёрка сорвала с него куртку, забрала у него дипломат, сняла с его руки золотое кольцо, а с его шеи — большой золотой крест, обшарила его карманы и забрала из них все деньги. Этих денег было пятьсот тысяч рублей. Ещё пятьсот тысяч рублей несколько позже четвёртка обнаружила в дипломате. Наконец, кто-то из четвёрки заметил, что комиссар не дышит; четвёрка, присмотревшись, увидела, что перед ними — труп. Осознав это, все они мигом скрылись с места преступления. Когда Иван Душенов вернулся обратно, то он уже не обнаружил никого из пятерки; только лишь бездыханное тело комиссара предстало пред ним.

Иван стоял в недоумении не слишком долго. Он быстро сообразил, что, скорее всего, только что произошло. Внезапно ему пришла мысль, что комиссар ещё не умер до конца и находится в состоянии клинической смерти. Иван подозвал прохожего и вместе с ним начал делать пострадавшему искусственное дыхание и массаж сердца; и вскоре сердце его забилося. После этого Иван попросил телефон у прохожего и позвонил сначала в «скорую помощь», а затем в руководство «Святой Руси», чтобы сообщить о происшествии. К несчастью, приехавшие медики обнаружили, что комиссар впал в кому; вышел из неё он только лишь через три дня. Тем не менее, в конце концов, комиссар оказался жив и здоров.

Задержать подозреваемых в разбойном нападении было делом достаточно простым. Уже через день-два все они были схвачены. Ведь пострадавший был не просто одним из руководителей «Святой Руси» — нет! — он был ещё и членом «Единой России», а также помощником депутата Государственной Думы от этой партии.

Через неделю после происшествия с комиссаром, к 10 часам утра, Ивана попросили прийти в одно из зданий, принадлежавших ФСБ. Когда Иван пришёл туда в указанное время и затем подошёл к указанному ему кабинету и зашёл в него, то увидел, что вся пятерка была в сборе. Двое полицейских с оружием в руках стояли у дверей этого кабинета и никого оттуда не выпускали. Кроме членов пятерки и этих охранников-полицейских в кабинете никого не было; все они кого-то напряжённо ожидали. Наконец, дверь кабинета открылась и в него вошёл полковник ФСБ.

— Зовите меня просто: «товарищ полковник» — сказал он собравшимся, а затем продолжил:

— Так вот, ребята! Я, конечно, понимаю, что комиссара «Святой Руси» вы вводите в состояние клинической смерти и в кому, а также убивать не собирались. И даже если бы этот человек не был этим самым комиссаром, а был простым смертным, то вы всё равно не сделали бы с ним намеренно того, что вы сделали с комиссаром по несчастному стечению обстоятельств вопреки своим намерениям. Ведь вы хотели только лишь оглушить его ударом и ограбить — забрать деньги, всякие гаджеты и, может быть, модную одежку. А если бы наверняка знали, что перед вами — комиссар, то вы вообще бы не посмели его тронуть. Но вы всё-таки его почти прикончили. А затем, напомним, ограбили. И теперь вам светит тюрьма. А что вам там делать — вам, таким молодым и полным сил? Что вам там делать только из-за того, что вы совершили какую-то мальчишескую... ну не мальчишескую, юношескую глупость? Разве это справедливо?! Несправедливо. И я, ребята, всё это

отлично понимаю. И поэтому поспешу вас обрадовать: Родина дает вам шанс искупить вину. Это дело с комиссаром, если вы согласитесь на мое предложение, замнут и забудут. Но предупреждаю: искупать вину перед Родиной, возможно, придется кровью — как в годы Великой Отечественной. Понятно?

— Понятно, товарищ полковник. И в чём же заключается это предложение? — спросил парень полууголовного вида, который, правда, в тюрьме ещё не сидел — да и то потому, что он и его родители несколько раз откупались взятками следователям и даже прокурору.

— А дело вот в чем. Есть места, где наши, русские, притесняются. И им надо помочь. Ведь русские своих не бросают — так? А официально мы им помочь не можем. Почему? Ну а как вы представляете себе введение российских войск в государство-член НАТО и Евросоюза? И последующую аннексию части территории этого государства? Во-первых, как НАТО на это отреагирует? Ведь это же будет ещё одна Отечественная Война, если не Мировая! И, во-вторых, как страна переживет блокаду? И кто признает эту аннексию?

— Так что же — бросить своих придется, товарищ полковник? — спросил другой парень, тоже полууголовного вида.

— А вот и нет! На ваш страх и риск, после соответствующего обучения в лагерях спецподготовки, вы будете заброшены в тыл врага, чтобы поднимать там русское и славянское население на восстание и подбивать его к отделению и последующему присоединению к России.

— Ты не томи, товарищ полковник, — сразу скажи: куда нас пошлют? — спросил третий молодой человек, уголовник, уже несколько лет отсидевший в тюрьме.

— Ещё не догадались? В Эстонию, Латвию и Литву!

— И что же? Чем же мы будем там заниматься? Агитацией и пропагандой? — робко спросил Иван Душенов.

Полковник усмехнулся и ответил:

— Не только, Иван, не только. Прежде всего надо будет посеять рознь между всякими чухонцами и славянами. Её, конечно, и сейчас нагнетают сами власти Эстонии-Латвии-Литвы. Но чтобы русские и славяне восстали, эту рознь надо усилить во сто крат. И поэтому... — тут товарищ полковник усмехнулся ещё раз, — и поэтому прибегнуть придется к мерам самым крайним. Возможно, вам придется, переодевшись полицейскими или военными враждебного нам НАТОвского государства, устроить резню среди русских. Например, найти русскую деревню или хутор, и половину людей в них вырезать, а вторую половину — оставить в живых, чтобы они обо всём рассказали другим русским. Дело грязное — но такова жизнь.

— Послушайте, — сказал Иван Душенов, — но почему нам придется вырезать именно русский хутор или деревню, а не эстонскую или литовскую или латвийскую?

— Если центр прикажет, то придется пойти и на это! — резко ответил полковник. — Ничего исключать нельзя и я ничего не исключаю. Но сам подумай, Иван: какой шум поднимется в НАТО и в ЕС, если «русские бандиты и террористы» вырежут, скажем, эстонскую или латвийскую деревню наполовину?! Что будет? И как после этого будут смотреть на русских и на Россию?!

— Очень жестокие и даже подлые меры... — пробормотал Иван Душенов.

— Да, очень жестокие и очень подлые! — подтвердил товарищ полковник. — И мы идём на них потому, что они очень эффективны. А, как говорится, «в политике морали нет». Да, некоторым придется пострадать. Но зато это спасет многих и поэтому даст большой положительный эффект. А ещё помимо того, что эти меры очень эффективны, мы идём на них вот почему: как известно информационную войну с Западом нам не выиграть и поэтому нас всё равно неизбежно удастся очернить и обвинить во всех возможных грехах. А раз это будет всё равно так — то почему, спрашивается, мы должны стесняться все эти грехи совершить? Почему — если нас всё равно в них обвинят и наша виновность

в них будет доказана, если даже мы вообще бы их не совершали?! Политика и война — грязное дело!

Иван Душенов задумался на мгновение и спросил:

— Но если это так, то спрашивается: почему в этом случае мы будем вырезать славянские деревни и хутора, а не их?! Если нас всё равно обвинят во всех возможных грехах — то пусть уж пострадают их люди, а не наши!

Полковник засмеялся и молвил:

— Та-а-ак... Та-ак, Иван! Как я вижу, вопрос о том, что ты поедешь вырезать сельских жителей в государство НАТО в принципе решен. Дело лишь в частности: кого именно там придется вырезать? И если надо будет вырезать, скажем, эстонцев — то ты, как я вижу, согласен — да? Ну, а взрывать мосты, железные дороги и составы, сбивать самолеты, устраивать всякие саботаж и диверсии, грабить банки для добычи средств партизанскому движению — это вообще для тебя раз плюнуть?! Ну а почему вырезать, скорее всего, придется русских, а не чухонцев, то ты сам подумай. Тут всё просто: если всё рано поднимется вой о наших зверствах, — поднимется только потому, что мы проиграем информационную войну, — то вообрази себе: какой силы будет этот вой, если злодеяния России будут не мнимыми и поддельными, а самыми что ни на есть настоящими?! В смысле: зверствами по отношению к гражданам стран НАТО и ЕС?

Иван смутился и, не скрывая нервного возбуждения, смело сказал:

— Товарищ полковник! Вы же знаете — я не принимал никакого участия в нападении на комиссара «Святой Руси»! Я в это время вообще отходил ото всех собравшихся! И поэтому я не пойду ни в какой диверсионный или партизанский отряд! Я отказываюсь! Это несправедливо! Я даже не дотрагивался до него и не разговаривал с ним! И все это знают!

Полковник снова усмехнулся и сказал:

— Иван! Может быть, ты и не наносил ему телесных повреждений в ходе разбойного нападения и вообще в этом нападении не участвовал. Может быть. Но у нас есть план по отправке добровольцев в Прибалтику. И если ты откажешься туда ехать, то я приложу все усилия, чтобы ты оказался единственным участником разбойного нападения на этого чёртова комиссара, будь он неладен! И чтобы ты загремел в тюрьму не меньше, чем на пять лет! Или вообще получил по полной! Понял?! А все эти молодые люди, которые здесь сейчас находятся — все они дадут против тебя показания, что лично видели, как ты наносил телесные повреждения этому самому комиссару — причем с особой жестокостью.

— Но... — пролепетал Иван.

— Что но?! — передразнил его товарищ полковник. — Что но?! Ты помнишь, что вещал всей молодежи России твой отец Константин в своих патриотических и религиозных передачах? Он говорил: «Родить сына, построить дом и посадить дерево — это программа-минимум для мужчины. А программа-максимум — это повоевать и отсидеть в тюрьме. Каждый мужчина должен повоевать и отсидеть в тюрьме. И я эту программу-максимум выполнил!». Вот ты, Иван, и пойдешь в тюрьму, чтобы исполнить отеческий завет! Только то, что сказал твой отец про программу-максимум — это, по-моему, всего лишь её часть. Настоящая программа-максимум для настоящего русского мужчины это: повоевать, отсидеть и быть оттраханным в рот и в жопу! Например, в той же тюрьме. Ибо наш человек — он и не такое выдюжит! То есть, что это такое я говорю?! Наш человек — он всё выдюжит. Вообще всё. Ибо такой уж он — наш человек! Так ты, Иван, не петляй, как заяц, ты прямо скажи: ты контракт подписывать на добровольную отправку в Прибалтику в качестве партизана и диверсанта будешь? Или ты хочешь выполнить программу-максимум? Может быть, даже вместе с твоим отцом?

Иван подумал и сказал:

— Что же... придётся подписывать контракт...

— Вот... Правильно... Хорошо... — одобряюще сказал товарищ полковник, а затем продолжил, обращаясь ко всем:

— Ребята! Только, я надеюсь, никто из вас не думает, что вы будете подписывать официальный контракт с Министерством обороны, согласно которому направитесь в Прибалтику как обычные солдаты в форме, пользующиеся всеми правами военнопленных, оговоренными в различных международных договорах о правилах ведения войн? Вы должны чётко понимать: вы действуете на свой страх и риск! И если попадете в плен, то, скорее всего, вас вздернут на месте как наёмников. И если вас там убьют — то ваши семьи не получат никаких компенсаций. И если вас там покалечат — то госпитали Министерства обороны России — не для вас. И военная пенсия — тоже не для вас.

— Но тогда зачем же подписывать контракт и с кем? — изумился Иван Душенов.

— С кем? С Кем Надо, конечно же. Есть у нас такая организация с названием из трех букв. А подписывать надо для того, чтобы вы, в случае чего, не смогли отвертеться.

После этого полковник обвел собравшихся глазами и торжественно произнёс:

— Итак, страна доверила вам блюсти свои интересы за её пределами. Как и в тяжёлые дни Великой Отечественной Войны, правительство и Президент нашей страны возложили на вас ведение партизанской войны, а также проведение диверсионных и разведывательных операций на территории врага... или, вернее, на территории, временно занятой врагом. Надеюсь, вы оправдаете доверие и кровью искупите свою вину перед Родиной. А теперь осталась сущие пустяки: вы подпишите контракты и уже через неделю вас отправят на усиленные тренировки в лагеря, в которых готовят людей для лучших российских спецподразделений. Там вы пробудете около трех или четырех месяцев, а затем будете заброшены... хотя как знать — может быть, вам, скорее, сделают визы и вы легально отправитесь в Прибалтику к нашим славянским православным братьям. Удачи вам! И помните: русские своих не бросают! Родина вас не забудет! Да... И, надеюсь, вы не думаете, что второй экземпляр контракта вам отдадут на руки — чтобы вы, например, могли откуда-то вылезти и предъявить этот документ суду или корреспондентам? Международные скандалы нам ни к чему... Если не что похуже.

И товарищ полковник вынул из стола папку, достал из неё стандартные контракты с Кем Надо и раздал их собравшимся в кабинете членам «Святой Руси» для подписи.

6. Бегство и первая слава

Итак, попытка убийства Кураева не увенчалась успехом. При этом сам Кураев ничего не знал об этой попытке; он не знал о том, что его собирались и всё ещё собираются убить. Андрей Вячеславович жил беспечно и продолжал заниматься любимым делом — сочинять музыку. И лишь благодаря какому-то безвестному доброжелателю Кураеву стало известно о том, какая опасность ему угрожала и всё еще угрожает.

Было начало июля. Кураев проснулся поздно и решил позавтракать. Открыв холодильник, он обнаружил, что запас продуктов иссяк. Поэтому Андрей Вячеславович пошёл в ближайший супермаркет. Когда Кураев стоял в очереди у кассы, он заметил, что кто-то что-то положил в карман его пиджака. А, может быть, и вынул. Кураев автоматически сунул руку в карман и обнаружил там флешку. Кураев точно знал, что раньше в его кармане ничего не было. После того, как Кураев положил находку обратно в карман, он услышал сзади тихий голос, который сказал:

— Не оборачивайтесь. Дома внимательно просмотрите то, что я вам принёс. Речь идет о вашей жизни. Желаю удачи!

Когда Кураев пришёл домой, то первым делом он включил компьютер и стал исследовать то, что было на флешке. А там было много интересного: записи выступлений ораторов на слёте молодежной организации «Святая Русь» и другие материалы с этого же слёта; докладные записки, циркулировавшие в МВД и ФСБ, в которых излагались сообра-

жения по проведению террора против геев; отчёты об убийствах некоторых геев; некоторые доносы агентуры, внедрённой в «Святую Русь» и другие подобные организации, — как низовой, так и бывшей в этих организациях на руководящих постах. Как понял из этих донесений Кураев, «Святую Русь» возглавлял человек, бывший педерастом и педофилом, который некогда получил условный срок непонятно за что. Последнее тщательно скрывалось. Этот руководитель не был ни кадровым офицером, ни даже сексотом. В одном из донесений кадровый офицер спецслужб, засланный в «Святую Русь», спрашивал начальство: «Не слишком ли много разворовывается средств, выделяемых из спецфондов на развитие организации, её руководством?»; другой агент в одном из донесений описывал походы начальства организации по ресторанам. Один человек из руководства «Святой Руси» был даже замечен в провинциальном гей-клубе... Венцом всех этих документов был примерный список геев, которых члены «Святой Руси» намеревались ликвидировать в первую очередь. В этом списке Андрей Вячеславович обнаружил и себя.

Тогда Кураев решил бежать из страны. У него было кое-что на банковских счетах и он немедленно купил туристическую путёвку в Англию. Затем он нашёл доверенное лицо, которому поручил распродать всё свое имущество в России. Поскольку уезжать надо было срочно, продавать его пришлось по заниженной цене.

За день до отлёта Кураев, возвращаясь утром после похода в ближайший супермаркет за продуктами, обнаружил, что стены возле его подъезда, сам подъезд и дверь его квартиры были кем-то размалёваны надписями. «Здесь, в квартире такой-то, живёт пидор» — гласила надпись на двери подъезда. «А. В. Кураев, жилец из такой-то квартиры — пидарас» — гласила надпись на стене справа от этой двери. В самом подъезде к квартире Кураева вели указательные стрелки с надписями вроде: «Пидарас Кураев живёт тремя этажами выше». На двери в квартиру была надпись: «Здесь живёт пидарас Кураев».

Увидев эти надписи, Кураев слегка изумился: если его хотели тайно убить, то зачем это было так афишировать? Ведь наверняка многие видели, как делались эти надписи; многие видели тех, кто входил в подъезд. Входящие в подъезд даже были засняты на видеокамеру. И действительно, это было странным. Но на самом деле надписи были вовсе не делом людей из «Святой Руси». Это сделали дети из воскресной церковноприходской школы при храме Михаила Архангела в Тропарёво. Они были мобилизованы настоятелем храма на борьбу с геями в рамках какой-то программы, преследовавшей цели духовного возрождения отечества и воспитания патриотизма. Эта программа была спущена сверху.

В самый день отлёта в Англию, едва проснувшись утром, Андрей Вячеславович услышал, что на улице детвора скандирует лозунги: «Кураев — пидарас! Кураев — пидарас!», «Долой пидарасов!» и «Пидарасы, убирайтесь в Гейропу!». Это опять были воспитанники той же воскресной церковноприходской школы. Они не знали, что именно в этот день Андрей Вячеславович навсегда уезжал из России. Когда Кураев спустился по лестнице вниз с чемоданом и вышел из подъезда на улицу, то увидел, что повсюду были расклеены его цветные фотографии с подписью: «А. В. Кураев. Этот человек — пидарас».

Наконец, Кураев, никем не замеченный, не встретив никаких препятствий, вылетел из Москвы в Лондон как турист. Прибыв в Лондон, он попросил убежища и получил статус беженца. Ему дали небольшое социальное жилье и небольшое пособие. Кураев получил деньги за проданное в России имущество; этих денег было достаточно, чтобы прожить в Англии четыре-пять лет по стандартам школьного учителя без всяких пособий. Имея эти средства, Андрей Вячеславович решил не спешить с поисками работы. Несколько месяцев он решил спокойно пожить и осмотреться.

В августе в Москве начались волнения. Несколько дней вокруг Кремля на митинг собирались сотни тысяч человек — по официальным данным триста-четырееста тысяч. Они кольцом окружали Кремль, словно беря его в осаду. Красная площадь всегда была переполнена. Множество людей стояло на улицах и переулках возле Кремля. Собиравшиеся требовали отставки Президента, смены экономического курса, борьбы с коррупцией и демократических преобразований. Их поддерживали западные державы, выступавшие с осу-

ждением Президента, его приближённых а также внутренней и внешней политики, проводимых правительством России. Власть шаталась и Президент порой подумывал об отставке. Все — особенно высшие чиновники и военные — чувствовали бессилие власти и ожидали её скорой смены. Поэтому они заняли отстранённую позицию и выжидали, чтобы присоединиться к победителю — будь это новый правитель России или прежний.

В то время даже небольшая группа хорошо вооружённых и организованных людей могла решить судьбу страны и повернуть её развитие или, наоборот, деградацию туда, куда она захотела бы — разумеется, в разумных пределах.

Несколько советников настаивали на том, чтобы Президент совершил военный переворот и установил диктатуру. Как они говорили, это было бы спасительным для России. Правда, возможно, уже было слишком поздно до этого. Посередине августа пропали министр внутренних дел, министр обороны и министр иностранных дел. Все, однако, знали, что они находятся на своих дачах и ждут заманчивых предложений от будущего возможного оппозиционного победителя. Патриарх и высшие церковники тоже заняли выжидательную позицию и не становились ни на чью сторону.

И вот тогда Президент решил опереться на «Святую Русь» и несколько подобных организаций. Благо, что все они давно находились под контролем спецслужб — вернее, под той их частью, которая оставалась более-менее верной Президенту, понимая что в случае поражения им придётся разделить вместе с ним всю ответственность. И тогда несколько тысяч членов этих организаций были за несколько дней собраны со всей страны, вооружены и доставлены для обороны Кремля.

Советники сказали Президенту, что медлить больше нельзя и что действовать нужно решительно. После этого Президент отдал приказ привести несколько мощных боеприпасов объемного взрыва. Около десятка их было доставлено в грузовиках в Кремль, но использованы из них только два. Один грузовик с зарядом мощностью в сорок килотонн был поставлен возле здания Министерства Обороны, в нескольких сотнях метрах от Кремлёвской стены, а другой, с противоположной стороны Кремля, — возле Министерства Финансов, тоже в нескольких сотнях метрах от Кремлёвской стены. Заряды были подорваны в самый разгар митинга. Некоторые опасались, что ударная волна может разрушить стены Кремля, но всё обошлось.

Всё произошло так, как и было задумано. Погибло более двухсот тысяч человек. Ещё тысяч семьдесят было контужено. Оставшиеся в живых — а их было от ста до ста пятидесяти тысяч — в панике стали разбегаться, кто куда мог. На мостах через Москву-реку и возле них произошла давка; снова погибло множество людей. При этом в спины разбегающимся людям со стен Кремля строчили пулеметы — это члены «Святой Руси» казнили гнилых либералов, сторонников Запада, предателей и изменников...

Пока в уцелевших подземных сооружениях Министерства Обороны царила паника, по подземным путям отряды «Святой Руси» пробрались туда и уничтожили всех, кто там находился, чтобы предотвратить их переход на сторону врага.

После этого под угрозой внесудебной расправы министр иностранных дел и министр обороны были вытаснены со своих дач. Им невольно пришлось стать на сторону Президента. А до всех этих событий спецслужбы тесно поработали с епископами Русской Православной Церкви — им сказали, что в том случае, если они не станут на сторону Президента, на них будет опубликовано множество компрометирующих материалов. Говоря проще, епископам намеревались устроить гомосексуальные и педофильские скандалы.

После того, как Президент, Премьер-министр, Министр иностранных дел и Министр обороны выступили с заявлениями по телевидению и после того, как Президент объявил о введении чрезвычайного положения и установлении своей единоличной власти, Патриарху ничего не оставалось, как примкнуть к новой власти и объявить её «властью от Бога». Члены же «Святой Руси» стали кем-то вроде чекистов в послереволюционные годы; они слились с теми спецслужбистами, которые поддерживали Президента.

Несколько сот отрядов из чекистов, членов «Святой Руси» и подобных организаций, вооруженные до зубов, отправились по всем концам страны и вскоре, действуя очень решительно (многих полковников и даже нескольких генералов пришлось расстрелять) взяли под контроль ядерное оружие. Или, по крайней мере, подавляющую его часть. Это, собственно, и позволили новой власти удержаться, предотвратив интервенцию стран НАТО.

Итак, уже через несколько дней после взрывов мощных неядерных зарядов возле Кремля всё было решено: новая власть устояла и далее она только крепчала. Члены «Святой Руси» даже свезли в Москву депутатов, которые организовали карманный парламент. Как правило, к каждому депутату было прикомандировано в качестве помощников по одному, а то и по два-три члена «Святой Руси» или подобных ей организаций, которые в случае чего могли попросту пристрелить депутата по приказу Президента или по даже по своему усмотрению в случае какой-нибудь чрезвычайной ситуации.

После создания карманного переходного Парламента Президенту были полностью подчинены армия и министерство внутренних дел.

Народ не оказал почти никакого сопротивления. Сразу после взрывов началось бегство из Москвы за границу столичных противников Президента и его курса. Президент не препятствовал этому бегству, но даже поощрял его: из провинций в Москву были стянуты самолёт для организации дополнительных рейсов за границу, таможенный контроль как в аэропортах, так и на сухопутной границе был ослаблен.

К наступлению осени власть Президента стала очень прочной — ещё прочнее, чем до начала волнений.

Русская Православная Церковь была объявлена господствующей и государственной. Обильное финансирование полилось в неё рекой. Было объявлено о симфонии церковной и государственной властей.

Но всё это Кураев не застал. Он в это время был уже в Лондоне.

Несмотря на августовские волнения, в сентябре обстановка в России была спокойной. Музыкальный фестиваль, на который Кураев послал свои работы, прошёл так, как и было запланировано. Его опера «Прометей» заняла первое место, а «Ио» — второе. После завершения фестиваля и получения наград профессор, бывший покровителем Кураева и подавший работы Кураева на фестиваль от своего имени, объявил, кем в действительности были написаны «Прометей» и «Ио» и за несколько дней Кураев стал международной знаменитостью. Правда, оказалась, что вот уж несколько месяцев он живёт не в России, а в Лондоне как беженец.

Кураевские «Прометей и Ио» очень понравились публике; они начали ставиться по всему миру. Потекли авторские отчисления. Появились заказы. К тому же, у Кураева к тому времени уже было кое-что написанное про запас. Поэтому ему не пришлось бедствовать. Уже весной Кураев перебрался в квартиру получше, в один из богатых районов. А профессор-покровитель Кураева не пережил Нового Года и умер в конце декабря.

В годовщину смерти Александра Кураев бесцельно бродил по Лондону. Ему захотелось поесть и он увидел перед собой забегайловку из сети ресторанов *Kentucky Fried Chicken*. Тогда же в неё пришёл устраиваться на работу Альфред — мужчина лет тридцати пяти на вид, бывший банковский клерк самого что ни на есть низового уровня, который несколько месяцев назад потерял работу. Он сидел на мели и подумывал о том, чтобы уехать из Лондона к себе на родину в Эдинбург. В *KFC* он собирался работать, разумеется, временно; к этому его вынудило безденежье. По молодости, после школы, он хотел создать успешную рок-группу, но коллектив, собранный им развалился, не продержавшись на плаву и двух лет. Получив отказ в *KFC*, он собирался сразу же уйти из забегайловки, но затем почему-то решил поесть и присел за один столик с Кураевым. Кураев поднял глаза и увидел перед собой Александра — только лет на пятнадцать старше. Ну, почти Александра...

Слава Кураева постепенно возрастала, а, вместе с ней, росли и авторские отчисления. И Андрей Вячеславович стал немного роскошествовать: он пристрастился к вонючим и плесневелым сырам и дорогим винам. Внезапно он обнаружил, что синестетическое восприятие, которым он обладал, каким-то образом распространяется и на некоторые виды пищи — в частности, на эти самые сыры и вина. И Кураев не жалел денег на дегустацию. Он скопил бы денег гораздо больше, если бы не эта его слабость: ведь всего за пятьдесят миллилитров вина приходилось порой отдавать по несколько сот и даже по несколько тысяч долларов. Сыры, конечно, были дешевле. Кураев не считал денег — он понял, что на старость ему вполне хватит и так и поэтому не экономил. Каждый съеденный им кусочек сыра и каждый выпитый им бокал вина неизгладимо оставался в памяти у Андрея Вячеславовича навсегда — также, как и услышанная им музыка. Причём, оставался в звуках и в красках. Сначала Кураев сильно изумлялся новому обнаружившемуся у него дару, но затем привык к нему и воспринимал его как должное. Его квартира была заставлена коллекцией вин. Холодильники в его доме были забиты вонючими и плесневелыми сырами. Под конец своей жизни в Лондоне он даже переехал из квартиры в арендованный особнячок, в котором был винный погреб — специально для того, чтобы коллекционировать вина.

Так Кураев прожил с Альфредом в Лондоне около четырёх лет. А после этого Андрей Вячеславович отправился на всемирные гастроли.

7. Первый большой Кураевский тур

За сценой «Гранд-Оперá» шла подготовка к началу кураевского «Прометей». Сам автор оперы торопливо сновал туда-сюда среди оперных певцов и рабочих. Вот, мимо Кураева прошёл Зевс, держащий яркую молнию. За ним следовали Сила и Власть. Силой и Властью были Андреас Шолл и Филипп Жаруски. После них Кураев увидел, что прямо на него, разговаривая о чем-то своём, шли Анна Нетребко, Ольга Перетятко и Юлия Лежнёва. Андрей Вячеславович, в экстравагантной одежде, с павлиньим пером, засунутым в нагрудный карман тёмного пиджака, усыпанного кристаллами Сваровски, поравнявшись с оперными дивами, нарочно сделал неужёбно-сладострастное выражение лица, протянул к ним руки и шутливо-игриво молвил:

— Девочки! Вы выглядите так сексуально! Если бы я не был геем, я бы ухватил вас за попки! За ваши сексуальные попки! Честное слово — я непременно сделал бы это, не будь я самым разгейским геєм!

— Ах, шутник! — ответили те и пошли дальше.

А Кураев отправился к своему дирижёрскому месту.

Так начинался знаменитые всемирные гастроли Кураева, известные под именем «Первый большой Кураевский тур». Эти гастроли продолжались более полутора лет и под них была собрана специальная оперно-балетная труппа, в которую входили лучшие оперные певцы. Состав оркестра несколько раз менялся на протяжении этих полутора лет. Сам Кураев на представлениях иногда выступал дирижером. В ходе этого тура Андрей Вячеславович не только развлекался и по временам дирижировал оркестром, но и напряженно работал: так, в ходе тура — буквально в гостиничных номерах! — им было написано много замечательных произведений: 32 оперы, 27 балетов, 56 симфоний, а также много более мелких творений. Например, в самом начале тура, во Франции, ещё до начала представлений в «Гранд-Оперá», Кураев умудрился написать первую и вторую «Парижские» симфонии (АК-231 и АК-234), а также несколько известных концертов (АК-232, АК-233 и АК-235).

После первых концертов, происходивших во Франции, Германии, Италии и Испании, европейская пресса начала писать, что по значимости Кураевский тур есть культурное явление такое же важное, как и «русский балет» Дягилева; в это же время многие музыкальные критики стали называть Кураева в своих статьях «русским гением оперы» или

просто «русским гением». А после концерта в «Ла Скала» Андрея Вячеславовича стали часто именовать «новым Чайковским». Конечно, музыка Кураева не была похожа на музыку Чайковского; но стиль у неё был такой, что она была также легко узнаваема, как и музыка Петра Ильича.

После концертов в Польше и Швеции кураевская труппа направилась в Грецию, в Афины. Там должно было состояться её выступление в «Греческой национальной опере». Когда Кураев прибыл в Афины, то до начала выступлений было ещё несколько дней. И Андрей Вячеславович решил поподробнее ознакомиться с городом и с Грецией вообще. Первым делом он завернул в ресторан, располагавшийся близ Акрополя. Каково же было его удивление, когда он обнаружил в этом ресторане Сергея Пенкина, Александра Пескова и Бориса Моисеева! Как выяснилось позже, Пенкин прибыл сюда с концертами, Моисеев — чтобы отдохнуть и попутешествовать по историческим местам, а Песков — по непонятной причине, которую он не хотел называть. Кураев подошёл поближе к этой троице и попросил разрешения присесть вместе с ними за стол. Далее застолье продолжилось вместе с Кураевым. И вот, когда все уже слегка были пьяны, к столу подошёл Жерар Депардьё, который был в Греции на съёмках. Депардьё сразу узнал Кураева — поэтому, собственно, он, Депардьё, к нему и подошёл. Как оказалось, Жерар, получив российское гражданство, увлекся русским языком и к тому моменту, когда он встретил Кураева, уже мог вполне сносно на нём изъясняться.

— Ваше экс-дьячество! — завел речь Жерар с лукавой усмешкой. — Знаете, когда я решил изучить русский язык, то первым текстом, который я постарался перевести и понять, была ваша статья «Грязная тема» про любовные похождения древнегреческих богов. Уж не знаю — почему я выбрал именно её? Да и как она вообще мне попала на глаза? Я кропел над этой статьей целую неделю, пока, наконец, не перевел её и не выучил наизусть — равно как и все те русские слова, которые в ней встречались. И знаете, что я понял из этой статьи? То, что вас очень заинтересовала вся эта история с Просимном и Дионисом. Так вот что я хочу сказать на эту тему: я знаю, где находится здесь, в Греции, могила Просимна! У нас, во Франции, это когда-то все проходили ещё в школе, когда изучали историю Греции и Рима и греко-римскую мифологию. У меня сейчас перерыв в несколько дней на съёмках. И я собрался посетить могилу Просимна. Не хотите ли вы и ваши друзья — тут Депардьё обвел своим взглядом сидящих за столом вместе с Кураевым, — не хотите ли вы все отправиться на могилу Просимна, под знаменательные смоквы, видевшие самого Диониса?

Кураев подумал, что времени у него много и согласился. Дело было за согласием окружающих. Но тут заговорил Александр Песков. Он не знал, кто такой Просимн и спросил Депардьё:

— А кто такой этот ваш Просимн и чем знаменательны эти самые смоквы, которые растут над его могилой?

И тогда Жерар Депардьё, действительно, почти слово-в-слово передал соответствующий абзац статьи Кураева «Грязная тема», в котором содержался краткий пересказ истории про путешествие Диониса в подземный мир за своей матерью Семелой и про поиски Дионисом входа в этот подземный мир.

По словам Депардьё, могила Просимна находилась в Халкидике, близ Афона, у моря, по дороге между Уранополисом и Сκάлой, на одном из невысоких холмов. Депардьё при этом даже процитировал какой-то стих — якобы из Гомера:

Боговозлюбленный муж, проводник Диониса в глубины Аида,
Лесбоса славного сын, благородный Просимн близ Афона
Тихо средь смокв на холме почивает у моря,
И острова созерцает Дренийские вечно,

Прочитав эти стихи, Жерар сразу же добавил:

— А Дренийские острова, как известно, располагаются прямо напротив современного Уранополиса!

Едва услышав этот рассказ, Песков и Борис Моисеев сразу же загорелись желанием посетить это славное историческое место. Нежелание выказал только Пенкин:

— Не знаю... Не знаю... — сказал Сергей Михайлович. — Может быть, и не поеду. Подумайте ведь: я поеду с кем?! С людьми, которые или открытые геи, или имеют репутацию гея. И поеду куда?! На могилу Просимна, возле которой Дионис... А я ведь — официально православный! И я вовсе не гей и никогда им не был! Я даже храм и часовню построил у себя в родном городе. Что мне там делать? Остепениться пора!

Но тут взял слово Жерар Депардьё:

— Сергей! Вот, ты задумался. А это раньше надо было делать — то есть раньше надо было спрашивать себя о том, что подумают о тебе люди — перед тем, когда ты всякие перья разноцветные на себя одевал. А чего тут, в сущности такого? Подумаешь — разок съездить и погулять!

— Вот-вот! — поддержал Депардьё Борис Моисеев. — Я вот, например, тоже нисколечки не гей, а, тем не менее, еду! И весело же там нам всем будет! Езжай! Артистический образ надо поддерживать! А что может быть лучше для поддержки артистического образа, чем могила Просимна? Экстравагантно, эпатажно, невообразимо, интригующе!

Волей-неволей Сергей Михайлович был вынужден согласиться и все они впятером, в тот же день, сели на самолет в аэропорту Афин и отправились в Фессалоники. А оттуда они поехали на такси в Уранополис.

Когда Сергей Пенкин, Борис Моисеев, Александр Песков, Кураев и Жерар Депардьё высадились в центре Уранополиса ипустили такси, то они сразу поняли, что сделали глупость: ведь чтобы добраться до могилы Просимна, им надо было возвращаться назад по дороге из Уранополиса в Скалу. Тогда они снова взяли такси, уже другое, и отправились в путь. Выехав из основной, центральной, части Уранополиса, они увидели невысокие холмы — не выше ста метров, — располагавшиеся вдоль морского побережья. Наконец, Жерар Депардьё обнаружил несколько отелей, построенных на склоне самого высокого холма; эти отели, строго говоря, ещё были в Уранополисе, на самой его окраине; но Депардьё решил, что он проехал уже достаточно. Жерар указал на вершину холма, на склоне которого, ближе к подошве, стояли эти отели и затем скомандовал водителю такси: «Стой. Здесь. Приехали!».

Вся пятерка вышла из двух автомобилей, в которых она ехала, и направилась в один из отелей. Остановившись там и оставив там вещи, пятерка набрала побольше продуктов — мяса, колбас, фруктов, вин и прочего — и направилась на самую вершину. На вершине стояло несколько одиноких деревьев. Пятерка расположилась среди них лагерем и начала готовить шашлык. Древесный уголь они прихватили загодя. Наконец, началось застолье. Речь взял Александр Песков:

— Могу ли я передать весь тот трепет и то волнение, возникающие во мне, когда я стою на том месте, где был сам Дионис? Где он отдавал свой долг чести? Братья! Где мы стоим и сидим! На могиле Просимна стоим и сидим! Там, куда вернулся Дионис из царства мертвых, будучи верен своему долгу смертному человеку! Так выпьем же и закусим!

И все пятеро выпили и закусили. И ещё много они говорили тостов, выпивали и закусывали той ночью. Наконец, когда все уже были изрядно пьяны, Борис Моисеев под общих хохот достал какой-то дрын, очистил его от коры и стал бегать с ним и кричать:

— Братья! А вот, может быть, та самая ветвь смоковницы, которую держал в своих руках сам Дионис!

После этого пятерка продолжила гулять. Борис Моисеев, с дрыном в руках, исполнил песнь «Голубая луна», а Сергей Пенкин — «Luna to». А Песков, перевоплотившись в Мерлин Монро, снимал веселый праздник на фотоаппарат и видеокамеру.

Вскоре возле места, на котором происходила гулянка, под одной из смоковниц, был обнаружен большой валун, на котором были видны какие-то полустёртые надписи на древнегреческом.

— Известное дело! Видать, это ничто иное, как алтарь самого Диониса, воздвигнутый возле могилы Просимна! Алтарь, на котором древние греки приносили жертвы Дионису! — так прокомментировал обнаружение этого валуна Жерар Депардьё.

Песков тут же принялся за фото- и видеосъемку, стремясь запечатлеть столь знаменательную достопримечательность — древний алтарь Диониса.

Наконец, во втором часу ночи, утомленные и изрядно пьяные, все пятеро вернулись в отель и заснули. А утром, после завтрака, всем им пора было возвращаться в Афины.

Александр Песков позже выложил всё заснятое им той ночью в Интернет под заглавием «На могиле Просимна, на земле Диониса». Из-за этого в православной среде возник великий скандал: некоторые стали говорить, что будто бы Пенкин, Моисеев, Песков, Кураев и Депардьё съездили в Уранополис и оттуда тайком, не имея разрешения от духовных властей, пробрались на святую гору Афон и на её склонах устроили мерзкое и беззаконное издевательство над православной верой — чуть ли не гомосексуальную оргию. Многие так и понимали, что гомосексуальная оргия там, на Афоне, всё-таки была. И от этого эти многие стали впоследствии обвинять Андрея Кураева в служении Сатане и в ритуальной педерастии.

Эти же обвинения, конечно, касались и того, с кем Кураев был на могиле Просимна. Как Кураев и те, кто с ним вместе гуляли, ни давали объяснения, как они ни говорили, что никакой оргии не было и что всё происходило не на святой горе Афон, а на окраине Уранополиса — причем на той его окраине, которая простиралась к Ска́ле, а не к владениям афонских монастырей, — всё равно ничего не помогало. Даже то, что Депардьё признался, что пошутил и что все сведения о том, что на одном из холмов близ Уранополиса находится могила Просимна — чистая его, Депардьё, выдумка. А известный православный публицист Юрий Воробьевский в одной из своих книг про Афон, написанной после очередного паломничества туда, даже упоминал о том, что легендарная могила Просимна вместе со стоящим рядом алтарем Диониса находятся близ Уранополиса, почти возле самых владений афонских монастырей. Юрий Воробьевский даже привел снимок того валуна, который Депардьё принял за алтарь — снимок, сделанный никем иным, как Александром Песковым в тот знаменательный день гулянки вместе с Кураевым. Далее Юрий Воробьевский в своей книге долго рассуждал не тему о том, как христианство повергло язычество и изгнало демонов с их мест обитания в языческих капищах, и о том, как тяжело было бороться святым подвижникам с демонами в тех местах, которые были посвящены языческим богам, которые суть бесы.

После Греции последовали Болгария и Румыния. А затем кураевская труппа повернула на Святую Землю, в Израиль. Здесь у Кураева также появилось несколько свободных дней и Андрей Вячеславович решил съездить в Святой Град Иерусалим. А, между прочим, Кураев и его труппа оказались в Иерусалиме прямо после православной Пасхи, как раз в самую Светлую Седмицу.

Итак, Кураев, оказался Иерусалиме и, будучи сильно голоден, решил зайти в ресторан и чего-нибудь перекусить. Была пятница. Наступал вечер. Бродя по улицам города, Андрей Вячеславович увидел вывеску некошерного ресторана «Семь Звёзд» и, недолго думая, вошёл внутрь. С минуту у Кураева ушло на то, чтобы осмотреться; ресторан Кураеву очень даже понравился: всё окружал таинственный полумрак; было тепло и уютно. Наконец, Андрей Вячеславович заметил свободный столик и направился к нему. И вот, когда Кураев уже сел за этот пустой столик, то заметил, что за одним из соседних столов сидел пожилой человек, явно невысокого роста, окруженный толпой любопытных. Глаза этого человека были завязаны, а на столе стояло множество блюд, на которых располагались тонко нарезанные ломтики сыров самых различных марок. Официант то и дело подносил

этому человеку очередной кусочек сыра на тарелке, а тот брал этот кусочек, тщательно разжевывал и распробовал его, а затем, ко всеобщему изумлению, называл марку сыра и тут же сообщал, какое вино подходит к этому сыру. То и дело было слышно, как стоявшие вокруг хлопали в ладоши — очевидно, потому, что этот человечек верно отгадывал марку сыра, который ему только что дали попробовать.

Андрей Вячеславович повнимательнее всмотрелся в черты лица этого человека — черты, которые отчасти скрывала повязка на глазах, — и с легкостью угадал в нём бывшего митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира Котлярова, бывшего члена Священного Синода, который ныне находился на покое и проживал в Израиле, в Иерусалиме, в собственном особняке, приобретённом им «на всякий случай» к старости, чтобы «было где дожить». Почти все в Московском Патриархате — в особенности же люди постарше — знали вкусы Его Высокопреосвященства, а именно, его пристрастия к заморским плесневелым сырам и заморским же изысканным винам. И почти все знали про тот необыкновенный дар, который ещё в относительно молодые годы стяжал Его Высокопреосвященство — дар тонкого и даже тончайшего различения этих самых плесневелых сыров и этих самых вин. Не раз изумлял митрополит Владимир как своих собратьев-епископов, так и светских советских вельмож демонстрацией этого удивительного дара: процент ошибок был весьма мал — всего одна или две пробы из сотни проб определялись им неверно — да и то потому, что эти неверно определенные пробы, как правило, оказывались какими-то необычными или же чрезвычайно редкими. Вот и теперь, как понял Кураев, Владимир Котляров демонстрировал окружившим его людям своё удивительное искусство.

Да, Его Высокопреосвященство был аристократом в истинном смысле этого слова — то есть он по-настоящему понимал, «что значит хорошо кушать» — понимал подобно герцогу из сказки «Карлик Нос» или, лучше сказать, подобно его, герцога, другу-князю, который мог обнаружить отсутствие в короле паштетов «Сюзерен» одной-единственной травки, тогда как в те времена искусство приготовления особо замечательных паштетов подразумевало рецептуру в десятки и даже в сотни трав и приправ. Ни один из самых тончайших оттенков вкуса вина или плесневелого сыра не мог укрыться от изощрившегося и утончившегося языка и нёба Его Высокопреосвященства.

Но Андрей Вячеславович Кураев теперь, после обретения им своих удивительных сверхспособностей, был тоже «не лыком шит». И Кураев задумал немислимое: он решил бросить вызов самому Владимиру Котлярову и провести с ним состязание в определении сортов и марок различных сыров и вин. Кураев отлично понимал, что это было нечто немислимое; Кураев сознавал, что этот шаг был чистым безумием; но, тем не менее, озорство и жажда новизны и острых ощущений взяли в нём верх. Когда Его Высокопреосвященство под всеобщее одобрение закончил дегустацию плесневелых сыров и снял с глаз повязку, Кураев набрался смелости, подошёл к его столу и сказал:

— Ваше Высокопреосвященство! Готов биться об заклад, что я могу определять марки и сорта сыров и вин ничуть не хуже вас! И то, что вы можете делать — это не так уж и удивительно.

Владимир Котляров с головы до ног презрительно окинул взглядом стоявшего перед ним наглеца, усмехнулся и сказал, признав в этом наглеце Кураева:

— Кураев? Предатель Родины? Изменник? Собственной персоной? Да ведь вы в делах дегустации — просто мальчишка! Я уже давно был гурманом ещё тогда, когда вы только учились раздувать кадило! Признайтесь, что вы просто мальчишка, ничего толком не смыслите в гастрономических областях, и бросили мне вызов просто для того, чтобы потешить своё самолюбие. И при всём при этом вы сами отлично знаете, что проиграете мне! Признайтесь мне — ведь это так? В любом случае — проиграете ли вы или выиграете — вы не останетесь внакладе: ведь мне проиграть даже почётно — просто потому, что я решил состязаться с вами! Так для чего же мне состязаться с вами и делать славу предателю Родины?!

Все собравшиеся вокруг стола, за которым сидел Котляров, также заулыбались и обратили свои взоры на Андрея Вячеславовича. Позже Кураев узнал, что среди этих собравшихся было несколько епископов и несколько настоятелей крупнейших российских монастырей, а также несколько генералов армии, несколько важных государственных чиновников и несколько депутатов Госдумы; один из этих чиновников был даже заместителем какого-то министра. Все они прилетели в Иерусалим, чтобы встретить там Пасху и все они остались там же на Светлую Седмицу, чтобы получше ознакомиться с гордом и с Израилем. И все они в пятницу Светлой Седмицы, возвратившись вместе после экскурсии на Мертвое Море, зашли в «Семь Звёзд», чтобы подкрепиться. Кроме того, среди собравшихся вокруг стола также были посол России в Израиле и консул из Генерального консульства России в Хайфе. А ещё, также неподалеку от стола, за которым сидел Котляров, Кураев заметил певицу Жанну Бичевскую и депутата Госдумы Наталью Поклонскую. Как понял Кураев, они тоже были вместе с собравшимися у стола, но почему-то не захотели смотреть на демонстрацию искусства дегустации, устроенную Котляровым.

Кураев, выслушав слова Котлярова, немного подумал и сказал:

— Хорошо. Я вас понимаю. Давайте пари. Хотите пари на пятьдесят тысяч долларов? Хотите — на сто тысяч? Иначе скажите, что вы — просто трус и боитесь проиграть!

Котляров снова усмехнулся, немного подумал и сказал:

— Что же. Давайте. Но я не хочу вас слишком уж сильно разорять. Поэтому заключим пари на пятьдесят тысяч на то, что я лучше вас продегустирую сыры и вино и определю их сорта и марки!

— Только, что касается сыров, Ваше Высокопреосвященство! Я предлагаю дегустировать не только плесневелые сыры, но и вонючие! Поэтому я настаиваю на том, чтобы дегустация происходила в два тура! — ответил на это Кураев.

Котляров усмехнулся и сказал:

— Хорошо. Вам, вероятно, нравятся вонючие и сыры; нравятся больше, чем сыры плесневелые. И вы, вероятно, думаете, что эти ваши вонючие сыры — ваш «конек». О вкусах, конечно, не спорят. Но я докажу вам, что я разбираюсь в вонючих сырах также хорошо, как и в плесневелых и что ваша надежда победить меня тщетна! Кстати. У меня тоже одно условие. Вы, вероятно, считаете себя тонким ценителем вин, но при этом вряд ли часто пробовали вина дороже тысячи долларов за бутылку. Поэтому дегустацию вин я предлагаю провести также в два тура: первый тур — в ценовой категории до тысячи долларов за бутылку, а второй... второй... э... скажем в ценовой категории от тысячи долларов до тридцати тысяч. Согласны? Это не слишком обременит ваш кошелек?

Кураев согласился и они ударили по рукам.

Оказалось, что только что Котляров уже дегустировал набор из тридцати двух плесневелых сыров (некоторые из них были также и вонючими); поэтому Кураеву было предложено сначала поработать над ровно таким же набором сыров, а затем перейти к исключительно вонючим сырам. Кураев согласился также и с этим.

Когда официант ушёл за новым набором сыров, окружающие стали заключать про-меж себя пари, гадая: кто победит? Кураев был в этих пари в явном пренебрежении. Сначала ставки были один к десяти, а затем возросли до одного к двадцати пяти. Постепенно к столу стали подходить люди, никогда в России не бывшие и толком её не знавшие; некоторые из них, разобравшись, что происходит, тоже стали делать ставки.

Наконец, к столу вернулся официант, державший набор сыров. Кураеву завязали глаза. После этого он сел за стол и подал знак, чтобы ему принесли первую порцию плесневелого сыра, которая и была подана. Кураев взял маленький кусочек сыра и начал жевать его, чтобы хорошенько распробовать. Немного помолчав и подумав, Андрей Вячеславович сказал:

— «Блё де Жэкс» (*Bleu de Gex*) из Франш-Конте. С голубой плесенью. Узнаваем по орехово-грибному послевкусию с легкой горчинкой.

- Браво! — сказал Кураеву официант и подал следующий сыр. Кураев распробовал его и сказал:
- «Павэ Блезуа» (*Pavé Blésois*) из Центральной Франции. С голубоватой плесенью.
- Официант снова сказал «браво» и продолжил подавать кусочки сыра Кураеву. Тот же съедал их в порядке очереди и, немного подумав, ставил каждому кусочку свой «диагноз»:
- «Ами дю Шамбертэн» (*Ami du Chambertin*). Из Бургундии. С белой плесенью. Имеет жесткую плесневую корку.
- «Бри де Мо» (*Brie de Meaux*).
- «Горгондзола Дольче» (*Gorgonzola Dolce*).
- «Багет Лаонэз» (*Baguette Laonnaise*). Из Пикардии. С белой плесенью.
- «Шевротэн» (*Chevrotin*). Из Савойи. Корка с пятнами белой плесени. Вкус, напоминающий вкус орехов. Подходят белые и красные савойские вина.
- «Блэ де Бресс» (*Bleu de Bresse*). Из Бресса. С голубой и белой плесенью. При производстве используются грибки Пенициллиум роквефóрти (*Penicillium roqueforti*) и Пенициллиум камембérти (*Penicillium camemberti*). С ароматом грибов.
- «Сент-Мор де Турэн» (*Sainte-Maure de Touraine*). Из Турени, Эндра и Луары. Сырные цилиндры покрыты синевато-серой корочкой пушистой плесени. Солоновато-кисловатый вкус с ореховым ароматом. Вина: белые «Вуврэ» (*Vouvray*) и «Сансёр» (*Sancerre*), молодое красное «Шинон» (*Chinon*).
- «Бри де Мелэн» (*Brie de Melun*).
- «Пулинь-Сент-Пьер» (*Poulligny-Saint-Pierre*) из Берри. С белой плесенью. Вина: белые «Сансёр» (*Sancerre*), «Турэн» (*Touraine*) и «Реуйи» (*Reuilly*).
- «Блэ де Баск» (*Bleu des Basques*). Франция, Атлантические Пиренеи. С голубой плесенью.
- «Блэ дю Вёркор-Сасенаж» (*Bleu du Vercors-Sassenage*) из Альпийского региона Франции. С запахом лесных орехов.
- «Шабишю дю Пуату» (*Chabichou du Poitou*). Из Дё-Севра. Корочка на цилиндрах сыра покрыта белой плесенью, которая в зависимости от времени года часто имеет серовато-синий оттенок. С ореховым ароматом и специфическим запахом козьего молока. Вина: вино района Пуату, белое вино типа «Совиньон» или «Сансёр».
- «Вуа» (*Void*) из Лотарингии, из департамента Мёз, Вуа-Вакон. Со светло-коричневой плесневой корочкой.
- «Фурм д'Амбёр» (*Fourme d'Ambert*). Место производства: Амбер, Пюи-де-Дом, Овернь. С вкраплениями голубой плесени. Вина: «Шинон» (*Chinon*), «Сент-Николя де Бургей» (*Saint Nicolas de Bourgueil*), «Котэ дю Ляйон» (*Coteaux du Layon*).
- «Камамбёр» (*Camembert*) или «Камамбер де Норманди» (*Camembert de Normandie*) из Камамбера, Нормандия. С белой плесенью. Имеет твердую корочку, покрытую плесенью. Вкус острый, пикантный, немного походит на грибной. К сыру подходят молодые красные вина типа «Божолé» (*Beaujolais*).
- «Горгондзола Пиканте» (*Gorgonzola Piccante*).
- «Куломье» (*Coulommiers*) или «Бри де Кюломье» (*Brie de Coulommiers*). Иль-де-Франс, Шампань или Арденны. С белой плесневой флорой. Корочка покрыта белой плесенью. С небольшой кислинкой. Подходят красные бургундские вина или вина типа «Божолé» (*Beaujolais*).
- «Пелардон» (*Pélardon*) из Лангедок-Руссильона. С голубоватой плесенью. Острый ореховый привкус и длительное солоноватое послевкусие. Подходят вина: «Костиер дю Гар» (*Costieres du Gard*), Клёрэ дю Лангедок (*Clairette du Languedoc*).
- «Мон-д'ор» (*Mont-d'or*) из Франш-Конте. Со смываемой белой плесенью. Сливочный вкус, отдающий хвоей и шампиньонами. Подходят вина типа «Божолé Нувó» (*Beaujolais Nouveau*) и «Жюрансón» (*Jurançon*).

— «Мю́нстер-жеромі́» (*Munster-géromé*) или, иначе, «Мю́нстер д’Э́льзас» (*Munster d’Alsace*) из Мюнстера или Вогезов. С отмываемой белой плесенью. Характерный резкий запах с нежным сливочным вкусом. Подходят вина типа эльзасское «Геву́рцтра́минер» (*Gewurztraminer*), «Пі́но Гри д’Э́льзас» (*Pinot Gris d’Alsace*) или виноградная водка «Марк» (*Marc*).

— «Фу́жерю́» (*Le Fougerus*). Иль-де-Франс, Сена и Марна. С белой плесенью. При производстве используется грибок Пеници́ллиум канди́дум (*Penicillium candidum*). Сладковатый, с соленым привкусом. Подходят бургундские вина, шампанское, бордо.

— «Пикодо́н» (*Picodon*) из Дрома или Ардеша. Сырные головки покрыты небольшим налетом голубоватой плесени. Сладко-солено-кисловатый вкус. Подходят вина: белое «Сент Жозе́ф блан» (*Saint Joseph blanc*) или игристое сладкое мускатное «Ривса́льт» (*Rivesaltes*).

— Конечно же, «Рокфо́р» (*Roquefort*)! При производстве используется грибок Пеници́ллиум роквефо́рти (*Penicillium roqueforti*). Мягкая белая масса с включениями благородной плесени. Со вкусом лесных орехов. Вина: кагор, «Соте́рн» (*Sauternes*), «По́рто» (*Porto*).

— «Дорблю́» (*Dorblu*), Бавария, Лаубен. Вина: красные сухие вроде «Каберне-Совиньон» и «Шираз».

— «Сент Агю́р» (*Saint Agur*) из Бозака. С вкраплениями голубой плесени. Характерный резкий вкус голубой плесени и мягкий сливочный вкус сыра. Вина: белое сладкое — «Соте́рн» (*Sauternes*).

— «Том де Бож» (*Tome des Bauges*) из горного массива Бож в Савойе. Головки сыра покрыты серой плесенью.

— «Фу́рм де Монбризо́н» (*Fourme de Montbrison*). Луара, Пюи-де-Дом. С вкраплениями голубой плесени. Солоноватый вкус с ароматом молока и орехов. Подходят вина «Соте́рн» (*Sauternes*) и «Ривса́льт» (*Rivesaltes*).

— «Шау́рс» (*Chaource*). Из Шампани. С белой плесенью. При производстве используется грибок Пеници́ллиум канди́дум (*Penicillium candidum*). Корка имеет толстый слой плесени. Слегка кисловатый вкус с ароматом грибов и лесных орехов. Подходят бургундские вина «Шаблі́ блан» (*Chablis blanc*) и «Иранси́» (*Irancy*).

— «Нюшате́ль» (*Neufchâtel*) из Нормандии. При производстве добавляется грибок Пеници́ллиум канди́дум (*Penicillium candidum*). С сухой корочкой, покрытой белой пушистой плесенью. Нежный вкус грибов. Подходят вина: красные «Кот дю Ронь» (*Côtes du Rhône*), «Божоле́» (*Beaujolais*), «Поморо́ль» (*Pomerol*), «Сант-Эми́льян» *Saint-Emilion*.

— «Сель-сюр-Шер» (*Selles-sur-Cher*). Солонь, долина Луары. Головка сыра покрыта серо-голубой плесенью. С характерным запахом козьего молока. Вина: белое «Сансе́р» (*Sancerre*), молодое красное «Шино́н» (*Chinon*), а также «Бургей́» (*Bourgueil*), «Гэме́» (*Gamay*).

Кураев закончил дегустацию 32 сыров и сорвал повязку с глаз. Он посидел с минуту под одобрительные возгласы окружающих, а затем другой официант принёс вонючие сыры и начался второй тур. В этом втором туре сыры были 41 вида. Правда, надо сказать, что некоторые из сыров уже участвовали в первом туре как сыры плесневелые. Кураеву снова завязали глаза и он принялся за дело.

— «Реблошо́н де Са́вуа» (*Reblochon de Savoie*)! — громко вскрикнул Кураев после того, как отведал первый кусочек поданного ему сыра.

— «Эпуа́с де Бургонь» (*Epoisses de Bourgogne*)! — снова на весь зал возгласил Кураев, отведав второй кусочек.

— «Пармезан» (*Parmesan*)! — голосил далее Кураев под всеобщее одобрение.

— «Ба́нен» (*Banon*)!

— «Рокфо́р» (*Roquefort*)!

— «Ра́клет» (*Raclette*)!

— «Осо́ Ирати́» (*Ossau Iraty*)!

Наконец, Кураеву надоело говорить громко и торжественно и он продолжил отве-
дывать сыры и называть их сорт обычным голосом:

— «Чéддер» (*Cheddar*).

— «Талéджио» (*Taleggio*).

— «Стилтон» (*Stilton*).

— «Смердящий Епископ», *Stinking Bishop*, сыроварня компании *Charles Martell & Son*.

— «Лймбергер» (*Limburger*).

— «Бри де Мо» (*Brie de Meaux*).

— «Ливарó Мюнстер» (*Livarot Munster*).

— «Лидеркранц» (*Liederkrantz*).

— «Ами дю Шамбертén» (*Ami Du Chambertin*).

— «Камамбёр де Норманди́» (*Camembert de Normandie*).

— «Мюнстер д'Эльзас» (*Munster d'Alsace*).

— «Пон л'Эвёк» (*Pont l'Eveque*).

— «Берга́дер» (*Bergader*).

— «Фьянсé де Перенí» (*Fiance des Pyrenees*)

— «Маруáль» (*Maroilles*).

— «Ред Хок» (*Red Hawk*).

— «Сéрра да Эштрéла» (*Serra da Estrela*).

— «Тру дю Крю» (*Trou du Cru*).

— «Вальдеóн» (*Valdeon*).

— «Тильзит» (*Tilsit*).

— «Э́сром» (*Esrom*).

— «Ле Павéн д'Овёрнь» (*Le Pavin d'Auvergne*).

— «Вайсла́кер» (*Weisslacker*).

— «Рáклет» (*Raclette*).

— «Ада́хан Фамха́уз» (*Ardahan Farmhouse*).

— «Тет де Муáн» (*Tête de Moine*).

— «Робиóла Ломбарди́я» (*Robiola Lombardia*).

— «Шлосс» (*Schloss*).

— «Сумен́трén» (*Soumaintrain*).

— «Дри́фтверуд» (*Driftwood*), сыроварни *Whitelake Cheeses*.

— «Вьё Лилль» (*Vieux Lille*).

Под конец Андрей Вячеславович, однако, снова перешёл на громкий и пафосный
тон:

— «Святой Освальд» (*St. Oswald*), сыроварня аббатства Госхил (*Gorsehill Abbey*)!

— возгласил он и далее продолжил:

— «Том де Шевр» (*Tomme de Chevre*)!

— «Вьё Булонь» (*Vieux Boulogne*)!

Наконец, он закончил с вонючими сырами и снова сорвал повязку с глаз. Дело ос-
тавалось за дегустацией вин. Через минуту официант подкатил к столу Кураев две тележ-
ки, заставленные бутылками. Ради интереса к столу подошёл сомелье, отбиравший эти бу-
тылки для состязания. Начался первый винный тур. За раз в бокал наливалось по пятьде-
сят грамм вина и Кураев, с завязанными глазами, должен был определить по вкусу, что
это за вино, какого года был урожай, а также указать место расположения виноградника;
кроме того, Кураев был должен назвать примерную рыночную стоимость бутылки вина.
Надо сказать, что с этим последним заданием Кураев справился успешно в обоих винных
турах: он ошибался со стоимостью вина не более, чем на десять процентов и, как правило,
называл рыночную цену с точностью до пяти процентов. Надо сказать, что вино обошлось
сравняющимся дороже, чем эти цены — ведь это были цены, по которым покупал вина

на рынке ресторан «Семь Звёзд»; а продавал он их своим посетителям, естественно, дороже.

Кураеву завязали глаза. Официант стал наливать вина в бокал и подавать эти вина Кураеву. Тот же пробовал их и говорил то, что от него требовалось:

— «Квильчёда Крик Каберне Совиньон Калáмбия Вáли» (*Quilceda Creek Cabernet Sauvignon Columbia Valley*) урожая 2001 года, США, Вашингтон, долина Колумбия; сто шестьдесят долларов за бутылку;

— «Альтези́но Монтóзоли, Брунелло ди Монтальчи́но» (*Altesino Montosoli, Brunello di Montalcino*) урожая 2010 года, Италия, Тоскана; сто пятьдесят долларов за бутылку;

— «Бартоло́ Маскарелло Барóло» (*Bartolo Mascarello Barolo*) урожая 2011 года, Италия, Пьемонт; сто тридцать пять долларов;

— «А́льтаму́ра Каберне Совиньон На́па Вáли» (*Altamura Cabernet Sauvignon Napa Valley*) урожая 2010 года, США, Калифорния, долина Напа; сто тридцать долларов;

— «Рóтем энд Мýнир Сэумá Шàтоню́ф-дю-Па́пэ Óмниa» (*Rotem & Mounir Saouma Châteauneuf-du-Pape Omnia*) урожая 2012 года, Франция, Рона; сто двадцать долларов;

— «Сэ́ди Фáмили Пэлэйдиас Свóтлэнд» (*Sadie Family Palladius Swartland*) урожая 2012 года, Южная Африка; сто десять долларов;

— «Антиóри Болгéри Супериóре Гуáдо ал Тáссо» (*Antinori Bolgheri Superiore Guado al Tasso*) урожая 2012 года, Италия, Ливорно; сто десять долларов;

— «Месье Шапотье́ Э́рмитаж Вайт Шант-Алюэ́т» (*M. Chapoutier Hermitage White Chante-Alouette*) урожая 2014 года, Франция, Рона; сто долларов;

— «Иль Поджо́не Брунелло ди Монтальчи́но» (*Il Poggione Brunello di Montalcino*) урожая 2010 года, Италия, Тоскана; девяносто долларов;

— «Пíтер Майкл Каберне Совиньон Оу́квиллэ́ Э́у Пэ́рэдайс» (*Peter Michael Cabernet Sauvignon Oakville Au Paradis*) урожая 2012 года, США, Калифорния, долина Напа; сто девяносто пять долларов;

— «Мáзи Амарóне дёлла Вальполичёлла Клáссико Серéго Алигьéри Ва́йо Арма-рóн» (*Masi Amarone della Valpolicella Classico Serègo Alighieri Vaio Armaron*) урожая 2008 года, Италия, Венето; восемьдесят пять долларов;

— «Клё́ Фортé Сент-Эмилья́н» (*Clos Fournet St.-Emilion*) урожая 2012 года, Франция, Бордо; семьдесят пять долларов;

— «Шатó Мутóн-Ротшильд» (*Château Mouton-Rothschild*) урожая 1982 года, Бордо; семьсот долларов;

— «Шатó ля Миссьён-Оу́-Бриён» (*Château La Mission-Haut-Brion*) урожая 1995 года, Бордо; сто восемьдесят долларов;

— «И́нглнук Каберне Совиньон» (*Inglenook Cabernet Sauvignon*) урожая 1965 года, США, Калифорния, долина Напа; семьсот долларов;

— «Шéваль Блан» (*Cheval Blanc*) урожая 2000 года, Бордо; девятьсот семьдесят долларов;

Всего в первом винном туре, в котором подавались вина стоимостью до тысячи долларов за бутылку, было шестнадцать образцов. По окончании этого тура, после некоторой передышки, начался второй винный тур, в котором было десять винных образцов, и Кураев вновь заговорил:

— «Бéга Сифи́лия, Ё́нико» (*Vega Sicilia, Único*) урожая 1968 года, Испания, Баскония; тысяча четыреста долларов;

— «Шатó Латýр» (*Château Latour*) урожая 1982 года, Бордо; тысяча восемьсот долларов;

— «Скрíмин Игл Каберне Совиньон» (*Screaming Eagle Cabernet Sauvignon*) урожая 2013 года, США, Калифорния, долина Напа; две тысячи долларов;

— «Шатó Лафíт-Ротшильд» (*Château Lafite-Rothschild*) урожая 1982 года, Бордо; три тысячи сто долларов;

— «Шатó Петрюс» (*Château Pétrus*) урожая 1982 года, Бордо; пять тысяч четыреста долларов;

— Не знаю. — сказал Кураев. И этим «не знаю» было вино «Домáйне де ла Романé-Кóнти, ля Тáке» (*Domaine de la Romanée-Conti, la Tâche*) урожая 1990 года, Бургундия со стоимостью примерно шесть тысяч долларов за бутылку. Далее состязание продолжилось и Кураев снова стал называть марки вин:

— «Домáйне де ла Романé-Кóнти, Монтрашé» (*Domaine de la Romanée-Conti, Montrachet*) урожая 1978 года, Бургундия; шесть тысяч триста долларов;

— «Домáйне де ла Романé-Кóнти, Романé-Кóнти» (*Domaine de la Romanée-Conti, Romanée-Conti*) урожая 1971 года, Бургундия; двенадцать тысяч долларов за бутылку;

— «Домáйне де ла Романé-Кóнти, Романé-Кóнти» (*Domaine de la Romanée-Conti, Romanée-Conti*) урожая 1953 года, Бургундия; двадцать тысяч пятьсот долларов;

— Не знаю. — снова сказал Кураев. И этим последним «не знаю» Кураева было вино «Пéнфоулдз Грейндж Хёмитидж бин 95» (*Penfolds Grange Hermitage bin 95*) урожая 1953 года, Австралия, со стоимостью примерно двадцать шесть тысяч семьсот долларов за бутылку;

Второй винный тур закончился. Кураева попросили удалиться из зала, что и было сделано. А место удалившегося Кураева занял Владимир Котляров, который отсутствовал в зале во время дегустации сыров и вин Кураевым. Митрополит Владимир сразу же принялся проделывать то же самое, что до него только что уже проделал Андрей Вячеславович Кураев. Наконец, пришло время подводить итоги и Кураева снова позвали в зал.

Итоги были таковы:

В первом сырном туре, в котором пробовались плесневелые сыры, и Кураев, и Котляров верно отгадали все сорта сыров;

Во втором сырном туре, в котором пробовались вонючие сыры, Кураев верно отгадал все сорта сыра, а Котляров один раз ошибся.

В первом винном туре, в котором дегустировались вина стоимостью до тысячи долларов за бутылку, Кураев верно отгадал все марки вин, а Котляров один раз ошибся; кроме того, один раз он также сильно занизил цену вина — более чем на 20%.

Во втором винном туре, в котором дегустировались вина стоимостью до тридцати тысяч долларов за бутылку, Кураев неверно отгадал две марки вина, а Котляров — три.

Что касается третьего тура, то никто из участников не отгадал последнее, десятое, самое дорогое вино. Помимо этого Кураев не отгадал шестое вино, а Владимир Котляров — девятое и седьмое.

Победа Кураева была бесспорной. Владимир Котляров был посрамлен и чувствовал себя неважно; можно был даже сказать, что он немного покраснел от позора поражения; Кураев же радовался и веселился — тем более, что он и так был уже в сильном подпитии. И в самом деле: каждый из участников состязания выпил кило триста вина — то есть более, чем полторы бутылки. Кураев был столь рад, что на радостях даже простил Котлярову весь тот долг, который образовался у него после его поражения в споре, а именно те самые злополучные пятьдесят тысяч долларов. Этот щедрый жест пришёлся митрополиту Владимиру весьма по душе.

Честно говоря, чтобы по-настоящему разбираться в таких возвышенных материях, как вина с более чем семидесятилетней выдержкой вроде «Домáйне де ла Романé-Кóнти» с виноградников Романé-Кóнти и «Пéнфоулдз Грейндж Хёмитидж» ни у Андрея Кураева, ни у Его Высокопреосвященства Владимира Котлярова не было достаточно средств. В самом деле: они ведь хоть и были богаты, но вовсе не были воротилами с Уолл-стрита или лондонского Сити. У них даже не было личного самолета — этого статусного атрибута миллиардеров. Хотя, конечно, они могли себе позволить небольшую яхту за миллион долларов и даже несколько дороже... Поэтому прошедшее состязание по поеданию сыров и питию вин вовсе не было для них совсем уж «пустяком», незаметным среди статей их расходов — нет! — это было, скорее, нечто из ряда вон выходящее. Так, пятьдесят грамм

«Пёнфоулдз Грейндж Хёмитидж бин 95» обошлись бы каждому из них в тысячу семьсот восемьдесят долларов или около того, если бы они покупали это вино на рынке; в действительности же, поскольку они пили его в ресторане, оно обошлось им ещё дороже.

После того, как Владимир Котляров признал свое поражение, он попросил разрешение у окружающих удалиться. При этом он отнюдь не ушёл из ресторана — он лишь пересел подальше, чтобы пережить горечь поражения в одиночестве. Снова усевшись за столом, Котляров попросил принести ему три королевских устрицы из залива Коффин (*Koffin bay king oysters*), которых он заказал ещё позавчера. Этих устриц, которые весили килограмм и более каждая доставляли в Иерусалим, в ресторан «Семь Звёзд», по особому контракту прямиком из фермы в Австралии, на которых их и выращивали. Заказ надо было делать за тридцать шесть часов. Одна такая устрица (а не дюжина их) в Австралии обошлась бы в сто долларов; но в Иерусалиме, с учётом авиа- и прочих перевозок, она стоила ещё дороже. Каждая из подобных устриц содержала свыше ста тридцати граммов вожденной гурманом плоти.

Что касается Кураева, то он, пребывая в сильном подпитии, отправился в один из отелей, чтобы переночевать там.

Спустя час или полчаса после полуночи Андрей Вячеславович проснулся в своем номере отеля и обнаружил, что уже почти совершенно протрезвел. Тогда Кураев выпил фруктового сока, найденного им в холодильнике, и снова заснул. Ему приснился довольно тревожный сон: Кураеву привиделось, будто бы он находится в своей квартире в Эдинбурге, в рабочем кабинете, за рабочим столом, и пишет музыку. И тут внезапно дверь открывается и в кабинет к нему, одетый в чёрное, заходит уже давно знакомый ему лысый человек с большими ушами и в старомодных очках. Этот человек довольно бесцеремонно снял шляпу и положил её на стол, а затем, никого не спрашивая, сел за стол напротив Кураева, набил свою трубку табаком и закурил. Сделав несколько затяжек, загадочный посетитель обратился к Кураеву со следующими словами:

— Итак, Андрей Вячеславович, вы, как я вижу, вполне успешно освоились на Западе. Что же — поздравляю! А ещё, конечно же, разрешите поздравить вас в победе в конкурсе по поеданию вонючих сыров, которые столь вами любимы. Кстати — про вонючие французские сыры и вонючие сыры вообще: сексологи, сексопатологи и прочие учёные как-то провели исследование и обнаружили интересную закономерность: любители вонючих французских сыров зачастую любят и французскую любовь; и наоборот — любители французской любви зачастую любят вонючие сыры. Надеюсь, Андрей Вячеславович, вам не надо объяснять, что такое французская любовь? Это то же, что и любовь «армянская». Ну, всякие там «двойники» и «тройники»... И, по-видимому, вонючие сыры приверженцам такой любви нравятся потому, что они любят уткнуться носом в это самое... ну, вы понимаете... и лизать и сосать это самое... ну, что обычно сосут и лижут всякие миньетки и приверженцы кунилингуса с аналинкусом, а проще, по-народному, говоря, всякие хренососы, пуссилизы и жополизы. Впрочем, любовь к вонючим сырам, как правило, сигнализирует о всяких подобных сексуальных ненормальностях и отклонениях.

Тут Кураев набрался храбрости и спросил этого лысого ушастого человека:

— Ну и что? Что вы этим хотите сказать?

— Я хочу сказать, Андрей Вячеславович, — ответил человек, — что вы только что, вчера, победили в конкурсе по дегустации вонючих сыров. И, поскольку вы состоите в гомосексуальном сожительстве, то, зная всю эту подкладку с сырами, логично заключить, что вы не только, извините, долбитесь со своим партнером в зад, но и, извините, сосётесь и лижитесь с ним — то есть попросту вы с ним сосёте друг дружке хрен и лижете друг дружке жопы! Ведь это же так логично — не правда ли, Андрей Вячеславович? Кстати, Андрей Вячеславович! Сексологи и сексопатологи, изучавшие гомосексуальность, обнаружили, что гомосеки, главным образом, не сношаются в зад, а употребляют друг дружку в рот! То есть, извините за выражение, сосут друг у дружки хрен!

— Да пришли-то вы зачем? Что вам надо от меня? — вновь спросил Кураев.

— Зачем?! Что надо?! Я просто хочу, чтобы вы приняли то, что я вам только что сказал, к сведению: гомосексуалисты, к числу которых вы имеете честь принадлежать, главным образом употребляют друг друга не в зад, а в рот! А любители вонючих сыров зачастую любят сосать хрен, лизать половые органы у женщин, а также лизать жопы. Как женщинам, так и мужчинам. То есть они, эти любители, попросту говоря, извините за выражение, — хренососы, пуссизы и жополизы. В прямом смысле.

— Хорошо, я принял это к сведению. — сказал Кураев и добавил: — Дальше-то что?!

— Дальше? Ну, раз приняли к сведению — так и хорошо. Тогда позвольте удалиться. — сказал человек с трубкой и неожиданно исчез.

Кураев испугался этого неожиданного исчезновения и проснулся. Оказалось, что он был вовсе не в Эдинбурге, в своей квартире, а в одном из отелей Иерусалима. Было половина третьего или, может быть, даже четыре часа утра — словом, довольно рано для того чтобы вставать. И Кураев решил поспать ещё пару часов. Он лёг, но на душе у него было беспокойно. Андрей Вячеславович вспомнил, как с месяц или с два назад он читал письма Моцарта и тут же то ли в голове, то ли в ушах Кураева словно сами собой медленно зазвучали слова из письма Моцарта своей кузине Марии Анне Текле Моцарт в Аугсбург из Мангейма от 5 ноября 1777 года:

«Да, признаюсь,
я насру тебе на нос,
и потечёт по подбородку. <...>
А теперь пожелаю вам доброй ночи,
срите в постель что есть мочи,
сладко спите,
задницу к носу подтяните. <...>

И как только сделаю шаг, сразу начинает вонять. Как только я выглядываю в окно, запах исчезает, поворачиваюсь обратно — запах усиливается. Наконец, моя матушка говорит мне: сдаётся мне, что ты подпустил? Да что ты, матушка. Да-да, я не ошибаюсь. Я проверяю, засовываю в задницу большой палец, подношу к носу, и — доказано! Матушка была права».

Кураев от этих слов встрепенулся и тотчас вышел из полусонного состояния. А затем, поподробнее вспомнив о том, что вертелось у него в голове, он чертыхнулся, лег и снова попытался заснуть. В состоянии дремоты и полусна то ли в голове, то ли в ушах Кураева снова зазвучали слова из письма Вольфганга Амадея; на этот раз это было письмо Моцарта своей кузине Марии Анне Текле Моцарт в Аугсбург из Мангейма от 28 февраля 1778 года:

«Дерьмо! — Дерьмо! О дерьмо! О дивное слово! Дерьмо! Оно вкусно! Тоже хорошо! Вкуси дерьмо! Лижи дерьмо! О Шармант! Лижи дерьмо! О как я рад! Дерьмо вкуси, лизни! Вкуси дерьмо, лизни дерьмо! <...>

Всем моим друзьям приветы,
кто не верит, пусть оближет меня за это,
отныне и вовеки веков,
пока много таких, как я, дураков.
Придётся ему меня долго лизать,
душа моя в пятки начнет убегать,
дерьмо из меня начнет вылезать
и вкусного ему начнет не хватать.
Адъё, ку-у-зинушка».

Кураев проснулся, чертыхнулся и снова попытался заснуть. На сей раз в ушах у Кураева установилась полная тишина и это ему удалось. Проснулся Андрей Вячеславович ярким субботним утром, в половине восьмого. Он наскоро собрался и, не мешкая, отправился в Тель-Авив. К вечеру субботы он уже должен был дирижировать в Тель-Авивском

Центре Исполнительских Искусств (*Tel Aviv Performing Arts Center*) на постановке оперы «Ио».

Соревнование Кураева с Владимиром Котляровым по дегустации и определению сортов и марок сыров и вин стало легендарным и принесло Андрею Вячеславовичу славу. Архиереи РПЦ передавали друг другу известия от своих собратьев, вернувшихся из Святой Земли, о победе Кураева и дивились: как ему удалось одержать верх в столь нелёгком и изысканном деле у такого аса, как митрополит Владимир?! Ведь тот упражнялся в различении сыров и вин ещё от молодых ногтей, от тех времен, когда он ещё сидел при ногах своего учителя митрополита Никодима, тогда как Андрей Вячеславович начал свое близкое знакомство с винами и сырами уже в очень зрелых годах, когда ему было за пятьдесят! Некоторые из архиереев даже говорили, что Кураев возмог одолеть Котлярова не иначе, как с помощью нечистой силы.

Весть о победе Кураева очень быстро распространилась не только в узком кругу архиереев, но, выйдя из этого круга, разлетелась сначала по зарубежным монастырям, скитам и духовным миссиям РПЦ — прежде всего, конечно же, в самой Святой Земле, — а затем и по самым отдаленным монастырям России и Украины. Кураев победил Котлярова на Светлой Седмнице, а уже к преполовению Пятидесятницы об этом подвиге говорили и спорили промеж собой даже простые монахини и монахи без сана и в Троице-Сергиевой Лавре, и в Серафимо-Дивеевском монастыре, и в Почаеве, и на Валааме, и в Пантелеимоновом монастыре на Афоне. А к Троице уже вряд ли можно было найти такого монаха, который не знал бы о победе Кураева — даже если этот монах подвизался отшельником в горах Кавказа или же в небольших отдаленных монастырях северных и восточных епархий. И по результатам этих разговоров и споров, как ни крути, опять-таки выходило, что для такой победы Андрей Вячеславович должен был сделать ничто иное, как продать свою грешную голубую душу самому Сатане.

С той поры и укрепилось среди мирян и духовенства РПЦ мнение, что Кураев заключил контракт с Дьяволом и продал душу и что все дарования его — хоть гастрономические, хоть музыкальные, хоть даже давно известные литературные — дарования бесовские, дарования от лукавого; и поэтому, по общему мнению православных России, не подобает христианину не то что слушать музыку Кураева, но даже и думать о том, чтобы её послушать, дабы не впасть в демонское обольщение и не стать треклятым мужеложником и служителем Сатаны, как и сам Кураев.

После Израиля началась собственно азиатская часть Первого большого Кураевского тура. Оперно-балетная труппа вместе с Кураевым гастролировала в Индии, Китае и Японии. Затем настал черед Австралии и Новой Зеландии. В Австралии им была написана знаменитая «Сиднейская» симфония (АК-311), а в Веллингтоне, в Новой Зеландии — «Веллингтонская» (АК-318). После этого путь оперно-балетной труппы лежал в Северную и в Южную Америки. Наконец, обогнув земной шар, кураевская труппа вновь оказалась в Европе. Здесь, в Европе, происходила завершительная часть тура.

Эта завершительная часть тура началась со Словакии, где оперно-балетная труппа выступила в Братиславе, в Оперном Театре (*Opera House*); затем были выступления в Чехии, в Праге, в Пражской государственной опере, и в Венгрии, в Будапеште, в Венгерском государственном оперном театре. После этого труппа направилась в Австрию, в Вену, где дала представления в Венской государственной опере. Там, в частности, была поставлена опера Кураева «Афродита и Анхис». Ко времени возвращения труппы в Европу Кураев уже стал всемирной знаменитостью: о нём писали газеты и журналы, его не раз показывали по телевидению; репортеры жаждали взять у него интервью. Возвращение в Европу с лихвой подтвердило выдающийся статус Кураева как композитора. Венские газеты называли его «королем оперы», а в одном из австрийских журналов он был — то ли в шутку, то ли всерьез — назван именем «Curadeus» — то есть «Курадей». Как всем было ясно, назван был он так по аналогии с именем Моцарта «Амадей» — «Amadeus». Хотя это название и было дано, по всей видимости, в шутку, но оно прижилось и иностранная пресса —

особенно в Европе — часто стала именовать Кураева именем «Curadeus» вполне серьезно, в дань уважения к его заслугам. Имя «король оперы», также полученное Кураевым в Австрии, в Вене, тоже прижилось и стало часто употребляться применительно к Кураеву.

За время гастролей по бывшей Австро-Венгрии Кураевым были написаны знаменитые первая и вторая «Пражские» симфонии (АК-378 и АК-380), а также «Венская» симфония (АК-382).

После бывшей Австро-Венгрии кураевская труппа направилась в Швейцарию, где дала представления в Цюрихе, в Цюрихском Оперном Театре (*Zürich Opera House*), затем в Лозанне, в «Лозаннской Опере» (*Lausanne Opera*), и, наконец, в Женеве, в Большом Театре Женевы (*Grand Théâtre de Genève*).

Там же, в Женеве, Кураев во второй раз встретился с Владимиром Котляровым, который приехал в Швейцарию из Израиля для отдыха. Произошло это так. Кураев сидел в одном из женевских ресторанов и обедал. В это время в ресторан зашёл Владимир Котляров. Он издали узнал Андрея Вячеславовича, подошёл к нему и попросил разрешения присесть к нему за столик. Затем Котляров заказал обед себе и стал обедать вместе с Кураевым. В ходе этого произошла неспешная беседа. Владимир Котляров повернул речь к разговорам на излюбленную для него тему — к разговорам о дегустации и определении сортов и марок вин и сыров. Нет, митрополит Владимир вовсе не хотел и не надеялся устроить новую битву с Кураевым, этакий матч-реванш, чтобы снова стать несравненным победителем — нет! Вместо подобных предложений Владимир повел речь о таких тонкостях дегустации сыров и вин, о которых Кураев даже ещё и не задумывался.

— Андрей Вячеславович! — начал свою речь Котляров. — Я вижу, у вас есть талант — талант разбираться в изысканных кушаньях, в винах и в сырах. И вы хорошо представляете себе, что такое доброе вино и добрый сыр. Да, у вас — талант, талант несомненный, талант от Бога. Но, Андрей Вячеславович! Этот талант нужно развивать. Вот, вы хорошо отличаете один сорт сыра от другого. Но можете ли вы различать сыры одного и того же сорта, изготовленные различными сыроделами, изготовленные в различных сыроварнях? Здесь, заметьте, я говорю не о массовом производстве, которое стандартизировано — хотя и тут есть свои отличия; я говорю о мелких производствах и, притом, таких, где изготовление сыра происходит по старинным технологиям — так, как всё это происходило сотню или несколько сотен лет назад и даже ещё раньше. Даже сыры одного и того же сорта, но изготовленные в разных подобных малых сыроварнях, разнятся друг от друга и, притом, разниться весьма существенно! У каждого «малого» сыродела сыр одного и того же сорта имеет свой, неповторимый вкус; или, если хотите, привкус; или, если хотите, свой уникальный букет привкусов. Чему это можно уподобить? Это можно уподобить одной и той же мелодии, но сыгранной в разных тональностях; или даже, может быть, наоборот, разным мелодиями, сыгранным в одной тональности; или же картинам одного и того же места, которые писали разные художники, каждый из которых имеет свой неповторимый почерк; или же, наоборот, картинами одного и того же места, которые были написаны одним и тем же художником, но в разных стилях. Вы понимаете, о чём я говорю? Я, конечно, сейчас так говорю о сыре — но это же можно сказать и о вине. Вот вы, например, можете, попробовав вино, сказать с какого склона холма был взят виноград для него — с северного или с южного? А можете ли вы определить — хотя бы приблизительно — какая погода стояла тогда, когда был собран урожай винограда? А для опытного ценителя это вполне возможно!

— Но вернёмся к сырам! — продолжил свою речь Владимир Котляров. — Сейчас при изготовлении сыра молоко, как правило, принято пастеризовать. При пастеризации же от сыроварни к сыроварне разница в температуре может достигать более десятка градусов. Я уже не говорю о том, что пастеризация может продолжаться разное время у разных сыроделов — пусть, может быть, эта разница и невелика. Но ведь всё это, в конечном счёте, влияет на вкус и на консистенцию сыра! Однако, вообще говоря, лично я считаю, что настоящий сыр, как и в старые добрые времена, должен делаться именно из сырого, не-

пастеризованного молока! Пастеризовать молоко — это, я считаю, настоящее варварство в сыроделии, настоящее надругательство над вкусом истинного сыра! Различны и емкости, в которых варят сыр — различны не только по объему и форме, но и по тому материалу, из которого они сделаны. Различен климат, при котором этот сыр варят и при котором он созревает и плесневеет. Наконец, различен микроклимат в тех сыроплесневильнях, в которых этот сыр созревает и плесневеет! В некоторых сыроплесневильнях поддерживаются свои, особые, культуры благородной плесени — причем на протяжении сотен лет! Нет, конечно, конечно... С точки зрения биологии и в массовом производстве, и в подобном мелком производстве с древними традициями используется плесень одного и того же вида. Но разве вы можете отрицать, что в мелких производствах культуры плесени могут мутировать в нечто особое, в нечто неповторимое и уникальное? Что здесь имеется свой естественный отбор, в ходе которого получается так, что плесень в одной сыроварне отличается от подобной же плесени в другой сыроварне — хотя бы из-за разницы микроклимата в сыроплесневильне? И всё это оказывает свое влияние на вкус сыра! Я здесь не буду вдаваться в тонкости ферментации сыров; я только упомяну, что даже порода коров или коз, у которых берется молоко для сыра, оказывает свое влияние на вкус сыра! Да что там — порода! Сами корма, которыми питаются коровы и козы, сам климат, в котором растут эти травы и в котором живут коровы и козы, — всё это оказывает своё влияние на вкус сыра! Поэтому — заключил Котляров, — истинные ценители сыров отдают предпочтение сырам из подобных малых сыроварен, в которых придерживаются своих древних традиций производства. По крайней мере, на протяжении более сотни лет. А ещё лучше — более двух сотен. Возьмите это себе на заметку, Андрей Вячеславович!

Тут митрополит подозвал официанта и попросил у него принести несколько разновидностей одного и того же сорта сыра. При этом Владимир произнёс названия конкретных сыроварен — «малых» сыроварен, на протяжении сотен лет следовавших своим собственным традициям. Когда заказ был исполнен, к столу подали блюдо с находившимися на нём семью кусочками сыра. Владимир Котляров дал отведать эти кусочки Андрею Кураеву; когда тот продегустировал сыры, Владимир спросил его:

— Что ощущаете? Один и тот же это сыр или разный? Сорт-то, конечно, один — но вы чувствуете отличия? Вы чувствуете?!

Кураев задумался на минуту и ответил:

— Да, вы правы. Это подобно одной и той же мелодии, но сыгранной в разных тональностях. Причем при неравномерной темперации! А порой различие столь велико, что оно подобно разным, хоть и весьма схожим, мелодиям, сыгранным в одной и той же тональности! Вот этот вот кусочек сыра — о, сколь благородна его плесень! — словно изготовлен в тональности ре-мажор, а этот — в до-мажор! А этот — в ля-миноре! А этот — тоже в ля-миноре, но если первый исполняется в четыре четверти, то этот — в две четверти! И у этого последнего более холодные тона... И в нём явно видны «чистые» квинты, а в первом — нет! А ведь это, по сути, один и тот же сорт или одна и та же марка сыра!

— Я рад, что вы меня поняли! И я рад, что для вас доступна та гамма ощущений, о существовании которой обычный смертный порой даже и не подозревает! — сказал Владимир Котляров. Затем он доел обед, попрощался с Кураевым и вышел из ресторана. А Кураев, изумленный открывшимися перед ним новыми ощущениями, ещё долго сидел и раздумывал о том, как согласуются разновидности сыра и музыка. С той поры Андрей Вячеславович стал уделять особое внимание «малым» производителям сыров, а именно таким производителям, которые имели за своими плечами многосотлетнюю историю и поддерживали свои собственные древние традиции производства и свои собственные культуры плесени.

После Швейцарии оперно-балетная труппа направилась в Ирландию — сначала в Ольстер, в Белфаст, а потом в Дублин. В Белфасте выступления происходили в Большом Оперном Театре (*Grand Opera House*), а в Дублине — в Национальном Оперном Театре

(*National Opera House*). Там же, в Дублине, Кураевым были написаны первая и вторая «Дублинские» симфонии (АК-391 и АК-392).

Там же, в Дублине, Кураев побывал на фестивале ирландского фольклора. В дни этого фестиваля в одном из ресторанов Кураев встретился с Ронаном Хардиманом и Майклом Флэтли, которые, среди прочих знаменитостей, были в числе приглашенных. Кураев подошёл к столику, за которым сидели Ронан и Майкл и те сразу же узнали стоявшего перед ними «короля оперы». Тогда Андрей Вячеславович обратился к Ронану:

— Я слышал, вы пишете музыку для новой постановки «*Lord of the Dance*» — не так ли?! А почему бы вам не развить и немного не изменить главную тему так... — и тут Кураев взял салфетку и буквально за две-три минуты испещрил эту салфетку нотами. — По-моему, будет совсем неплохо! — добавил Кураев, записав мелодию.

Хардиман пробежал глазами по салфетке и сказал:

— Ещё как неплохо!

А в один из дней на представления, дававшиеся на этом фестивале, Кураев пришёл вместе с несколькими оперными певцами и певицами из своей труппы. Вместе с ними в этот день Кураев встретился на фестивале с такими певицами, как Лорина МакКеннитт (Loreena McKennitt), Мэри Блэк (Mary Black) и Кэрэн Мэтисон (Karen Matheson). Когда Кураев завидел трех последних, то захотел пошутить и вновь сказать: «Девочки! Вы выглядите так сексуально! Если бы я не был геем, я бы ухватил вас за попки! За ваши сексуальные попки! Честное слово — я непременно сделал бы это, не будь я самым разгейским геєм!». Кураев был одет в зеленый фрак, усыпанный разноцветными кристаллами Сваровски и украшенный множеством павлиньих перьев. На голове у Кураева был разноцветный, всех цветов радуги шутовской парик, обсыпанный позолотой, а лицо Андрея Вячеславовича было покрыто белилами, поверх щедро украшенными разноцветными блестками. Кураев уже представлял, как манерно произносит эти слова перед дамами, но затем он засомневался в том, что они ответят ему словами «Ах, шутник!» — ведь эти дамы были воспитаны в иной культуре — в отличие от Анны Нетребко, Ольги Перетятко и Юлии Лежнёвой. «Пожалуй, они ещё и в суд подадут за сексуальное домогательство!» — пронеслось в голове у Кураева; и он не стал им говорить ничего подобного, ограничившись лишь самыми общими приветствиями, после которых Лорина, Мэри и Кэрэн попросили у Андрея Вячеславовича автографов. Андрей же Вячеславович не только дал им свои автографы, но и написал для них по паре мелодий, которые и подарил им, предложив им создать на их основе песни.

Здесь же, в Дублине, Кураев написал два знаменитых концерта для кельтской арфы с волынкой и скрипкой (АК-398, АК-399).

После этого кураевская труппа отправилась в Лондон и дала свои заключительные концерты в «Ковент-Гардене», на чем и закончился Первый большой Кураевский тур.

По окончании тура Верка Сердючка, случайно оказавшаяся в Лондоне, записала специальную передачу с Андреем Кураевым, в которой Андрей Вячеславович рассказывал о своей жизни за границей, о своем творчестве и о только что прошедших гастролях. Будучи в то время в Лондоне, Андрей Вячеславович написал три «Лондонских» симфонии (АК-402, АК-403, АК-406); часть третьей «Лондонской» симфонии, как новинка, прозвучала в передаче Верки Сердючки. Вскоре эта передача была показана на Украине; в России же она была запрещена.

После Первого большого Кураевского тура Андрей Вячеславович обнаружил, что его состояние равняется двадцати пяти или двадцати шести миллионам фунтов стерлингов. (Английское подданство, как сказано, Кураев, получил незадолго до начала этого тура.) Таким образом, Андрей Вячеславович стал достаточно состоятельным человеком и даже гражданином весьма почтенного иностранного государства. Поэтому Кураев решил сделать ряд покупок, а именно: он купил за миллион фунтов квартиру в Лондоне, за восемьсот тысяч фунтов домик в Эдинбурге, а к северу от Эдинбурга — целый замок Броксгейт (*Broxgate*), к которому прилагалось обширное поместье. Замок он приобрел за три с

половиной миллиона фунтов и примерно ещё два миллиона вложил в его реконструкцию и обустройство. А затем Андрей Вячеславович официально вступил в брак с Альфредом и переехал вместе с ним жить в свой замок. За это на Родине Кураева прозвали очень лаконично: «Эдинбургский Пидор».

8. Адский огонь

Замок Броксгейт был построен на холме, располагавшемся примерно в полукилометре от моря. За считанные минуты от замка можно было прийти к крутой отвесной скале, к обрыву, чтобы смотреть в морскую даль и слушать шум накатывающихся на скалу волн. На возвышении, возле самого обрыва, был луг, на краю которого росло несколько деревьев. Не в последнюю очередь Кураев купил Броксгейт потому, что эта скала, этот луг, эти деревья на краю луга, эти холмы, этот морской берег и эта морская даль напомнили ему то сказочное видение, которое пришло к нему тогда, когда он впервые увидел музыку. Нет, в том видении он узрел вовсе не это же самое место, нет. Но эти два места были похожи, словно братья; в них было что-то одинаковое — правда, неуловимое; это было что-то манящее, а также то, что трудно выразить словами. Когда Кураев впервые увидел этот обрыв возле замка Броксгейт, ему в голову сразу же пришло: «Вот оно! Больше ничего не надо искать!».

Кураев часто приходил на это место, на этот луг. Он садился возле одного из деревьев и подолгу смотрел вдаль — то на холмы, покрытые травой и кустарником, то на скалы, то на море, то на облака. Очень часто в это время к нему приходила музыка...

В этот день Кураев снова пошёл на заветный луг на краю обрыва. Он присел на траву и стал смотреть вдаль. Но, несмотря на то, что было утро, он почему-то почувствовал усталость. Тогда он прилёг и ненадолго погрузился в сон. Вскоре он проснулся, открыл глаза и заметил, что кто-то то ли идёт, то ли крадётся к нему в высокой траве. Кураев не раз замечал здесь какую-то кошку, охотившуюся за птицами. Он подкармливал её и поэтому подумал, что к нему крадётся эта кошка в надежде что-нибудь съесть.

— Кис-кис-кис! — стал подзывать её Кураев. У него было немного жареного мяса и хлеба.

Трава раздвинулась и Кураев с удивлением увидел не кошку, а маленького человечка — не больше трёхмесячного котёнка, — одетого в зелёные одежды и носившего высокую шляпу с широкими полями. Этот человечек почти сливался с зелёной травой. Через плечо у него было перекинута довольно большая для его роста сумка. Его лицо было хоть и морщинистым — ибо лепрекон был стариком, — но довольно красивым, правильных черт. На лице красовалась большая седая борода и роскошные седые усы.

— Это же лепрекон! Живой лепрекон! — пронеслось в голове у Кураева.

— Сэр Эндрю? — поинтересовался человечек. — Владелец замка Броксгейт? Рыцарь, я полагаю? Потомок славного Рыжебородого Вильяма?

— Что-то вроде этого... — сказал Кураев. — Только тут уже никто не помнит никакого Рыжебородого Вильяма и его потомков; а этот замок я недавно купил и я никакой не рыцарь.

— Сколько времени протекло... — с грустью сказал человечек и на глазах его навернулась слеза. Затем он указал рукой на свою бороду и сказал:

— Когда-то эта борода была чёрной, как перья ворона! Славные, далекие дни молодости... Славная королева Эвелина! Жаль, что дни твои не были так долги, как это обычно бывает у эльфов!

Лепрекон нанемного задумался, предавшись воспоминаниям, а затем принял торжественный вид и начал произносить речь:

— Сэр Эндрю! Её высочество Эвелина II, королева эльфов, прослышав о твоём искусстве слагать музыку, послала меня испытать тебя — действительно ли ты такой музы-

кант и песнотворец, как говорит о тебе людская молва, или же слухи о тебе сильно преувеличены. Её высочество за награду предлагает тебе создать музыку к стиху Томаса Лермонта, написанного им на прощание со своей возлюбленной, Её высочеством королевой эльфов Эвелиной I. К этому стиху Лермонт почему-то не написал музыки и не сделал из него песню, но молчаливо оставил его на столе королевы, покидая владения эльфов — хотя это был один из лучших его стихов.

Тут лепреккон достал из сумки свернутый много раз и пожелтевший листок и стал разворачивать его. Развернув листок, он подал его Кураеву. Стих был на староанглийском, а не на гэльском, как он думал, но Кураев всё равно почти совсем не понимал смысла написанного. Произношение и ритм ему были также неясны. Кураев попросил лепреккона перевести и прочитать стих. Когда тот закончил чтение, в голове у Кураева сразу же зазвучала чудесная мелодия и заиграли небывалой красоты краски. Кураев схватил бумагу, предложенную ему лепреконом, и стал торопливо записывать ноты. Кураев понял, что мелодию писать надо для кельтской арфы, скрипки, партию которую, возможно, будет исполнять волынка, и барабана, писать просто, безо всяких лишних изысков — так, чтобы написанное мог исполнить даже один человек на арфе, без волынщика или скрипача и барабанщика, и чтобы эта же мелодия хорошо звучала на одной волынке или на одной скрипке даже в том случае, если её будут играть без двузвучий и аккордов; и, разумеется эта мелодия должна была хорошо и легко петься, не требуя певца-виртуоза. Тема стиха была грустная — прощание с любимой и Кураев решил написать айр. Через двадцать минут работа была закончена и Кураев отдал лист с нотами лепреккону.

Лепреккон пробежал глазами лист, свернул его и положил в сумку вместе с листом со стихами. Он запомнил музыку. Через мгновение в его руках неведомо откуда оказалась крошечная по человеческим меркам арфа и гном, закрыв глаза, заиграл. Казалось, он вошёл в какой-то иступление и снова унёсся в воспоминания молодости. Тихая музыка лилась над лугом и словно околдовывала всё вокруг, превращая луг в кусочек сказочной страны. Кураев сам изумился тому, как хорошо получилось у него написать музыку; а ещё он изумился тому, как велико было искусство исполнителя, игравшего на арфе, и как чудесна была эта арфа, созданная неизвестным ему великим мастером. Лепреккон уже давно доиграл написанное Кураевым и стал вытворять изумительные виртуозные вариации мелодии, развивать её и украшать... Кураев никогда не видел и не слышал ничего подобного; ничего подобного он никогда не услышал и до самой своей смерти, как ни пытался это воспроизвести: дарование лепреккона каким-то таинственным образом превышало дарование Кураева. И никогда Кураев не смог найти и такого инструмента, который хоть немного уподобился бы этой арфе по своему звучанию.

Лепреккон закончил играть, улыбнулся и молвил:

— Как придворный музыкант трёх королей и как арфист, однажды почти выигравший состязание, соревнуясь с Томасом Правдивым, я скажу, что людская молва о тебе права, о сэр Эндрю! И искусство твое почти также велико, как искусство Томаса. Поэтому получи награду, которую обещала тебе королева!

Тут он вынул из сумки коробочку, открыл её, достал оттуда четырёхлистный клевер и протянул его Кураеву.

— Я не совсем понимаю одного: — сказал Кураев, — могу ли я исполнять эту музыку перед людьми? Или это частный заказ, о котором я должен хранить молчание? Я всегда помню музыку, которую услышал, не говоря уже о той, что написал сам...

Гном задумался и сказал:

— Разумеется, ты можешь играть эту музыку. Но не должен рассказывать о нашей встрече, о том, что она написана по заказу королевы эльфов. И ты не можешь декламировать услышанный тобою стих Томаса. Ибо это очень личное. По крайней мере, для Эвелин I и её потомков.

Лепреккон вновь протянул Кураеву четырёхлистный клевер и сказал:

— Возьми! Он принесёт тебе удачу!

Кураев взял клевер и стал рассматривать его. И тут лепрекон достал из своей сумки какой-то золотистый порошок и посыпал им Кураева, бросив порошок вверх. Блистающий на солнце прах, попав на голову Кураева, тотчас же погрузил его в сон и он даже не заметил, как лепрекон исчез.

Когда Кураев очнулся, то он хорошо помнил свою встречу с маленьким человеком в зелёном; помнил он и то, что тот дал ему четырёхлистный клевер. Ему даже казалось, что этот клевер всё ещё в его руке. Но когда Кураев поднес руку к глазам, то увидел, что в ней ничего не было. Из-за этого Кураев сильно огорчился: ему сразу же пришло в голову, что на самом деле он ни с кем не встречался, а только лишь видел изумительный сон.

Очки упали с головы Кураева на землю, пока он спал, и он начал искать их на земле, среди травы. Когда Кураев нашёл и одел их, то его взгляд был устремлён на траву. Он заметил, что этой травой был клевер и что один клевер, прямоком уставившийся на него, был четырёхлистным. Кураев сорвал его и положил себе в карман. Когда же он срывал его, то совсем рядом с ним заметил ещё один четырёхлистный клевер! А рядом с ним — ещё один! Кураев изумился и стал подробно рассматривать луг, ища клевер с четырьмя листьями. За пару минут он обнаружил несколько десятков четырёхлистных клеверов на пятачке в несколько квадратных метров; за этим пятачком клевер был обычным.

— Всё ясно! — подумал Кураев. — Каким-то образом здесь случайно завелись несколько четырёхлистных клеверов и они смогли дать обширное потомство. Этот крошечный участок в несколько квадратных метров — чудо природы!

И тут Кураева осенила мысль: да ведь эти несколько квадратных метров дёрна с четырёхлистным клевером можно снять и отвезти в Броксгейт, в сад или в оранжерею! А затем на основе этих растений создать новый сорт клевера — четырёхлистный! Им можно будет засеивать целые лужайки и стадионы или держать дома в горшках, как обычное цветы. Людям это понравится!

И Кураев пошёл к своей машине, взял хранившуюся в ней на всякий случай в багажнике лопатку и снял дёрн с этим замечательным клевером. Затем он вернулся в Броксгейт и сразу же поместил дёрн в оранжерею, рассказав попутно о своей затее создать новый сорт клевера садовнику. Идея создать новый сорт клевера, который, собственно, уже создала то ли сама природа, то ли маленький человек в зелёной одежде, и подарить его людям странным образом увлекла Кураева так, что он уже не мог остановиться; он стал фанатом этой идеи; и он вовсе не намеревался делать это ради выгоды.

Вскоре, в знак признания заслуг в области культуры, Кураев был награждён Орденом Британской империи. На Родине говорили, что это сделано специально, чтобы досадить России и русским — ведь международное положение было тяжёлым и противостояние России и Запада всё нарастало и нарастало. Да и сам Кураев отчасти был согласен с тем, что в его награждении присутствовали политические и пропагандистские мотивы; однако же, Орден он принял. На церемонии присутствовал русскоязычный еврейский музыкант и музыковед Всеволод Новгородцев, известный всем ведущий русской службы BBC, тоже в свое время награждённый этим же Орденом.

В связи с приключениями, пережитыми на Родине, Андрей Вячеславович попросил не называть его русским музыкантом — ибо, как он сказал, русским себя уже не считает, хотя и рождён русским.

— Что же — вы отреклись от роду племени? Кто же вы тогда теперь? Еврей? Англичанин? — спросили его присутствовавшие на церемонии награждения русскоязычные эмигранты.

— Ну, это вы слишком... — ответил им Кураев. — Чтобы стать евреем или англичанином мало перестать быть русским — надо, чтобы хотя бы «на той стороне приняли». Поэтому — какой же я еврей или англичанин?

— Тогда кто же вы? Никто? — вновь спросили его.

— Кто? Просто нерусский. Или нерусский никто. Правда, так говорить про отрекшихся от своего народа не принято — «нерусский», «неангличанин», «нефранцуз»... Хотя я вовсе не против. Вобщем, можете звать меня «нерусский».

На той церемонии и в газетах, её описывавших, о Кураеве говорили как о гражданине или жителе Соединённого Королевства.

После того, как Кураева наградили орденом, в его голове пронеслась полусерьёзная мысль: «Вот, клевер начал действовать!». Затем ему сразу же вспомнился вопрос отца Наума, заданный на исповеди: «Веровал ли в срящу, в чох, в полáz и в птичий грай?». Тогда Кураев сказал: «нет»; теперь, если бы он был на исповеди у отца Наума и тот задал ему подобный вопрос про клевер, он тоже мог бы честно сказать: «нет». Ибо в четырехлистный клевер, приносящий удачу, Кураев по-прежнему не верил: боги света и любви, по мнению Кураева, так не действовали, а просто, если могли, то защищали и без всякого клевера. Этот клевер был для него своеобразным знаком признания заслуг, своего рода тоже орденом, выданным королевой эльфов — то ли существующей в действительности, то ли лишь в его, Кураева, воображении.

Награждение Кураева орденом совпало с начавшейся на Родине широчайшей кампании борьбы с предателями, ренегатами, изменникам, врагами народа, извращенцами, дегенератами и прочими подобными личностями. На их головы и светская, и церковная пропаганда накликала различные кары и бедствия. Их постоянно хулили и проклинали. Андрея Вячеславовича и его музыку и так не жаловали на Родине. После конкурсных постановок «Прометей» и «Ию» в России больше ничего кураевского в театрах не ставили; его музыку не играли. Однако хулили и ругали не больше, чем прочих предателей, извращенцев и перебежчиков. А если и больше, то не так уж и много. На Родине Кураева не воспринимали серьёзно как музыканта — ведь он был известен там прежде всего как бывший миссионер и церковный писатель, а затем — как перевёртыш, оказавшийся гомосексуалистом. Над ним можно было смеяться и глумиться, поминая случай с колбасой и признание на ступенях храма Михаила Архангела — но воспринимать его как серьёзного и даже гениального композитора — это было слишком. Однако, Первый большой Кураевский тур и последующее награждение Кураева Орденом Британской империи всё переменяли. Для светской и церковной пропаганды в России (и, соответственно в сознании подавляющего большинства её граждан) Андрей Вячеславович стал врагом и злодеем номер один. Кураев пришелся тут как нельзя кстати, естественно, и потому, что он был всем известным геем — а борьба с гомосексуализмом и гомосексуалистам в России шла по нарастающей.

На следующий после награждения день «Русский вестник» опубликовал статью **«Эдинбургский пидор среди чертополоха и другой сорной травы»**. В статье говорилось о том, что подобные Кураеву вырождаки могут существовать лишь на Западе, где общество атомизировано — то есть там, где имеет место распад всех традиционных связей, объединявших людей в семью, род и народ. В России, — говорилось в статье, — такие вырождаки, как Кураев до недавнего времени были невозможны — ибо их тотчас же уничтожили бы нормальные люди, следящие за чистотой нравов. Вскоре после награждения Андрея Вячеславовича орденом по центральному каналу телевидения была показана передача, в которой демонстрировалась банка с той самой колбасой, хранившейся в спирте — то есть колбасой, побывавшей в заднице у Кураева.

Музыка Кураева стала под запретом официально. И если раньше на любительское исполнение произведений Кураева где-то на задворках смотрели сквозь пальцы, то теперь даже на подобные вещи стали смотреть весьма строго: исполнителям и слушателям грозило вовсе не шуточное наказание. А помимо этого наказания само собой разумелся карьерный крах и внесение в «черный список».

Тем не менее, слава Кураева как музыканта понемногу росла даже в России — несмотря на все запреты. В противовес Кураеву светская и церковная пропаганда выдвигала отечественного композитора. Этим композитором был никто иной, как митрополит Илла-

рион Алфеев. Он, собственно, сам добровольно пошёл на роль величайшего отечественного композитора — главным образом, из-за зависти к Кураеву. Конечно, тягаться на мировом уровне с Андреем Вячеславовичем он не мог; но к его услугам была вся Россия вместе с государственной и церковной пропагандой...

Однажды Патриарх Кирилл и митрополит Илларион отдыхали вместе на одной из подмосковных дач. Патриарх Кирилл смотрел телевизор, а митрополит Илларион пытался играть на скрипке. Выходило снова весьма скверно. «Эх, не имей «Амати», а умей играть...» — в который раз произнёс Илларион шутку, которую узнал в годы своей учёбы в Московской консерватории. «Но, — продолжил Илларион, — в конце концов, опять же, я не исполнитель; я — композитор!». Затем Илларион вспомнил Тартини с его «Дьявольской трелью» — произведением, которое ему, Тартини, якобы наиграл сам Сатана. Илларион поставил играть «Дьявольскую трель» и заслушался. Когда музыка закончилась, он самокритично сказал:

— Честно говоря, многие, говоря, что мы там, в Отделе Внешних Церковных Сношений, чуть ли не служим Сатане и продали ему душу, сильно неправы... По-видимому, с известной долей критики надо воспринимать и сообщения о продаже души многими рок- и поп-музыкантами на Западе... Или душа у них такая дешёвая? Почти как у рэперов... — добавил митрополит-композитор и тут же осёкся — ведь он считал, что с высокой долей вероятности талант и даже гений Кураева — от Дьявола; почему же тогда Дьявол пришёл с предложением к Кураеву, а не к нему, Иллариону? Дьявол даже не заявился к нему, не удостоил его внимания — в отличие от каких-то рэперов...

В это время Его Святейшество смотрел фильм «Бэтмен» — тот самый, ещё 1989 года с Вэлом Килмером. Близилось завершение фильма. Бэтмен атаковал Джокера на бэтоплане; он бил с него по злодею прямой наводкой — но бесстрашный психопат Джокер твёрдо стоял на месте, даже не думая уклониться от пуль, снарядов и ракет, которые рвались и били в асфальт совсем рядом с ним. Его Святейшество с восхищением затаил дыхание, просматривая этот эпизод, — хотя, вероятно, видел его уже больше сотни раз. Боезапас у Бэтмена закончился; он подлетел слишком близко к Джокеру. Улыбающийся Джокер достал пистолет с неестественно длинным дулом — наверное, он стрелял бронебойными пулями — и стал хладнокровно прицеливаться...

— Давай, давай! Не всё сверхгерою Масленица! — стал подбадривать Джокера Его Святейшество.

Джокер нажал на курок. Единственная выпущенная им пуля попала в цель и сбила Бэтмена. Его бэтоплан задымился и рухнул возле ступеней готэмского собора... Обломки погребли под собой Бэтмена, который, видимо, потерял сознание.

Едва Бэтмен стал выкарабкиваться из под обломков, как в комнату к Патриарху вошёл митрополит Илларион. Зайди он немного раньше — тогда, когда Кирилл смотрел свой любимый эпизод со сбитием бэтмобиля — он навлёк бы на себя нешуточный гнев Патриарха. Но всё обошлось.

— Ваше Святейшество! — сказал Илларион. — Этого Кураева пора унять. Предателям, изменникам, извращенцам и перебежчикам, подобным ему — не место на Родине! И даже памяти о них и их славе — не место. С этим нужно что-то делать. Вместо гнилого Кураева русскому народу и церкви нужен иной композитор. Идеологически и религиозно выдержанный. И я готов, если не найдётся лучшего кандидата, предложить на эту роль себя. А с этим Кураевым пора кончать. Я же, со своей стороны, обязуюсь приложить все силы, чтобы стать лучшим композитором современности — если не во всём мире, то, по крайней мере, в России! И, клянусь Богом, я добьюсь этого!!!

Ганнибалова клятва была принесена.

Кирилл ненадолго задумался, а затем сказал:

— Что же. Будь по-твоему, Илларион. Надеюсь, ты не подведёшь. Ни нашу Родину, ни мать-Церковь, ни меня лично. Я же, в свою очередь, чем смогу — помогу. Ты же зна-

ешь, как я к тебе отношусь... Благословляю тебя на этот подвиг. Благословляю так, как преподобный Сергей благословил Пересвета и Ослябю...

После этого патриаршего благословения Кураев вскоре почувал, что Родина снова взялась за него ненашутку...

Что делал в это время Кураев?

Когда Его Святейшество в очередной раз пересматривал сцену подбития бэтмобиля, Андрей Кураев сидел в своём замке Броксгейт и смотрел один из местных, эдинбургских, каналов телевидения. Передача шла про разные рестораны, клубы и забегайловки Эдинбурга. В частности, про один из гей-клубов. Ведущий рассказывал про то, что в этом гей клубе с оригинальной программой выступает некий стриптизёр. Оригинальность программы заключалась в том, что при исполнении стриптиза он бздел для привлечения внимания публики. Показали даже интервью с этим стриптизёром. Оказалось, что он — вовсе не гей, а обычный студент, подрабатывающий стриптизом, чтобы оплатить кредит на образование. Кроме того, оказалось, что дед этого студента — русский православный священник, ныне покойный. Отец студента, тоже русский, перебрался в Англию в 2002 году. Далее ведущий поведал о трудах медиков, английских учёных, исследовавших «эротичность пука» и связь пукания с сексуальным возбуждением. Под конец передачи ведущий добавил, что после того, как в клубе появился новый стриптизёр, количество посетителей выросло на двадцать процентов.

Просмотрев эту передачу, Кураев вспомнил свою беседу со старцем Наумом, а именно то, как отец Наум вопрошал и рассказывал про блудные грехи, связанные с пуканием и едва не рассмеялся.

Итак, Родина снова взялась за Кураева ненашутку.

Сначала появилась передача, в которой одноклассники и ещё живые школьные учителя Кураева рассказывали о том, как Андрей Вячеславович педерастией получил в школе золотую медаль. Оказалось, что покойные завуч и директор школы, а также некие важные люди в Городском отделе народного образования Москвы были педерастами и Андрей Вячеславович, в котором гомосексуальные наклонности проснулись очень рано, удовлетворял их. Не бесплатно, конечно: они давили на учителей и те незаслуженно ставили Кураеву отличные оценки.

Оказалось, что Красный Диплом в МГУ Андрей Вячеславович заработал таким же образом — то есть своим ртом, задницей и членом. В сношениях с Кураевым были замечены заведующий кафедрой и декан факультета, на котором он учился, и даже несколько проректоров...

От службы в рядах Советской Армии офицером Андрею Вячеславовичу тоже удалось отвертеться сами понимаете каким способом — помогла тесная близость с начальником военкомата.

Вскоре Кураев был лишён Красного Диплома МГУ и Золотой Медали Школы. В этом деле участвовали профессорско-преподавательский состав МГУ, прошедший специальное собрание, педагоги школы, в которой учился Кураев и, естественно, Министерство образования.

А далее произошло вот что. Из откровенных рассказов Кураева, размещённых им же самим в Интернете, следовало, что поступил он в МГУ, на философский факультет, незаконно: на экзамене по философии Андрей Вячеславович не знал ответа на один вопрос из двух и поэтому мог бы получить не выше тройки; спасло его то, что экзаменатор халатно отнёсся к своим обязанностям: прослушав ответ на первый вопрос, который Кураев знал хорошо, этот экзаменатор не стал дальше спрашивать Андрея Вячеславовича и поставил ему «пять». Этот экзаменатор был ещё жив. Он давно уже был пенсионером, но, несмотря на это, всё ещё работал в МГУ. Этот старичок был судим в МГУ неким «судом чести» и выгнан с позором. На суде он сильно каялся и просил его простить; он говорил, что в то время у него были важные дела и он хотел уйти с экзамена поскорее; он говорил, что тогда даже не представлял себе, какой выродок, какой моральный урод вырастет из

Кураева — ибо, знай всё то, что будет, он намеренно занизил бы оценку Кураеву. Но всё это не помогло...

Наконец, были подняты архивы и оказалось, что с тройкой по философии Кураев не смог бы поступить в своё время на философский факультет МГУ. Тогда на этом основании Андрей Вячеславович был лишён диплома МГУ вообще. Так излишняя говорливость и откровенность порой приводит к плачевным результатам... Вероятно, если бы Кураев говорил поменьше о тёмных делишках прошлого, то его вряд ли бы лишили диплома.

Увидев, что светские власти лишили Кураева диплома, власти церковные не захотели отставать: он был лишён также и дипломов Московской Духовной Академии и Московской Духовной Семинарии. Оказалось, что в их стенах в преподавательской среде орудовала сеть гомосексуалистов и педофилов и Кураев оказывал представителям этой сети секс-услуги — то есть он попросту был обслуживавшей их гомосексуальной проституткой. Были подняты давно забытые работы Кураева, написанные им во время учёбы: курсовые, рефераты и прочее. Всё это было заново оценено авторитетными докторами и кандидатами богословия и уровень этих работ был ими признан очень низким — таким низким, что они, эти работы, самим своим существованием позорили уважаемые Семинарию и Академию...

Поскольку Кураев был лишён диплома МГУ, который, собственно, и открывал ему путь к званию офицера, Андрея Вячеславовича также лишили и звания старшего лейтенанта.

Наконец, кто-то в верхах заметил, что с точки зрения закона Кураев всё ещё остаётся гражданином России. Поскольку к тому времени он уже стал гражданином Соединённого Королевства, Кураева торжественно лишили российского гражданства и оповестили об этом всех россиян по центральному телевидению. Вообще говоря, закон запрещал лишать российского гражданства кого-либо — если только человек сам не обращался с просьбой об этом; но даже и в этом случае его нельзя было лишить российского гражданства, если он не обладал каким-то иным гражданством. Но ради Кураева закон был изменён так, что человека можно было лишить российского гражданства, если он сам не просил об этом, в том случае, если он при этом обладал другим гражданством. В особенности подобные действия поощрялись новым законом в том случае, если это было гражданство враждебного России государства или если сам этот человек рассматривался как враг России. В случае Кураева выполнялись оба эти условия и это было особо отмечено в указе о лишении Кураева гражданства, подписанном Президентом.

Ну и самое интересное. Кто-то порывлся в правила проведения того музыкального фестиваля, на котором победили кураевские оперы «Прометей» и «Ию». Оказалось, что правила этого конкурса предполагали, что заявки на участие в нём могли подавать только люди, имевшие консерваторское музыкальное образование. Кураев этим требованиям не удовлетворял. Поэтому его лишили победы и призов: победа и призы были «задним числом» присуждены другим участникам, российским. И даже более того: на Кураева и на его покровителя, покойного профессора Московской консерватории, подавшего оперы Кураева на конкурс от своего имени, было заведено уголовное дело. Их обвинили в мошенничестве, да не в простом, а с отягчающим обстоятельством. Это отягчающее обстоятельство было следующее: для совершения преступного деяния они не действовали поодиночке, а объединились и образовали преступную группу. Уголовное дело как бы по ошибке было не закрыто в связи с истечением срока давности даже после того, как этот срок давности уже давно истёк; таким образом, Кураеву было нельзя появляться в России.

Далее по центральному телевидению на всю страну выступила девушка, которая якобы была девушкой Кураева во время учёбы в МГУ; теперь она, конечно, уже давно была бабушкой. Эта бабушка подробно описала извращённые сексуальные пристрастия Кураева, которые он проявил во время близости с ней, а также сказала, что за время знакомства с ним она сама видела, как Кураев много раз крутил любовные романы с гомосеками и даже несколько раз, испытывая стеснение в деньгах, подторговывал своей задницей. Ку-

раев узнал в этой девушке свою одноклассницу; но он точно помнил, что с ней у него ничего не было.

А ещё Кураев увидел по православному телеканалу «Союз» передачу, в которой старая бабушка рассказывала о том, как ей чудесным образом явились св. Сетфан Пермский и св. Иосиф Волоцкий. Эта бабушка долго тяжело болела и во время болезни непрерывно молила Бога и святых Его об облегчении мучений и об исцелении. Однажды она поехала к своей сестре в гости; там, в гостях, она тоже молилась. И вот, в ответ на эти молитвы в доме сестры ей явились двое святых, св. Стефан и св. Иосиф, и даровали ей исцеление. Старушка изумилась обстоятельствам исцеления и спросила их:

— Святые угодники Божьи! Святой Сетфан и святой Иосиф! Почему же вы явились и исцелили меня здесь, в доме моей сестры, а не в моём собственном доме? Сколько лет я вас молила об исцелении — и вы не приходили ко мне в мой дом! Почему? Почему возгнушались вы моим домом и мной, в нём находившейся? Ведь в моём доме — множество икон и лампад; в нём множество святых книг; мой дом освящён; я воскуряю в нём ладан и окропляю его святою водою; я постоянно молюсь там и пощусь! А моя сестра — вообще неверующая; и в доме у неё нет даже иконы, а не то что святых книг!

Святой Иосиф Волоцкий нахмурился и сказал:

— Все так и есть, как ты сказала, раба Божия! Да только среди белых овечек в твоём доме есть одна паршивая чёрная овца, которая и воспрепятствует нам войти в него! Она сильно смердит и от смрада этого бегут из твоего дома святые ангелы Божьи; противен тот смрад и святым и они сторонятся его.

— О чём ты, святой угодник?! — спросила старушка.

Тогда святой Стефан Пермский сказал:

— Есть у тебя книга Кураева, которая, как и тот, кто написал её, ненавистен и Богу, и Ангелам Его и всем святым и которая радуется бесам и Сатане и привлекает их. Это книга содомская, книга треклятого мужестрастия, книга, учающая ереси и кривоверию и напоющая душу чтущего её противоестественным плотскими страстями.

Тут св. Иосиф Волоцкий прервал св. Стефана и молвил:

— Не подобает православным держать в доме такое — как и книги колдовские. Уразумела ли ты сие, раба Божия? Пожги!

После того, как св. Иосиф сказал эти слова, святые исчезли.

Далее старушка рассказала про то, как искала книгу Кураева в своём доме. Сперва она изумилась словам святых, ибо точно помнила, что книг Кураева у неё в доме нет. Но на всякий случай она всё-таки пересмотрела все свои божественные — то есть религиозные — книги. Как и ожидалось, книги Кураева среди них не было. После этого старушка взмолилась Богу и святым, чтобы те ей помогли найти ту самую «чёрную овцу», которая препятствовала святым войти в дом. После молитвы взор старушки случайно обратился на кровать с поломанной ножкой. Вместо этой поломанной ножки кровать подпирала стопка книг. Все книги в стопке, кроме одной были светские. Эта одна-единственная книга и была книгой Кураева. Позже старушка узнала, как эта книга попала в её дом. Оказалось, что её внучок, прислуживавший в юности в церкви пономарём, когда-то давным-давно приехал в гости к бабушке и привёз с собой книгу Кураева для прочтения. Будучи в гостях, внучок случайно сломал ножку старой кровати и подпёр её книгами — в том числе и привезённой им книгой Кураева. А когда внучок уезжал, то забыл забрать свою книгу. Так она и простояла в стопке много лет, подпирая старую кровать. Книжка эта была вовсе не про Гарри Поттера, творчество Толкиена или булгаковского Мастера — нет! — она называлась так: «Протестантам Православии».

Старушка немедленно сожгла книгу. Во время аутодафе, как рассказывала эта старушка, из книги вышел неестественный чёрный злосмрадный дым; после этого она испытала великое душевное облегчение. А кошмары, давно мучавшие её по ночам, со дня сожжения книги прекратились.

Смотря на все гневные выступления против него, Кураев однажды подумал:

— Вот, всем известно, что есть беснование. А есть ли противоположность ему — богнование? Когда Энтео или Стерлигов, выступая в своём амплуа, входят в раж — может быть, это и есть богнование? «Пророческий раж», «пророческая одержимость», пребывая в которой Моисей приказывал прирезать десятки тысяч пленных детей, а царь Давид — кидал в обжигательные печи ещё живых мирных жителей, включая, вероятно, и беременных женщин... Да и Сам Иегова что делал, как не богновался, когда вдохновлял Давида и Моисея на всё это и когда собственноручно убивал египетских первенцев — включая грудных младенцев?

Истерия, начавшаяся после награждения Кураева орденом продолжалась несколько лет — то затихая, то вновь разгораясь. А затем, после Второго большого Кураевского тура, она перешла в какую-то высшую фазу, которая ещё не имела названия.

Эти несколько лет Андрей Вячеславович не только мирно жил в Броксгейте и писал музыку — нет! — он решил заняться виноделием и сыроделием. Часть имевшихся у него в свободном распоряжении деньги вложил в виноградники Франции и Италии, а также в малые сырные производства с долгой — более чем стопятидесятилетней — историей. Перед началом Второго большого Кураевского тура у Кураева было четыре виноградника и семь сырных производств во Франции, два виноградника в Италии, два сырных производства в Швейцарии и одно — в Германии.

Случайно Кураев обнаружил, что возле камина в одном из залов замка имеется потайная дверь: она случайно открылась, когда Андрей Вячеславович нажал на один из камней в камине. Лестница за потайной дверью вела в подземелье. Прежние владельцы, замка не знали о его существовании. В этом подземелье Кураев оборудовал огромный винный погреб и несколько жилых комнат. Винный погреб вскоре был наполнен до отказа лучшими винами. Андрей Вячеславович любил спускаться в этот погребок и заниматься дегустацией...

Из этого подземелья замка отдельные двери выходили прямо в пещеры, располагавшиеся под замком. Вероятно, эти пещеры шли до самого обрыва, до самого моря... Но Кураев так далеко не заходил и этого не проверял. Оказалось, что климат в этих пещерах идеально подходил для того, чтобы устроить в них помещения для созревания сыров. Поэтому позже Кураев решил наладить сырное производство в своём поместье. Это он и исполнил после того, как вернулся из Второго большого Кураевского тура: Андрей Вячеславович наладил производство отменных элитных вонючих и плесневелых сыров марки «Броксгейт».

По несколько раз в год Кураев отправлялся в Европу, на континент и колесил по дорогам Франции, Италии и Швейцарии в поисках подходящего сырного производства или виноградника, который можно было бы прикупить. Он останавливался во множестве сыроварен и дегустировал, дегустировал и дегустировал...

Что касается способностей к дегустации сыров и вин, то вкус у Кураева так утончился и стал столь изысканным, что намного превзошёл все самые смелые фантазии Владимира Котлярова. Однажды Кураев осознал это и пришёл к тому выводу, что теперь бы на дегустациях он побил бы митрополита Владимира как ребёнка во всём — даже в определении конкретного мелкого производителя плесневелого сыра конкретной элитной древней марки. Уровень Владимира Котлярова в гастрономии стал для Кураева пройдённым этапом; ученик превзошёл своего учителя и наставника.

Но Родина, наблюдая такую сытую, размеренную и спокойную жизнь Кураева, не дремала.

Как говорилось, Илларион Алфеев, подобно многим и даже подобно большинству православных в России, считал, что музыкальный дар у Кураева — от Дьявола, а именно он считал, что Дьявол и демоны, сделав из Андрея Вячеславович гея, вместе с тем даровали ему композиторский дар в том смысле, что сами нашептывали или напевали ему музыку, которую Кураев только лишь ретранслировал, ничего или почти ничего сам не влагая в якобы свои музыкальные произведения. Иначе говоря, Владыка Илларион думал, что Ку-

раев, помимо одержимости бесом мужеложества, стал, вдобавок, одержим и «музыкальным» бесом. Но ведь об этой последней одержимости с ведьмой никакого уговора не было! Этой последней одержимости, как думал Илларион, не должно было быть. И поэтому он был зол на ведьму и считал, что она и Дьявол его и прочих архиереев, участвовавших в чёрной мессе, обманули.

— Да, — часто размышлял Илларион, — вот так и связывайся с нечистой силой! Обманет и надует! Они уничтожили славу Кураева в одном деле, они уничтожили его как проповедника, миссионера и гомоборца, но они же, назло мне и прочим, назло всем православным и всей России, возвысили этого чёртова Кураева как композитора! Какая жуткая насмешка! Какая ирония!

Однажды, пребывая в таких раздумьях, Илларион позвонил той самой ведьме и на чистоту выложил все эти мысли а также то, что он, Илларион, думает об этой ведьме и о демонах. В ответ он услышал:

— Я, конечно, сожалею, что всё пошло не совсем так, как вам хотелось. Но с нашей стороны никакого намеренного обмана и нечестности не было. Да будет вам известно, что дар Кураева — вовсе не от одержимости «музыкальным» бесом, а от изменения работы души и мозга, которые произошли в результате его физического повреждения, а также в результате полученной тяжёлой психической травмы, поставившей его на грань психического расстройства. Он пережил множество кровоизлияний в мозг и ушибов головы; его череп был проломлен в нескольких местах и в его мозг проникло множество инородных тел; наконец, через его мозг прошёл заряд молнии. Считайте, что Кураев пережил множество нейрохирургических операций. А при них что-то может пойти не так. Трудно угадать, что надо делать с каждым конкретным человеком в каждом конкретном случае. Никто из нейрохирургов не даст гарантии, что будет, если при нейрохирургической операции сделать что-то совсем немножко не так. Может быть, ничего не будет. А может быть, последствия будут ужасны. А может быть, всё будет так, как это произошло с Кураевым. Вам нужно было, чтобы Кураев физически стал геем и мы с помощью, скажем так, нейрохирургии, сделали это. О прочем уговора не было. Мы были честны. И вовсе не намеревались делать его суперкомпозитором и гением. Потому что бы, что попросту не знали, как это сделать. Разве вы не знаете сами, что Дьявол не всесилен и всего не знает? Вы что — догматику не учили в ваших семинариях и академиях, перед тем, как к нам обращались? Да потребуй вы гарантию от нас, что после этой нейрохирургии Кураев не станет тем, кем он стал — мы бы попросту никогда не дали вам эту гарантию! Мы бы честно сказали, что после операции, хоть и с небольшой вероятностью, мягко говоря, может быть всякое и что мы попросту не знаем, какие сопутствующие изменения произойдут!

Далее ведьма продолжила:

— И потом. Я не потерплю, чтобы ты обращался со мною таким тоном. Я, всё-таки, ведьма. А ты читал в «Житиях святых», что может ведьма или колдун?

— Что? — переспросил Илларион.

— А то! — ответила ведьма. — В житии Макария Египетского чёрным по белому написано, что один волхв превратил женщину, и, притом, христианку в лошадь, а другой волхв превратил человека в осла! Что-ты, Илларион, как я смотрю, больно смелый да дерзкий! Хочешь — я превращу тебя в осла? Или в корову, или в козу, или в петуха? Как же ты тогда в Синоде будешь заседать в образе осла?!

И тут ведьма надолго засмеялась. Илларион же, собрав всю оставшуюся у него смелость, сказал ей:

— Не может быть такого, чтоб ведьма превратила человека в осла! Да ещё митрополита православной церкви! Верю, Бог меня защитит!

— Ой, Илларион! — смеясь, продолжала издеваться над митрополитом ведьма. — А как же попущение Божье? Бог, конечно, защитит, если не будет попущено... А если будет? Вспомни — та женщина, что обратилась в лошадь, была христианкой. А она, как я

думаю, верила в Бога гораздо крепче, чем ты! Так хочешь стать ослом и в таком виде предстать перед всем Синодом?

И ведьма снова засмеялась.

— Не надо. — испуганно сквозь зубы сказал Илларион. — Ты лучше вот что скажи: нельзя ли сделать ещё чего с Кураевым? Чтобы этот чёртов музыкант, наконец, заткнулся со своими гениальными творениями, будь он неладен...

— Я же уже говорила вам про это, — ответила ведьма. — Я же всё вам сказала ещё тогда, когда мы совершали ритуал: больше того, что уже сделано, мы ему сделать не сможем. Ибо нет на то Божьего попущения. Попробовать, конечно, можно — но тогда вам же будет хуже. И поэтому я от этого дела устраниюсь. Разбирайтесь с этим композитором сами, а я теперь в этом деле — вне игры! Но опять предупреждаю: вам же дороже всё это выйдет!

Вдруг на том конце ведьму снова накрыл смех. Давясь от его приступов, она спросила митрополита:

— Послушай, Илларион! А не подумываешь ли ты о том, чтобы продать душу за то, чтобы стать композитором ещё знаменитей Кураева?!

— Я, признаться, не думал об этом... ещё... — в замешательстве сказал Илларион и добавил: — а что — это правда возможно?!

— Нет. — отрезала ведьма. — По крайней мере, не для тебя. Я не верю, что ты не подумывал об этом и поэтому скажу тебе так: слушай, неужели ты думаешь и веришь, что твоя душа действительно представляет ценность и кому-то нужна? Да у тебя же, Илларионша, мания величия!

Ведьма была настроена на то, чтоб поиздеваться над Илларионом и он хорошо чувствовал это; но, тем не менее, митрополит не хотел прекращать переговоры — он хотел, чтобы ведьма всё-таки «сделала» Кураеву ещё хоть какую-нибудь пакость; поэтому он сказал:

— Послушайте... Так что — и в самом деле ему больше ничего не сделать? Я бы всё-таки хотел, чтобы вы... как-нибудь... того...

— Я же сказала! — рассердилась ведьма. — Я же уже всё сказала! Нет! Как ты мне надоел! Ты что — и вправду хочешь, чтобы я превратила тебя в осла?

— Нет. Не надо. До свидания... — сказал Илларион и положил трубку.

Этот разговор был последним из разговоров Иллариона и Кирилла с ведьмой. Когда примерно через год они снова захотели с ней связаться, оказалось, что она умерла. На той стороне телефон почему-то взяла даже не родственница ведьмы или подруга, а соседка, с которой ведьма почти не зналась. От этой женщины Илларион узнал, что в России у ведьмы родственников не осталось; имелся лишь один очень дальний её родственник, но он давно жил неизвестно где за границей. После этого разговора Иллариону пришла в голову мысль заполучить магические артефакты и книги ведьмы; и с этой идеей он отправился к Кириллу.

Илларион застал Кирилла за просмотром одной из серий мультфильма «Чёрный плащ». Мегавольт излагал свой новый злодейский план по устранению сверхгероя и Его Святейшество с умилением внимал словам сверхзлодея. Поэтому когда Илларион весьма нервно и дёргано изложил Кириллу свой план в первый раз, тот почти ничего не понял, ибо слушал невнимательно.

— Ведьма, книги, ступа с помелом... Кураев... — пробормотал в ответ Патриарх. — Говори внятно, яснее! Что ты крутишься и суетишься вокруг меня как Человек-вопрос возле Двуликого?!

Наконец, Илларион изложил свою задумку ясно и тогда Его Святейшество дал на неё своё благословение. Через несколько дней домик в одной из подмосковных деревень, в котором жила ведьма, был отыскан и туда была неофициально направлен отряд из патриархии во главе с Илларионом; тот взломал покосившийся от старости домик и добыл там несколько книг и артефактов. Впрочем, помня сказанное ведьмой, ни Кирилл, ни Ил-

ларион так и не решились проводить по этим книгам колдовские обряды, направленные против Кураева. И Кирилл, и Илларион понимали, что тут было необходимо какое-то другое решение...

После переворота, устроенного Президентом и установления им единоличной власти, множество людей покинуло Россию. Бóльшая их часть была объявлена предателями, изменниками и врагами народа — хотя многие из них вовсе не были ни видными чиновниками, ни олигархами, а просто лишь желали лучшей жизни; среди таких предателей было множество математиков, программистов, биологов, просто грамотных инженеров других специальностей и даже таких людей, как строители, водопроводчики и сантехники. Все их родственники в России — даже дальние — были взяты на особый учёт; они рассматривались как родственники «врагов народа» и негласно были поражены в правах. Естественно, что российское государство не могло спокойно смотреть на жизнь всех этих людей на Западе, включая последнего сантехника; и спецслужбы России по заданию Президента стали придумывать, как устроить предателям и изменникам различные кары, чтобы достать их и заграницей. Конечно, простые сантехники и программисты были неинтересны спецслужбам — их разве что можно было попробовать завербовать. Но рыба покрупнее имела все основания опасаться и за свою жизнь, и за своё имущество. Кураев не был «крупной рыбой»: ведь он уехал на Запад ни чём и всё, что у него там было, он зарабатывал своим трудом на Западе же. Но как-то так оказалось, что он стал символом, эмблемой предательства. К тому же, что было весьма кстати, он был открытым геем. А что не успокаивает так возмущение нищего народа внутри страны, как казнь врагов народа — тем более врагов богатых, роскошествующих и жирующих на ненавистном Западе? Поэтому Иллариону было нетрудно придти с идеей физического устранения Кураева к Кириллу, а тому — предложить эту идею своим старым друзьям по КГБ-ФСБ...

Вобщем, вскоре в недрах ФСБ был рождён план устранения Кураева и для его осуществления в Соединённое Королевство была отправлена группа спецназа — несколько агентов под прикрытием. Эта группа перед отправкой даже получила от Кирилла особое благословение на эту спецоперацию.

План был простой: когда Кураев один или вместе с Альфредом отправится из Броксгейта в Эдинбург, в его машину должен врезаться грузовик и либо раздавить пассажиров насмерть, либо направить автомобиль в пропасть. На тот случай, если водителю всё-таки удастся вырулить так, что столкновения не будет, предполагалось устроить встречу с грузовиком в таком месте, чтобы это выруливание всё равно привело к падению в пропасть и к гибели.

За несколько недель до операции антикураевская истерия в российских медиа усилилась. Впрочем, она была направлена не только на Кураева, но и на всех предателей, изменников, перебежчиков и врагов народа вообще. В нагнетании истерии была задействована и церковная пропаганда. Особо отметился протоиерей Всеволод Чаплин, выступление которого было показано по центральному телевидению.

— Некоторые наши политики, да и церковные деятели, а за ними и малодушные наши сограждане, боятся действовать смело, действовать как Америка или Израиль и ликвидировать оказавшихся на Западе предателей, изменников, перебежчиков и врагов народа! — вещал отец Всеволод. — Тем более они боятся того, что такая ликвидация может принять системный характер. А этого не надо бояться! Пусть наши спецслужбы создадут специальные подразделения, которые будут этим заниматься! Пусть буду составлены списки тех, кого надо ликвидировать. А касательно некоторых лиц даже не надо держать в тайне от общественности, что российский народ, российская власть хочет их ликвидировать. Пусть боятся! Пусть дрожат каждый, каждую ночь за свою ничтожную жизнь предателя и изменника! Пусть все знают: да, мы достанем их даже несмотря на то, что они сбежали на Запад и находятся под защитой действующих там законов! Пусть трепещут все предатели и изменники, сбежавшие из стран с традиционной культурой на растленный Запад, в так называемые «страны свободного мира»! Пусть трепещут и ужасают-

ся и те, кто прячет этих негодяев и «гарантирует им безопасность»! Пусть также трепещут и ужасаются и те предатели и изменники, которые только ещё думают изменить и бежать! Спокойную жизнь, душевный комфорт этих гадюк и выроdkов надо разрушить! Их надеждам следует положить конец! И в этом нашей власти надо действовать быстро и решительно! Не надо ничего бояться! Пусть все подобные нелюди знают, что возмездие неотвратимо! Знают и трепещут! И я считаю, что назрела необходимость предпринять в этом направлении вполне конкретные шаги. Надо:

— Отменить мораторий на смертную казнь для изменников, предателей, перебежчиков и врагов народа.

— Создать спецподразделения для их ликвидации, составить соответствующие списки. Люди из этих подразделений должны быть готовы к ликвидации всей этой нечисти даже ценой собственной жизни и свободы.

— Наконец, отдать приказ немедленно ликвидировать хотя бы наиболее одиозных и омерзительных личностей, нанесших и продолжающих наносить урон нашей Родине.

Наконец, всё было готово. Выезда Кураева из Брокстейта в Эдинбург ждали несколько дней. Для столкновения был приготовлен огромный грузовик с двумя прицепами, нагруженный до отказа, до предела грузоподъёмности. В тот злосчастный или, наоборот, счастливый день Кураев выехал вместе с Альфредом, который и вёл машину. Когда их машина прибыла на расчётное место, выехал и грузовик. Водитель грузовика при этом специально позвонил руководителю спецоперации, а тот уже связался со штабом в России. Из штаба сделали звонок митрополиту Иллариону; тот пришёл от этого в неописуемый восторг: буквально через считанные секунды, буквально через несколько минут его соперник должен был сгинуть со света. Внезапно митрополит Его Высокопреосвященство воздел вверх руки и запел. Он пел перед зеркалом, в одиночестве, среди огромного зала своей переделкинской дачи... Это было несколько переделанное и сокращённое им же самим рондо Фарлафа:

О радость! Я знал, я чувствовал заране,
что мне лишь суждено свершить столь славный подвиг!

Людмила, напрасно ты плачешь и стонешь,
и милого сердцу напрасно ты ждёшь:
ни вопли, ни слёзы – ничто не поможет!
Смиришься пред властью Наины, княжна!

Руслан, забудь ты о Людмиле!
Людмила, жениха забудь!
При мысли обладать княжной
сердце радость ощущает
и заранее вкушает
сладость мести и любви.

В заботах, тревоге, досаде и грусти
скитайся по свету, мой храбрый соперник!
Бейся с врагами, влезай на твердыни!
Не трудясь и не заботясь, я намерений достигну,
в замке дёдов ожидая повеления Наины.

Близок уж час торжества моего:
ненавистный соперник уйдёт далеко от нас!
Витязь, напрасно ты ищешь княжну,
до неё не допустит волшебницы власть тебя!

Близок уж час торжества моего:
ненавистный соперник уйдёт далеко от нас!
Витязь, напрасно ты ищешь княжну,
до неё не допустит волшебницы власть тебя!

Илларион, вероятно, пропел бы всё это ещё несколько раз, но его прервал звонок. Сообщали, что водителю машины удалось избежать столкновения, но он при этом, как и ожидалось, рухнул в пропасть, в обрыв; через несколько минут последовал взрыв. Как сказал Иллариону звонивший, вероятно, все в машине погибли...

Илларион обрадовался ещё больше; он даже решил заказать по этому поводу банкет, найдя для этого какой-нибудь повод, и почти уже сделал это... Однако к вечеру его ждало разочарование.

Водителю грузовика и всей группе, выехавшей на спецоперацию, успешно удалось скрыться. Грузовик нашла полиция; она долго гадала о том, кому принадлежали он и находившийся в нём груз. Хотя это так и осталось загадкой, тем не менее, полиция пришла к выводу, что произошёл несчастный случай, виновник которого предпочёл скрыться.

В тот день Альфред сел за руль, а Кураев — на заднее сиденье; если бы он сел вперёд, то, несомненно, погиб бы. Обычно Кураев садился либо за руль, либо на соседнее переднее сиденье; но в тот день он плохо спал и решил подремать сзади. Это-то и спасло его.

Кураев отделался лишь открытым переломом ноги. Из-за него впоследствии он стал немного прихрамывать при ходьбе и носить с собою трость. У Альфреда же позвоночник был переломан в двух местах и от этого его парализовало ниже шеи. Кураев перепробовал всё, что можно, чтобы вылечить Альфреда, но всё было напрасно.

Кураеву и Альфреду повезло при падении: автомобиль несколько раз ударялся о весьма крутой склон скалы и это значительно погасило его скорость перед тем, как он упал окончательно. Если бы не было этих ударов, то, возможно, никто в машине не выжил бы.

Когда автомобиль упал, Кураев быстро пришёл в сознание и, несмотря на перелом ноги, смог вылезти из автомобиля сам и вытащить из него Альфреда до того, как машина взорвалась.

Вскоре прибыла полиция, которая вызвала медиков.

О происшествии на следующий день написали эдинбургские газеты. Когда новость о том, что Кураев и Альфред выжили в автокатастрофе, дошла до Иллариона, который читал в то время утренние молитвы, он, непроизвольно озлобясь, бросил на пол молитвенник и гневно произнес:

— У-у-у! Пидарасы!

После того, как перелом у Кураева зажил и он стал вновь хорошо ходить, на глаза ему попался репортаж российского телевидения о визите Его Святейшества Патриарха Кирилла в Болотные Жабы, в Свято-Луппский Болотножабский скит, в котором настоятельствовал отец Лупп Козов. Это был тот самый скит и тот самый настоятель, в который и к которому отец Наум некогда посылал Кураева для принятия монашеского пострига. Кураев вспомнил свою духовную беседу с отцом Наумом и невольно улыбнулся. Скит располагался в далеком от цивилизации всеми забытом месте; вокруг него простирались леса и болота. Репортёры показали и убогую деревеньку, располагавшуюся в нескольких километрах от скита — Болотные Жабы. В репортаже сообщалось, что по решению Синода Свято-Луппский Болотножабский скит был преобразован в монастырь, а отец Лупп Козов, бывший прежде игуменом, стал архимандритом.

В другой передаче новостей, которую случайно посмотрел Кураев, — в передаче церковный новостей по телеканалу «Спас» — сообщалось, что великие российские старцы архимандрит Наум из Троице-Сергиевой Лавры и архимандрит Илий, патриарший духов-

ник, отбыли в Германию на лечение. Сообщалось и название клиники, куда они направились. Когда Кураев услышал название клиники, то подавился чаем: эта клиника недавно отослала Кураеву в Броксгейт свой рекламный проспект, из которого Андрей Вячеславович узнал, что врачи клиники — специалисты номер один в Германии и во всей Европе по лечению простатита и геморроя. Кураеву вспомнилось то, что архимандрит Наум говорил ему про клизмы и про простатит...

А ещё на «Третьем Риме» Кураев видел ролик с выступлением какого-то неизвестного ему архимандрита, который говорил:

— Философы, учёные... Тоже мне! Вот и дофилософствовались, вот и доизучались наук, — дофилософствовались и доизучались так, что вся земля гибнет и Антихрист на пороге. Пора вспомнить эдикт святого царя Юстиниана от 529 года о запрещении Афинской академии! Ох, плохо нас помнят все эти философы, учёные да академики и их последыши! А надо бы напомнить!

Где-то через полгода после аварии во время поездки в Лондон Кураеву предложили вступить в масонскую ложу. Разговаривал с ним сам грандмастер тридцать третьего градуса. Это предложение вызвало в Кураеве очень странный и неожиданный отклик. Странный и неожиданный прежде всего для самого Кураева. Ему показалось, что чем-то привычным, лицемерным, лживым и затхло-заплесневело-церковным, бюрократически-канцелярским вдруг повеяло на него... «Спасибо. Всем этим я наигрался досыта уже давно. Правьте миром без меня» — хотел сказать Кураев, но из вежливости удержался. Вместо этих слов он сказал вот что:

— По моему убеждению, организации, скрывающие какие-то тайны, которых нельзя вынести на всеобщее обозрение, во-первых, попросту лживы в самом основании своих доктрин, а, во-вторых, эти их тайны таковы, что не стоят того, чтобы стремиться их узнать — прежде всего потому, что от них, этих тайн, один вред.

После этого от Кураева отстали. Но в тот день, когда Андрей Вячеславович отверг предложение вступить в масонство, в номер лондонской гостиницы к нему заявился таинственный незнакомец в чёрном, который уже давно не посещал его. Незнакомец словно возник из воздуха; он расположился в номере словно у себя дома, не спрашивая у Кураева никаких разрешений. Человек в чёрном положил шляпу на стол, надел очки в толстой роговой оправе, достал трубку, набил её табаком и закурил. Сделав несколько затяжек, он заговорил:

— Итак. Учёные задались вопросом: сколько дегенератов вроде педерастов, психбольных, уродцев и прочих в различных слоях общества? И что же они обнаружили? Среди заводских рабочих — десять процентов; среди крестьян эпохи феодализма их, вероятно, было меньше; среди интеллектуалов — пятьдесят процентов; а среди деятелей литературы и искусства — семьдесят пять процентов. То есть, поскольку вы в этой последней среде и обращаетесь, то логично заключить, что трое из четырёх ваших друзей и знакомых — дегенераты. В том числе педерасты и лесбиянки. Которые тархаются в рот и в жопу, сосутся и лижут. Занимаются всякими армянскими и французскими шутками, так сказать... Вот, некогда на фестивале в Дублине вы хотели ущипнуть за попу трех ирландских певичек... Не отрицайте — мне это доподлинно известно. А до этого вы говорили трём оперным дивам, что ущипнули бы их за попу, если бы не были разгейским геєм. Мне всё известно. Но известно ли вам, что согласно статистике минимум две из этих трёх певичек и минимум две из этих оперных див должны быть дегенератками? То есть лесбиянками, по которым дурдом плачет? Вы, Андрей Вячеславович, обращали на это и подобное внимание? Обращали внимание на то, что вокруг вас, педераста, всё так и кишит подобными вам педерастами и лесбиянками? Вам из них никто не предлагал любовь? Миньет, кунилингус, анальный секс, аналинкус — то есть жополижество? Что, скажете, — вы сего этого не знали? Да как дегенерат-педераст вы должны всё это видеть, словно у вас третий глаз во лбу! Вы должны меня учить, а не я — вас! Ну да ладно, теперь будете знать!

Кураев молча слушал эту речь, а человек в чёрном всё продолжал и продолжал...

— Но это средние цифры. И когда мы их имеем, это может ещё ничего не говорить о всяких разных очень интересных частностях. Возьмем евреев. Сколько среди них дегенератов? Евреи обычно наверху общества. Поэтому логично взять уровень дегенерации в пятьдесят процентов. Но ладно — мы возьмём даже не пятьдесят, как у интеллектуалов, а намного меньше — двадцать процентов. Всего в два раза выше, чем у заводских рабочих. И что имеем с этого? Если считать в первом приближении, что количество дегенератов, а значит, и педерастов, примерно пропорционально количеству психбольных, то можно воспользоваться цифрой, которую приводил ещё доктор Ломброзо: в его времена в Германии количество психбольных среди евреев было в восемь раз выше среднего. И если уровень дегенерации в той среде, в которой вращаются евреи не менее двадцати процентов, то что получаем? Что среди евреев сто шестьдесят процентов дегенератов? Такое, конечно, невозможно, но цифра характерная. Что она означает? Вспомним закон диалектики о переходе количественных изменений в качественные и нам тут многое станет ясным... Впрочем, и среди евреев есть недегенераты. Не будем слишком строги к евреям. Сделаем им скидку и будем считать, что среди них десять процентов нормальных людей. Но, всё-таки будем помнить о законе перехода количественных изменений в качественные...

— А теперь то, ради чего вся эта присказка. — продолжил человек в чёрном. — Эти дегенераты, которые сосутся, лижут, занимают французскими и армянскими шутками, миньетом, кунилингусом, аналинкусом, все эти педерасты и лесбиянки, миньетчики, жополизы и любители анального секса, которые сначала трахают друг друга в зад, а затем свои обмазанные говном члены засовывают друг другу в рот — они уже не могут нормально сношаться. То есть не могут сношаться с нормальными людьми, которым всё это противно. И поэтому все эти извращенцы как бы естественным для них образом организуют сообщества, в которых могут всем этим заниматься промеж собой, в которых они могут найти себе партнёра или партнёров. А теперь я вас спрошу: вот, только что выказали нежелание вступить в масонскую ложу. Вы не боитесь за свою будущую карьеру? Ведь масоны тут всемогущи! Они — как КПСС в СССР и даже ещё могущественнее!

— По правде сказать, — стал отвечать Кураев, — я опасюсь, что они смогут мне повредить. Перекрыть дорогу...

Тут человек в чёрном усмехнулся и молвил:

— А вы не очень-то бойтесь. Они, конечно, могут это сделать, но вот лично вам, Андрей Вячеславович, слишком уж бояться этого не следует. Почему? — спросите вы. А потому! В журнале гомосексуалистов *One*, издававшемся в Сан-Франциско, в августовском номере за 1958 год, на девятой странице чёрным по белому написано: «При существующих социальных и культурных системах гомосексуалист автоматически оказывается членом всемирного масонства!» Эти слова и показывают, что масонство есть одна из тех самых организаций дегенератов, главная тайна которой заключается в том, что её члены натягивают друг дружку в рот и в жопу — сначала в жопу, а затем членом, измазанным в говне, — в рот; или наоборот: сначала тычут членом друг другу в рот, которым едят, а не рожают, а затем членом, измазанным в сперме, тычут друг дружке в жопу, которой не рожают, а срут! Так что, Андрей Вячеславович, поздравляю! Вы, как писал журнал *One*, автоматически являетесь масоном, ибо вы — педераст! Поэтому, как я думаю, педерасты-масоны вас, как педераста, как своего собрата, притеснять особо не будут — даже если вы с точки зрения закона и не вступите в масонскую ложу.

Андрей Вячеславович подустал от речей человека в чёрном. Да и таинственные и внезапные появления и исчезновения странного собеседника, признаться, немного пугали Кураева. Внезапно он вспомнил один из эпизодов своей беседы-исповеди с отцом Наумом, улыбнулся и спросил незнакомца:

— Скажите — наверное, вам делали клизмы; например, в детстве. Клизму, кстати, обычно смазывают перед введением вазелином или чем-то вроде этого. Вам было приятно от клизмы? Что вы при этом испытывали?

Человек в чёрном внезапно покраснел и резко сказал:

— Я испытывал боль и мучение! И мне было очень неприятно. И всё это вызывало во мне отвращение! Вы — педераст и поэтому испытываете наслаждение от клизмы. У педерастов всегда так — в отличие от нормальных людей. По этому их легко узнать. И всех людей, вы, педерасты, равняете по себе по принципу: «Весь мир — бардак, все люди — шлюхи». Знаем мы это. Но нормальный человек испытывает от клизмы только боль, мучение и отвращение!

Кураев снова улыбнулся и задал другой вопрос:

— Я думаю, что вы неоткровенны. Ведь если дело обстояло так, как вы говорили, то, спрашивается, как же вы в детстве какали? Ведь специально для того, чтобы младенец какал, этот процесс сделан приятным!

Человек в чёрном покраснел ещё больше и с каменным лицом не моргнув глазом снова резко сказал:

— Настоящий, нормальный мужчина какает, преодолевая боль и муку сильной волей к жизни и подвигу. Даже в детстве и во младенчестве. Вроде того, как женщина рожает через боль и муку. Воля к жизни и подвигу — вот что даёт ему силы терпеть эти боль и муку! И его жизнь — это постоянное преодоление себя, постоянное самостановление и самоукрепление, постоянное выковывывание себя самого и, прежде всего, — той самой воли к жизни и подвигу. Через боль и муку. Вы — дегенерат, педераст и поэтому вам чуждо понимание того, как живет нормальный мужчина, понимание его чувств и мотивов его действий. Вы — педераст и извращенец! Сосёте член и трахаетесь в жопу. В рот и в жопу. Сначала вы засовываете своему партнёру член в жопу, а затем обмазанный в говне член засовываете ему в рот; и он делает то же с вами. Вы делаете все эти армянские и французские шутки, дегенераты и педерасты! Сосётесь и лижетесь, лижите друг дружке жопы и члены. Миньет и кунилингус — вот ваши забавы. Педерасты и дегенераты. Я говорю вам научные факты, а вы всегда переходите на личности и кричите: «Сам такой!». По этому признаку вас легко узнать. По одному этому вашему вопросу видно, что вы — педераст и дегенерат. Педерасты и дегенераты обычно ненавидят нормальных людей и правда, сказанная педерастам и дегенератам о том, кто они, бесит их и доводит до припадка.

Сказав это, человек в чёрном начал медленно растворяться в воздухе и, наконец, исчез.

Спустя несколько недель, бродя по русскоязычному Интернету, Андрей Вячеславович наткнулся на один забавный рассказ. Его написал гражданин непризнанной Новороссийской Республики, школьник, ученик одиннадцатого класса. Этот рассказ был послан на общегосударственный конкурс под названием «Русский мир: связь времён» и занял на нём второе место. Интересно, что сразу же после провозглашения Новороссийской Республикой независимости украинский язык в неё был переведён на русский алфавит. Рассказ назывался так: **«В рит тай в жыпий. Сказ о том, как старый казак Тарас сыновей своих, Остапа и Андрея, на традиционность ориентации проверял»**. Кураев с любопытством углубился в его чтение...

«

В рит тай в жыпий. Сказ о том, как старый казак Тарас сыновей своих, Остапа и Андрея, на традиционность ориентации проверял

Рассказ на украинском языке с переводом на литературный русский

Оригинальный текст:

В рит тай в жыпий

Тарас прокинувси зрану — цяк зрану, що ранкови сутинки вже й не думковалы за-спочинаця. Вин швидко одягнувся тай вирушив з хутира ву-на зализощляхну зупинку

чоп зусрящувати своїх синів — старшого, Ондрія, тай молодшого, Астапа. Вони, на-
реши, прийшли на килька весняних тижнів до свого батьки чоп відпочити. Через
підступи доли батько не має що існував існуючий що бачив синами, тай сини — батьком
вже більше двох років.

Зализошляхний визок прийшов доту. Батько радісно обійняв синів тай сказав
вм:

— А чи були ви у Сичі? Ви думкуєте, що ви вже дорослі тай гарні хлопці — але
чи були ви у Сичі? Не були? Тоді які ж ви козаки? Ні, вам неодмінно треба пробувати
у Сичі тай понюхати пороху! Якщо не пойдете туди, у Сичь, то я вм — не батько тай
ви — не сини мене!

— Підемо, батько, у Сичь! Коды хочуваш? — сказав Астап.

Ондрій мовчазно кивнув головою на слова Астапа.

— Іншого я й ні чокав вот синів моїх! — сказав старий козак Тарас тай вони ви-
рушили взад додому. Шлях вих пролягав через поля тай гайи.

Йдучи разом з батьком, Астап вгадав, що точно цякож йшов з ним кодысь давнім-
давно ще в дитинстві. Тільки тоді було літо. По-над полем тай по-над шляхом летали
бабки тай залупивки... Згадавши цю картину з минулого, Астап запитав:

— Батько! А чому залупивки проназиваюцца залупивками? Я думковав про цє з
дитинства, але цяк і ненаважився нікого запитати...

— Бо, сину, — відповів Тарас, — вони вилуплююцца з кокону тай при цьому за-
лупують його — тобто розкривають, скидають з себе, вилізати з нього!

— Як просто! — здивувався Астап.

Дале усе йшли в мовчанні. Тишу порушив лише одного разу пролетів ввеси гвин-
токрил.

Незабаром Тарас з синами прийшов до хати. Вони були голодні, але дружина Та-
раса усе вже готувала їжу. Робити було нічого.

Дык що, хлопці, — у Сичь?! — запитав Тарас. — Йах, у Сичь! А для цього влаш-
тую-ка я вам перевірку! Адже хтозна — може бути, хто-небудь з вас — пидир?

— Яку перевірку? — запитав Астап. — Самоперевірку? На те, що ны снилося тай
сницца — красиві дівчата оле голєньки хлопчыки?

— Ні, не цю! — відповів Тарас. — Я влаштую вам нйину, козацьку, самопере-
вірку! Стару козацьку взабаву тай употеху, що зувєцца «В рит тай в жыпий». Тоді поди-
вимося — які ви козаки тай чи гидні ви справ своїх батків тай дидів.

— Батько! А чому цяк дивно назвали цю взабаву — «В рит тай в жыпий»? — запи-
тав Ондрій.

— Тому, сину, що при цєй взабаві зыркують трахувачны малюванопливки, в яких
чоловики чоловіков тогось... ну, тогось... в рит тай в жыпий! — була батьківська відпо-
відь.

Тарас задумався на кильки сєкунд тай продовжив, звертаючись к Астапу:

— А прынеси-ка мени, сину, ти два зыростричкороба, що стоять у мени у
книжковой шафи по-за святих Библиєю! Ось мы і подивимося — не завився чи сред ны
пидир тай хто вин йє цякий?

Тарас прыніс из сусидньої кимнати зализопривабливну звукобачню тай підклю-
чив йу до дальнотырка. Тим часом Астап прыніс два зыростричкороба.

— Батько! Не буду я дивитись на ці малюванопливки! — мовив Ондрій. — Грех!
Сьогодні — Прощена неділя пєред Великим постом!

— Вох, не до добра, сину, ти цяк говориш, высталяючи себе благочестивим! Чує
батьківськє серцє! Не ти чи на минулей увстричи говорив мени, що на другому курсі
университету зразумив, що Бога немає? Вох, не до добра цє...

Тарас знову задумався на короткий час, похитав головою, перехрестився, вставив
зыростричкороб в зализопривабливну звукобачню тай сказав:

— Чи дик твій, сынку, виздрачениця вид тих зракив, що ти цяк боисся тай страхуваисся визлупляти зэнки во цяковое? Чи взэрэчиця, сынку, цюцюр твій козацький ву-на жыпий чоловіка, тай на його сраку? Сынку! Невжэ боисси цього? Вид чого ж? Вид того, що ты пыдир арть? Зэнь не козак ти! Тай ни син ти мине! Бо пыдир! Тай не мисцэ пыдирам на козацькой землі! Бачь, сынку, — чи це цяко — сам вбью тобі!

Тай Тарас з собинными синами почав дывитися пыдирной малюванопливке.

Чэрез дэкилька хвылин Астап сказав:

— Батько, тьху! Яка гидота! Як цьому можно дывитися?

— Воистину, сынку! Це цяк и йэ — гидота! Тьху! — видповив Тарас.

Минуло хвылин дьэсяць тай Астап знову сказав:

— Батько! Нудить мине вот цьэй малюванопливки! Вимкни!

— Добре, це добре! Добрий, гарний хлопець! Да тильки який же ти гарний козак, якщо нэ можэш соби пересюловати тай бачить цяки малюванопливки хоча б годину або дви?

Ондрий же ничього не говорив.

Чэрез пив годину Астап випадково глянув ву-на Ондрия, пришов ву невымовно здивуванне, тай вигикнув:

— Пыдир, батько! Брит мий рыдний — пыдир!

Тарас побачив на цюцюр Ондрия тай батькивски зэнки його у жахливем гниви тай страхотней люти сплэндарнулы смертней загрозою.

— Ось, я тобі, пыдира, породив, та йаж тобі, сабаку, и вбью! — взорав, допрыдя до выступлення, Тарас. — Ось, я тобі, турчин, жyd ты та лях трыклятий, я, батько твій ридний, цэй дэсницей батькивськай тобі, гадюку, сам пропэру дрючком у сам-сирцэ! Та ни бувати письковату злыдню та прэвертэнецю на святей козацькой землі, тай ни чинить йому шаму нашэму глорьну козацьку родиву!

Тарас мав що зняв из-со стины хантэрно ружжо тай впалив кулю ву промежитить Ондрия; и ця куля, прошпандоримши, увпэрлась йому у сам-сирцэ тай розвэрнула йо. Ондрий гепнувся на пил не мая дыхування тай позаливси укровью.

Як соктьску падаць витягнув Тарас корпець свого сыну з хаты ву-на двир.

— Астап! — мовив Тарас. — Сходимо ув пост ву Пачаив, замолимо грих. А описля Паски — у Сичь!

— Батько! Шкода брита! — сказав Астап.

— А чоп з ным було, колы Сичева Беспека казувала б йому, сабаке, цю пирнуху по шысть, по осмь годин, а той цилодобово биз роздыху на проссачь-просрачь?! Казувала б як мине ув молодисти, коды усе думковалы що я амь англиський шпигун! — мовив старий Тарас тай вдобавив: — Не втаиця шыло ву мэшке, и шляхтыч латыньський не пидзакровиця просредьмеж козакив з их святей вирой! О тож и пыдир не сховаиця просредьмеж гарних хлопцев!

— А взаправду — чоп з ным було, батько? — спросив Астап.

— Чоп було? — перепитав Тарас. — Сичева Беспека виддала б його усим гарним хлопцям-сичовикам для взабавы тай употехи. Тай вони трахувалы б його, не зупиняючися, в рит тай в жыпий и вдень, и вночи поки вин би не помэр. Цяка вже изь ця стара козацька употеха тай взабава! Цяк збэрегають себе козаки вид проникнення до сэбе пыдирав тай цяк винишують их!

Тарас ще раз оглянув корпець Ондрия, плюнув на нього тай сказав:

— Ах ты ж! В рит тай в жыпий! Бисов сын... В рит тай в жыпий! Будь проклятий дэнь зароджування твого, бо в той час не було у мени гумова нацюцюрника!

Помовчаши трохи тай похитавши голову, Тарас продовжив:

— Залупить б, його, сабаку, як цапа тай повесувати його шкуру со свинячим його рылом на синце, ву-на видном мисци, заради вназидування усим гарним хлопцям!

Нарэшти, дружина Тараса наготувала стравы для трапезы тай вин разом з Остапим сив за стил. А писля трапезы Тарас лиг на вукушэтку видпочити.

Тарас возлягав на вукушэтки тай взгадував битви колышних рокив. Ось, вин з сичовиками штурмуэ Кыив. Вин, молодой полковник, видрядив Мыколу Пидтерисраку тай Апанаса Рыло, собинних глорьных бойових товарищинеи, да на дртохиде забэруцця на девьятиповерхивку з кулемётим тай снайпэрувачными гвинтивками, чоп влаштуваты сподивайку ворогам. А потим загин, гурт його захопив мол на околици миста тай влаштував там прывал тай обид; тай уси бийцы почалы мрияти як вони захоплять Львив, Варшаву, Бэрлинь, Парыж тай Лондынь. Але пидлый ворог не дремав; як буйний витир вломився вин в будивлю тай напав на загин Тарасу. Жорстока була битва. Ось, пав ву-за мясным прилавким Голожопко, цяк и не встигнувши дойисти гарний шмат сала; ось, ву чайному виддили застогнав, поранений у груди, Нессывкорыто... А поруч з Тарасим перебинтовував обвислю позапрокрывавлэну руку боэць з дюже смехливей фамылиэй Стрелков. Але Тарас не здавався. Вин продовжував командувати боэм.

Йах! Багато зэнь отримав ворог! Але вжэ немаэ в живих Попэрдэлки, вже пав Разбзда тай на мэртвим корпеце Овсия Насэрикруга вже корциця в агонии Дмитро Задэрикоза... Оле! Тай Забадайкомар пав, дюже гарний хлопець! Час видступати. Тарас вмило вывив свий загин су-из молу тай начав видхождэньне. Ворог разпогнався ву-за ним. Тай отут з даху будынки выстрэлували снайпэри тай вразыли офэцирив. А потим заробив кулемёт. Не пидвели полковника Тараса Мыкола Пидтерисрака тай Апанас Рыло! Хитристь вдалася. Зэнь Тарас разгорнув свий видступающ загин тай повив його у отаку; вин напав на пришового ву замешанне ворога тай поразгромив його...

Тарас повертинувся на хвилину з цукерних спогадив тай потим, продовжувавши возлягаты на вукушэтки, звив вгору руку тай мовив Астапу:

— У Сичь! У Сичь! Тремтисся, ворог! Бо вще нэ вупородылась тай не вупородыця цяка ворожья сыла та цяка бисова рать, чоп змогла возтвориыты пэремогу русской сили! Прокохайтя ж ны у сраку!

Примечания:

«не маэ що иснував иснуючий що бачив» — по-русски: «не имеет существовавший существующий видевший» — калька с невозможной в действительности английской конструкции «hasn't been being seen» (present perfect continuous tense, passive voice глагола to see с отрицанием). Эта конструкция невозможна по той причине, что глагол to see, как глагол чувственного восприятия, не употребляется во временах perfect continuous.

«мав що зняв» — по-русски: «имел снявший» — калька с английского «had dismounted» (past perfect tense, active voice глагола to dismount).

«амь» — от английского «am» (1-е л. ед. ч. глагола to be) с тем же значением.

«артъ» — от английского «art» (2-е л. ед. ч. глагола to be, уст.; соответствующее местоимение — thou, тоже уст.) с тем же значением.

«изь» — от английского «is» (3-е л. ед. ч. глагола to be) с тем же значением.

«йах» — от английского «yeah» (вариант: «yeh») с тем же значением: (i) утвердительный одобрительный возглас, восклицание; (ii) нестандартный, неформальный вариант «yes».

«зэнь» — от английского «then» («тогда») с тем же значением.

«корпець» — от английского «corpse» («мёртвое тело», «труп») с тем же значением.

«сплэндорнулы» — сверкнули, засияли, заблестели; от английского «splendor» («сверкание», «сияние», «блеск»).

«дик» — от английского «dick» с тем же значением: эвфемизм для обозначения мужского полового члена.

«мол» — от английского «mall» с тем же значением: супермаркет циклопических размеров, который обычно строится на окраине города или за городом, вблизи выезда из

него. По-русски обычно пишется как «молл», но такое название для подобных супермаркетов на русском языке используется редко.

«хантэрно» — охотничье; от английского «hunter» («охотник»).

«глорьный» — славный; от английского «glory» («слава»).

«шам» — от английского «shame» с тем же значением: позор, бесчестье.

«тай» — да и, и, да.

«чоп» — что бы, чтобы

«зализопривабливный» — притягивающий железо, то есть магнитный.

«малюванопливка» — киноплёнка, кинолента, магнитная видеолента (например, в видеокассете); фильм. Буквально: разрисованная плёнка, плёнка с рисунками, плёнка для нанесения рисунков.

«гумовый» — резиновый, латексный; от английского «gum» («резина», «камедь»).

«ув», «в», «ву», «у» — в, во.

«з» — из, с, со, от.

«й» — и.

«цяк» — так.

«вот» — от.

«вох» — ох.

Русский литературный перевод:

В рот и в задницу

Тарас проснулся рано — так рано, что утренние сумерки ещё и не думали начинаться. Он быстро оделся и отправился с хутора на железнодорожную остановку встречать своих сыновей — старшего, Андрея, и младшего, Остапа. Они, наконец, приехали на несколько весенних недель к своему отцу, чтобы отдохнуть. Из-за козней судьбы отец не был видим сыновьями, а сыновья — отцом уже более двух лет.

Поезд пришёл вовремя. Отец радостно обнял сыновей и сказал им:

— А были ли вы в Сечи? Вы думаете, что вы уже взрослые и хорошие парни — но были ли вы в Сечи? Не были?! Тогда какие же вы казаки? Нет, вам непременно надо побывать в Сечи и понюхать пороха! Если не пойдёте туда, в Сечь, то я вам — не отец и вы — не сыны мне!

— Пойдем, отец, в Сечь! Когда хочешь? — сказал Остап.

Андрей молчаливо кивнул головой на слова Остапа.

— Иного я и не ожидал от сынов своих! — сказал старый казак Тарас и они отправились обратно домой. Путь их лежал через поля и рощи.

Идя вместе с отцом, Остап вспомнил, что точно также шёл когда-то с ним давным-давно, ещё в детстве. Только тогда было лето. Над полем и над дорогой летали стрекозы и бабочки... Вспомнив эту картину из прошлого, Остап спросил:

— Отец, а почему бабочки называются залупивками? Я думал об этом с детства, но так и не решился никого спросить...

— Потому, сын, — ответил Тарас, — что они вылупляются из кокона и при этом залупляют его — то есть раскрывают, сбрасывают с себя, вылезают из него.

— Как просто! — изумился Остап.

Далее все шло молча. Тишину нарушил лишь однажды пролетевший ввыси вертолёт.

Вскоре Тарас с сыновьями пришли домой. Они были голодны, но жена Тараса всё ещё готовила еду. Делать было нечего.

— Так что, парни — в Сечь?! — спросил Тарас. — Да, в Сечь! А для этого устраюка я вам проверку. Ведь как знать — может быть, кто-то из вас — педераст?

— Какую проверку? — спросил Остап. — Самопроверку? На то, что нам снилось и снится — красивые девушки или голенькие мальчики?

— Нет, не эту! — ответил Тарас. — Я устрою вам нашу, казацкую, самопроверку! Старую казацкую забаву и потеху, что зовётся «В рот и в задницу». Тогда посмотрим — какие вы казаки и достойны ли вы дел своих отцов и дедов.

— Отец! А почему так странно назвали эту забаву — «В рот и в задницу»? — спросил Андрей.

— Потому, сын, что при забаве этой смотрят порнофильмы, в которых мужчины мужчин того... ну, того... в рот и в задницу! — был отцовский ответ.

Тарас задумался на пару мгновений и продолжил, обращаясь к Остапу:

— А принеси-ка мне, сын, те две видеокассеты, что стоят у меня в книжном шкафу за святой Библией! Вот мы и посмотрим — не завёлся ли среди нас педераст и кто он есть такой?

Тарас принёс из соседней комнаты видеомагнитофон и подключил его к телевизору. Тем временем Остап принёс видеокассеты.

— Отец! Не буду я смотреть эти фильмы! — сказал Андрей. — Грех! Сегодня — Прощёное воскресенье перед Великим постом!

— Ох, не к добру, сын, ты так говоришь, выставляя себя благочестивым! Чует отцовское сердце! Не ты ли на прошлой встрече говорил мне, что на втором курсе университета понял, что Бога нет? Ох, не к добру это...

Тарас снова задумался на краткое время, покачал головой, перекрестился, вставил видеокассету в видеомагнитофон и сказал:

— Разве член твой, сын, воздвигнется от тех образов, что ты так боишься и страшишься устремлять глаза на порнофильм? Разве встанет, сын, срамной уд твой казацкий на задницу мужчины и на его попу? Сын! Неужели ты боишься этого? Отчего же? Оттого, что ты — педераст? Тогда ты — не казак! И не сын мне! Ибо тогда ты — педераст! И не место педерастам на казацкой земле! Смотри, сын, — если это так, то я сам убью тебя!

И Тарас со своими сыновьями стал смотреть гей-порнофильм.

Через несколько минут Остап сказал:

— Отец, тьфу! Какая мерзость! Как это можно смотреть?

— Воистину, сын! Это так и есть — мерзость. Тьфу! — ответил Тарас.

Прошло минут десять и Остап снова сказал:

— Отец! Тошнит меня от этого фильма! Выключи!

— Хорошо! Это хорошо! Хороший, добрый парень! Да только какой же ты хороший казак, если не можешь себя пересиливать и смотреть такие фильмы хотя бы час или два?

Андрей же ничего не говорил.

Через полчаса Остап случайно взглянул на Андрея, пришёл в неопишное изумление и воскликнул:

— Педераст, отец! Брат мой родной — педераст!

Тарас взглянул на член Андрея и отцовские глаза его в ужасном гневе и страшной ярости сверкнули смертной угрозой.

— Вот, я тебя, педераста, породил и я же тебя, собаку, и убью! — вскричал, придя в исступление, Тарас. — Вот, я тебя, турок, жид ты и лях треклятый, я, отец твой родной, этой самой десницей отцовской тебе, гадюке, сам вобью кол в самое сердце! Пусть не будет полового маньяка и извращенца на святой казацкой земле, пусть не позорит он наше славное казацкое племя!

Тарас снял со стены охотничье ружьё и выстрелил в грудь Андрея; пуля, стремительно пролетев, попала ему в самое сердце и разворотило его. Андрей бездыханно упал на пол и обильно залился кровью.

Как падаль скотины вытащил Тарас бездыханное тело своего сына из дома на двор.

— Остап! — молвил Тарас. — Сходим постом в Почаев, замолим грех. А после Пасхи — в Сечь!

— Отец! Жалко брата! — сказал Остап.

— А что бы с ним было, если б Служба безопасности Сечи стала показывать ему, собаке, эти порнофильмы по шесть, по восемь часов, а то и круглыми сутками, не давая при этом времени даже на то, чтобы сходить по большой или по малой нужде? Стала показывать так, как показывала мне в молодости, когда все думали, что я — английский шпион? — молвил старый Тарас и добавил: — Не утаиться шило в мешке, и шляхтич-ка-толик не скроется между казаков с их святой верой! Равно, и педераст не спрячется между добрыми парнями!

— А правда — что бы с ним было, отец? — спросил Остап.

— Что бы было? — переспросил Тарас. — Служба безопасности Сечи отдала бы его всем добрым парням-сечевикам для забавы и потехи. И они насиловали бы его, не переставая, в рот и в задницу и днем, и ночью до тех пор, пока он бы не умер. Такова уж эта старая казацкая потеха и забава! Так хранят себя казаки от проникновения к себе педерастов и так истребляют их!

Тарас ещё раз осмотрел тело Андрея, плюнул на него и сказал:

— Ах, ты ж! В рот и в задницу! Бесов сын... В рот и в задницу! Будь проклят день, в который ты зародился, ибо в то время не было у меня презерватива!

Помолчав немного и покачав головой, Тарас продолжил:

— Содрать бы с него, собаки, кожу как с козла и повесить её вместе с его свиным рылом на солнце, на видном месте, для назидания всем добрым парням!

Наконец, жена Тараса приготовила еду для трапезы и он вместе с Остапом уселся за стол. А после трапезы Тарас лёг на кушетку отдохнуть.

Тарас лежал на кушетке и вспоминал битвы прежних лет. Вот, он с сечевиками штурмует Киев. Он, молодой полковник, отрядил Миколу Подтерисраку и Апанаса Рыло, своих славных боевых товарищей, на лифте забраться на девятиэтажку с пулемётом и снайперскими винтовками, чтобы устроить сюрприз врагам. А после отряд, группа его захватила молл на окраине города и устроила там привал и обед; и все бойцы стали мечтать о том, как они возьмут Львов, Варшаву, Берлин, Париж и Лондон. Но подлый враг не дремал; словно буйный ветер вломился он в здание и напал на отряд Тараса. Жестока была сеча. Вот, пал за мясным прилавком Голожопко, так и не успев доесть добрый шмат сала; вот, в отделе чаёв застонал, раненый в грудь, Нессывкорыто... А рядом с Тарасом перебинтовывал обвисшую окровавленную руку боец с очень смешной фамилией Стрелков. Но Тарас не сдавался. Он продолжал командовать боем.

Да, враг получил тогда немало! Но уж нет в живых Поперделко, уж пал Разбзда и на мёртвом теле Овсея Насерикруга уже корчится в агонии Дмитро Задерикоза... О! Убит и Забодайкомар, очень хороший парень. Пора отступать. Тарас умело вывел свой отряд из молла и начал отход. Враг погнался за ним. И тут с крыши дома выстрелили снайперы и поразили офицеров. А затем заработал пулемёт. Не подвели полковника Тараса Микола Подтерисрака и Апанас Рыло! Многих врагов поубивали они. Хитрость удалась. Тогда Тарас развернул свой отступающий отряд и повёл его в атаку; он напал на пришедшего в замешательство врага и наголову разгромил его...

Тарас вернулся на минуту из сладких воспоминаний, а затем, продолжая лежать на кушетке, воздел вверх руку и сказал Остапу:

— В Сечь! В Сечь! Дрожи, враг! Ибо ещё не родилась и не родится такая вражья сила, такая бесовская рать, которая смогла бы превозмочь русскую силу! Расцелуйте же нас в задницу!

»

Прочитав этот нехитрый рассказ школьника Кураев изумился и от души посмеялся.

А через несколько месяцев по всей стране против Кураева была развёрнута очередная долговременная многолетняя компания: ученики школ и университетов слали Кураеву в Броксгейт гневные письма, в которых всячески поносили и клеймили его. В каждом из этих писем Кураев множество раз обзывался «пидором», «пидарасом», «петухом», «предателем», «изменником», «выродком», «перебежчиком»; в каждом из этих писем на его голову призывалось множество проклятий и кар то от матушки-России, то от русского народа, то от православной церкви, то от предков Кураева, то от самого Господа Бога. Детские и молодёжные газеты и журналы даже печатали на своих страницах типовые письма, в которых оставалось много места для сбора подписей. Читателям было достаточно вырезать страницу, поставить свою подпись, собрать подписи желающих и отправить письмо в Броксгейт. Почта России пересылала эти письма бесплатно — то есть за счёт государственных дотаций. Бывало, что в таких письмах Кураев насчитывал до сотни подписей. Бывало, что в иную неделю таких писем набирался аж целых два мешка.

А ещё через несколько месяцев старший брат Кураев публично отрёкся от него; это отречение показывали по центральному телевидению. Брат также проклинал Кураева, много раз называл его пидором и желал ему гореть в аду. Содержание выступления брата несильно отличалось от содержания множества писем из России, поступавших к Кураеву. На следующей неделе с подобным отречением от родства с Кураевым выступили все его внучатые племянницы и племянники, дети брата, которых было четверо. Когда они совместно выступили с этим отречением, то что-то навсегда оборвалось внутри у Кураева... Нет, он конечно, понимал, что на них давили, что отречение это было нужно для того, чтобы иметь возможность спокойно жить себе дальше и двигаться вверх по карьерной лестнице, а, может быть, и просто для того чтобы иметь хоть какую-то приличную работу и просто для того, чтобы иметь возможность поступить после школы в университет. Но всё-таки, всё-таки...

Разумеется, задумка ликвидировать Кураева никуда не делась. Но в ФСБ решили затаиться — ибо частые несчастные случаи с Кураевым были бы подозрительны. Прошло более полутора лет. Был разработан и начал осуществляться новый план. Он был прост: якобы мусульманские террористы приговорили Кураева, как некий символ растленного педерастического запада, к смерти. Андрею Вячеславовичу несколько раз поступали угрозы взорвать его вместе с его замком... Операция «Адский огонь» началась.

Почему эту операцию называли «Адский огонь»? Здесь свою руку приложил никто иной, как Илларион Алфеев. Это был его совет — дать новой операции по уничтожению Кураева такое название. Кураев порой представлялся Алфееву таким Дон Жуаном, заслуживающим всяческих кар от Неба. А как погиб Дон Жуан?

Первоначально Кураева, как и писалось в угрозах, хотели взорвать вместе с замком обычной взрывчаткой. Но Алфеев, который был в курсе операции и мог давать свои советы, решил, что лучше будет, если Кураева и его замок взорвут ко всем чертям боеприпасами объемного взрыва и настоял на этом. По мысли Алфеева, Кураева и его замок должен был поглотить океан огня, огненный шторм и смерч; он должен был ворваться в замок и выжечь в нём всё живое, лишив при этом его воздуха — то есть возможности дышать.

Как и в прошлый раз, благословение на спецоперацию дал сам Патриарх Кирилл. При этом несколько военачальников провели особую встречу с одним лишь митрополитом Илларионом и на этой встрече он дал им ещё одно, своё собственное, благословение.

На этот раз спецподразделение с боеприпасами было высажено близ замка Броксгейт с малых подводных лодок, рассчитанных всего на несколько человек; эти малые подлодки отправились в путь с материнской подлодки, которой удалось достаточно близко незамеченной подойти к берегу. Подлодке даже пришлось войти в территориальные воды Соединённого Королевства.

Наступил вечер. Было уже темно. Спецподразделение незаметно подобралось к замку и заминировало его. После того, как были установлены таймеры, командир начал отход.

В это время в Москве, в переделкинской даче, митрополит Илларион расхаживал по просторному залу и ожидал взрыва. Дополнительных звонков из московского штаба, руководившего спецоперацией, не поступало; это означало, что всё идёт по плану: взрыв должен был произойти в тот самый час «Ч», который и был запланирован. На столе перед зеркалом у Иллариона стоял будильник, отсчитывавший время для столь вожделенного мгновения. Илларион то и дело подбегал к нему и смотрел: сколько времени осталось?

Наконец, до взрыва осталось менее трёх минут. Илларион подошёл к зеркалу, возле которого стоял будильник, и, придя в радостное исступление, вновь запел.

Илларион, исполнившись величия, напевал партию статуи Командора из финала второго акта «Дон Жуана»:

Don Giovanni a cenar teco [Дон Жуан, на свою вѣчерю]
m'invitasti e son venuto! [ты пригласил меня — и я пришел!]

Ferma un po'! [Подожди мгновенье!]
Non si pasce di cibo mortale [Не вкушает пищи смертных]
chi si pasce di cibo celeste! [тот, кто вкушает небесную пищу!]
Altre cure più gravi di quest [Другая забота, более важное исканье,
altra brama quaggiù mi guidò! [другое стремление меня привело на этот свет!]

Parlo; ascolta! Più tempo non ho! [Буду говорить; внимай же! Не имею много времени!]

Tu m'invitasti a cena, [Ты пригласил меня на вѣчерю]
il tuo dover or sai, [и теперь знаешь, что за тобою — долг.]
rispondimi: verrai tu a cenar meco? [Отвечай же мне: придешь ли ты на мою вѣчерю?]

Risolvi! [Решай!]

Verrai? [Придѣшь?]

Dammi la mano in pegno! [Дай мне руку в залог!]

Cos'hai? [Что не так?]

Pentiti, cangia vita, [Покайся, измени жизнь;]
è l'ultimo momento! [это последняя возможность!]

Pentiti, scellerato! [Кайся, негодяй!]

Pentiti! [Кайся!]

Ah! tempo più non v'è! [Увы! Больше времени нет!]

До звонка будильника ещё оставалось время и Илларион торжественно проглаго-
лал:

— Настал час неотвратимого возмездия для предателя и развратника! Сдохни же,
падаль!

Прошло несколько секунд; будильник пропищал. Он говорил о том, что час «Ч» пробил. Именно это мгновенье было установлено на таймерах боеприпасов объемного взрыва. Тогда Илларион засмеялся и продолжил петь — но теперь уже от имени гибнущего Дон Жуана:

Da qual tremore insolito [Какой необычайный ужас]
sento assalir gli spiriti! [я чувствую от нападений этих духов!]
Dond'escono quei vortici [Откуда исходят эти огненные вихри,]
di foco pien d'orror? [исполняющие страха?]

Chi l'anima mi lacera? [Кто раздирает мою душу?]
Chi m'agita le viscere? [Кто сокрушает моё сердце?]
Che strazio, ohimè, che smania! [Что за пытка, — горе мне! — что за одержимость!]
Che inferno, che terror! [Какой ад, какой ужас!]

Ah! [A!]

Затем Илларион улыбнулся и с интонациями конферансье, объявляющего очередной номер, произнёс дальнейшие слова либретто:

— Языки пламени поглощают Дон Жуана. На сцене всё успокаивается и выходят другие действующие лица.

Илларион снова громко засмеялся; он продолжал смеяться довольно долго; наконец, Илларион утих и сказал:

— Всё, сдох Эдинбургский Пидор! Кончился! Весь изошёл на гóвно! Сраный пидор!

Когда пожарные и спасатели прибыли на место взрыва, то не обнаружили никого из живых. Замок наполовину был превращён в руины, которые обязательно погребли бы под собой всякого, кто оказался бы нём. Да и использование боеприпасов объемного взрыва не оставляло надежды на выживание. Пожарные дотушили пожар и уехали вместе со спасателями.

О происшедшем сообщили в ночных новостях по местному телевидению и радио. Утром про это было напечатано в газетах и утром же про происшедшее стало известно в России. А уже к обеду по православному телеканалу «Спас» показывали вживую рассказ одного благочестивого и благообразного старичка, который только что, этой же ночью, сподобился видеть удивительный сон.

— Чувствую я, что куда-то проваливаюсь. — рассказывал старичок. — И вот, — можете мне верить, можете — нет, — оглянулся я вокруг и вижу, что оказался в аду. Он такой, как об этом в святых книгах пишут и изображают на святых иконах: огонь, котлы, сковороды, черти со свинными мохнатыми рылами и с вилами, значит... И в этом аду я узрел пидараса Кураева. Ползал он на чреве весь в червях, в него входящих и его пожирающих и мучающих, нагой. Ползал возле отхожего места. Весь он был как чёрная головешка и объят пламенем. И червь его не умирал, и огонь его не угасал, и зубовой скрежет его не переставал. От отхожего места и от Кураева исходил страшный смрад; но смрад от Кураева был несравнимо, в тысячу, в тьму тем раз ужасней, чем от отхожего места! Мне даже непонятно было — как можно вытерпеть такой смрад и не умереть от него. Даже смрад только от одного отхожего места. На шее у Кураева был огромный мельничный жернов — он был повешен ему на шею на толстом канате. И с этим мельничным жерновом Кураев то и дело низвергался бесами в нечистоты, в отхожее место; он задыхался там, наглотавшись нечистот, а затем поднимался вверх. И когда он оказывался вне нечистот, то тут же к нему подбегали два чёрта и глубоко засовывали ему в задницу и в рот по толстеному лому, докрасна раскалённому в пылающем жаром костре. С этими-то двумя ломами он и ползал вокруг отхожего места некоторое время — до тех пор, когда его вновь не погружали в нечистоты. Пока в Кураева были вставлены эти два раскалённых лома и пока он был погружён в нечистоты, он почти ничего не говорил, но только лишь стонал и кричал от мук; и эти стоны и крики раздирали сердце и душу. Единственными словами, которые он иногда произносил в это время, были: «Каюсь!» и «Господи, пощади!». Но после того, как

из Кураева вынимали два лома, у него оставалось малое время до погружения в смрад нечистот; в это время ему была некоторая ослаба от мучений. И в эти-то краткие мгновенья Кураев тотчас выставлял свой зад торчком вверх, торчком к Небу, к Богу и неистово хулил Святого Духа! О ужас!

— Когда я достаточно насмотрелся на мучения и на хулы Кураева, — продолжал старичок, — ко мне подошёл ангел и сказал: «И Дьявол, будучи в муках, кается! Только сила Божья и муки заставляют Кураева раскаяться в том, что он делал и в том, какой соблазн подавал. Милосердный Бог воскресил бы Кураева и дал ему покаяться, если бы тот мог! Но ведаёт Бог, что тогда, не будучи в муках, эта грешная душа снова отвергнет Троицу и Христа-Спасителя и воздвигнет хулу на Святого Духа! Сам видишь по тем кратким мгновениям, в которые мучения Кураева ослабевают, что для него невозможно спасение!». После этого ангел взял меня за плечи и стал поднимать. Вскоре мы оказались вне ада; увидев, что я вышел из ада, я проснулся. Не дай Бог, закончить жизнь в таком состоянии, в каком закончил её Кураев!

Но Кураев вовсе не погиб. Не погиб и Альфред. За день до спецоперации его отправили с аппендицитом в один из госпиталей Эдинбурга. А что касается Кураева, то незадолго до взрыва он спустился через потайную дверь возле камина в тайные подземелья замка, в которых он оборудовал свой винный погреб. Там же в холодильниках хранились и различные сыры. Кураев долго дегустировал вина и сыры и, опьянев, уснул в одной из уютных комнат подземелья. От взрыва он проснулся и обнаружил, что находится в полной тьме. Тогда он запустил генератор и включил аварийное освещение. Вскоре Кураев обнаружил, что обычным путём выбраться из подземелий невозможно. Тогда он стал думать, что ему делать дальше. Из подземелий замка несколько выходов вело в подземные пещеры, располагавшиеся возле замка. Войдя в одну из таких пещер он обнаружил кирпичную кладку, скрывающую путь куда-то. Кураев нашёл кайло и стал разбирать эту кирпичную кладку. Оказалось, что за кладкой располагался колодец. Прodelав большой лаз, Кураев пролез в него и оказался на дне сухого колодца; он поднял голову вверх и увидел сияющие звёзды. Но как выбраться со дна колодца? Кураев отложил решение этого вопроса до следующего дня и отправился спать. На следующий день он снова пробрался на дно колодца и стал звать на помощь. Ему пришлось кричать несколько часов, пока не приехала полиция и спецслужбы для расследования. Тогда Кураева услышали и помогли ему выбраться наружу.

На этот раз российскому спецназу не удалось скрыть свою операцию. Материнская подводная лодка была обнаружена английским флотом и была вынуждена уйти. Поэтому участникам спецоперации пришлось выбираться из Великобритании альтернативным путём. Предполагалось, что они по подложным документам, выданным им в российском посольстве, должны были вылететь из Лондона в Москву. Но это удалось лишь троим из семи участников спецоперации: четверо были обнаружены и схвачены. Разразился международный скандал. А после того, как американская подводная лодка якобы случайно пустила на дно судно с важными российскими чиновниками и генералами, о дальнейших покушениях на Кураева не могло быть и речи.

Замок был разрушен на половину и даже более. Жить в нём было невозможно и Кураев с Альфредом и прислугой перебрались в стоявший неподалёку от замка домик для гостей. Оранжерея, в которой Кураев решил выращивать свой клевер, почти не пострадала и позже, после возвращения и Второго большого Кураевского тура, он мелкими партиями стал рассылать семена нового сорта клевера, у которого около десяти процентов листьев имели четыре листа. Что касается замка, то Кураев решил во что бы то ни стало восстановить его, ибо никоим образом не хотел уезжать со столь любимшегося ему места. Это место было дорого Кураеву не столько замком, сколько тем лугом на вершине крутой скалы, стоявшей возле самого моря — тем лугом, на котором он то ли в действительности, то ли во сне повстречал лепрекона. И незадолго до того, как Андрея Вячеславович вернулся домой из того же Второго большого Кураевского тура, замок был восстановлен.

Операция «Адский огонь» провалилась. Вечером следующего после взрыва замка дня Кураев стоял на балконе дома домика для гостей и смотрел на развалины замка. Кураев вспомнил, что вскоре после того, как уверовал, он испытал что-то вроде исступления и озарения. Тогда по телевизору показывали пчёл и рассказывали про то, как мудро и сложно устроена их жизнь. И в это время на Кураева снизошло своего рода «откровение»: «Да, Бог есть! Кто ещё мог так премудро и сложно всё это создать, так соразмерить одну часть сущего другим его частям?! Кто мог вложить в живые создания разум, установить законы как для живого и неживого?». Теперь же это «откровение» как бы продолжилось:

— Да, да, да... — думал Кураев. — Всё это так. Бог создал всё премудро, сложно, соразмерно; он вложил разум и установил законы... Но всё это — для того, чтобы всё страдало и мучилось, билось друг с другом за кусок хлеба и место под солнцем, издевалось друг над другом и насиловало друг друга. И чтобы Он, Бог, подобно римскому патрицию, восседавшему на ипподроме и кровожадно смотрящему для развлечения на битвы и смерть гладиаторов и на пожирание людей зверями, чтобы Он, Бог, так же восседал на Своем престоле и наслаждался этими тараканьими бегами и борьбой пауков в банке вни-зу... Наслаждался и впитывал, впитывал и впитывал в себя страх, боль и страдания ничтожных перед его очами существ как целительный бальзам и афродизиак, как амброзию и эликсир бессмертия... Да, премудро устроен человек Богом. Но для того, чтобы он страдал и убивал другого человека. Премудро устроен зверь. Но это лишь для того, чтобы он пожирал других зверей и человека... Премудро устроена колесница и велик разум, который вложил Бог в тех, кто имеет дело с обработкой металлов... Но это для того, чтобы эта колесница давила и резала людей в бою... Премудро устроен человек, премудро... Но для того, чтобы он стал страдающим и безумным моральным уродом, которые несёт страдания другим, убивает, предаёт, грешит напропалую, соблазняет и поганит свою душу... Может быть, среди всех эти уродств и уродов Господь Бог чувствует себя не таким уж злодеем и уродом?

Далее Кураеву пришла на ум история из блокадного Ленинграда. Тогда дети больших чиновников учились вместе с простыми детьми. И одна девочка, отец которой был большой партийный начальник, каждый день приносила в школу бутерброд с маслом. Она не съедала его целиком; половину она выбрасывала в ведро для мусора и наблюдала за тем, как голодные дети дрались за этот кусок.

— Вот это и есть забавы Бога... — сказал про себя Кураев.

После этого воспоминания Кураева коснулись повествований Библии. Он вспомнил, как царь Давид жёг в обжигательных печах пленных — надо полагать, ещё живых, вместе с беременными женщинами. Он вспомнил, как Моисей приказал убить десятки тысяч пленных детей; эти дети даже не были из тех народов, которые Иегова предписал истребить. Он вспомнил, как сам Иегова умертвил в Египте всех первенцев — включая грудных младенцев. Он вспомнил, как Иегова же приказал обворовать иудеям египтян, своих друзей — ведь разве враги или чужие заняли бы на время золото и серебро? Он вспомнил ещё много чего, плюнул и сказал:

— Лучше бы Иегова, Давид и Моисей трахали друг друга и ходили по гей-клубам, чем занимались тем, чем они занимались, этими убийствами и детоубийствами... Буддисты сказали бы, что карма у них от этого только улучшилась.

Этим же вечером Кураев смотрел передачу из России о всяких её предателях. В ней вновь склоняли самого Кураева, а также прочих подобных ему изменников, предателей, перебежчиков и врагов народа. Особый упор делался на то, что среди них много геев. Кураев не досмотрел этой передачи; он снова вышел на балкон, оглядел развалины замка и разразился гневной речью:

— Эти русские — словно чёрт из поговорки «Дай бесу палей — откусит руку!», словно тот злой лепрекон из сериала... Да отстаньте же вы от меня, наконец, бросьте меня, чёрт бы вас побрал! Вы мне осточертели уже, «братья по крови»! Поймите, наконец, — я уже давно не из ваших! И вообще, как вы не поймёте своими дурными головами, что

гей не может изменить России! Гей не может изменить России, как бычок не может изменить мясокомбинату! Естественная цель жизни бычка — сбежать и разрушить мясокомбинат! И глупо упрекать его в преследовании этих целей и заставлять его приносить мясокомбинату клятву на верность! Она ничтожна!

9. «Блудодемоний»

Состояние позволяло Кураеву покупать редкие древние книги и манускрипты. Для этого иногда он уезжал из Эдинбурга в Лондон и подолгу бродил по букинистическим магазинам. Только теперь его вовсе не интересовали книги ни по богословию, ни по истории церкви, ни даже по философии. То, что он покупал — это были книги по сыроварению и виноделию и, конечно, книги, связанные с музыкой и музыкальными инструментами. Покупал он, конечно, и ещё кое-какие книги кроме этих. Так, зачем-то он стал коллекционировать детские книги давно прошедших времён...

Вот и в этот раз Андрей Вячеславович, бродя по букинистическим магазинам Лондона, зашел в один ничем не примечательный магазин. Вовсе не намереваясь покупать что-то церковное или богословское, он случайно оказался возле стеллажей с книгами по религии и оккультизму. Случайно же взгляд Кураева остановился на книге, лежавшей открытой на столе, стоявшем возле стеллажей. Кураев присмотрелся к названию книги и прочёл:

«Блудодемоний, сиречь книга о чародействе с суккубами, инкубами и иными блудными демонами с наставлением чёрному магу от самого Владыки тринадцати Архидемонов».

Прочтя название книги, Андрей Вячеславович улыбнулся: ни в какое колдовство он по-прежнему не верил. Правда, некогда беседа с великим старцем архимандритом Наумом, происшедшая с Кураевым тогда, когда он ездил каяться в грехах в Троице-Сергиеву Лавру, на некоторое, впрочем, весьма краткое, время убедила или почти убедила Андрея Вячеславовича в то, что колдовство есть и что оно может действовать даже на истинных православных христиан; но затем, после различных рассуждений, Кураев снова утратил эту веру в колдовство и магию. «Что же там такого может быть в этой книге?» — невольно заинтересовался Кураев и решил ознакомиться с книгой поподробнее.

Взяв книгу в руку, Кураев обнаружил, что она была написана на славянском языке и, притом, кириллицей и, притом, от руки — то есть она, эта книга, должна была существовать в очень немногих экземплярах. Что касается языка книги, то это был какой-то древнеславянский язык, близкий к церковнославянскому, но с уклоном в чешский или словацкий. Таким образом, Кураеву, как человеку церковному, всё или почти всё в этой книге было понятно. Собственно, то, что книга написана на славянском языке, Кураеву должно было стать ясно ещё после того, как он прочёл её название, которое было на славянском же языке, но мозг Кураева сыграл с ним шутку: Андрею Вячеславовичу почему-то сперва показалось, что в действительности он прочёл название книги на английском или на латыни, а славянские слова, возникшие в его голове, были лишь каким-то полуавтоматическим переводом.

Кураев стал быстро пролистывать книгу. Он сразу же обратил внимание на то, что имена демонов и термины, используемые в книге, были какой-то странной смесью греческого, латыни, а также английского, французского и славянского языков. «Как появилась эта книга?» — сразу же задумался Кураев, обнаружив этот факт. Вскоре он решил, что книга, по-видимому, была переведена на славянский с какого-то латинского, а может быть, английского или даже немецкого оригинала на славянский язык где-то в Чехии и Словакии — может быть, в той же Праге. Может быть, это был даже не перевод с оригинала, а с другого перевода: например, сначала был перевод с латыни на древнеанглийский, с него — на немецкий и лишь потом — на славянский язык. При этом каждый переводчик

часть имён и терминов оставлял неизменными, а часть — переводил на свой родной язык, делая «кальку». В конце книги Кураев увидел что-то вроде «выходных данных», а именно следующую надпись: «Книгу сию написал чёрный волхв, сиречь маг, Велеслав Серб. В молодости сей волхв, захваченный в плен на войне, стал прислужником или даже рабом некоего латинского патера во граде Риме, где обучился латыни и чародейству по различным книгам на латинском наречии; позже он бежал и отправился в странствия: он жил в Галлии, в Британии, в Германии, учась у различных могущественных волшебников колдовству, и стал столь в нём сведущ, что приобрел чародейством своим огромное состояние; и являлись ему сами князья демонские из ада и учили его своей премудрости и своему колдовскому искусству; наконец, он вернулся на словенские земли и осел в Праге, где чарованиями своими превзошёл чарования еврейских мудрецов. Сие же есть список книги, написанной Велеславом; и список сей написал Марогор по прозвищу «Болгарин», купеческий сын, чёрный волхв и ученик Велеслава, во граде Праге, в годы правления князей Вацлава Второго и Пржемысла Отакара; и я, Марогор, сам испытал истинность написанного здесь».

— Хм... — подумал Кураев. — А ведь если список книги помечен как написанный «в годы правления князей Вацлава Второго и Пржемысла Отакара» — то это, определённо, значит, что он создан в самом конце двенадцатого века!

Кураев ещё раз перелистал книгу — на этот раз не так спешно. Книга была полна изображений различных отвратительных демонов и их знаков или символов, использовавшихся для призыва — знаков или символов, похожих на знаки божеств культа вуду. То и дело в книге встречались какие-то загадочные схемы, таблицы, чертежи с различными геометрическими фигурами и тому подобные вещи вроде астрологических таблиц. Рядом со всем этим находились описания демонов, описания того, как их вызывать и заклинать, как приказывать им и как ими повелевать. Кроме того, особо описывалось, какое зло, как и кому можно сотворить колдовством, используя того или иного демона. Общая структура книги была Кураеву понятна, но чтобы понять её ещё лучше он стал искать в книге что-то вроде оглавления. Наконец, он нашёл его; но тут же Кураев обнаружил, что перед оглавлением шёл алфавитный список множества демонов, упоминаемых в книге, с кратким описанием того, что это за демон; этот список был чем-то вроде краткого справочника для демонолога. Кураев заинтересовался этим списком и углубился в его чтение:

«

Сие есть список средних по старшинству блудных демонов, кои не суть ни суккубы, ни инкубы, но суть превосходнейшие их демоны, которым суккубы и инкубы служат и которым они повинуются как господам своим, ибо сила суккубов и инкубов — ничто по сравнению с силою сих демонов:

Аналинкури́м — демон анализкуса, сиречь заднего лизания.

Аналфикса́рд — демон срачноходной помешанности, срачноходного удержания и сношения в срачный ход.

Афродизифу́г — демон возбуждающих похоть и страсть лекарств; чрезмерное пользование его услугами часто заканчивается смертью от истощения.

Бздоде́й — демон полового возбуждения, возникающего от пукания, и пука, это возбуждение вызывающего.

Блудера́с — демон естественного блуда.

Бритвездак — демон бритья волос в подпупии, на лобке и в области срамных частей тела.

Ваголингду́г — демон введения языка во влагалище.

Вампиро́н — демон вампиризма, сиречь кусания до крови и питья крови, вытекшей из ран, совершаемых во время сношения или любовных игр.

Вверхогу́рз — демон сношения с поднятыми вверх ногами.

Взлезогрѡд — демон взлезания на мужчину при сношении.

Вуайергоргѡн — демон подсматривания за сношающимися и за нагими.

Голдрейнзѣль — демон «золотого дождя» — взаимного обсыкания сношающимися друг друга; особую власть имеет над гомосексуалистами и лесбиянками.

Геронтобрух — демон страсти и вожделения к старикам и к пожилым.

Дендрофар — демон древоложества, сиречь половых сношений с деревьями, досками, чурками, пнями и так далее.

Дефлорѡрт — демон утраты девственности через блудные грехи.

Задодупр — демон сношения по-скотски, «сзади».

Интеррасиѡн — демон смешения всех племѣн и народов земных в один народ; стремится воссоздать на земле единый народ вопреки воле Бога.

Инцестогѡр — демон кровосмешения; роды рабов этого демона претерпевают вырождение.

Ихтиѡр — демон рыболожества, сиречь сношения с рыбами.

Камасутрак — демон необычных половых сношений и половых сношений, совершаемых в вычурным, причудливым способом.

Камсвапогалл — демон высасывания семенной скверны из влагалища, срочного хода или рта.

Копробуекк — демон копрофилии, сиречь говноедства, возбуждающий страсть к испражнениям, желание их нюхать и есть, вымазываться в них, а также играть с ними и испражняться друг на друга; эти страсти и дела обычно или зачастую связаны с похотью и страстью любовной.

Кроведѡрз — демон сношения во время кровотечения, месячных.

Куморѣпт — демон любви к истечениям семенной скверны, месячным, соплям, ушной сере и прочим подобным выделениям тела; заставляет их есть и размазывать по себе, а также обонять.

Кунитан — демон лизания срамоты женской, в особенности же — похотника.

Кутюрьерѣс — «великий портной», демон, внушающий гомосексуалистам и лесбиянкам виды и покрои интригующих, завлекающих и изумляющих необычных одежд.

Лесбогѡг — демон лесбийской любви.

Лингвокис — демон поцелуя «с языком», сиречь поцелуя, при котором один вдевает свой язык в уста другого.

Лупанарѡк — демон проституции и публичных домов.

Мазопар — демон страсти к истязанию себя и мучению себя; может довести до самоубийства.

Моделдлѣт — демон, заставляющий и побуждающий молодых девушек и женщин идти гордиться своей красотой и выставлять её на показ, а затем — идти туда, где девушки составляют между собой в красоте и где их ждѣт блуд и занятие проституцией.

Матероман — демон страсти к сношению с собственной матерью или с женщинами, годящимися в матери или в бабушки; для одержимого к ним страстью они часто выступают заместителями матери.

Некротрагг — демон страсти и вожделения к трупам, труположества.

Нудодѡр — демон принародного обнажения, представляющий своим рабам телесную наготу как нечто естественное; может захватывать в своё рабство целые толпы людей и тогда все эти люди ходят нагими друг перед другом и перед окружающими их и склоняют их к тому же.

Оралфиксанус — демон оральной помешанности и содомского смешения в рот.

Оргазмерит — демон оргазма, происходящего при греховном соитии; может сделать своих рабов одержимыми сношениями и рукоблудием и помешанными на половом удовлетворении; вызывает ослабление и помрачение ума, а также сильное истощение; может вызвать слепоту и чахотку.

Педериллѡн — демон мужеложественной страсти к юным, к мальчикам.

Петтингáр — демон взаимной мастурбации, совершаемой как через одежду, так и без неё, но главным образом — через одежду.

Пидротра́гг — демон мужеложества.

Попохлóп — демон страстного, с вожделением, хлопания и бития по попе.

Попощíп — демон страстного, с вожделением, щипания за попу.

Порнобёр — демон порнографии; особую власть имеет над извращённой порнографией и её приверженцами; усиленное служение этому демону может вызвать импотенцию и невозможность создать семью.

Прелюботóн — демон прелюбодения.

Прервоáрт — демон прерывания полового сношения.

Приапомóн — демон постоянной непрекращающейся эрекции а также непрекращающегося сильного полового возбуждения вообще.

Птицерíт — демон птицеложества.

Ректолингвáз — демон введения в анус языка и осязания им прямой кишки.

Садобúс — демон мучения и истязания других; может довести до убийства другого и, притом, очень жестокого.

Скокторóт — демон скоктания; скверные осязания и щекотания в областях половых органов, возбуждающие неистовую похоть — его удел.

Сатириазабáс — демон, который вызывает неистовое стремление взрослых и пожилых мужчин к сношению с множеством женщин, к частой перемене подруг; зачастую стремление направляется на молодых и очень молодых женщин и девушек.

Скотофилта́н — демон скотоложества.

Смердодóрт — демон, возбуждающий любовь и страсть к запахам семенной скверны, испражнений и других подобных выделений тела, а также к различным запахам грязного немытого тела; заставляет нюхать катышки грязи, образующиеся между пальцами ног или в пупе, семенную скверну, месячные выделения и другие подобные сему вещи.

Соплежúй — демон ядения соплей; постепенно приучает чрез это своих рабов к поеданию семенной скверны и к копрофилии, сиречь к говноедству.

Сосцеку́ск — демон кусания сосцов при сношении.

Статуефíр — демон статуеложества, сиречь половых сношений со статуями или с искусственными женщинами или мужчинами.

Страпонзéль — демон-покровитель изготавливающих искусственные мужские члены и дилдо; демон сношений с использованием этих изделий.

Троттлерáнт — демон удушения и самоудушения, совершаемого в ходе сношения или рукоблудия; может привести к самоубийству или убийству.

Фаллометриáл — демон, заставляющий мужчин меряться срамными удами и внушающий помыслы о недостаточной величине члена у мужчин или груди у женщин.

Фингерцíмус — демон женского рукоблудия с помощью пальцев или содомского рукоблудия в срачный ход с помощью пальцев же, совершаемого как мужчиной, так и женщиной.

Фистенмóрз — демон засовывания пальцев, ладоней, кулаков и рук во влагалище и в анус.

Электрабрóг — демон неистового стремления молодых женщин и девушек к взрослым и пожилым мужчинам, годящимся им в отцы и в деды; при этом зачастую они замещают отца.

Экспозáр — демон принародного — как правило, на короткое время, —показывания срамоты мужской, сиречь мужского срамного уда или зада, или срамоты женской, сиречь женского переднего естества или сосцов или зада же.

»

Кураев дочитал до конца список демонов и подумал:

— Хм... демоны Оралфиксанус и Аналфиксанус... так откуда же доктор Фрейд взял свои оральную и анальную фиксации и анальное удержание? Сам придумал или... или позаимствовал?

Позднее этот же вопрос задаст себе и другим Юрий Воробьевский...

Кураев перевернул лист книги и посмотрел дальше; он увидел картинку на половине странички: два отвратительных и страшных демона шли в обнимку среди сада; в саду было множество деревьев, с которых свисали различные плоды, а по траве, по земле, ползало множество змей. Подпись под демонами гласила: «Пидротрагт и Лесбогог». После картинки шёл текст, который почему-то заинтересовал Кураева — так, что он прочёл его целиком:

«

Но ведай, вступивший на дорогу чёрной магии и чёрных волшебных искусств, что помимо этих блудных демонов есть и иные блудные демоны, которые сильнее их и суть их начальники — как начальники их самих, так и множества других демонов, им подчинённых. Этих сильнейших блудных демонов зовут блудными Архидемонами или блудными Владыками. Всего их числом — тринадцать. Упомянуты же они далее по порядку возрастания их силы. Самый сильный из них — Мастурбокарон, тринадцатый блудный Архидемон, который есть Царь всех блудных демонов и Владыка блудных Владык. Страшен и грозен его огнезrachный вид! Его блистающий и пламенеющий меч и его тёмный лик приводят в содрогание архангелов Господа! Увидев этого грозного Владыку, трепещут и боятся смерти даже бессмертные херувимы и серафимы! Блудные Архидемоны восседают на огромных и ужасных демонах-драконах. Дракон Мастурбокарона — самый большой и самый страшный. Когда он рычит и испускает пламя, то сотрясается престол Бога на Небесах. Все Архидемоны облачены в тёмные доспехи, пылающие огнём; из этих доспехов при скачке или при полёте на драконах сыплются искры, подобные раскалённым угольям. Пламя из уст драконов, на которых они восседают, попадает всё. Вот эти тринадцать грозных Архидемонов и Владык:

»

Кураева заинтересовали эти слова и он стал читать список архидемонов:

«

1. **Сракотрахаддён** — демон срачноходного сношения — как между мужем и мужем, так и между мужем и женою.

2. **Педеромёлех** — демон мужеложества и лесбиянства, а также мужеложественного влечения к юным и к детям.

3. **Геефán** — демон мужеложества и мужеложественного влечения к мальчикам и юным, представляющий это в глазах окружающих и самих грешащих как нечто возвышенное, исключительное, славное и достойное почитания; вдохновитель гомоэротики и гомоэротичного искусства.

4. **Хреноглоотофóр** — демон содомского смешения в рот между мужчинами.

5. **Миньетиэль** — демон содомского смешения в рот между мужчиной и женщиной.

6. **Аналинкиэль** — демон лизания зада, сиречь жополижества, введения в срачный ход языка и осязания им прямой кишки.

7. **Дилдиэль** — демон искусственных мужских членов, страпонов и дилдо; демон искусственных мужчин и женщин, предназначенных для полового сношения; демон прочих рукотворных вещей, подобных этим.

8. **Фельчингодрóm** — демон высасывания семенной скверны из срачного хода, влагалища и рта.

9. **Риммингзмодал** — демон лизания зада, сиречь жополижества, введения в срачный ход языка и осязания им прямой кишки; делает то же, что и Аналинкиэль, но гораздо сильнее его.

10. **Свингербрáс** — демон беспорядочной смены мужей и жён и вольного обмена ими — в частности, среди мужеложников и лесбиянок тоже; демон распространения различных дурных болезней, передающихся через сношение.

11. **Свалдабаóф** — демон свального греха, оргий, сношений со многими мужами и жёнами сразу — в частности, среди мужеложников и лесбиянок тоже; также, как и Свингербрас — демон распространения различных дурных болезней, передающихся через сношение.

12. **Аналлáт** — демон срачноходного сношения — как гомосексуального, так и гетеросексуального; делает то же, что и Сракотрахаддон, но гораздо сильнее его.

13. **Мастурбокарóн** — демон мастурбации и мастурбационных неистовств; Царь и Владыка всех блудных демонов, который один сильнее всех остальных блудных демонов из числа тринадцати вместе взятых. Помогает всем блудным демонам в их делах и научает их; может делать почти всё, что делают другие блудные демоны. Назван так потому, что его любимое занятие — обучение рукоблудию отроковиц и отроков, юношей и девушек. Мастурбокарон — начало и исток всех блудных грехов; он — правая рука Дьявола и восседает одесную Дьявола, рядом с его огненным престолом, стоящим в самой глубине адской бездны.

»

Прочитав список архидемонов, Кураев, как ему показалось, начал будто бы что-то припоминать. Но что именно он начала припоминать — этого Андрей Вячеславович никак не мог ни понять, ни вспомнить. Тогда он стал читать то, что было в книге после списка тринадцати архидемонов:

«

Да будет же ведомо упражняющимся в чёрных волшебных искусствах и то, что всякий из блудных демонов может делать не только то, о чём написано про него особо выше, но и всё или почти всё, что делают другие демоны; он разве только что сам предпочитает делать то, о чём говорит имя его, то, о чём сказано для каждого демона особо выше. Разве только что демон от демона может разниться в силе действия: ибо есть сильные демоны, а есть ещё более сильные по природе своей; и есть демоны более сильные в определённом деле.

Ведомо же да будет чтущему сие, что каждый из означенных блудных демонов имеет в своём услужении большое количество младших демонов. Каждый же из Архидемонов имеет в своём услужении по легиону младших демонов; и из-за большого числа служащих им младших демонов этих Архидемонов именуют также стратилатами. И эти тринадцать легионов во главе с Архидемонами-стратилатами, над коими царствует Мастурбокарон, суть отборное и необоримое войско Сатанино, готовое придти по зову мага, чтобы помочь сотворить ему всякое блудное и любовное чародейство и всякое зло.

Ведомо же да будет чтущему сие и то, что почти всякого человека Архидемоны могут склонить к любому блудному греху. А если это не получается сделать обычным способом, то надо только лишь совершить чёрную мессу в христианской церкви, призвать Архидемона с его войском вместе со священником, эту мессу совершавшим, и дать Архидемону задание. Если же и это не поможет, то удвой или утрой количество служащих мессу, да ещё, вдобавок, может быть, отслужи её в более важном для христиан храме — и наверняка Бог снимет свою защиту с того, против кого направлено колдовство. Если же соберутся тринадцать священников, а ещё лучше — тринадцать епископов, да ещё в кафедральном храме — то не думаю я, что найдется на земле такой человек, с которого Бог бы

не убрал защиты Своей и которого бы не сделали блудные Архидемоны вместе со своими легионами бесов закоренелым грешником-блудником и рабом своим.

»

Прочитав эти строки, Кураев, снова начал будто бы что-то припоминать — даже ещё лучше и яснее, чем прежде. Но, опять же, что именно он начал припоминать — этого Андрей Вячеславович никак не мог ни понять, ни вспомнить. Тогда он решил прочитать повнимательнее те страницы колдовской книги, на которых подробно говорилось про блудных архидемонов и на которых приводились их изображения. Все архидемоны были нарисованы, как и следовало это предполагать, восседающими на огнедышащих драконах. Сначала Кураев просмотрел страницы с самыми слабыми архидемонами, а затем стал постепенно добираться до страниц, описывавших их царя и владыку — Мастурбокарона. И по мере того, как Кураев приближался к Мастурбокарону, в Андрее Вячеславовиче всё сильнее нарастало внутреннее беспокойство и даже тревога. Какие-то тёмные воспоминания из прошлого рвались наружу, в сознание Кураева. Наконец, он открыл страницы с описанием царя и владыки архидемонов и взглянул на его изображение, которое было сделано во всю страницу...

И тут словно молния ещё раз поразила Кураева в самую голову. Он вспомнил всё — всё из тех моментов, когда он один стоял на вершине холма под дождём, в бурю, среди тьмы, покрывшей небо — тогда, когда молния ударила в него и когда у него словно открылось второе зрение. И Кураев заново пережил то, что было тогда.

Некоторое время Кураев, словно превращенный молнией в камень, не падал; затем же он начал пошатываться и постепенно оседать на землю. Но в то время, в которое он ещё стоял, в то время, в которое через него протекал заряд молнии, Кураев увидел, что вокруг него, восседа на огнедышащих драконах, стояли с десяток или даже более чёрных воинов-рыцарей в пламенеющих доспехах. Все они держали огненные, объятые пламенем мечи. И драконы, и воины-рыцари были закованы в броню; и у драконов, и у воинов-рыцарей были крылья из стали; перья этих крыльев были подобны мечам. Кураев встретился взглядом с одним из этих воинов-рыцарей и запомнил его вселяющее ужас и требующее поклонения себе лицо. Теперь Кураев несомненно знал: да, это был сам Мастурбокарон, архидемон архидемонов, стратилат стратилатов, царь и владыка. По-своему его лик был даже прекрасен и привлекателен. Далее, за этими воинами-рыцарями, стояли бесчисленные крылатые воинства, ожидавшие и жаждавшие повелений своих владык; для Кураева теперь стало несомненно, что эти воинства были теми самыми тринадцатью легионами, неборимым воинством Сатаны, о котором говорилось в колдовской книге. Лики этих воинов были страшны: это были лики кровожадных отвратительных клыкастых зверей и чудовищ. Все эти воинства были построены так, как и полагается быть построенным римским легионам. Среди этих легионов были и пешие подразделения, и «конные». «Всадники», как и воины-рыцари, — то есть, как и архидемоны-стратилаты, — восседали на огнедышащих драконах, но эти драконы были поменьше и другого цвета, чем у архидемонов.

Кураев снова пережил тот момент, когда по мановению одного из воинов-рыцарей — того, которого Кураеву удалось рассмотреть лучше всего, а именно, самого Мастурбокарона, — все эти легионы одновременно бросились на Кураева и вошли в него. Легионеры рвали его плоть и впивались в неё своими зубами и клыками; они терзали его мозг и рассекали этот мозг своими мечами на части; они втыкали в тело Кураева трезубцы и копья и метали в него огненные стрелы. Когтистые лапы драконов, на которых восседали легионеры-всадники, рвали плоть Кураева на части и выдавливали из его головы мозги; из пастей драконов исходило пламя; своим огненным дыханием эти драконы опаляли Кураеву голову. Наконец, неподвижно стоявшие и наблюдавшие за всем этим действием архидемоны, восседавшие на драконах, подняли к небу свои мечи, приблизились к Кураеву и нанесли по его голове тринадцать ударов. Последний, тринадцатый, завершающий удар, на-

нес сам Мастурбокарон. И после этого, как и тогда, когда всё происходило на самом деле, Кураева окутал мрак и он упал, выпустив из своих рук колдовскую книгу — упал прямо на пол букинистического магазина.

Беспамятство Кураева продолжалось недолго — не более минуты. За это время владелец магазина, сидевший за кассой, успел подбежать к Кураеву и принести ему бутылку с водой. Когда он увидел, что Кураев пришел в себя, то спросил его:

— Всё в порядке, сэр?

— Все в порядке. — ответил Кураев и медленно встал.

После этого Кураев разговорился с владельцем магазина о колдовской книге. Кураев сказал, что эта книга написана в конце двенадцатого века, что она есть ничто иное, как колдовская книга и, притом, чёрномагическая, в которой описывается, как творить колдовство и причинять зло с помощью суккубов, инкубов и прочих блудных демонов. Кураев также сказал, что книга эта, называемая «Блудодемоний» или «*Lecheridemonium*», написана на древнеславянском языке кириллицей и что она должна стоить намного дороже того, чем указано на ценнике. После этого Андрей Вячеславович поинтересовался у книготорговца о том, откуда у него книга.

Оказалось, что книга эта была найдена очень дальними родственниками одной одинокой и бездетной старушки, которая скромно жила на окраине Лондона, среди многих других её книг. Этот «Блудодемоний» был единственной книгой, о которой родственники ничего не могли толком узнать: она была написана на непонятном языке. К тому же, эта книга немного подгорела при пожаре, случившемся в квартире после смерти старушки из-за искрящей электропроводки. Поэтому-то этот самый «Блудодемоний» родственники и отдали в ближайший букинистический магазин подешёвке. Торговец, принявший у них книгу, сам толком не знал о её настоящей стоимости. Из разговоров с торговцем также выяснилось, что вроде бы предки этой старушки приехали в Англию из России — но давным-давно, видимо, ещё даже до французской революции; и ни сама старушка, ни кто-либо из её родных не знали не то что русского языка, но даже какого-нибудь славянского. Вероятно, когда-то русская прабабка усопшей вышла замуж за иностранца и уехала из России, прихватив с собой книгу как приданое; или, может быть, какой-то русский женился на богатой иностранке и уехал из России, прихватив с собой книгу. Может быть, уехавший или уехавшая даже не были дворянами, а всего лишь принадлежали к семейству купцов.

С одной стороны Кураев не хотел приобретать книгу по чёрной магии, с которой он столь неожиданно встретился. Ещё с тех времен, когда он был искренне-верующим православным, Андрей Вячеславович знал, что такие книги в доме держать нельзя или, говоря точнее, очень нежелательно — ни христианину, ни кому-либо другому, — из-за того, что вокруг подобных книг вьётся нечистая сила, а также из-за того, что, читая подобные книги легко вступить в контакт с демонами или подпасть под их сильное вредоносное влияние. Признаться, Кураеву было нехорошо, когда он рассматривал эту колдовскую книгу — так, у него начала болеть и кружиться голова; а потом он вообще упал, лишившись сознания. Правда, упал он и лишился сознания не собственно из-за книги, а из-за того, что, читая книгу, вспомнил о том, что с ним произошло раньше. Но с другой стороны... с другой стороны ведь можно рассудить и так: раз эта книга как бы «сама пришла» к нему, к Кураеву, и раз эта книга так тесно связана с его жизнью, с тем, что с ним произошло, а именно с нападением на Кураева тринадцати архидемонов с их легионами во главе с Мастурбокароном и, в конце концов, с тем, что Кураев стал геем — то почему бы не взять эту книгу, чтобы разобраться со своей жизнью поподробнее? Ведь получается, что кто-то же да наслал на него эти тринадцать легионов не по чему иному, как именно по этой самой книге? Кураев долго размышлял, взвешивал все «за» и «против» и, наконец, поддался «искушению» купить эту странную книгу.

Андрей Вячеславович сказал книготорговцу сколько, по его мнению, примерно может «по-настоящему» стоить «Блудодемоний». Однажды Кураев бродил по букинистиче-

ским магазинам и натолкнулся на магазин с древней магической литературой, куда и зашёл для интереса. Там-то он и узнал, сколько примерно могут стоять книги, подобные «Блудодемонию». Торговец согласился с ценой, названной Кураевым, и Андрей Вячеславович купил книгу. Впоследствии, правда, Кураев не оставил эту книгу себе — он передал её в библиотеку Оксфордского университета; однако же перед этим он переснял всю книгу фотоаппаратом, пригласив для этого профессионального фотографа, и оставил снимки книги у себя.

Покупка книги и потрясение, связанное с находкой книги и с тяжёлыми и болезненными воспоминаниями, всплывшими у Кураева при просмотре книги, выбили в тот день Кураева из обычного ритма жизни. Андрей Вячеславович решил отдохнуть и расслабиться и для этого отправился в ресторан. Там он заказал себе для дегустации около полтора десятков вин и около двух десятков плесневелых и вонючих сыров. Только к концу поедания и выпивания всего этого он почувствовал себя немного лучше. После этого, сидя в ресторане и слушая музыку, он начал размышлять о том, что с ним произошло в связи с тем, что ему вспомнилось и в связи с тем, что он сегодня узнал из колдовской книги.

— Что же... похоже и в самом деле собралось тринадцать негодных священников где-то в районном центре — скажем, в Сибири, — и отслужили там в храме по мне чёрную мессу. Может быть, даже с ведома одного или нескольких епископов, стоящих на второстепенных или даже третьестепенных ролях. Совсем они там, видно, рехнулись! И вот — что же теперь? Теперь я — гей! Есть, похоже ещё у кого-то такая же книга. Ведь, во-первых, у меня всего лишь список с «Блудодемония» — а где, спрашивается, оригинал? И, к тому же, Марогор мог сделать не один список, а несколько. И, к тому же, кто может дать гарантию, что у Велеслава не было других учеников, которые тоже делали списки? И кто может поручиться, что никто не делал списков с этих списков?!

Андрей Вячеславович не мог и допустить, что в чёрной мессе и в призыве архидемонов участвовали не какие-то провинциальные священники, а двенадцать митрополитов с ещё одним, тринадцатым, епископом, который был ни кем-нибудь, а самим Патриархом. Не мог он допустить и того, что месса эта происходила не где-нибудь в районном центре, в глуши, а в Москве, в самом Елоховском соборе!

Далее Кураев перешёл к рассуждениям о Боге. Андрей Вячеславович совсем не верил рассказу «Блудодемония» о том, что будто бы Мастурбокарона боялись и трепетали ангелы Божии — вплоть до серафимов и херувимов включительно; не верил он и рассказу «Блудодемония» о том, что будто бы от рыка дракона, на котором восседал Мастурбокарон, и от языков пламени, исходявшим из уст этого дракона, потрясаясь сам престол Бога на Небесах. Кураев считал всё это пустым бахвальством и надувательством. Кураев придерживался вполне православного представления о Боге, а именно: он считал, что могущество всех демонов — ничто или почти ничто по сравнению с могуществом Бога. И поэтому объяснять то, что с ним произошло какой-то особой мощью демонов — это Кураеву представлялось в корне неверным. Мощь демонов тут была не при чём. Всё дело было в Боге...

— Всё дело в Боге... — рассуждал про себя Кураев. — Если бы Он не предал меня, не перестал защищать, не нанёс бы по-подлому удар в спину — ничего бы и не было! А демоны? Что демоны?! Им на роду написано так поступать! А что касается Бога — то Он, скорее всего, смотрел с высоты своего небесного Престола на то, как демоны уничтожали меня — смотрел подобно тому, как древние кровожадные римляне смотрели на рабов, терзаемых кровожадными же зверями, смотрел и забавлялся этим зрелищем, загодя запасшись поп-корном... И, хлопая в ладоши, хохотал, хохотал, хохотал...

Тут Кураеву захотелось высказать Богу всё то, что он, Кураев, о Нём думает — высказать так, как это уже было сделано им раньше, давно, в Троице-Сергиевой Лавре, возле мощей преподобного Сергия... Но Андрей Вячеславович вспомнил мысли, пришедшие ему в тот день, когда он возвращался из Лавры домой после исповеди у старца Наума и

после причастия, после того, как он «высказал Богу всё, что о Нём думает»: «Противоположностью любви является не ненависть, а забвение... Полное забвение...».

— Противоположность любви — не ненависть, а забвение... Полное забвение... — повторил вслух, не очень громко Кураев, а затем подозвал официанта и заказал себе ещё вина и сыров.

Пока официант приносил заказ, Андрею Вячеславовичу вновь вспомнилось видение демонов во главе с Мастурбокароном. Кураев достал из сумки купленную у букиниста книгу, чтобы ещё раз сравнить увиденное с тем, что было изображено в книге. Да, сходство было явное и несомненное. Рисунок, конечно, был выполнен весьма несовершенно — как и положено для рисунка в книге двенадцатого века — но очертания демона и в особенности выражение его лица на рисунке были схвачены и переданы удивительно точно. И тогда Кураев понял по рисунку, что Велеслав или, может быть, его ученик, переписывавший книгу, действительно лично, сам видел Мастурбокарона — по крайней мере, в одном из тех зраков, которые этот демон мог принимать.

10. Обитель богов

Наконец, заказ был подан. Выпив и закусив, Андрей Вячеславович успокоился. Почти совершенно. И в этот момент в ресторан зашёл клирик Шотландской епископальной церкви Англиканского сообщества, епископ Эдинбургского диоцеза Достопочтенная⁸ Диана Флетчер, открытая лесбиянка, живущая со своей подругой в церковном браке, ставшая епископом всего с месяц назад. Достопочтенная Диана издалека завидела Андрея Вячеславовича и сразу же его узнала. Кураев теперь был знаменитостью и не воспользоваться случаем для неё было непозволительно. Диана Флетчер подошла к столику, за которым сидел Кураев и попросила присесть, что Андрей Вячеславович любезно ей позволил. Дальше Диана заказала себе выпить и закусить и, в ожидании исполнения заказа, разговаривала с Кураевым.

Андрей Вячеславович не раз видел храм, в котором служила Диана, когда та была ещё не епископом Эдинбурга, а простым священником, а затем — деканом — то есть настоятелем. Кураев проезжал этот храм, стоявший почти на самой окраине города, всякий раз, когда отправлялся из своего замка на прогулку или по делам в Эдинбург. Кураев из местных газет знал, что Диана никогда не скрывала своих сексуальных предпочтений; она и рукоположена в священники была, уже состоя в открытом браке со своей подругой. Стать епископом Диане помогло то, что женщины и, в особенности феминистки, давно пытались протолкнуть в епископы своего человека, женщину же. Однако посвящение открытой лесбиянки в епископы вызвало в Шотландской епископальной церкви недовольство традиционалистов. Из-за этого положение и авторитет Дианы были довольно хрупкими. Чтобы укрепить положение Дианы как епископа, как это недавно прочитал Кураев в газетах, с ней решил встретиться Архиепископ Кентерберийский. Сейчас Диана вернулась домой, в Эдинбург, именно с этой встречи.

⁸ Дословный перевод обращения к клирикам церквей Англиканского сообщества такой: священник — Почтенный (The Reverend); декан (dean) или, иначе говоря, священник-настоятель храма — Препочтенный (The Very Reverend); епископ — Досто(йно)почтенный (The Right Reverend); архиепископ — Наипочтеннейший (The Most Reverend). Архиепископ церквей Англиканского сообщества соответствует митрополиту Русской Православной Церкви или архиепископу Элладской Православной Церкви (в Русской Православной Церкви титул митрополита выше титула архиепископа, в Элладской — наоборот). Митрополитов в церквях Англиканского сообщества нет. Более привычный перевод титулов такой: Преподобный, Высокопреподобный, Преосвященный и Высокопреосвященный соответственно. Главы церквей Англиканского сообщества являются архиепископами; такой архиепископ по сути равен Патриарху в православных церквях — как, например, Архиепископ Кентерберийский.

— Как прошла встреча с Архиепископом Кентерберийским? — поинтересовался у Дианы Кураев. — Ваше положение упрочилось? Традиционалисты теперь не будут столь сильно беспокоить вас?

— Все прошло как нельзя лучше! — ответила Диана. — Я и не думала, что Наипочтеннейший до такой степени разделяет мои взгляды на женское священство, на браки геев и лесбиянок и на феминизм! Он достаточно современный по взглядам человек, хоть уже и давно в пожилых летах! Его поддержка была мне очень необходима. Кстати — можно ваш автограф?

Кураев уже давно привык к тому, что у него повсюду просят автограф и почти автоматически расписался в блокноте Дианы.

— Послушайте, Андрей Кураев, — спросила далее Диана, — я слышала, что раньше вы были диаконом Русской Православной Церкви и даже миссионером. Сан с вас сняли за то, что вы гей. Но всё равно — разве не осталось у вас веры в Бога? И почему среди ваших произведений нет ни одного духовного? Правда, вы написали музыку к фильму «Ночь вампиров» — эту знаменитую мелодию, под которую охотники на вампиров во главе с католическим священником-отщепенцем готовятся на бой, готовятся войти в огромный подземный город... Но ведь вряд ли это можно назвать духовной музыкой — не так ли? Неужели вы больше не верите в Бога?

— Хотел бы я больше не верить в Него... — сказал, опустив голову Кураев. — Тогда всё было бы так просто... Но дело у меня хуже... Гораздо хуже...

— То есть вы знаете, что Бог есть? Почему же у вас не видно никакой религиозности? Ведь за вами — русская и православная традиция. Русская духовность... Утончённое восточное богословие и философия... Василий Великий, Палама... Афон, монахи-пустынники, исихизм... Достоевский...

— Диана... Что по-вашему является противоположностью любви?

— Ненависть? Ну конечно, ненависть!

— Многие так думают. Но я согласен с теми, кто считает, что это не так.

— Тогда что же?

— Забвение, Диана... Полное забвение...

— Да... Это необычная мысль. И в ней, по правде сказать, что-то есть... Но почему вы решили забыть Бога? Ведь Он любит всех! Из-за того, что церковь сняла с вас сан за вашу сексуальную ориентацию?

Кураев, услышав эти слова, изумился: ему показалось, что в голове у Дианы имеется какое-то странное разделение между церковью и Богом — в особенности же по вопросу об отношениях к геям. Далее Кураев вспомнил слова Библии про геев и, в особенности, про предписание убивать их и изумился ещё больше: неужели Диана, епископ, не читала толком Библии? Конечно, — думал Кураев, — она начиталась всяких феминистических и лесбийских книжек, а они «гнут свою линию» — но разве можно «гнуть свою линию» до такой степени отрыва от реальности? «Гнуть» Вопреки фактам и очевидности?

— Послушайте, Диана... Вы что — Библии не читали? — спросил Диану Кураев. — Вы что, не знаете, что в Библии написано про то, как надо относиться к геям? И, в частности, про то, что их нужно убивать? То есть будь вы мужчиной, ваша паства, действуй она по-библейски, вместо того, чтобы слушать ваши проповеди должна попросту взять и прикончить вас! Чтобы Господь Бог не попалил ваш родной Эдинбург и всю Шотландию небесным огнём, подобно Содому, или не наслал на неё какой-нибудь чумы...

Диана усмехнулась, пожала плечами и сказала:

— Читала, конечно... Знаю... Но это было в Ветхом Завете. А потом пришёл Христос и отменил его. Пришёл Христос со своей любовью — и для всех настала эпоха любви. К тому же тогда люди были отсталые. Они в подобных вопросах мало что понимали. Что они там знали про космос? Есть плоская земля, окружённая водами океана, над ней — твердь, как купол накрывающая её... на тверди — Солнце, Луна и звёзды... А рассказ про то, что якобы жена ввела в соблазн мужа у Древа познания Добра и Зла — так это вообще

сексизм и унижение женщины. Евреи не только у шумеров мифы всякие украли о творении мира и происхождении бедствий и болезней и дали этим мифам монотеистическую интерпретацию — они же ещё и женщину как унизили! Унизили так, как у шумеров её не унижали! Ужасный примитив. Ужасная мужская злоба и сексизм! А теперь у нас есть наука. Она со всеми этими половыми проблемами разобралась. У нас есть философия, которая провозгласила равенство. И у нас, конечно, есть любовь, которую принёс Христос. Раньше была одна эта любовь, а теперь ещё — наука и философия, эти дары западной цивилизации всему миру. И, конечно, у нас есть свобода и выбор! И это круто!

Кураев изумился подобному ходу мыслей и, не вполне себя контролируя, стал с удивлением смотреть на Диану, широко раскрыв глаза, — словно эта Диана была не обычная западная феминистка и лесбиянка, а загадочное и уникальное существо с какой-то другой планеты... «Это удивительно! — думал Кураев. — Как просто у неё в голове решены все эти чёртовы «проклятые вопросы»! Она даже, по-видимому, толком-то и не видит ни один из них! То есть для неё никаких «проклятых вопросов» тут вообще нет!». Наконец, Кураев понял, что так рассматривать собеседника неприлично и опустил глаза. В это время официант принёс заказ Дианы и стал расставлять тарелки на столе. Это вызвало вынужденное затишье в разговоре. Во время него Андрей Вячеславович невольно вспомнил запись речей православных священников на слёте православной молодёжной организации «Святая Русь», переданные ему таинственным доброжелателем в московском супермаркете на флешке... а затем он, естественно, вспомнил только что сказанные слова Дианы про любовь, которую принёс Христос, а также про науку и философию... и, вспомнив всё это, Андрей Вячеславович горько усмехнулся и поморщился...

Наконец, официант ушёл и можно было свободно говорить.

— Знаете, — сказала Диана, — когда я ещё была священником, как-то в Лондоне один католический епископ пригласил меня в храм, на концерт духовной музыки. Там же у них орган! И вот, уже после концерта, этот епископ разговорился со мной и стал сетовать на то, что такие таланты, как Моцарт растрачивали своё искусство на житейские и низменные вещи вроде опер про любовные похождения и интриги, в то время как их искусство должно было принадлежать целиком Богу и прославлять Его. Я не придавала этим речам значения, но теперь, увидев именно такого человека, о котором говорил этот епископ, кажется, поняла, что он имел в виду...

Кураев на это улыбнулся и сказал:

— А как же это — последняя ария Анхиса из «Ио»?

И тут он начал петь эту давно ставшей знаменитой арию:

— Пусть прокляты все боги будут,
Что правят над людьми насильем
И правду подавляют ложью
И ни во что любовь вменяют смертных,
И следуют своей презренной страсти,
Что забавляются людскою мукой,
В блаженстве свой нектар вкушая...

— Это ведь вы должны знать? — спросил Кураев Диану. — А ещё — а ещё ведь вы, наверняка, слышали «Прометея»? Как же вы говорите, что я про богов не пишу?

— Это про языческих богов... Да и потом: боги какие-то у вас не такие... с не очень благовидными деяниями...

— Уж какие есть. По крайней мере, я стараюсь быть правдивым... Знаете, чему учили гностики? Что человек и наш мир — это уродливое и злое творение уродливого же и злого бога... И, прежде всего, всё это уродливо и зло в нравственном отношении... И я на старости лет всё больше и больше склоняюсь к этому мнению. Кстати — чем выше во

власти человек, тем он, по-видимому, больше похож на этого бога... Так уж этот бог выбирает своих любимчиков. По своему образу и подобию...

— И что — я — тоже? — изумилась Диана.

— Ну что вы... Нет. — улыбнувшись, сказал Кураев полушутя и полушутя же продолжил: — Сами подумайте: какая вы власть? Вы ведь пока ещё не освоились в епископстве и по-прежнему душой — настоятель храма в отдалённом пригороде в современной западной демократии; а это что-то вроде наполовину вожатого для скаутов, наполовину — сиделки для инфантильных взрослых, а наполовину — артиста, развлекающего почтенную публику по выходным и праздникам... Какая же это власть? Но у вас есть все возможности для роста!

Диана засмеялась и сказала:

— И что — по-вашему всё так безысходно и мрачно? Те же гностики верили, что этот наш мир — ещё не всё сущее; они считали, что есть место и для хороших богов — правда, оно вне нашего мира, где царствует злой бог, — и что туда, в мир этих хороших богов, можно попасть...

— Мне хочется верить, — ответил Кураев, — что вне нашего мира есть обитель богов света и любви, неподвластных богу этого мира; и что отзвуки этих света и любви иногда долетают до нашего мира и проникают в него... и что моя музыка содержит хотя бы несколько искр этих отзвуков. Но порой я думаю, что все эти надежды — всего лишь плод воображения моего больного мозга. И если это так — тогда действительно незачем жить, тогда лучше быть мёртвым и никогда не родиться; и если есть буддийская нирвана, то надо приложить все силы, чтобы уйти в неё. И это гораздо лучше, чем жить так и подчиняться законам такой жизни. А ещё мне кажется, что эти боги света и любви намного, намного слабее и, может быть, даже намного младше бога этого мира — в противоположность тому, о чём учили гностики и манихеи. И что эти боги с трудом удерживают от падения даже свою собственную обитель. И что проникать им в этот мир... и не только им самим, богам, но даже проникать отзвукам того мира в наш мир — очень и очень трудно. Это что-то вроде прыжка в пасть льву, что-то вроде смерти на за несколько сказанных слов, если хотите...

— Так, по-вашему, боги добра родились от бога зла? И слабее его? Как же тогда Он не победил их? — спросила Диана.

— Может быть, они и родились от бога зла. А, может быть, и нет — может быть, они, как и Он, были всегда. Чего удивительного в нескольких началах для философии?! А, может быть, они просто позже зародились в сущем... Ведь и первобоги во главе с самым первым из них — Хаосом, по гесиодовской «Теогонии», не рождены от других богов, но как-то зародились во вселенной... Кстати. По той же «Теогонии» боги света и дня родились позже богов мрака и ночи. Да и среди первобогов Хаос, — то есть Беспредельная Пустота, — и Тартар появились раньше Эроса... — и Кураев стал цитировать «Теогонию»:

Прежде всего во вселенной Хаос зародился, а следом
Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный,
Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах глубоких,
И, между вечными всеми богами прекраснейший, — Эрос
Сладкоистомный — у всех он богов и людей земнородных
Душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает.
Черная Ночь и угрюмый Эреб родились из Хаоса.
Ночь же Эфир родила и сияющий День, иль Гемеру:
Их зачала она в чреве, с Эребом в любви сочетавшись...

— Почему же этот бог зла и уродства не победил богов света и любви, если Он сильнее? — спрашиваете вы... — продолжал Кураев. — Ну, может быть, не настолько он

сильнее, чтобы победить их окончательно. Если направить один водный поток на другой, менее сильный, то у последнего будет оставаться небольшой участок возле истока, где он всё равно будет преуменьшать более сильный поток. А слабая армия может так построить оборону, что сильная армия не рискнёт напасть на неё, боясь слишком больших потерь. Где-то так мне и представляется эта обитель богов...

— Но как же зло и тьма у вас рождает добро, любовь и свет?

— Ну, может быть, речь не идет об абсолютном зле и абсолютной тьме; там есть проблески света, любви и добра... Из них, как из семян, может быть, эти боги и родились. К тому же и в мире богов может происходить много удивительного и случайного. Вы знакомы с теорией о том, что все, что мы видим и мы сами, все боги — это лишь сон, снявшийся верховному богу?

— Да.

— Вот, нам сняться кошмары, снятся ужас и зло. Представьте себе, что всё это может воплощаться в жизнь и получать своё, независимое от нас, бытие, «рождаться из наших снов». А теперь представьте, что злему Богу приснились «добрые кошмары» — то есть приснились свет и любовь, которые для Него — как кошмары для нас; приснились и «родились из Его сна» и стали жить сами по себе — так, что Он потерял над ними власть... Это похоже на то, как если бы боги-дети, пожранные завистливым и злым богом-отцом, — вспомним Урана и Крона — восстали бы внутри него, распоролы ему чрево и вышли наружу, получив свободу от тирании отца... Но всё это, все эти речи про сны, про проглоченных детей — это, скорее, не философское, а поэтическое и мифическое объяснение... Это, скорее, художественный образ...

— Вы очень странный... — сказала Диана. — Приходите к нам! Приходите в наш Кафедральный собор Пресвятой Девы Марии! Может быть, вы перемените своё мнение...

Кураев улыбнулся и сказал:

— Один древний мудрец как-то говорил, что в одну и ту же воду нельзя войти дважды... А вы, как кажется, предлагаете что-то подобное... Вы хотите, чтобы я снова стал, скажем, восторженным юношей-студентом Оксфорда с незапятнанной биографией, перед которым открыты все возможности и весь мир... Вы хотите, чтобы я на многое закрыл глаза и многое забыл — как будто бы всего этого и не было...

— Но ведь у вас, в России, — одно, а у нас — другое. Вот, например, я — женщина и лесбиянка. Ничего страшного для меня нет — спокойно живу себе епископом в Эдинбурге! Нельзя по одному примеру делать заключение обо всём христианстве.

Кураев на такие слова лишь горько улыбнулся. Он, конечно, знал, что должен ответить в таких случаях настоящий православный, а именно, что истинно-православный и «срать бы на одном поле не сел» с англиканином и что англикане — еретики и потому вообще не христиане и даже хуже язычников. Он, конечно, всё это знал — но не хотел обижать миловидную собеседницу открытием ей горькой правды о том, что думает о церквях Англиканского сообщества сообщество церквей православных. Поэтому Андрей Вячеславович искал способа сказать всё это как-то поделикатнее.

— Знаете, — молвил Кураев, — а православная церковь учит, что только она — настоящая и что к вам ходить нельзя... Так что знаете — то, чему учит православная церковь, в которой я вырос, — это для меня и есть единственное истинное христианство. И для меня получается, что туда-то вы мне и предлагаете вернуться... Собственно, будь я сейчас православным активистом, я должен бы был агитировать вас покинуть вашу церковь и стать православной, чтобы вас другие православные прикончили за ваши сексуальные предпочтения...

— Я вас понимаю. — сказала Диана. — Фундаментализм, фанатизм, чувство собственной исключительности и собственного величия, нетерпимость, тоталитарный строй, геефобия... Вы от этого отошли и не хотите возвращаться обратно. И всё это у вас ассоциируется с христианством. Но вы всё-таки заходите к нам! Или к католикам! Ведь Бог призывает каждого человека и зовёт его к Себе до самой последней его минуты. Вот, вы

не верите в благого Бога и в Его Промысел — но что если Он Сам явиться вам, как явился Иову? Что вы тогда скажете Ему? И что вы скажете Ему после смерти, когда явитесь к Нему на суд? Что вы будете делать, когда встретите Бога или когда Он Сам встретит Вас? Что будет тогда? Почему вы бежите от Него?

Кураев задумался и ответил:

— Вы не вполне поняли меня. Я вовсе не укрываюсь от Бога и не бегу от Него. И я всегда готов изменить о Нём своё мнение. Я не твердолобый догматик. Но для этого изменения нужны причины — слишком уж много у меня накопилось вопросов к вашему Господу Богу. Вот, вы спрашиваете, что будет, если я встречу Его... Что вам сказать? Если мы повстречаемся, тогда для перемены моего мнения Ему придётся основательно объясниться. И я порой всё ещё жду этих объяснений...

— Послушайте! — сказала Диана. — Вам кажется, что Бог — какой-то злодей; для вас он выглядит как злодей и действует как злодей... Но это всё не так! Вам только кажется так из-за слабости вашего человеческого восприятия и из-за ограниченности способностей вашего человеческого ума! Вы рассуждаете по-человечески... Но всё это на самом деле не так! И, к тому же, вы не можете понять Его Промысел...

— Диана, если кто-то выглядит для меня, человека, как злодей и действует для меня, человека, как злодей — то это для меня, человека, и есть злодей. И как можно упрекать меня, человека, в том, что я чувствую и мыслю по-человечески и, как человек, чего-то не понимаю? Как ещё я могу и должен чувствовать, понимать и мыслить? И разве мне, человеку, можно поставить в вину то, что я чувствую, мыслю и понимаю по-человечески? Поймите это! Поймите меня! — с грустью в глазах молвил Кураев. — И что вы мне — посоветуете забыть всё, что со мной произошло или делать вид, что я забыл обо всём, что со мной было?!

Наступили неловкие секунды молчания. Кураев даже пожалел, что выразился столь резко. Диану, хотя та и была самым настоящим епископом Шотландской епископальной церкви, он, скорее, воспринимал не как епископа, а как несмышлёного ребёнка и как одну из своих студенток. И в самом деле — ей недавно исполнилось тридцать, но выглядела она значительно моложе.

— А знаете, — молвил Кураев, желая сменить тему разговора, — знаете, что я обнаружил здесь, в Шотландии? Что здесь нет приличных родных плесневелых и вонючих сыров!

Кураев и Диана поговорили ещё о каких-то пустяках, доели то, что им принесли официанты и разошлись. А затем Кураев поехал к себе домой, в Броксгейт.

Вечером этого же дня Кураев сидел в своём рабочем кабинете и писал новую оперу по произведению Толкиена — «Берен и Люттиэн». Кураев готовил новинку к началу Второго большого Кураевского тура, который должен был стартовать спустя полгода. Кстати — Андрей Вячеславович задумал написать не только оперу «Берен и Люттиэн», но и балет. Солнце зашло и наступила ночь. Кураев устал, но дело не отпускало его. Тогда он решил немного передохнуть и полазить по Интернету. Зайдя на сайт одной из эдинбургских газет, он с удивлением обнаружил фотографию себя и Достопочтенной Дианы Флетчер в ресторане. На фото он и Диана мирно сидели за столом и о чём-то беседовали. Из подписи под фото было ясно, что корреспондент газеты случайно оказался в ресторане и сумел заснять редкий кадр — Короля Оперы, беседующего с новым епископом Эдинбурга. Через день эту фотографию позаимствовали себе многие поклонники музыки Кураева и разместили её в своих блогах и на своих сайтах. А ещё через день эту же фотографию перепечатали *The Times* и *The New York Times*. А спустя ещё день фото добралось до России — «Русская линия», «Русский вестник» и «Третий Рим» привели фото, одновременно опубликовав вместе с ним статью доктора филологических наук дьякона Владимира Васильского под названием **«Эдинбургский пидор и Эдинбургская кавырка-еретичка нашли общий язык»**. Запад вообще и Соединённое Королевство в частности клеймились в статье как новый Содом; на голову Содомлян призывались огонь небесный и громы и мол-

нии; там же, в этой статье, приводились какие-то странные пророчества о гибели Великобритании в водах атлантического океана, а также заявления о том, что Россия не боится войны. В случае необходимости, — говорилось в статье, — Россия не дрогнет, даже если придётся испепелить весь мир в очистительном огне ядерного пожара, который, как утверждал диакон, возможно, и будет тем самым карающим Господним небесным огнём для богомерзких содомлян. Разумеется, значительное место в статье уделялось биографии Дианы Флетчер и её сексуальной ориентации, а также падению сообщества Англиканских церквей, допускающих не только женское священство вплоть до сана епископа, но и браки геев и лесбиянок. Диана в статье именовалась «кавыркой» более двадцати раз, в то время как Кураев «петухом» и «пидором» — всего лишь семнадцать! Кураев, разумеется, именовался в статье не только так, но ещё и «предателем Родины», «растленным негодяем» и тому подобными эпитетами; его музыка проклиналась как бесталанная, бездарная, педерастическая и растлевающая; молодежи рекомендовалось не слушать её.

— Ароматы Родины... — задумчиво протянул Кураев, прочитав эту статью. — Их ни с чем не спутаешь!

Кураева давно уже не раздражали подобные статьи; они, скорее, забавляли его и возвращали ему молодость. Читая эти статьи, он вспоминал Советский Союз времён борьбы с врагами народа, диссидентами, джазом и «Битлз»; он вспоминал времена застоя и вспоминал себя молодого и своих родных, вспоминал вездесущее КГБ, партийные и комсомольские собрания, первомайские демонстрации, русскую службу «ВВС», а также многое, многое другое и посмеивался.

11. Пульса де-нура

В следующие недели и месяцы Андрей Вячеславович продолжал писать свои произведения и готовиться к своему новому всемирному туру. Он побывал за это время в Лондоне, Париже, Берлине и нескольких городах Италии. Российская пресса и прочие СМИ — особенно патриотические — не жаловали его. Он по-прежнему играл на их страницах роль главного злодея, изменника и грешника, жизнь которого имела inferнальный оттенок, роль эдакого «генератора зла», на большое расстояние от себя излучающего тлен, грех, распад и смерть. Его музыка тоже не жаловалась.

Логично бы было ожидать, что изумительность и возвышенность музыки Кураева, его талант и даже гений, православные и церковь в России припишут Дьяволу, который неземным и нечеловеческим искусством своим сеет соблазны, не отнимая, однако, у этой музыки присущей ей красоты, великолепия, гармонии и изящества. Но почему-то всё это, весь то ли кураевский, то ли дьявольский гений, почти всегда начисто отрицался: одни российские и православные критики — в особенности же патриотические — ругали музыку Кураева за грубость и низменность формы, достаточно хорошо при этом отзываясь о содержании; другие, наоборот, — за худость и ничтожность содержания при совершенстве формы; третьи же, самые хитрые из них, признавали и совершенство формы, и совершенство содержания, но, однако, настаивали на том, что они сильно не соответствуют друг другу, диссонируют друг с другом, что портит все или почти все кураевские произведения до полной невозможности их воспринимать утончённому слуху и утончённому вкусу музыкальных критиков. Наконец, четвертые, совершенно опустившиеся критики, преданные донельзя политике правящей партии и «линии церкви», хулили в музыке Кураева всё: и, форму, и содержание, и их связь и соотнесённость друг с другом; музыкальные же успехи Кураева они объясняли следующим образом: когда дрянная и негодная форма соединяется с дрянным и негодным же содержанием, то при этом случайным образом изредка возможно возникновение удивительно-гармоничного соответствия и соотнесённости одного дрянного другому, дрянному же. Эта-то случайно возникающая иногда совершен-

ная гармония дрянного с дрянным, уродливого с уродливым, как поясняли эти критики, и есть то, что многими воспринимается как «тайна кураевского гения».

Надо сказать, что после награждения Кураева орденом Британской империи музыка Андрея Вячеславовича в России стала официально запрещенной; до этого, правда, она тоже долго была запрещённой — но неофициально. После же нового запрета препоны к тому, чтобы слушать произведения Кураева в России, стали поистине грандиозными и удивительными. Так, Кураев совместно с одним другим известным на Западе композитором обычно вместе писали музыку к киносериалам «Звёздные войны», «Конан-варвар», «Новый Фантомас», «Бэтмен», «Люди Х», «Коридоры времени», «Пираты Карибского моря» и «Остин Пауэрс»; кроме того, Кураев написал музыку единолично ко многим другим фильмам и сериалам, менее известным. Когда эти фильмы официально доходили до кинопроката и трансляции по телевидению в России, то они переозвучивались полностью так, что кураевская музыка в них всегда заменялась творениями российских композиторов. Эти странные действия мотивировались тем, что творения Кураева развращают и растлевают российскую молодёжь, пропагандируют содомию и измену Родине, отказ и отрыв от традиционалистических ценностей, ненависть к православию, сатанизм, отказ от жертвенности и любви к Родине и ещё многое чего другого. С подобным осуждением музыки Кураева особенно часто выступали всякие «комитеты за нравственное возрождение отечества» и «припрезидентско-пригубернаторские советы по культуре и патриотическому воспитанию», в которых огромную долю занимали представители Русской Православной Церкви — зачастую, в лице таких людей, как «православные активисты».

Интересно, что для предотвращения просмотра фильмов с музыкой Кураева в иностранной озвучке российское министерство культуры пошло на такой шаг, как возрождение советской школы дубляжа. После этого перед российскими кинозрителями ребром встал вопрос: смотреть фильмы с любительским одноголосным или двухголосным переводом и слушать музыку Кураева или же смотреть этот же фильм с очень качественным синхронным дубляжом и музыкой российских композиторов.

С того момента, как музыка Кураева была официально запрещена в России, в консерваториях идеологически правильные преподаватели стали разъяснять студентам всю гнусность, мерзость и тлетворность музыки Кураева. Им обычно говорилось, что, многие ценят Кураева за то, что он, мол, для них — столп классической музыки вроде Гайдна или Моцарта, как будто живший в их времена, научившийся у них своему мастерству и ставший равным им, но на самом деле это вовсе не так. И далее шли уже сказанные слова про форму, содержание и их соответствие друг другу. После того, как преподаватель подходил к конечной точке и раскрывал перед слушателями незамысловатую «тайну кураевского гения», он обычно становился в красивую нравоучительно-назидательную позу и прославлял «истинных талантов и гениев прошлого и современности», которые «не в пример Кураева более талантливы». И одним из таких гениев современности неизменно оказывался никто иной, как митрополит Илларион Алфеев.

Тем не менее, студенты консерваторий слушали и играли музыку Кураева — конспиративно. Андрею Вячеславовичу через Интернет даже стало доподлинно известно, что за такие дела троих студентов выгнали из Санкт-Петербургской консерватории и двоих — из Московской. А еще на youtube'е он собственными глазами видел, как любительский оркестр, игравший субботним вечером в одном из московских Парков Культуры и Отдыха его тему из седьмой серии «Конана-варвара», был жестоко разогнан полицией, которая была натравлена на музыкантов православными активистами. Эта полиция на фоне церковных хоругвей разбивала скрипки об головы музыкантов, одевала им на головы барабаны и орала, что засунет этим «игрокам» в жопу их трубы и контрабасы, если они не перестанут растлевать молодёжь «дерьмом этого чёртова пидараса Кураева».

Месяца за полтора-два до начала великого поста, просматривая просторы российского Интернета, Кураев узнал, что из-за болезней архимандрит Илий перестал быть духовником Патриарха Кирилла. Кураев также прочитал, что в новые свои духовники Его

Святейшество взял архимандрита Троице-Сергиевой Лавры оца Наума, известного на всю Россию и за её пределами народного наставника, утешителя, учителя и, по всеобщему признанию, прозорливца. Старец же Илий куда-то делся. Некоторые говорили, что он лечится где-то зарубежом — то ли в Германии, то ли в Израиле.

Второй большой Кураевский тур по всему миру должен был начаться со второго воскресенья великого поста. Именно в этот день в Ковент-Гардене должна была состояться премьера оперы Кураева «Берен и Лютиэн». По планам второй тур должен был продлиться почти полтора года. Шла первая неделя великого поста и наступило первое воскресенье, день «торжества православия», когда в каждом храме должен совершаться чин торжества православия, в котором предаются анафеме всякие еретики, отступники и враги православия, а также всякие ереси и лжеучения. Андрей Вячеславович узнал, что чин торжества православия, совершаемый в Храме Христа Спасителя, будет транслироваться в прямом эфире по первому каналу российского телевидения — то есть будет транслироваться на всю страну. Это заинтересовало Кураева и он решил посмотреть трансляцию. Ничто не предвещало чего-то необычного... Каково же было удивление Кураева, когда он услышал возглашаемую ему анафему!

Перед чином торжества православия на амвон вышел сам Патриарх Кирилл и сказал проповедь; в основном речь шла о тлетворном влиянии Запада и либерализма, о насаждении Западом ложных ценностей через свою культурную гегемонию, а также о необходимости теснее сплотиться вокруг церкви, правящей партии и Президента, благодарованного вождя. А после этого на амвон вышел дьякон с очень низким басом и стал совершать упомянутый чин. Сначала шли привычные всем анафемы, а в самом конце неожиданно для всех прозвучала особая анафема в адрес Кураева:

«
Страх Господа Бога Вседержителя презревший, час смертный, судный день и грядущее воздаяние грешникам забывший, святую веру православную и установления матери-церкви отвергнувший и клятву быть ей верным, уподобясь Иуде, поправший, еще же и Родине, и присяге воинской изменивший и тако к врагам Отечества переметнувшийся и паки уподобившийся тем Иуде и Дафану с Авироном, подлый смерд и холоп пидор Ондрюшка Кураев, мужеложеством своим землю Божью сквернящий и огонь геенский с огнем небесным жупельным и камнями пылающими на нея навлекающий, и Сатане с бесами содомским смешением своим в рот и жопу служащий, и мусику содомскую гораздым дудцам творящий, да те невежд прельстят грехом сим чрез дьявольское скверноблагозвучие, всем известный презьестественных блудных грехов треклятый поборник и проповедник, избранный друг и раб Сатанин, пидор презакосневший и презаматоревший в делах своих пидорских, клятвопреступник, на землю Русскую и веру православную зло замышляющий, душепагубный вор и разбойник, изменник и переметчик и всего мира содомскими грехами развратитель превзошел ныне меру грехов, злодеяний и беззаконий своих и меру долготерпения Божьего!

Сего ради мы, архиереи Божьи, имеющие власть вязать и решить и приявшие ея от Самого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, рекшего апостолам: «яже аще свяжете на земли, будут связана на небеси, и яже аще разрешите на земли, будут разрешены на небеси», дерзновенно и громогласно глаголем и возглашаем, ограждая стадо Христово от злокозненного оногo волка и пидараса: властью, данной нам Богом, растленный и согнивший уд Ондрюшка Кураев, да не все тело церковное погибнет, да будет отсечен от церкви и предан Сатане во измождение плоти и духа!

ТреклЯтому пидору и мужеложцу Ондрюшке Кураеву, всескверному и богопротивному людей развратителю и соблазнителю, пидорского мудрствования учителю, рабу и слуге демонов, сыну Сатанину, адскому псу, неукротимому волку, ругателю Евангелия Христова, растлителю христиан, змию безумному и безглавому, зверю, губящему тела людские и сквернящему души их и в пропасть ада их посылающему, яко явно обнаружив-

шему себя вору спасения людского, яко неукротимому разбойнику, на души христиан и на веру христианскую посягающему, яко слуге пидорского нечестия и разврата — за все сии злые и греховные слова и дела его — анафема и проклятие навек трикраты и от нас, смиренных рабов Божьих, и от всей полноты стада Христова, а такжеже предание Сатане во измождение плоти и духа! Да будет он трикраты проклят подобно Дафану и Авирону и да постигнет его участь Иуды! Да посетят его бедствия Иова, проказа Гиезия, участь бесплодной смоковницы, палящий огонь Содомы и все проклятия, изреченные Господом во Святом Писании!

И паки возглашаем: пидору Ондриюшке Кураеву — Анафема! Анафема, Анафема! Да будет проклят! Да будет проклят! Да будет проклят! Да будет предан Сатане во измождение плоти и духа!

»

Слушая анафему, поначалу Андрей Вячеславович не верил собственным ушам и глазам. Наконец, он все-таки осознал: да, действительно, его анафематствуют. Эта анафема вызвала у него много разных чувств, но главным среди них был неудержимый смех. Кураев смотрел на анафематствующего его диакона, воспринимал это как пляски с бубном папуасских шаманов и громко хохотал. Но затем приступ смеха сменил приступ злости и обиды. В голове у него пронеслась мысль:

— Да что они о себе думают, в конце концов? Если они от лица всех православных и даже от лица Бога анафематствуют и проклинают меня, то почему я не могу проклясть всех их в ответ вместе с их Богом?! Проклясть всю эту «полноту церковную» — всех православных, весь русский народ, к которому я себя давно не отношу, и их Бога?! Чем виноват весь народ? А кто держит на своей шее всех этих попов и епископов вместе с благоверными властями, которым он служит и все затеи которых холуйски исполняет?! Да! Проклясть в ответ православие, православных, Россию и Самого Господа Бога — проклясть и пожелать, чтобы на месте России не осталось ничего, но лишь только ветер перекатывал бы там по пустыням радиоактивный песок и пепел! Проклясть так, чтобы всей России, всем православным и даже Самому Господу Богу — «ни дна, ни крыши»!!!

Кураев уже хотел начать проклинать; слова «Будьте вы все сами прокляты...» так и просились ему на язык. Но затем его посетило какое-то светлое не то видение, не то воспоминание... Кураев вспомнил, как первый раз в своих мечтаниях и грёзах оказался на утёсе, на скале, стоявшей у берега моря, возле старого дерева. Он вспомнил, как дерево, море, трава, птицы, гнездившиеся в ветвях этого дерева, холмы, облака и гром пели ему в первый раз свои песни... И он чувствовал себя пришельцем в дивной волшебной стране, в каком-то месте, словно созданном богами любви и света... И он ощутил, что пребывание в этой стране несовместимо с проклятиями, гневом и злобой, что надо выбрать что-то одно и жить дальше с этим — жить вечно. Кураев задумался, опустил голову и тихо произнёс:

— Я, видимо, не такой как они. И боги, дыхание которых слышится в этом месте — не такие, как их Бог. И из-за этого мне не преуспеть в злобе и проклятиях так, как преуспевают они. Глупо состязаться в том, кто кого сильнее проклянёт с ними и с их Богом... Ведь глупо состязаться мальчишке из шахматной секции Дома Пионеров с чемпионом мира... Да и просто глупо вступать на их поле — ведь это всё равно, что неумеющему плавать бросаться в глубокие воды...

А затем Кураев снова задумался и сказал:

— Может быть, Иисус на самом деле и был одним из этих богов; и он пришёл из их обители, чтобы сразиться с Иеговой, владыкой этого мира, — который, может быть, и во все не Его Отец — и показать людям лучший путь... путь из этого мира. А если не был — что же... очень жаль...

На следующей неделе, в четверг, Кураев должен был выехать в Лондон, чтобы начать свой Второй большой тур. Почти перед самым отъездом студент московской консер-

ватории, тайный почитатель Кураева, прислал ему письмо. В нём сообщалось, что за исполнение музыки Кураева и за низкопоклонство перед его творчеством буквально несколько дней назад из консерватории были отчислены ещё трое студентов и что руководство консерватории стало очень много сил тратить на борьбу с Кураевым и с его поклонниками. Студент писал, что в запале этой борьбы в консерваторской газете даже была опубликована выдающаяся статья под рифмованным названием **«Сегодня пидора играешь ноты, а завтра — зад продашь, у чёрта взяв банкноты!»**. Этот студент даже отсканировал эту статью и прислал скан в приложении к письму. Андрей Вячеславович с интересом открыл присланное ему изображение и стал читать:

«
**Сегодня пидора играешь ноты,
А завтра — зад продашь, у чёрта взяв банкноты!**

*Бес в маске, демон, ада обитатель
Кураев пидарас, предатель
Влечёт к себе иуд растленный дух —
Для них он — как г... для мух.*

Братья и сёстры! Не дадим тлетворному влиянию сатанинско-содомской либерастической культуры распространиться своей гнилойной блевотной плесенью по сияющей праведностью святых и верностью Господу Святой Руси! Наш долг — найти религиозных, идейных и культурных отщепенцев и вернуть их на путь покаяния, служения Господу и святости, чтобы спасти их души для будущей блаженной жизни!

Либерастический мир Запада, объятый грехами и растленный до самого своего нутра, уже давно миновал свой расцвет и судорожно катится вниз, в ад, пытаясь прихватить вместе с собой в преисподнюю всё, что подворачивается ему под руку. Прихвостням и холоум либерастии, всемирного Содома и Вавилона, служакам апокалиптической блудницы — не место в самой духовной из всех стран мира! Превосходство святой православной веры и вдохновляемых ею светского и церковного искусства и культуры над либерастической и демократической богоборческой идеологией Запада, над его упадническим и загнивающим культурным наследием, несущим растление, распад и смерть душам человеческим, очевидно и неоспоримо!

Поймать и обезвредить низкопоклонников западной, либрастическо-педерастической, содомской культуры — наша общая первостепенная задача, задача всякого сознательного православного. Предадим стыду и поруганию поклонников петушиного содомского стиля и музыки, покроем позором растленных и развращённых! Блюстители православной нравственности! Объединимся в стройные ряды и пройдем нашим активистским православным патрулём по всем тёмным закоулкам нашей великой страны, в которых порой ещё кое-где у нас прячутся, пытаясь оттянуть свой неизбежный конец, поклонники Содома, либерастии, Золотого Тельца и вдохновляемой ими антиправославной, сатанинской, извращенческо-педерастической душепагубной лжекультуры! Очистим нашу страну от этой нечисти, чтобы ничто не мешало нам жить святой и праведной православной жизнью!

Нет — пидарасу Кураеву и его уродливым и жалким музыкальным творениям, несущим либерастию, содомию и растление! Нет — его поклонникам, ещё гнездящимся на Руси! Позор тем, кто восхищается его уродливыми по форме и содержанию творениями, позор тем, кто странную и богопротивную гармонию уродства формы и уродства содержания, иногда случайно возникающую в кураевской музыке, воспринимает за «истинное совершенство» и называет её «тайной кураевского гения»! Раздавим и додавим пидорскую гадюку и её гадёнышей, выкормышей, поклонников и подражателей!

Сообщайте о выявленных поклонниках и исполнителях кураевской музыки преподавателям, священнослужителям и православным активистам для дальнейшей проработки отщепенцев и их исправления!

»

Далее в письме этот же студент писал, что с Нового Года в московской консерватории открылась кафедра теологии и что летом планируется открыть ещё одну «религиозную» кафедру — кафедру нравственного богословия; по крайней мере, — как писал студент, — лекции по нравственному богословию в любом случае начнут читать уже со следующего осеннего семестра. В письме также сообщалось, что, по слухам, заведующим обеих кафедр должен быть назначен митрополит Илларион Алфеев.

Кураев дочитал письмо и задумался. В его голову пришла странная мысль и он стал думать её:

— Дьявол — это копия Бога; только, может быть, зашедшая в зле и уродстве ещё дальше, чем Он... Хотя как знать — ведь, в конце концов, Дьявол, вроде бы, не так лицемерен, как Бог. Дьявол — это, как и все мы, уродливое и злое творение уродливого и злого Бога... Дьявол — это что-то вроде раба, сбежавшего от жестокого господина-самодура и ставшего свободным горожанином, но пропитанного всеми ценностями, страстями и замашками своего бывшего господина и оттого не желающего разрушить само рабовладение и устроить лучшее общество. Его мечта — самому стать хозяином многих рабов и тиранить их ещё сильнее, чем его бывший хозяин. И поэтому Дьявол и Бог, возделющие власти, славы и стяжаний в этом мире, возделющие поклонения себе — в сущности, не так уж и отличны друг от друга... И все они бесконечно далеки и бесконечно враждебны тем богу или богам света и любви, обитель которых вне этого мира — если они, эти боги, вообще есть...

После этого Кураеву в голову пришла другая мысль:

Хм... — сказал про себя он. — Всю свою христианскую жизнь я боролся с нечистой силой. И вот теперь что же — получается, что Бог, Иегова, — тоже нечистая сила? Да и не врёт ли Он всем о своём всемогуществе и всеведении — как это, порой, делает Дьявол?!

Чуть позже того, как в консерватории была опубликована статья про Кураева, в ВУЗах Москвы среди студентов был проведён конкурс политического плаката. Первое место занял плакат, на котором Кураев, изображенный весьма ужасно, на фоне флага Соединённого королевства с перекошенным злобой лицом говорил, устремля перст десницы на зрителя: «I want you to poo onto your grandpa's victories!» — «Я хочу, чтобы ты насрал на победы своих дедов!». У автора этого плаката был его второй вариант, также представленный на выставке. На этом плакате Кураев, немного иначе изображенный, говорил на фоне американского флага: «I want you to pee onto your dad's grave!» — «Я хочу, чтобы ты нассал на отцовскую могилу!». В левой руке, как предлагая их зрителю, Андрей Вячеславович держал евро и доллары.

Спустя некоторое время после этого Андрей Вячеславович отправился в Лондон. Второй большой Кураевский тур начинался.

Гастроли по Европе имели оглушительный успех — как и при первом туре. На светлой седмице Кураевская труппа была в Венеции и выступала в «Ла Фениче». В тот день Андрей Вячеславович дирижировал оркестром. Поздним вечером он вернулся в гостиницу и перед тем, как заснуть, стал просматривать интернетные новости. На одном из православных патриотических сайтов он заметил ролик «Изгнание бесов великим постом архимандритом Германом». На ролике была заснята отчитка, которую совершил в первые недели великого поста «штатный» экзорцист Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Герман; он, как архимандрит Наум тоже был известным на всю Россию старцем. Но отчитка эта происходила в частной обстановке, всего для нескольких человека, а не в одном из храмов Лавры, где она обычно происходила для множества народа. Кураев давно слышал,

что отца Германа можно было попросить совершить обряд экзорцизма в частной обстановке — вероятно, за дополнительную плату или благодарность. Как ясно, такие услуги предназначались для людей состоятельных; а в России, чтобы стать человеком состоятельным, как правило, надо быть или стать рабом и слугой бесов — даже если речь идет о состоянии не очень-то и большом по западным меркам. Таким образом, мудрый человек, живущий в России и стремящийся к богатству, сначала мог стяжать его различными неправдами с помощью службы бесам, а затем за толику приобретённых богатств он же мог попытаться избавиться от насевшей на него нечистой силы, обратившись к услугам православной церкви.

Статья, которая сопровождала ролик, сообщала, что на этом ролике запечатлено, как отец Герман изгонял блудных бесов из сына и дочери одного видного бизнесмена и чиновника. Кто это был и кто были его дети — не говорилось. Лица этих детей также не показывались. Дети были уже взрослыми и учились в последнем классе какой-то элитной школы в Англии, готовясь к поступлению в Оксфорд или в Кембридж.

Кураев заинтересовался роликом и стал его просматривать. Обряд экзорцизма шёл так, как и должен был идти согласно чину. Сын и дочь бизнесмена порой немного, самую малость, бесновались и мычали что-то невразумительное. Но вот, уже ближе к самому концу, Андрей Вячеславович наткнулся на что-то странное. Отец Герман отступил от чина и стал «импровизировать», творя какие-то собственные заклинательные молитвы:

— Демоны блудные, демоны скверные и нечистые! — приказывал духам бесовским отец Герман. — Изыдите из творений Божьих! Приказываю вам — оставьте рабов Божьих Елену и Александра и идите прочь от них, идите к тем, кто не знает веры христианской и противится ей, идите к еретикам и отступникам и входите в них, а не в верных Господу! Лесбогог и Пидротрагг, идите, куда вам сказано! Идите в Андрея Кураева, в отступника, предателя и пидараса, войдите в него и мучайте его душу и его тело, а не тела и души сих немощных христиан! Лесбогог и Пидротрагг! Слышите?! Силою Христовой и честным крестом повелеваю вам!!!

Когда Кураев услышал знакомые ему по «Блудодемонию» имена бесов, а также отданное им приказание вселиться в него словно в какое-то стадо свиней, то сперва он опешил и крайне изумился. Всё это выглядело для него странно и дико. Ведь одно дело — изгонять демонов и посылать их в ад, в бездну, в места пустынные и безводные или, на худой конец, позволять им войти в животных, но явно приказывать им вселиться после изгнания из человека в человека же — это, извините, совсем другое дело! Это что-то из ряда вон выходящее — пусть даже этот человек нехристианин и грешник. То, что вытворял на отчитке архимандрит Герман, никак не укладывалось в голове у Кураева и никак не согласовывалось с его представлениями не то что о христианстве, но даже с его представлениями о более-менее нормальной человеческой нравственности.

— Каждый день приносит что-то новое, ещё более жуткое... — молвил Кураев, просмотрев ролик с отцом Германом.

А через пару недель, в Неаполе, Кураева снова «порадовала» запись с экзорцизмом, совершённым отцом Германом. На этот раз это было не какое-то «частное» изгнание, а изгнание, совершенное в самой Троице-Сергиевой Лавре над множеством народа, съехавшимся для этого со всей России. Такие экзорцизмы отец Герман совершал в Троице-Сергиевой Лавре каждый день или почти каждый день — он фактически был «штатным экзорцистом» Лавры — причём, по-видимому, на почасовой, а не на сдельной оплате. Многие из участвовавших в этих лаврских «отчитках» действительно приезжали в Лавру, к отцу Герману, чтобы избавиться от одержимости; но большинство из собиравшегося на действо народа подвергало себя экзорцизму «ради интереса» или «на всякий случай», не имея в себе беса.

Когда при экзорцизме, совершавшемся отцом Германом, напряженность дошла до крайних пределов и семь или даже десять одержимых завывали, зарычали, заплясали и начали то громко говорить что-то непонятное, то произносить всякую хулу, то угрожать отцу

Герману, тот возвёл свои очи горé, осенил беснующихся крестом и властно проглаголал, заклиная нечистых духов:

— Именем Иисуса Христа, Господа нашего, искупившего нас крестной смертью и пролившего за нас Свою кровь, повелеваю вам, нечистые духи, оставить сих несчастных рабов Божьих, прибегших ко Христу и к Его церкви за исцелением, выйти из них и войти в безбожников и отступников, войти в людей в незнающих Христа и церкви Его! Изыдите, нечистые духи и войдите в отступника и пидараса Андрея Кураева, сквернящего землю своими блудными грехами, войдите в него и мучьте его, измождая его душу и тело, дабы имел он возможность спасти свой бессмертный дух, обратившись и покаявшись! Услышьте, вы, нечистые духи, что было повелено вам именем Христа! Услышьте вы, скверные блудные старейшины и архидемоны! Копробукк, Задодупр, Попощип, Соплежуй, Приапомон, Фаллометриал, Сракотрахаддон, Педеромелех, Геефан, Свалдабоф, Аналлат и Мас-турбокарон! Именем Иисуса Христа и Его честным крестом, Его кровью, излитую за нас, и Его смертными крестными страданиями заклиная вас! Изыдите и войдите в пидараса Кураева!

Тут отец Герман ещё раз осенил беснующихся крестом и от этого те завывли и заскрежетали зубами ещё сильнее. Стали раздаваться хрип, храп, хрюканье и собачий лай... Отец же Герман всё продолжал и продолжал заклинять демонов «по списку», приказывая им выйти из несчастных одержимых и войти в Андрея Кураева, чтобы измождать его плоть и его дух.

— Нечистые и скверные блудные старейшины и архидемоны! Изыдите из тех, за кого ходатайствует и молит церковь и войдите в того, кого она предала Сатане на мучения плоти и духа! Терзайте и мучьте его, а не этих рабов Божьих, прибегших ко Христу и жаждущих у Него помощи! Лупанарок, Моделдлет, Попохлоп, Бздодей, Дендрофар, Вуайергоргон, Скокторот, Хреноглоотофор, Геефан, Смердодорт и Риммингзмодал! Всесильным именем Иисуса Христа и Его честным и животворящим крестом повелеваю вам!

При этих словах с бесноватыми началось твориться вообще что-то невообразимое: один из них стал на четвереньки и стал бляеть, как козёл; другой упал и стал кататься по полу и биться в корчах; третья, дама преклонных лет, достаточно полная, начала давать какое-то немыслимое акробатическое представление. Прочие бесноватые тоже вытворяли много выдающегося.

— Не выйду! Не выйду! Не будет для Кураева спасения! — истошно вопил какой-то бесноватый старичок.

— Андрюшка Кураев — он наш! Давно наш! Зачем его мучить? Зачем посылаешь нас в него? М-м-м... М-м... Разве тебе не жалко Андрюшку Кураева? Не посылай нас в него, чтобы он не имел возможности покаяться от мук! Пожалей его! Пожалей! Пусть погибает! Погибает! — кричал одержимый юноша.

— Кураев по молодости много дробил и от этого стал мужеложцем! Онанизм — это вид однополого сношения! И от него становятся мужеложцами и лесбиянками! Не говорите этого никому! Пусть люди не знают этого и гибнут! Как Кураев! Ненавижу чистоту и девство! — вертась вокруг собственной оси и корчась, возглашал какой-то бесноватый отрок.

— Твердь! Твердь! Никто ныне не верует в твердь, куполом нависающую над землёй! И в небесный океан над ней! Ад доверху забит такими неверующими! И архиереи не учат народ, ибо сами не веруют в твердь, как про это учит Писание! И за это они буду в аду! В аду! Не говорите никому про твердь! И я бы не сказал, да честной крест и страшные заклания именем Христовым, которые творит отец Герман, вместе с молитвами преподобного Сергия принуждают меня к сему! — кричал мужчина средних лет в военной форме, выдававшей принадлежность к авиации.

— Зачем беспокоишь Попощипа и Попохлопа, злосмрадный старикашка Герман?! — вопил ещё один бесноватый, человек лет тридцати. — Вот, сейчас они выйдут, да войдут не в Кураева, а в тебя, старого пердуна! И будешь ты бегать за пономарями-школьни-

ками, чтоб ущипнуть их за афедрон! Окаянный никонианин! Ужо мы доберемся до тебя! Ты ещё нас попомнишь!

— Умолкни, бес! Честным крестом и именем Иисуса Христа заклиная тебя! — взревел отец Герман, обратившись к этому бесноватому, и истово перекрестил его. — Умолкни!

— Не умолкну! — продолжал вещать бес через одержимого. — Ведь тебя всё время занимал вопрос: как бы посмотреть на половые органы мальчиков? И ты специально ходил для этого в общественные туалеты! Мы все про тебя знаем! Гореть тебе аду, дрянной развратный старикашка! Педик! Педик! Педик!!!

— Умолкни, лжец и чадо отца лжи! — снова взревел отец Герман. — Именем Христа заклиная тебя! Заклинаю тебя Его честной кровью! Умолкни! Заступничеством и ходатайством Богородицы умолкни!

Тут бесноватый зарычал, затем неестественно-высоко завизжал и, взяв невообразимо-высокую ноту, упал, побился несколько секунд в корчах и потерял сознание.

Экзорцизм подходил к концу. Отец Герман окропил всех собравшихся святой водой и стал произносить завершительную проповедь. В ней он обычно говорил о том, как надо жить по-христиански, как каяться и беречься от грехов — в особенности, от тяжких — таких, за которые легко можно получить одержимость. Но на этот раз отец Герман сделал небольшое отступление: он объяснил собравшимся, почему посылал изгоняемых бесов вселиться в Андрея Кураева.

— Братья и сёстры! — начал своё объяснение отец Герман. — Все вы знаете, что апостол Павел предавал отъявленных грешников на мучения Сатане, дабы они через страдание от бесов вновь обратились к Богу, к церкви Его, и покаяться. Ныне святая церковь предала отъявленного грешника пидараса Андрея Кураева Сатане; предала для подобных мучений, предала во измождение плоти и духа. И чтобы это предание Сатане свершилось, братия и сёстры, да будем молить о том, чтобы к окаянному Кураеву пришли бесы, вошли в него и стали его жестоко мучить — для его же исправления и его же пользы, которую он сам пока не понимает. Именно это, послушествуя гласу и суду церкви, сегодня и делал я, убогий монах Герман. И так поступал не только апостол Павел, но и другие святые.

— Так, например, — продолжал отец Герман, — Симеон Юродивый насылал молитвой и заклетиями именем Христа бесов на блудниц, обещавших исправиться, но не сдержавших это обещание. И эти бесы приходили к блудницам и жестоко их мучили; и от страданий блудницы по-истинному, а не лицемерно обращались на путь исправления и более не возвращались к прежним блудным грехам. Левкий Исповедник однажды изгонял беса из христианина и бес не хотел выходить, не получив для себя нового жилища; тогда святой Левкий приказал ему войти в кого-нибудь из неверующих во Христа! Вспомним, братия и сёстры, и Самого Христа, которого изгоняемые им бесы молили, да дозволит им войти в стадо свиное! А святой Конон Исаврийский именем Христа связал бесов и поставил их себе на службу и бесы жестоко избивали хуливших святого Конона! Подобно сему и святой Виталий силой Христовой послал беса нанести удар оскорбившему его нечестивцу! Так-то, братия и сёстры, поступали святые! И церковь, в случае необходимости, может поступать так же для вразумления и наказания особо отъявленных нечестивцев и грешников, сеющих великие соблазны! А что ныне братия, вы слышали страшные и ужасные имена демонов — то не бойтесь! Порой, заклетие демона происходит успешнее, если знаешь его имя; и поэтому бесы зачастую отказываются назвать своё имя. Но опытные экзорцисты и великие старцы на основе своего опыта составили список имён наиболее злобных демонов и дали этот список прочим экзорцистам для пользы дела.

После проповеди собравшиеся стали подходить под благословение отца Германа; обряд был завершён; видеозапись подошла к концу.

Эти принародные действия отца Германа вызвали у Кураева ещё большее удивление. Но теперь Андрей Вячеславович, услышав объяснения отца Германа своим действи-

ям, хотя бы более-менее понимал суть и логику происходившего. И следовало признать, что это была «вполне логичная» логика.

Сразу после того, как Кураев согласился, что определенная логика в действиях отца Германа присутствует, Андрей Вячеславович припомнил свою давнюю встречу со старцем Наумом, архимандритом, к которому он ездил на исповедь после убийства Александра. Кураев уже почти совсем забыл про эту встречу и про духовную беседу на ней происходившую; но теперь, после объяснений отца Германа, он вспомнил, что вообще-то отец Наум, рассуждая о деяниях святых, на беседе говорил примерно то же, что только что сказал отец Герман — причём отец Наум говорил на подобные темы гораздо дольше и гораздо пространнее, со множеством примеров. Просто тогда Кураев не придавал этому особого значения — потому-то слова отца Наума и не врезались Кураеву в память.

На следующей неделе кураевская труппа выступала в Милане. В воскресенье, ночью, Андрей Вячеславович снова просматривал российский Интернет и содержащиеся в нём церковные новости и случайно попал на запись, которая изумила его ещё больше, чем записи экзорцизмов, совершённых отцом Германом. Это был какой-то особый молебен в Троице-Сергиевой Лавре, на котором присутствовало множество народа и который поочерёдно вело целое множество седобородых архимандритов и игуменов — как насельников Лавры, так, по-видимому, и приглашенных со стороны из различных монастырей. Среди них Кураев узнал отца Наума и отца Германа.

— Святой отче Василий Великий! Преподобный Иулиан! — возглашал на молебне великий старец архимандрит Наум. — Погубите и умертвите злосмрадного грешника Андрея Кураева, окаянного растлителя и развратителя, иже предан бысть анафеме, якоже некогда погубили вы нечестивого царя Юлиана-гонителя и отступника святыми вашими молитвами!

— Мученик Григорий Победоносец! Порази и умертви грешника Андрея Кураева, якоже некогда умертвил ты одного царя Юлиана по молитвам святого Великого Василия! — вторил отцу Науму бесогонитель отец Герман, тоже архимандрит и старец.

Далее за возгласами отца Наума и отца Германа последовали возгласы других архимандритов:

— Святой патриарх Александр! Моли о гибели нечестивого пидараса Андрея Кураева, якоже некогда молился ты о гибели нечестивого Ария и погубил его!

— Святой юродивый Симеон! Порази Андрея Кураева кривизной очей, рта и ног за премногие содомские грехи его! Нашли на него тяжкие болезни за те великие соблазны, которые подаёт он всем христианам! Нашли на него коросту, проказу, почечуй, расслабление, чахотку, гнойные раны и многие другие неисцелимые болезни и язвы!

— Святой апостол Иоанн Богослов! Нашли на окаянного Андрея Кураева сухоту рук и ног! Скриви ему очи, рот и ноги, скриви ему спину за премногие содомские и блудные грехи его и за великие соблазны, что сеял он среди православных!

— Святитель Елифан Кипрский! Слепи и оглуши дуновением уст своих нечестивца Андрея Кураева!

— Святители Феодор Едесский и Александр Константинопольский! Именем Христовым повелите онеметь нечестивым устами окаянного Андрея Кураева! Да отнимется язык его!

— Преподобные Лука Ефесский, Григорий Печерский, Феодор Сикеот и Пафнутий Боровский! Свяжите именем Христовым нечестивца Андрея Кураева, да не возможет он двигаться и да выну лежит на одре своём и тако да не творит ни грехов, ни великих соблазнов!

Андрей Кураев внимательнее присмотрелся к показываемому на видеозаписи и обнаружил, что молебен совершался в Успенском соборе Троице-Сергиевой Лавры. Далее он увидел, что возле молящихся специально были расположено множество икон: великомученика Григория Победоносца, мученика Елевферия Кувикулария, Василия Великого, Иоанна Богослова, Феодора Сикеота и других святых, которых Кураев опознать не мог.

При этом Андрей Вячеславович, конечно, догадывался, что эти неопознанные им святые были теми святыми, к которым были обращены молитвы о его гибели.

После того, как архимандриты и игумены закончили свои дерзновенные молитвенные прошения, на самое видное место перед видеокамерой вышел маститый протодиакон с поразительно низким басом; диакон достал бумажку, откашлялся и стал медленно читать по ней молитву:

— Господи, не допусти пидору Ондрюшке Кураеву, еретику, слуге Сатаны, жертвы ему приносящему смешением содомским в рот и в жопу, мужеложцу и соблазнителю, превзошедшему грехами всех мужеложцев и соблазнителей, достигнуть до нового дня Торжества Православия и следующего за ним светлого праздника Пасхи, Воскресения Господа нашего Иисуса Христа, Которого он отверг делами своими! Покарай его, окаянного Ондрюшку, педерастией и соблазнами своими осквернившего и тело, и душу свою, которые суть обиталище и храм Святого Духа, полученного им при святом крещении! Возьми его с земли — этот труп зловонный, гордостью своею и дырявым задом своим засмердевший и просмердевший всю землю!

После этого протодиакон отдышался, набрал побольше воздуха и стал читать далее:

— Да будет он проклят в доме, в городе и на поле; да будут прокляты хранилища и кладовые его; да будет проклят плод чрева его и плод земли его; да будет проклят плод скота его; да будет проклят он при входе и при выходе своём!

Далее следовал длинный ряд проклятий из Библии, которые Иегова уготовал Своему избранному народу на тот случай, если этот народ оборотится к Нему, к Иегове, задом. Слушающие проклятия архимандриты и игумены изрядно устали, пока протодиакон изрекал все эти проклятия. Многие из них в это время даже стали позёвывать.

— Да будет трепетать он день и ночь за жизнь свою и никогда да не будет уверен в том, что останется жить. Да обратится он в раба и да не будет покупающего его! И да возрадуется Господь об истреблении его! Аминь. — наконец, закончил проклинать Кураева протодиакон и молящиеся тотчас встрепенулись и ожили, обрадовавшись прекращению длинной череды проклятий.

Молебен был окончен. Но окружающий народ был, по-видимому, очень изумлён увиденным действием. Тогда на амвон храма вышел архимандрит Наум, подозвал к себе собравшихся людей и начал разъяснять им правильность предпринятых священноначалием мер по проклятию Кураева. Старец приводил различные примеры из житий святых: пример молитв Василия Великого о гибели Юлиана Отступника; молитв патриарха Александра о гибели Ария; проклятия, изречённого Иаковом Низибийским на нецеломудренно одетых девиц, из-за которого те во мгновение ока поседели и постарели; молитвы Симеона Юродивого, по которой у блудливо ведущих себя девиц скривились глаза, а также много других подобных случаев. Упомянул отец Наум и молитвы Иоанна Кронштадтского о гибели Льва Толстого. При этом старец напомнил о существовавшем в греческой церкви чине проклятия, отлучения и предания Сатане одновременно, именовавшемся «псалмокатара», и сказал, что этот чин, хотя и вышел из употребления, но существует до сих пор, ибо его никто не отменял. Далее старец добавил, что этот чин в любой момент может снова начать совершаться.

— О чём, братья и сестры, молятся священники, совершая псалмокатару? — задал вопрос отец Наум. — Примерно о том, о чём говорится в тех проклятиях, которые вы только что услышали! А ещё о том, чтобы по смерти тело грешника не рассыпалось в прах. То есть о том, чтобы он не подвергнулся тлению обычным образом, не возвратился в землю, не стал землёй. А по народным представлениям такое состояние сродни тому, в котором находятся вурдалаки! Надо ли говорить о том, как на святой горе Афон монахи трепетно относятся к тому, чтобы тело усопшего их собрата превратилось в прах — так, чтобы остались одни кости? И если через три года этого не происходит, то это воспринимает-

ся всеми как знак свыше о том, что усопший был великим грешником; и тогда все усиленно молятся за него. Иногда это помогает, а иногда и нет.

Молебен был окончен. Выслушав разъяснения отца Наума, народ стал расходиться. Закончилась и видеозапись.

Эта видеозапись оказала на Кураева очень тяжкое впечатление. «Они там, в Лавре, совсем с ума посходили, что ли?» — задал сам себе риторический вопрос Кураев.

Нет, конечно, Андрей Вячеславович, слушая всё это, припоминал, что на духовной беседе с ним отец Наум ещё давным-давно говорил о том же или примерно о том же. Но Андрей Вячеславович никак не думал, что выдержки из житий святых, которые сообщал Кураеву отец Наум, и тому подобные вещи могут послужить Русской Православной Церкви руководством для действий в наше время. И уже тем более Андрей Вячеславович не мог и помыслить, что таковые действия будут предприняты церковью по отношению к нему лично.

Как оказалось, «с ума посходили» не только в Лавре. Немного позже Кураев увидел аналогичные видеозаписи из Елоховского собора, из Храма Христа Спасителя и из Петербурга, из Исаакия. Вскоре появились и новые записи обрядов экзорцизма, которые совершали архимандрит Адриан из Псковско-Печёрского монастыря и архимандрит Власий; в ходе этих экзорцизмов Адриан и Власий при огромном скоплении народа проделывали то же, что и архимандрит Герман — то есть пытались вселить всяких Сракотрахаддонов, Попошипов и Соплежуев в многогрешного Андрея Кураева. А потом стали появляться записи молебнов из мест очень отдалённых — например, с Камчатки, Чукотки и Сахалина. На этих записях маститые благочинные и настоятели кафедральных соборов настоятельно требовали от различных святых, чтобы те скривили Кураеву глаза, руки, ноги и хребет; ослепили, оглушили и сделали его немым; сделали так, чтобы его разбил полный паралич; наслали на него всевозможные болезни от рака и чахотки до поноса и геморроя; иссушили ему руки и ноги и сделали много чего ещё. И тогда Кураеву показалось, что Московская Патриархия окончательно рехнулась. Целиком.

Объяснение происходившему Андрей Вячеславович получил очень скоро — почти сразу после Пасхи, на Светлой Седмнице, когда он и его труппа выступали в Мадриде. Кто-то из сторонников и поклонников Кураева прислал ему по почте сканы документов, которые перед началом Великого поста были разосланы всем правящим архиереям. Этих документов, циркуляров, было всего четыре; один из них был с приложением. Кураев, получив эти циркуляры, сразу же понял, что это что-то важное и забавное и стал внимательно вчитываться в них.

Первый документ был такой:

«

Во имя Отца, Сына и Святого Духа! Отцы и братия! В связи с широким распространением в последнее время апостасийных явлений, всеобщим растлением духа, умножением греха и великим разлитием соблазнов среди человеческого рода и, в особенности, среди жителей России и её православной паствы, священноначалие Русской Православной Церкви считает своим долгом ещё раз напомнить, что церковь Христова есть не только церковь кроткая, милосердная и миролюбивая, но также есть и церковь воинствующая, низлагающая наветы и нападения врагов — будь это еретики, будь отступники, будь богохульники или кощунники, будь отъявленные грешники и учителя всякого нечестия.

В Псалтыри писано: «Бог препоясуяй мя силою... научаяй руце мои на брань, и положил еси лук медян мышца моя... Пожену враги моя, и постигну я, и не возвращуся, дондеже скончаются: оскорблю их, и не возмогут стати, падут под ногама моима. И препоясал мя еси силою на брань, спял еси вся востающыя на мя под мя. И врагов моих дал ми еси хребет и ненавидящыя мя потребил еси. Воззваша, и не бе спасаая: ко Господу, и не услыша их. И истню я яко прах пред лицом ветра, яко брение путей поглажду я» (Пс.17:33-43). Вспомним деяния великих святых и подвижников благочестия! Они, как это

видно из их житий, не только кротко молились о покаянии и обращении врагов церкви и Бога, не только проявляли к ним милосердие, но и изливали на них сосуды праведного гнева Божьего! Ибо Господь наш не только милосерден и всепрощающ, но и правосуден; Он не только долготерпеливый, но и воздающий за зло; ибо и божественному терпению из-за нераскаянности и злодеяний грешника приходит конец.

Ей, писано есть: «Что же, если Бог, желая показать гнев и явить могущество Свое, с великим долготерпением щадил сосуды гнева, готовые к гибели, дабы вместе явить богатство славы Своей над сосудами милосердия, которые Он приготовил к славе...» (Рим.9:22,23); и писано также: Господь открыл хранилище Свое и взял из него сосуды гнева Своего, потому что у Господа Бога Саваофа есть дело в земле Халдейской. Идите на нее со всех краев, растворяйте житницы ее, топчите ее как снопы, совсем истребите ее, чтобы ничего от нее не осталось. Убивайте всех волов ее, пусть идут на заклание; горе им! ибо пришел день их, время посещения их» (Иер.50:25-27). И, следуя сим словам, во «время посещения Божия» и во время излития «сосудов гнева Гоподня» Василий Великий молился о гибели царя Юлиана; Порфирий Газский — о гибели еретички; патриарх Александр — о гибели Ария; и молитвы их были услышаны. Подобно, другие святые кривили грешникам глаза, иссушали им руки, насылали на них различные мучительные болезни и бесов — вплоть до одержимости, а также делали многое другое подобное сему. Даже апостол Павел, этот певец любви и свободы, предавал злостных грешников Сатане на муки!

Из сказанного должно разуметь, что молиться святым можно и нужно не только лишь об исцелении, вразумлении и благоденствии, но и об умерщвлении и разорении нечестивого грешника, о лишении его всякой власти и силы, благодаря которой тот грешит, сеет соблазны и вредит церкви.

Ниже в настоящем циркуляре приводится примерный перечень святых и соответствующих просьб означенного выше вида, с которыми к этим святым можно и следует обращаться в частных и церковных молитвах и молебнах в случае соответствующей необходимости и потребности. Список составлен на основе чудес, совершенных этими святыми и описанных в их житиях.

1. О чудесном умерщвлении врага Божьего и правой веры, еретика, отступника, нечестивца, кощунника, богохульника, блудника и отъявленного грешника, о лишении его всякой вредоносной власти и силы:

— святителю Василию Великому (память 1 января) — молился о гибели нечестивого царя-мучителя Юлиана Отступника и тот погиб;

— преподобному Юлиану (память 18 октября) — молился о гибели нечестивого царя-мучителя Юлиана Отступника и тот погиб;

— мученику Григорию Победоносцу (память 23 апреля) — убил нечестивого царя-мучителя Юлиана Отступника по молитве святителя Василия Великого;

— святителю Александру, патриарху Константинопольскому (память 30 августа) — молился о гибели еретика Ария и тот погиб;

— святителю Геннадию, патриарху Константинопольскому (память 31 августа) — молился мученику Елевферию Кувикуларию о наказании клирика Харисма, нечестивца и блудника, и тот погиб.

— мученику Елевферию Кувикуларию (память 4 августа и 15 декабря) — по молитве св. Геннадия, патриарха Константинопольского, наказал нечестивого клирика Харисма смертью;

— святителю Порфирию, епископу Газскому (память 26 февраля) — умертвил молитвой еретичку-манихейку;

— священномученику Корнилию Сотнику (память 13 декабря) — молитвой разрушил языческое капище и оно погребло под своими обломками жену правителя и его сына.

— преподобному Флорентию (память 23 августа) — за убийство своего прирученного животного с целью досадить его хозяину проклял четырёх монахов и те умерли;

— пророку Елисею (память 14 июня) — проклял насмехавшихся над ним детей и тех разодрали две медведицы;

— преподобной мученице Евдокии (память 21 марта) — дуновением в лицо умертвила досаждавшего ей домогательствами своего прежнего мирского поклонника;

— святителю и чудотворцу Спиридону Тримифунтскому (память 12 декабря) — молитвой умертвил прелюбодейку и ребёнка в её чреве за её нежелание назвать того, с кем она прелюбодействовала и от кого беременна;

— святому праведному Иоанну Кронштадтскому (память 20 декабря и 1 июня) — молился о смерти еретика и совратителя Льва Толстого;

— ещё не прославленной во святых подвижнице старице девице Пелагии Рязанской — постом и молитвой сняла с поста гонителя христиан Хрущёва и сорвала его план засеять поля плевелами из Америки, чтобы уморить русских голодом;

2. О наведении слепоты, немоты, сухоты рук и ног, преждевременной старости, седины, кривизны глаз и иных различных болезней и язв на врага Божьего и правой веры, еретика, отступника, нечестивца, кощунника, богохульника, блудника и отъявленного грешника:

— святителю Иакову, епископу Низибийскому (память 13 января) — проклял девиц за нецеломудренные вид и одежды и те вмиг постарели и поседели;

— юродивому Симеону (память 21 июля) — однажды молитвой скривил глаза девицам за нецеломудренное поведение; много раз молитвой или повелением именем Господа насылал болезни на блудниц, обещавших ему и Богу исправиться и встававших на путь добродетели, но затем снова возвращавшихся к блудным грехам, чтобы те, страдая от болезней, исправились по-настоящему;

— апостолу и евангелисту Иоанну Богослову (память 26 сентября) — молитвой сделал сухой руку у игемона, подписавшего ему несправедливый приговор, а также сделал сухими руки и кривыми — глаза у оклеветавшей его в суде женщины;

— святителю Епифанию, архиепископу Кипрскому (память 12 мая) — дуновением ослепил сребролюбца;

— святителю Феодору, епископу Едесскому (память 9 июля) — в ходе спора о вере с иудеями приказал замолкнуть устам своего противника-иудея и тот онемел;

— святителю Александру, патриарху Константинопольскому (память 30 августа) — в ходе спора о вере с еллинскими философами повелел именем Христа одному из своих противников умолкнуть и у того отнялся язык;

3. О чудесном связывании и сковывании (парализации) врага Божьего и правой веры, еретика, отступника, нечестивца, кощунника, богохульника, блудника, вора и отъявленного грешника:

преподобному Луке Ефесскому (память 7 февраля) — именем Господа сковал, обездвижил оленя, повадившегося обворовывать и вытаптывать сад.

преподобному Григорию Печерскому (память 8 января) — молитвой сковывал и обездвиживал воров, наводил на них сон;

преподобному Феодору Сикеоту (память 2 апреля) — молитвой сковывал и обездвиживал воров;

преподобному Пафнутию Боровскому (память 1 мая) — молитвой не давал найти дорогу и сбежать вора, похитившим монастырский скот;

4. О чудесном наслании Сатаны и прочих бесов-мучителей на врага Божьего и правой веры, еретика, отступника, нечестивца, кощунника, богохульника, блудника, вора и отъявленного грешника, о вселении в них бесов-мучителей, а также об уничтожении и порче их имущества бесовской силой:

— юродивому Симеону (память 21 июля) — много раз молитвой или повелением именем Господа насылал на блудниц, обещавших ему и Богу исправиться и встававших на путь добродетели, но затем снова возвращавшихся к блудным грехам, не только болезни, но и бесов-мучителей, чтобы блудницы, страдая от причиняемых им бесами мучений, исправились по-настоящему; однажды за то, что некие еретики-торговцы не присоединялись к церкви, насылал на их лавку беса, который напугал в ней многих людей и испортил много имущества;

— святому Левкию Исповеднику (память 20 июня) — при изгнании беса из христианина приказал бесу, просившего святого о новом жилище, войти в кого-нибудь из неверующих во Христа;

— преподобному Виталию (память 22 апреля) — за то, что его оскорбили и ударили, а также осудили насылал беса на своего оскорбителя и осудителя и бес нанес тому в отместку очень сильный удар;

— мученику Конону Исаврийскому (память 5 марта) — именем Иисуса Христа связал бесов и поставил их себе на службу бесов так, что по молитвам мученика бесы нападали на тех, кто хулил его и избивали их;

— первоверховному апостолу Павлу (память 29 июня) — некоего отъявленного грешника в наказание за грехи его и для исправления решил «предать сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа» (1Кор.5:5); двух других тяжких грешников, Именея и Александра, также «предал сатане, чтобы они научились не богохульствовать» (1Тим.1:20);

По указанной в начале настоящего циркуляра причине священноначалие благословляет проведение общественных и частных молитв и молебнов к перечисленным выше святым с соответствующими просьбами, а именно: об умерщвлении и лишении всякой власти и силы врагов Божьих и святой православной веры, еретиков, отступников, нечестивцев, кощунников, богохульников, блудников и прочих отъявленных грешников; о наслании на них бесов и о вселении в них бесов для мучения тела и духа, а также о наслании на них различных мучительных болезней в целях их вразумления, покаяния и обращения.

Следует отметить, что в настоящем циркуляре речь в особенности идёт о таких грешниках, которые тяжело грешат публично и через таковые публичные грехи вносят великий соблазн в народ Божий.

Составление списка грешников для проведения молитв и молений оставляется на усмотрение: в пределах епархии — правящего епископа; в границах всей Русской Православной Церкви — Священного Синода и Патриарха.

Священноначалие просит всех правящих архиереев, получивших данный циркуляр, в обязательном порядке ознакомить с ним под расписку всех благочинных, настоятелей (наместников) монастырей и настоятелей приходов, а также озаботиться организацией соответствующих публичных молебнов во вверенной им епархии при получении централизованного списка грешников, составленного и утвержденного Священным Синодом и Патриархом.

Да пребудет на вас Божье благословение!

»

Второй документ был такой:

«

Во имя Отца, Сына и Святого Духа! Отцы и братия! Практика экзорцизма показывает, что зачастую демоны, сидящие в одержимых, категорически отказываются назвать своё имя; во многих же других случаях заставить их назвать своё имя оказывается делом очень трудным. Посему, рассудив об этом деле со многими опытными экзорцистами, охотно делящимися приемами и тайнами своего трудного дела, познанными ими на многолетней практике, священноначалие настоящим циркуляром решило открыть на пользу начинающим экзорцистам, а также экзорцистам, испытывающим недостаток опыта, имена ряда демонов, сообщённые ими самими в ходе успешных изгнаний.

Ниже приводятся имена блудных демонов — ибо демоны блуда в настоящее время в особенности возобладали и получили власть над человеческим родом.

Сие есть имена старших блудных бесов в алфавитном порядке:

Аналинкурим, Аналфиксард, Афродизифуг, Бздодей, Блудерас, Бритвездок, Ваголингдуг, Вампирион, Вверхогурз, Взлезогород, Вуайергоргон, Голдрейнзель, Геронтобух, Дендрофар, Дефлордорт, Задодупр, Интеррасион, Инцестогор, Ихтиор, Камасутрак, Камсвапогалл, Копробукк, Кроведорз, Куморепт, Кунитан, Кутюрьерес, Лесбогог, Лингвокис, Лупанарок, Мазопар, Моделдлет, Матероман, Нкеротрагг, Нудодор, Оралфиксанус, Оранжемерит, Педериллон, Петтингар, Пидоротрагг, Попохлоп, Попошип, Порнобер, Прелюботон, Прервоарт, Приапомон, Птицерит, Ректолингваз, Садобус, Скокторот, Сатириазобас, Скотофилтан, Смердодорт, Соплежуй, Сосцекус, Статуефир, Страпонзель, Троттлелант, Фаллометриал, Фингерцимус, Фистенморз, Электраброг, Экспозар.

Сие же есть имена самых старших и самых главных блудных бесов, иначе именуемых бесовскими блудными князьями и архидемонами, приведённые в порядке возрастания силы этих демонов:

Сракотрахаддон, Педеромелех, Геефан, Хреноглоотофор, Миньетиэль, Аналинкиэль, Дилдиэль, Фельчингодром, Риммингзмодал, Свингербрас, Свалдабаоф, Аналлат, Мастурбокарон.

К сему доводим до вашего сведения, что опытные экзорцисты называют Мастурбокарона царем блудных демонов как самого старшего из всех блудных бесов.

Священноначалие просит правящих архиереев, получивших данный циркуляр, в обязательном порядке ознакомить с ним под расписку всех практикующих во вверенных им епархиях экзорцистов.

Кроме того, священноначалие указывает на особую необходимость преподавать этим экзорцистам отеческие разъяснения и наставления о необходимости при совершаемых ими экзорцизмах делать особый упор на изгнание блудных демонов. В качестве обоснования данным действиям в обязательном порядке следует приводить указанную выше причину.

Да пребудет на вас Божье благословение!

»

Третий документ гласил:

«

В дополнение к циркуляру такому-то (номер исходящего документа) информируем: священноначалие в лице Священного Синода и Патриарха включило в упомянутый в вышеуказанном циркуляре централизованный список грешников Андрея Кураева.

Названный Андрей Кураев, бывший диакон, был извержен из сана за мужеложество и позднее предан анафеме за педерастию, служение Сатане, соблазнение верных, измену Родине и многие другие тяжкие грехи.

В соответствии с указаниями, данными в упомянутом циркуляре, священноначалие просит Вас, как правящего архиерея, организовать во вверенной вам епархии публичные молебны с молитвами к святым с просьбой покарать тяжкого грешника Андрея Кураева смертью и различными телесными и душевными мучениями от болезней, людей и бесов.

Данные молебны рекомендуется провести, по меньшей мере, во всех крупных храмах и монастырях епархии. Просьба прислать несколько видеоотчётов с устроенных Вами молебнов.

Уведомляем, что в качестве Приложения к настоящему циркуляру приведена особая молитва, в которой испрашивается кара оному Андрею Кураеву. Эту молитву настоятельно рекомендуется читать на молебнах в самом конце наподобие того, как перед народом Божиим во время литургии декламируется Символ Веры. Данная молитва является «молитвой по соглашению» о том, чтобы кара (смерть) постигла Кураева до нового дня Торжества Православия и следующей за ним Пасхи — то есть примерно через год. Эта молитва, громко читаемая публично, может иметь великое педагогическое значение для всех присутствующих на подобных молебнах.

Напоминаем, что бывший диакон Андрей Кураева вместе с анафематствованием был предан Сатане во измождение плоти и духа. Напоминаем также, что факт служения бывшего диакона Андрея Кураева Сатане был зафиксирован в тексте анафемы следующими формулировками: «подлый смерд и холоп пидор Ондрюшка Кураев <...> Сатане с бесами содомским смешением своим в рот и жопу служащий...», «избранный друг и раб Сатанин», а также: «Ондрюшке Кураеву <...> рабу и слуге демонов, сыну Сатанину, <...> анафема и проклятие навек трикраты...».

Священноначалие просит правящих архиереев, получивших данный циркуляр, в обязательном порядке ознакомить с ним под расписку всех благочинных, настоятелей (наместников) монастырей и настоятелей приходов.

Да пребудет на вас Божье благословение!

»

К третьему документу шло приложение с молитвой:

«

Господи, не допусти пидору Ондрюшке Кураеву, еретику, слуге Сатаны, жертвы ему приносящему смешением содомским в рот и в жопу, мужеложцу и соблазнителю, превзошедшему грехами всех мужеложцев и соблазнителей, достигнуть до нового дня Торжества Православия и следующего за ним светлого праздника Пасхи, Воскресения Господа нашего Иисуса Христа, Которого он отверг делами своими! Покарай его, окаянного Ондрюшку, педерастией и соблазнами своими осквернившего и тело, и душу свою, которые суть обиталище и храм Святого Духа, полученного им при святом крещении! Возьми его с земли — этот труп зловонный, гордостью своею и дырявым задом своим засмердевший и просмердевший всю землю!

Да будет он проклят в доме, в городе и на поле; да будут прокляты хранилища и кладовые его; да будет проклят плод чрева его и плод земли его; да будет проклят плод скота его; да будет проклят он при входе и при выходе своём! Господи! Пошли на него проклятие, смятение и несчастье во всяком деле рук его, какое бы он только ни стал делать — доколе он не будет истреблён! Погуби его, Господи за злые дела его и за то, что он оставил Тебя! Пошли, Господи, на него моровую язву, доколе он не истребится с лица земли и не лишится всего, чем владеет! Порази его, Господи, чахлостью, горячкой, лихорадкой, воспалением, засухой, палящим ветром и ржавчиною и пусть они преследуют его, доколе он не погибнет! Соделай, Господи, небеса над главою его медью и землю под ногами его — железом! Вместо дождя дай земле его пыль и ниспошли на неё и на него прах с неба, который будет падать, доколе не погубит и не истребит его! Предай его, Господи, на поражение врагам его; да выступит он против них одним путём и да побежит от них, петляя, семью путями; да будет он скитальцем по всем царствам земли! Да будет труп его пищей всем птицам небесным и зверям и да не будет отгоняющего их! Порази его, Господи, проказою Египетскою, почечуем, коростою и чесоткою, от которых он не возмог бы исцелиться! Порази его, Господи, сумасшествием, слепотою и оцепенением сердца! Да будет

он ходить ощупью в полдень так, как слепой ходит ощупью впотьмах, и да не будет он иметь успеха во всех путях своих! Да будут теснить и обижать его всякий день и никто да не защитит его! Пусть построит он дом и не будет жить в нём; насадит виноградник и не будет есть от плодов его! Да заколют волов его на глазах его и да не вкусит он от мяса их! Да уведут от него осла и не возвратят! Да отдадут овец его врагам его и никто да не защитит его! Да не будет силы в руках его! Плоды трудов рук его и плоды земли его да пожрут его чужие, которых он не знает и да будет он притесняем и мучим во все дни свои! Да сойдёт он с ума о того, что будут видеть глаза его! Порази его, Господи, злою проказою на коленях и голених, от которой он не сможет исцелиться! Да будет проказа на нём от подошвы ноги его до самого темени головы его! Да будет он ужасом, притчею и посмешищем у всех людей, которых встретит! Да трудится он много, а плодов от трудов рук своих да соберёт мало из-за того, что поедят их враги, саранча и бедствия! Да насадит он виноградник, но вина от него да не будет пить и плодов его да не вкусит! Да пожрёт плоды виноградника его червь! Да будут маслины у него и да не соберёт он с них плодов с них и да не помажется елеем! Да погубит все деревья его и плоды земли его ржавчина! Да возвысятся над ним чужие и враги его, а сам он да опуститься ниже всех! Да возьмёт он долг и да не сможет отдать его! Да будет он хвостом, а чужие ему и враги его да будут ему головой! Да придут на него все проклятия, которые изрёк Господь во Святом Писании! Да преследуют они его ид а постигнут его и да будет он истреблён! Да служит он врагу своему в голоде, в жажде, в наготе и во всяком недостатке; да возложит его враг железное ярмо на него и да измучит его! Да будет он есть плод чрева своего, плоть сынов и дочерей своих, и плоть родных своих в осаде и в стеснении! Да поразит его Господь и потомство его необычными язвами, язвами великими и постоянными, и болезнями злыми и постоянными! Да наведёт на него Господь все злые язвы Египетские и да прилипнут они к нему! И всякую болезнь и язву, написанную во Святом Писании и ненаписанную, да наведёт Господь на него, доколе он не будет истреблён! Да будет у него навек трепет сердца, истаивание очей и изнывание души! Да будет трепетать он день и ночь за жизнь свою и никогда да не будет уверен в том, что останется жить. Да обратится он в раба и да не будет покупающего его! И да возрадуется Господь об истреблении его!

Аминь.

»

Четвёртый документ был такой:

«

В дополнение к циркуляру такому-то (номер исходящего документа) и циркуляру такому-то (номер исходящего документа) информируем: священноначалие в лице Священного Синода и Патриарха на время приняло особый порядок проведения обряда экзорцизма («отчитки») на всей канонической территории Русской Православной Церкви, суть которого будет разъяснена ниже.

В качестве пояснения к принятому решению священноначалия напоминаем, что Андрей Кураев, бывший диакон, был извержен из сана за мужеложество и позднее предан анафеме за педерастию, служение Сатане, соблазнение верных, измену Родине и многие другие тяжкие грехи. При этом вместе с анафематствованием означенный Андрей Кураева был также предан Сатане во измождение плоти и духа со следующей формулировкой: «Треклятому пидору и мужеложцу Ондриюшке Кураеву <...> анафема и проклятие навек трикраты <...> а также предание Сатане во измождение плоти и духа!». Далее в тексте анафемы, в частности, говорится: «Да будет он трикраты проклят подобно Дафану и Авирону и да постигнет его участь Иуды! Да посетят его бедствия Иова, проказа Гиезия, участь бесплодной смоковницы, палящий огонь Содомы и все проклятия, изреченные Господом в Святом Писании!».

В связи с этим для обеспечения эффективной реализации предания Андрея Кураева Сатане во измождение плоти и духа и наведения на одного Андрея Кураева всех проклятий, содержащихся в тексте анафемы, священноначалие настоятельно рекомендует при проведении всех обрядов экзорцизма («отчитки») во вверенной Вам епархии изгнание демонов осуществлять, повелевая и приказывая им, демонам, именем Иисуса Христа, Господа нашего, по выходе из одержимого ими человека войти и вселиться в означенного Андрея Кураева для его последующих тяжких телесных и духовных мучений. Обоснованием данных действий служат примеры святых, приведенные в первом из вышеупомянутых циркуляров (смотри, например, жития святых: святого Симеона Юродивого, егоже память 21 июля; святого Левкия Исповедника, егоже память 20 июня; святого первоверховного апостола Павла, егоже память 29 июня и других.).

Напоминаем, что Господь наш Иисус Христос, сжалившись над демонами, не послал их в бездну, но позволил им после выхода из бесноватого войти в стадо свиное. Грешник же, как ясно, уподобляется свинье, валяющейся с наслаждением во калу грехов своих.

Кроме того, если при экзорцизме демон отказывается назвать своё имя, священноначалие настоятельно рекомендует использовать в заклинательных молитвах и тому подобном имена демонов, приведённые в списке, содержащемся во втором из вышеупомянутых циркуляров, по умолчанию предполагая, что демон, вошедший в одержимого, носит имя из этого списка. Этот шаг имеет обоснование в том, что блудные грехи ныне очень широко распространились даже среди православных и потому, в качестве первого приближения, логично думать, что одержимый стал бесноватым именно за подобные грехи.

Священноначалие просит всех правящих архиереев, получивших данный циркуляр, в обязательном порядке ознакомить с ним под расписку всех практикующих во вверенных им епархиях экзорцистов.

Кроме того, священноначалие считает своим долгом ещё раз указать на особую необходимость преподания экзорцистам отеческого разъяснения и наставления о необходимости при совершаемых ими экзорцизмах делать особый упор на изгнание блудных демонов ввиду сильнейшего разлития блудных грехов среди паствы.

Да пребудет на вас Божие благословение!

»

После прочтения этих документов Кураеву стало ясно всё: просто-напросто была очередная инициатива сверху; и низы не могли её не поддержать — как крепостные холопы не могли не поддерживать очередную затею своего господина, какова бы она ни была. И эти странные молебны и экзорцизмы, направленные против Кураева, продолжались долго — они всё ещё совершались даже после следующего Великого Поста — то есть все эти молебны и экзорцизмы длились более года, время от времени то усиливаясь, то ослабевая по накалу и то увеличиваясь, то уменьшаясь по количеству и по массовости. В конце концов, спустя примерно месяц после окончания Великого Поста Кураев вообще прекратил обращать внимания на все эти действия.

12. Соперники

После гастролей по Европе кураевская труппа отправился в Южную Африку, а затем — в Индию, Китай и Японию. Прошло лето и началась осень. Кураев совсем погрузился в свои дела и почти забыл о России. Однако, когда Кураев со своими спутниками переехал из Дели в Шанхай, то Родина напомнила о себе. Андрей Вячеславович получил письмо от студента Московской Консерватории, того самого, который уже писал ему раньше; на этот раз в письме сообщалась, что да, действительно, в консерватории была создана кафедра нравственного богословия; её заведующим был то ли назначен, то ли из-

бран митрополит Илларион Алфеев. Далее студент говорил, что в осеннем семестре уже по этому предмету уже начали читать лекции; его группе посчастливилось: лекции по нравственному богословию им читал сам Илларион. Что касается содержания лекций, то в них не было ничего особо интересного — то, что вещал Алфеев, по большому счету, можно было прочесть в обычных семинарских конспектах по этому предмету. Отличие консерваторского курса от семинарского заключалось в том, что в первом упор делался на насаждение нравственности как в музыкальных произведениях, так и в жизни музыкантов. Много слов говорилось о любви к Родине, патриотизме, верности долгу и тому подобных вещах. Приводились примеры различных безнравственных музыкальных произведений и делался их разбор. Естественно, как и ожидалось, много времени занимала критика произведений Кураева, но ничего существенно нового Илларион Алфеев в эту критику не внес: он только лишь повторял уже давно известные тезисы о том, что в произведениях Андрея Вячеславовича порой случайно встречается гармония уродливости формы с уродливостью содержания и что эту-то нелепую гармонию многие невежды воспринимают за «красоту» и «гениальность». В противовес кураевским произведениям, которые никогда, впрочем, не исполнялись в качестве примера, Илларион Алфеев часто приводил собственные церковные произведения. Вобщем, все было достаточно ожидаемо и предсказуемо. Андрей Вячеславович поблагодарил студента за письмо и забыл про причуды Иллариона. Но...

Однажды, в самом конце осени, Илларион Алфеев, придя читать лекции по нравственному богословию в Московскую консерваторию, устремил свой взгляд на бюст Петра Ильича Чайковского и пришёл в исступление. Он смотрел, не моргая, на Петра Ильича с минуту и даже более словно застывший. И было с чего — Иллариона Алфеева посетила донельзя ясная и предельно очевидная мысль: нельзя покончить с Кураевым, не покончив прежде с Чайковским! И пока живо восхищение Петром Ильичом, Кураев, даже убитый и даже облитый помоями и зарытый глубоко в землю, всегда может воскреснуть в своих творениях. И вот тут-то и началась борьба Иллариона с Петром Ильичом.

Собственно, бороться с Петром Ильичом митрополиту Иллариону было легко: ведь Чайковский был геем, а Илларион — заведующим кафедрой нравственного богословия в Московской консерватории и членом Священного Синода Русской Православной Церкви, митрополитом, которого прочили в будущие Патриархи. К тому же, церковь в России была всегда тесно связана с властью и со спецслужбами. Поэтому «размазать по стене» Петра Ильича для Иллариона было делом плёвым.

Уже в начале зимы в своих лекциях митрополит Илларион стал клеймить педерастию и прочие половые отклонения и извращения в музыке и среди музыкантов. Он зачитывал длинные выдержки из дневников и писем Чайковского соответствующего содержания и громко возмущался недостойным моральным обликом Петра Ильича. Далее всё пошло по нарастающей. В начале декабря митрополит Илларион несколько лекций посвятил разъяснению тезиса о том, что геи, сношаясь в рот и в зад, совершают таким образом нечто иное, как служение Сатане, такую особую сатанинскую литургию, в ходе которой, в поругание Крови и Плоти Христа, причащаются спермой и калом друг друга.

— Посмотрите, что происходит! — вещал студентам консерватории митрополит Илларион на одной из своих лекций. — Сначала педерасты засовывают, извините, друг другу хрен в жопу, которой нормальные люди срут, а не зачинают детей, и в которой говно, а затем этот хрен, обмазанный говном, те педерасты засовывают друг другу в рот! В рот, которым едят благословлённую Богом пищу и которым принимают Святые Тайны! В рот, который произносит молитвы, обращённые к Богу, благодарения Ему и благословения! А они засовывают в рот хрен, обмазанный говном, и творят туда изливание семени, которое смешивается с говном! И потом поедают всё это! Вот он, весь ваш Чайковский! Вот он, весь ваш Кураев! Ах, какие гении! И ни церковь, ни Бог им не указ! Это сатанисты, самые настоящие сатанисты! Так они служат Сатане, ругаются Святым Тайнам и глумятся над творением Божьим! Половой акт педерастов — это сатанинская литургия! Это служение Сатане!

После этого Илларион в подтверждение такого мнения привёл студентам слова анафемы Кураеву, гласившие: «подлый смерд и холоп пидор Ондрюшка Кураев <...> Сатане с бесами содомским смешением своим в рот и жопу служащий...». Основываясь на эти словах, он сказал, что трактовка полового акта педерастов как сатанинской литургии и как служения Сатане не есть лишь его, Иллариона, частное богословское мнение, но есть мнение Патриарха и Священного Синода и всей полноты Русской Православной Церкви вообще. Это он обосновал так: данная анафема была принята всей поместной церковью, всем народом Божиим, не встретив никаких возражений.

На другой лекции митрополит Илларион специально более часа посвятил подробному разъяснению студентам того же текста анафемы Андрею Кураеву. Эта анафема, как сказал им Илларион Алфеев, «затрагивала важные аспекты музыкального творчества вообще, и, в особенности, нравственные аспекты, связанные с тем, что в творчестве композитора допустимо, а что нет, а также важнейшие аспекты воздействия музыки на человека». Слова анафемы «подлый смерд и холоп пидор Ондрюшка Кураев <...> мусикию содомскую гораздым дудцам творящий, да те невежд прельстят грехом сим чрез дьявольское скверноблагозвучие» подверглись особо тщательному толкованию.

Многие студенты консерватории с первого раза не поняли, что «гораздые дудцы» означает: «искусные или виртуозные музыканты» и митрополиту Иллариону под смехи пришлось это разъяснять. Далее Илларион объяснил, что текст анафемы явно именуется некоторые разновидности музыки «содомскими» — то есть в контексте данной анафемы «педерастическими» и что, следовательно, церковная полнота разделяет музыку на педерастическую или содомскую и прочую. После этого Илларион разъяснил, что, согласно тексту анафемы и мнению всей церковной полноты, суть педерастической музыки заключается в том, что она при её исполнении прельщает слушающих содомскими грехами и, следовательно, ввергает в эти грехи, служа камнем преткновения и источником соблазнов. В качестве примеров такой музыки он, разумеется, привёл музыку Кураева, а также произведения Чайковского вроде романса «Мой гений, мой ангел, мой друг». Наконец, Илларион разъяснил, что в анафеме объясняется и то, каким образом музыка воздействует на человека, соблазняя и подталкивая его к содомским грехам: «чрез дьявольское скверноблагозвучие». Выражение «дьявольское скверноблагозвучие» митрополит Илларион толковал так: «дьявольское» означает вдохновлённое самим Дьяволом, служащее Дьяволу и используемое в дьявольских целях»; «скверноблагозвучие» же означает: «скверногармоничную», «сквернопрятную», «сквернопритягательную». Далее Илларион сказал, что скверноблагозвучная музыка обладает некоей особой гармонией, приятностью в смысле доставления наслаждения и притягательностью, которые словно отмычка открывают душу, заставляя её раскрыться, а затем, завладев ей, они осуществляют особое скверное «программирование» и изменение души, в результате которого душа заражается содомскими страстями и влечением к содомским грехам. Далее Илларион разъяснил, что то, как создать такую гармонию, такое благозвучие, как написать такую музыку, видимо, хорошо знает Дьявол и этим-то знанием он и делится с композиторами, служащими ему своим творчеством. Но это было лишь одно толкование слова «скверноблагозвучие»; Илларион дал и второе: по его мнению, слово «скверноблагозвучие» означает гармонию одной скверны с другой скверной же, а именно, в частности, опять же, ту же самую гармонию уродливой и скверной формы с уродливым и скверным содержанием, которой так «грешит» музыка Кураева. Далее Илларион заключил, что эта гармония обязательно должна вносить свой вклад в то, что музыка, её содержащая, будет склонять и соблазнять слушающего её в содомские грехи; восприимчивость к этой гармонии в том смысле, что человек, её ощущающий, находит содержащую её музыку прекрасной и гениальной, по мнению Иллариона, должна свидетельствовать в пользу того, что у этого человека с большой вероятностью должны иметься гомосексуальные наклонности.

— В сущности, — заметил Илларион, завершая лекцию, — подобную педерастическую музыку нельзя слушать — ибо она изменяет человека подобно тому, как вирус вре-

дит компьютеру, хозяин которого скачивает и запускает всё, что попало. И поэтому, смотря новые серии «Звёздных войн» или «Конана-варвара», музыку к которым написал Кураев, или же слушая произведения Чайковского, можно заразить себя, своё сознание «педерастическим вирусом». И чтобы избавиться от него, нужно покаяние, нужны многие молитвы личные и церковные, нужно заступничество святых.

Ещё одну лекцию Илларион посвятил разъяснению того, что церковь должна играть руководящую и направляющую роль в искусстве и в, частности, в музыке, чтобы не допустить до публики произведения таких личностей, как Кураев и Чайковский, и чтобы эти тёмные личности вообще никак не могли пролезть на сцену. Илларион говорил о необходимости духовной цензуры, об освящающем и облагораживающем влиянии церкви на искусство, а также о том, что только лишь такое искусство — то есть освященное и облагороженное церковью — единственно и оправдано, единственно и имеет право на существование.

— Истинная цель искусства, — подчеркнул на этой лекции митрополит Илларион, — это прославление Бога, служение церкви, раскрытие и проповедь церковного учения; и только такое искусство, — добавило Его Высокопреосвященство, — и может быть мыслимо в по-настоящему нравственном государстве.

До Нового Года была ещё одна лекция, подобная этим. Её митрополит Илларион посвятил раскрытию истинной сущности педерастов и прочих извращенцев.

— Гей или, точнее говоря, пидарас, — вещал митрополит, — по своей природе есть изменник и предатель нравственного государства — то есть такого государства, в котором общественная жизнь основана на законе Божьем. И, соответственно, — продолжил Илларион, — пидарас есть сторонник и вольный или невольный агент государств и властей дьявольских, развращенных, богопротивных и антихристовых, и, следовательно, вольный или невольный агент и слуга Сатаны и нечистых духов, которые этим государствам покровительствуют. И, соответственно, пидарас есть вредитель.

Далее Илларион снова обратился к Чайковскому и проанализировал его «Щелкунчика»:

— По замыслу Чайковского, Щелкунчик символизирует внешний, экзотерический, вид и мир самого Чайковского — вид и мир стареющего никому не нужного пидора, которого все презирают. Этими видом и миром композитор представлен для всех. Принц же, по мысли Чайковского, должен символизировать его внутренний, эзотерический, вид и мир — вид и мир духовно богатый и прекрасный. Последние вид и мир есть явная противоположность тому, что видят в Чайковском все нормальные люди. Кстати: орехи, которые, как подразумевается, раскалывает Щелкунчик, символизируют яйца сексуальных партнёров Чайковского. Здесь Петр Ильич почти явно проговаривается. Пидор Чайковский своим «Щелкунчиком» пытается сказать всем: «Я такой же человек, как и вы все и даже еще лучше! Я никому не опасен! И даже наоборот, полезен. Я - герой! И пустите меня к детям! Ведь за моим уродливым ликом скрывается добрая и любящая душа, готовая к самопожертвованию». Крысиный Король, то есть три сросшихся хвостами мыши, очевидно, символизирует Троицу, которая мешает «счастью» пидараса Чайковского, а мыши и крысы, находящиеся в подчинении у Короля — христианскую церковь. Этот образ — ничто иное, как прикровенная хула на Господа! И, конечно, на самом деле Щелкунчик защищает на свою возлюбленную, а своего возлюбленного — мальчика, сверхженственного мальчика, одетого девочкой, на которого и направлены педерастические педофильские стремления Чайковского. «Щелкунчик» — обычная попытка гнусного прогнившего пидараса поставить всё с ног на голову. И никто да не обольстится этой богоборческой пидорской гнусностью! «Щелкунчика» давно пора запретить — как и вообще всё творчество Чайковского!

После этого Илларион продолжил:

— Многие спрашивают: где доказательства связей гей-активистов и демократов, выступающих за сексуальные свободы, с Госдепартаментом США и королевой Англии?

Где доказанные случаи перевода им денег Ротшильдами и Рокфеллерами? А тут всё просто: надо только лишь взглянуть на те ценности, господа, которые вы проповедуете, — и сразу же становится ясно, что вы — агенты и служаки Госдепа и Виндзоров! Тут и доказывать нечего, — заключил Илларион, — ибо в таких случаях надо, как говорится, идти не от преступления к преступнику, а от преступника к преступлению!

— Да и сами подумайте, — добавил Илларион, — если нравственное государство, основываясь на законе Божьем, на Святом Писании, казнит педерастов и преследует, то к кому они побегут за защитой и спокойной жизнью, как не в Госдепартамент и не к королеве Англии, которые их не убивают, не сажают и позволяют хорошо жить? И кого они будут защищать? Тут всё ясно как дважды два! Нет, нет и ещё раз, господа педерасты — как открытые, так и скрывающиеся под маской либералов и демократов! Вы — именно что агенты и слуги Госдепартамента и Виндзоров! Играйте на несведущую публику, но не говорите этого нам! И не надо лукавить и лицемерить! Мы всё про вас знаем! Знаем всю вашу гнилую и подлую душонку предателей и изменников! Знаем все ваши мечты об уничтожении и оккупации России, о её безоговорочной капитуляции с последующим переформатированием сознания российского народа под ваши ценности! Мы знаем ваши мечты о сатанинской мести своим смертельным врагам — мести нравственной власти, установленной Богом, мести носительнице нравственности — церкви, мести российскому народу за его выбор в пользу Бога и мести самому Господу Богу! Мы знаем ваши вредительские замыслы! Вы только и мечтаете обо всём этом и днём, и ночью! Мы знаем вашу бессильную злобу! Мы знаем всё и вы не отвертитесь! И мы выведем вас на чистую воду!

Эти четыре лекции были записаны на видео профессионалами и затем выложены на всеобщее обозрение в Интернете — причём не только на личном сайте митрополита, но и на официальном сайте Московской Патриархии. Таким образом, сказанное не этих лекциях, скорее, следовало рассматривать как официально озвученную позицию Патриархии по затронутым в лекции вопросам, а не только лишь как личное мнение Иллариона. Кураев случайно набрёл на эти лекции, когда просматривал сайт Патриархии, будучи в Токио, просмотрел их и от души посмеялся.

В конце декабря Илларион Алфеев стал доктором искусствоведения, защитив диссертацию в Санкт-Петербургской консерватории. Эта диссертация называлась достаточно предсказуемо: «Гармония уродливости формы и уродливости содержания как основа фиктивного феномена гениальности на примере творчества Андрея Кураева и других зарубежных композиторов». Надо сказать, что другие — даже те, которые подобным образом критиковали Кураева, — всё-таки стыдились писать подобные диссертации, боясь, что никто в музыкальной и в преподавательской среде не будет принимать их всерьёз. Илларион Алфеев был первый.

Кстати, многие поговаривали, что саму идею представить творчество Кураева как «гармонию уродливости формы и уродливости содержания», создающую видимость гениальности, придумали вовсе не настоящие критики Андрея Вячеславовича, а, наоборот, поклонники Кураева — с той целью, что поиздеваться и поглумиться над подобными критиками и выставить их полными дураками. И это было очень похоже на правду. Однако, критики Кураева почему-то не заметили издёвки и взяли эту выдумку себе на вооружение. А потом, по мере усиления нападков на Кураева, критиковать подобные воззрения стало даже небезопасно — по крайней мере, для карьеры в мире музыки.

С защитой диссертации возникли трудности: некоторые противились присуждению Иллариону докторской степени по искусствоведению потому, что он не был кандидатом искусствоведения: все его многие ученые степени и звания, как кандидатские, так и докторские, относились к другим областям. Поэтому сторонникам присуждения степени пришлось потрудиться — правда, не слишком много — и доказать, что диссертация Иллариона — чрезвычайно выдающаяся и знаменующая собой новый прорыв в искусствоведении.

Кстати. В следующие несколько месяцев на кафедре нравственного богословия под руководством доктора искусствоведения и профессора Иллариона Алфеева было защище-

но на эту же тему несколько кандидатских диссертаций. В результате митрополит Илларион стал считаться основоположником новой научной школы. Затем, спустя всего две недели после защиты последней из этих диссертаций, Иллариону присвоили учёное звание «профессор» и он стал профессором не только по должности, но и по званию. А ещё через две недели он дважды стал почётным доктором — доктором Московской консерватории и Санкт-Петербургской.

Кто-то из Москвы прислал по почте Кураеву письмо, к которому прилагалась диссертация Иллариона и три его монографии, в которых были отражены результаты диссертационных исследований. Когда Андрей Вячеславович ради интереса стал просматривать список литературы, приведённый в конце диссертации, то с удивлением обнаружил в нём монографию своего отца, советского философа Вячеслава Ивановича Кураева, шедшую под номером 198: «Кураев В. И. Диалектика содержательного и формального в научном познании. — М.: Наука, 1977. — 160 с.».

Это несколько огорчило Андрея Вячеславовича: ведь получалось так, что его родной отец помог митрополиту Иллариону в его разглагольствованиях про форму, содержание и их диалектическую связь.

После защиты Илларион написал ещё одну монографию, «пророческую». В ней он рассуждал о музыкальном регрессе и предсказывал то, в каком направлении будет протекать дальнейшее развитие творчества Кураева и ему подобных.

— Музыкальные произведения, псевдогениальность которых основывается на гармонии уродливости формы и уродливости содержания основываются, требуют от тех, кто находит их «красивыми» и «гениальными» некоторых особенностей восприятия — причём, что важно, извращённых и больных особенностей, произрастающих из распада души и её зараженности грехами. — рассуждал в монографии Илларион. — Ясно, что эти особенности, как это было показано в предыдущих монографиях, тесно связаны с педерастией и прочими содомскими грехами и имеющие такие особенности, как правило, суть педерасты и прочие содомиты. — оговаривал далее Илларион, и продолжал: — Однако же, следует сказать, что и греховное падение человека, и связанные с ним особенности восприятия музыки, могут развиваться, погружаясь в ещё большие «глубины сатанинские». Поэтому легко предсказать, что дальнейшее развитие музыки в сатанинском, деструктивном, греховном направлении, будет заключаться: во-первых, в переходе от гармонии между уродливой формой и уродливым содержанием к дисгармонии и диссонансу между ними; во-вторых, в отказе от музыкальной формы и от музыкального содержания в музыке как таковой — по крайней мере, в привычном нам понимании, при попытке сохранить уродство, диссонанс и дисгармонию всего, что ещё остаётся. Подобное развитие музыки, — говорил Илларион, — естественно, будет происходить одновременно с развитием греховной повреждённости людей, которая и будет обеспечивать те «особенности восприятия», которые позволяют воспринимать такую музыку как «красивую», «приятную» и «гениальную».

Илларион предсказывал в этой монографии появление музыки, ориентированной на каннибалов, маньяков и серийных убийц, некрофилов и прочих подобных личностей. А ещё в ней он говорил, что по мере служения Андрея Кураева греху и Сатане своей педерастией, он скатиться именно до такой музыки и при этом всё равно найдутся такие негодные люди, которые признают эту кураевскую музыку гениальной.

Диссертацию Иллариона и его монографии прочла Ольга Четверикова, православный публицист и учёный, и нашла их гениальными — в особенности же последнюю монографию. На их основе и на почерпнутых из них примерах она даже создала три передачи, посвящённые сатанинскому и масонскому творчеству западных певцов, музыкантов и композиторов. Хотя в этих передачах не прозвучало ни одного такта собственно музыки Кураева, от трети до половины их объема было заполнено осуждением Кураева и его творчества, сопровождающимся соответствующим цитатами из Иллариона. Ольга Четве-

рикова создала ещё одну передачу, подобную этим трём — но в ней она была не одна, а вместе с православной певицей Жанной Бичевской.

После Нового Года, в весеннем семестре, уже доктор искусствоведения, профессор кафедры нравственного богословия Московской консерватории Илларион Алфеев продолжил войну с Чайковским. Официальная позиция Московской Патриархии по отношению к таким, как Чайковский и Кураев им вроде бы была уже озвучена и как бы получила молчаливое одобрение сверху; и грех было не начать на Петра Ильича генеральное наступление.

На первой же лекции весеннего семестра митрополит Илларион заявил, что с Петром Ильичом пора покончить: пора переименовать носящие его имя музыкальные учебные заведения от столичной консерватории до обычной музыкальной школы в глуши, пора прекратить исполнять его музыкальные произведения и ввести ответственность за публичное их проигрывание как за пропаганду гомосексуализма. Всякие похвалы Петру Ильичу и его музыке Илларион тоже призвал рассматривать как пропаганду гомосексуализма.

— Пора покончить с педерастами и педерастией, окопавшимися в музыке! — закончил своё выступление митрополит Илларион.

Почти все в музыкальных кругах восприняли заявление Иллариона как безумное; но никто не посмел ему возразить. В лучшем случае всё ограничивалось лишь тихим саботированием безумных инициатив. Тем временем, как сказано, Илларион получил учёное звание «профессор» и стал почётным доктором Московской и Санкт-Петербургской консерваторий. Сразу после этого, в конце марта, вышло еженедельное театральное обозрение «Мир театра», в котором было опубликовано письмо старого рабочего с одного из уральских заводов, Федота Прокопьевича Шматова, начинавшего когда-то простым учеником и доросшего да мастера цеха. В нём Федот Прокопьевич возмущался:

«

Хотя я по происхождению из рабочей семьи и сам рабочий, всю жизнь отдавший родному заводу, но всегда стремился к знаниям и культуре и всегда прививал любовь к ним своим детям, а затем — внукам. Вот и внучка моего, Серёжку, сын по моему настоянию отдал в музыкальную школу учиться игре на скрипке. Сергею это понравилось; да и способности у него, как говорят преподаватели, имеются в избытке. Школа же наша музыкальная носит имя Петра Ильича Чайковского.

И вот недавно я узнал из выступлений митрополита Иллариона, которые всегда любил слушать, — спаси его, Господи! — что Чайковский — пидор. И что же получается? Получается, что этого пидора, вместо того, чтобы поместить его туда, где ему и место, покрывает множество уважаемых людей, множество музыкантов и учёных! Покрывают в самом сердце нашей страны — в Москве, в Московской консерватории, носящей его имя. Покрывают и в нашей музыкальной школе, тоже его имя носящей. Покрывают и в других консерваториях, музыкальных училищах и музыкальных школах.

Как внука отпускать в такую музыкальную школу? А он мечтает стать музыкантом, скрипачом. То есть поступить в консерваторию. Как же его отпускать туда, когда там все преподаватели — подельники Чайковского и всё знай себе этого пидора Чайковского и ему подобных восхваляют! Они чуть ли не зад лижут этому насквозь прогнившему пидарасу и педофилу! А почему, спрашивается? Потому что сами, небось, такие! И как мне, рабочему человеку, пускать туда внука? Лучше самому взять и убить его, чем смотреть на то, что из него сделает всякая пидорская мразь, там околачивающаяся и строящая из себя настоящих музыкантов и настоящих учёных!

А недавно я застал внучка за тем, что он смотрел «Конана-варвара». Естественно, с любительским переводом и, соответственно, с музыкой этого пидараса Кураева. Ну, выпорол я внучка, конечно. Всыпал ему под первое число, как говорится. Но кто виноват в том, что он слушает Кураева? Кто и где привил ему вкус к творениям этого пидараса? Преподаватели в музыкальной школе, которые поклонники Чайковского?

Люди, помогите! Куда мы катимся! Слава Богу, что есть ещё такие люди, как митрополит Илларион, — истинные воины Христовы, истинные пастыри! Помоги, Господи, справиться с этим наваждением!

»

Многие поговаривали, что этим Федотом Прокопьевичем, «рабочим человеком с мозолистыми руками», был никто иной, как утончённый аристократ плоти и духа, в среднем ничем не уступавший в своей утончённости Владимиру Котлярову, митрополит Илларион Алфеев, который с настоящим Федотом Прокопьевичем не сел бы срать на одном поле.

После публикации началось её общественное обсуждение. Причем не только в «Мире театра», но даже на центральном радио и телевидении в прайм-тайм. Федот Прокопьевич (то ли актёр, его исполнявший) вместе со своим внуком были приглашены на ток-шоу. В конце передачи Федот Прокопьевич, сняв ремень, гонялся по сцене за своим внуком и даже разбил об его голову скрипку... Нужно ли говорить про «Радио «Радонеж»» и другие церковные медиа, про то, что в них творилось?

Наступил Великий пост. Обсуждение письма старого рабочего с уральского завода не прекращалось и в него. А посередине Великого поста борьба с Петром Ильичом, по-видимому, перешла в завершающую фазу. Юрий Воробьевский, православно-патриотический писатель, публицист и журналист, некогда ведущий передачи на конспирологическую, масонскую и оккультную тематику на центральном телевидении, а затем создававший фильмы самостоятельно, вновь вернулся на центральное телевидение. На этот раз его первая передача была посвящена теме контрактов с Дьяволом — то есть она была про продажу души Сатане. И передача эта была очень конкретной — речь в ней шла о контракте, который заключил с нечистой силой никто иной, как Пётр Ильич Чайковский! Оказалось, что в частных и государственных архивах недавно всплыли некоторые интересные документы, с которыми сотрудники архивов и спецслужб любезно познакомили Юрия Воробьевского. А тот, в свою очередь, не смог удержаться от того, чтобы познакомиться с ними уважаемых телезрителей. Кураев случайно напал на запись этой передачи, которую кто-то разместил в сети, спустя несколько дней после выхода на экран в России и с любопытством стал смотреть эту запись.

— Все мы знаем примеры странных карьерных восхождений и даже, лучше сказать, стремительных взлётов. Труднообъяснимых и даже вообще необъяснимых. — вещал Воробьевский зрителям. — Можно понять карьерный взлёт сына министра, который имеет средние способности и становится тоже министром, на должности которого возможно удержаться, имея эти средние способности. Да, этот сын министра, возможно, обойдет сотню кандидатов с более высокими способностями, и даже с выдающимися способностями — но в таком карьерном взлёте нет ничего для нас удивительного. Но разве может министр или даже Президент назначить своего сына или, скажем, какого-то Ивана Ивановича выдающимся учёным-математиком или поэтом, если тот даже не знает таблицу умножения и не умеет связать двух слов? Не в том смысле сделать, что он посадит его на какое-то почётное место в Академии наук или в Союзе писателей, а в том смысле, что этот человек — человек, скажем, средних способностей — вдруг по приказу Президента обретёт способности выдающиеся и даже гениальные? Такое, конечно, невозможно. Но в действительном мире можно наблюдать, как каким-то таинственным образом люди, не имеющие выдающихся способностей, их получают словно по подобному «приказу». Они не рождаются такими от природы; они не приобретают своё мастерство долгие годы напряжённо осваивая своё ремесло... Словно выходит сверху какой-то приказ — приказ, в котором сказано: «наделить такого-то такими-то способностями» — и человек становится гениальным. В чём секрет?

— С другой стороны, даже талант, порой, не может пробиться или не может попасть в те условия, в котором его талант мог бы раскрыться. Крестьянский сын, который

годен в великие писатели, может, например, так и не научиться за всю свою жизнь грамоте и так и не избавиться от провинциального диалекта и произношения, над которым смеются в столице. Человек, который мог бы быть гениальным политиком или дипломатом, даже если он образованный и богатый буржуа, может им не стать из-за того, что он — не дворянин и из-за этого не может стать министром или дипломатом — ибо подобные посты «по традиции» могут занимать исключительно дворяне. В таких случаях может произойти нечто странное: у ребёнка, будущего писателя, например, умирают родители и его усыновляет богатый купец, который впоследствии даёт ему образование и положение в обществе; сын буржуа спасает от разбойников герцога и тот усыновляет его, ибо одинок и не имеет собственных детей; или признаёт его незаконнорожденным сыном и, если не делает его своим наследником, то спрашивает у короля дворянский титул. Наконец, эти сын крестьянина и сын буржуа, просто могут попробовать обмануть общество, представившись не теми, кто они есть и попробовать через это получить образование или должность.

— Всё это может произойти. А может — и не произойти... От чего же это зависит? Промысел Божий? В конечном счёте, конечно, да... Но присмотревшись повнимательнее, во всех этих жизненных драмах порой можно одного неприятного агента, «стоящего за сценой»... С рождками и хвостом.

— Давайте посмотрим повнимательнее на один из таких случаев — на жизнь всем известного композитора Петра Ильича Чайковского. Мы увидим в этой жизни много странного.

— Петр Ильич родился в 1840 году и, получив начальное образование, дальше посвятил себя вовсе не музыке, а юстиции. В 1852 – 1859 годах он обучался в училище правоведения. Закончил он его, соответственно, в девятнадцать лет. Это достаточно поздно, чтобы начинать занятия музыкой, намереваясь стать профессиональным музыкантом или композитором. Вспомним даже не то, что к семи или восьми годам умел Моцарт — вспомним, во сколько лет в наше время дети начинают учиться в музыкальных школах. Тем более в первоклассных музыкальных школах для одарённых детей. Свои более-менее серьёзные занятия музыкой Чайковский начал в пятнадцать лет, учась в училище правоведения: он брал уроки игры на фортепьяно у немецкого пианиста Рудольфа Кюндингера. Но это, очевидно, были «любительские» уроки. Вернее, это были уроки, предусматривавшие «любительский» уровень овладения игрой на фортепьяно. Чайковский, беря эти уроки, не намеревался, повторим, становиться профессиональным музыкантом или композитором. Каковы же были музыкальные способности Чайковского в этот период — в пятнадцать лет и несколько позднее, до того, как он стал задумываться о поступлении в консерваторию? Отец Чайковского, Илья Петрович, узнав о намерениях своего сына Петра посвятить жизнь музыке, — а они, надо сказать, были выказаны уже после того, как будущий великий музыкант не только окончил училище правоведения, но и некоторое время проработал в министерстве юстиции, — тайне пошёл к пианисту Кюндингеру, ранее дававшему уроки его сыну, и поинтересовался: есть ли у его сына настоящий музыкальный талант? Что же сказал отцу Чайковского Кюндингер? Он ответил, что музыкального таланта у его сына нет, что для музыкальной карьеры он не годиться и что начинать уже поздно — ведь скоро Петру Ильичу должен был исполниться двадцать первый год!

— Как я сказал, даже после окончания училища правоведения в 1859 году, когда ему было уже девятнадцать лет, Пётр Ильич идёт не учиться в консерваторию, а служить чиновником в министерстве юстиции. И служит там с 1859 года по 1863 год. В консерваторию он поступает лишь в 1861 году и, учась в ней, продолжает служить в министерстве юстиции. Отставляет эту службу Пётр Ильич, как сказано, лишь в 1863 году, да и то по настоянию Антона Рубинштейна. Новая странность: кажется, что Чайковский как будто бы знает, что и так станет великим композитором, «без отрыва» от министерства юстиции; и учась, и служа он пытается «убить двух зайцев сразу». Но это трудно, если не невозмож-

но! Ведь ему надо наверстывать то, чему он не научился в молодости! А Чайковский как бы заранее уверен в успехе! Странно... Очень странно...

— Надо сказать, что ещё во времена Моцарта и Сальери, то есть считанные десятилетия назад, шестьдесят лет назад, композитор должен был быть и дирижёром, и если не превосходным, то хорошим исполнителем. Вспомним, что умел тот же Моцарт к семи годам! А что же Пётр Ильич? Он, подчеркнем и повторим, начал свои любительские занятия на фортепиано лишь в пятнадцать лет, да и то не намереваясь стать профессионалом. А потом пошёл, как сказано, не учиться в консерваторию, а служить в министерстве юстиции!

— Говоря о том, что Чайковский поступил в Московскую консерваторию в 1861 году мы, конечно же, говорим несколько неверно. Тогда то заведение, в которое поступил Пётр Ильич, называлось Музыкальными классами Русского Музыкального Общества. Консерваторией эти классы стали позже, в 1862 году, когда Чайковский уже там учился. Но мы условно будем называть это учебное заведение консерваторией, чтобы всем было понятнее.

— Наконец, 31 декабря 1865 года по юлианскому календарю или 12 января 1866 года по григорианскому Чайковский оканчивает консерваторию с высшей наградой — Серебряной медалью. Дальнейшее всем известно: «Щелкунчик», «Лебединое озеро», гастротри, всероссийская и всемирная слава, годы преподавания в той же Московской консерватории.

— Но близился час расплаты. Здесь, говоря о расплате, мы, конечно, забегаем несколько вперёд. Это мы делаем специально, чтобы заинтриговать наших уважаемых зрителей.

— Наступил злополучный для Петра Ильича 1893 год, 53-й год его не очень долгой жизни. Вечером двадцатого октября по юлианскому календарю и первого ноября по григорианскому совершенно здоровый Чайковский посещает один из Санкт-Петербургских ресторанов; в ходе трапезы он просит принести ему простой холодной воды. Из-за холеры такого бы лучше не делать и Чайковский, вероятно, знает это. Чайковскому подают некипячённую воду и он выпивает её. На следующий день, второго ноября, проявляются симптомы холеры. Через несколько дней, а именно шестого ноября ночью, тяжело промучившись все эти дни, он умирает от холеры на квартире своего брата Модеста.

— Так гласит официальная история. Но о многом она умалчивает. Разумеется, у постели больного всё это время дежурил не брат Чайковского Модест, а какая-то прислуга. Сейчас, обретая новые архивные документы, мы знаем, что её звали Людмилой. Эта Людмила видела последние часы и последние мгновенья жизни Петра Ильича и на закате своих дней оставила об этом воспоминания, передав их в своём письме к дочери Анне. Сейчас мы прочитаем, что она писала.

Тут Юрий Воробьевский достал цветную ксерокопию письма; эта ксерокопия было показана во весь экран. Затем Воробьевский стал зачитывать письмо:

— «Смерть грешников люта, Анна! Потому не отступай от Бога, что бы ни говорили коммунисты. Я сама была свидетельницей такой смерти — смерти Чайковского. Я никогда никому не говорила об этом, но теперь не хочу унести с собой в могилу эту тайну. После полуночи, за несколько часов до смерти, Пётр Ильич пришёл в сознание и, по-прежнему тяжело мучаясь, стал громко кричать во всеуслышание: «Сожгите всю мою музыку и не исполняйте её! Особенно «Лебединое озеро» и «Щелкунчика»! Дьявол через меня вложил в них самый великий соблазн для православных христиан! И никогда не ходите в театры и не пускайте туда своих детей! Будь прокляты все театры — они продолжение училища правоведения с его треклятой педерастией и даже во сто крат хуже!». Правда, кричал он напрасно: вокруг никого не было кроме меня и прибежавшего на крик его брата Модеста. Модест никогда бы не рассказал услышанного, а мне одной никто бы не поверил, да и, скорее всего, меня сочли бы за сумасшедшую. На несчастного нельзя было смотреть без слёз. Наконец, явилась какая-то ужасающая тёмная фигура. Я и Модест в

страхе выбежали из комнаты умирающего и не видели, что там происходило. Раздался крик и всё стихло. Когда мы вошли в комнату, то нашли в ней уже мертвого Петра Ильича. У него была свёрнута шея. Это-то, а не холера и было истинной причиной его смерти. Модест приложил много усилий, чтобы скрыть от людей и от полиции то, что произошло в действительности».

Юрий Воробьевский поднял глаза и задумчиво размерно сказал:

— Всем понятно, что произошло? Православным верующим, надеюсь, пояснять этого не надо. А произошло вот что: явился демон и убил Петра Ильича Чайковского, свернув ему шею. Как Мефистофель свернул шею настоящему, а не литературному доктору Фаусту, избежавшему этой участи. Христианину также ясно, что до этого, как и доктор Фауст, Чайковский заключил контракт с демоном, по условию которого Сатана и забрал и его жизнь, и его душу. Забрал душу к себе, в ад, на мучения. Навечно. За что Чайковский продал свою бессмертную душу Сатане объяснять, надеюсь, не надо. Всё и так ясно: за славу, за успех, за композиторский, музыкальный талант, столь необъяснимо и внезапно появившийся у него уже после того, как ему исполнилось двадцать лет. Вот она, настоящая причина одного странного извива жизни, странного подъёма и даже взлёта по карьерной лестнице — не правда ли?

— Но, — продолжал Воробьевский, — вы можете сказать: «Слова про контракт — лишь теоретизирование. Покажите нам его и тогда мы поверим, что ваши слова про сделку с Дьяволом не есть плод воспалённой фантазии». Что же. В случае с Чайковским нашёлся и контракт. Совсем недавно. В архиве, хранившем бумаги брата Петра Ильича Чайковского — Модеста, о котором писала раба Божья Людмила. Вот ксерокопия этого контракта, заверенная по всем правилам работниками архива.

Воробьевский снова взял со столы бумажку и показал её на камеру во весь экран. После этого он стал читать договор:

«

Типовой контракт продажи души

Срок удовлетворения желаний продавца при жизни — 33 года.

Срок обладания покупателем душой продавца после смерти — бессрочно.

Смерть продавца: по истечении срока удовлетворения в тот же год его душу забирает демон.

Я, Петр Ильич Чайковский, отрекаюсь от Бога, от Пресвятой Троицы, от Иисуса Христа, Господа и Спаса нашего, и от Пресвятой Богородицы и её заступничества и заступничества всех святых и предаю себя нечистой и лукавой силе за славу, почести и известность в этом мире.

Демоны должны сделать меня самым великим русским композитором, который получит всемирные известность и признание. Кроме того, демоны должны содействовать исполнению всех моих блудных желаний и помогать мне деньгами в случае нужды. За это душа моя после смерти будет навсегда принадлежать Сатане. Кроме того, за это же я обязуюсь и торжественно обещаю верно и искренне служить Сатане педерастией, распространять по земле мужеложество и прочую содомию и соблазнять в эти грехи людей как своим музыкальным творчеством, так и всей своей жизнью, да помогут мне в этом Дьявол и его слуги-демоны.

О сроке удовлетворения желаний (тридцать три года), о том, что демон заберет мою душу в ад в 1893 году после 31 апреля, а также о правилах исчисления срока удовлетворения (юлианский календарь, используемый православной церковью; начало суток — ноль часов ночи по равномерной двадцатичетырехчасовой системе; неполный начальный и конечный годы включены в срок подобно целым годам) уведомлён.

Пётр Чайковский, бывший раб Божий,
ныне же слуга Сатанин.
31 апреля 1861 года, 23 ч. 50 мин.

(Подпись кровью)

Педеромелех, архидемон-стратилат.
31 апреля 1861 года, 23 ч. 50 мин.
»

(Знак-печать архидемона)

Закончив чтение, Воробьевский поднял глаза и сказал:

— Я думаю, не надо особо пояснять, что означают эти дата и время — «31 апреля 1861 года, 23 ч. 50 мин.»: Чайковский продал свою душу в ночь с 31 апреля на 1 мая — то есть в Вальпургиеву ночь, почти в самую полночь. А Вальпургиева ночь по народным поверьям есть та самая ночь, в которую ведьмы слетаются на шабаши в свои излюбленные места. В Германии это гора Брокен; на Украине это Лысая гора, ныне находящаяся в пределах городской черты Киева.

— Как показала экспертиза графолога, на этой хартии, действительно, подпись самого Чайковского. Медэксперты сделали заключение, что она выполнена настоящей человеческой кровью.

— Кстати: следует напомнить, что древние новый день отсчитывали не с полночи, а с заката солнца. Православная церковь поступает так и сейчас. Поэтому можно сказать, что Пётр Ильич продал душу в первомайскую ночь.

— Итак, в 1861 году, в мае, чиновник министерства юстиции Чайковский, имея более двадцати лет от роду, продает душу демону, а осень того же 1861 года он уже становится студентом Московской консерватории. Чайковский заключает контракт на тридцать три года. Довольно длительный срок — ведь, как говорят исследователи подобных сделок, обычно контракт заключается на двадцать или на двадцать пять лет. Длительный срок. Но велик и посеянный за этот срок соблазн, велики и совершённые за этот срок несчастным и слепым грешником грехи. Тридцать три года. Столько прожил Христос. Тридцать три года — знак поругания тридцати трёх лет жизни Спасителя. Напомним, что и в масонстве, в наиболее распространённой его версии, тридцать три степени...

— Пришла пора завершать нашу необычную передачу. В заключение хочу сказать: как правило такие люди, как Чайковский ещё до заключения контракта с демоном уже становятся рабами различных ужасных страстей и уже совершают многие тяжкие грехи; и поэтому через эти грехи и страсти они еще до продажи души как бы рождаются с демонами. Думаю, не надо рассказывать о том, чем и как привлёк к себе демонов Чайковский — это хорошо известно всем.

— Наконец, не могу не удержаться от слов благодарности. Я рад, что не одинок в своих взглядах на Чайковского, на творчество его и ему подобных людей, идущих на связь с Сатаной и демонами для достижения своих земных целей... Я рад, что благословение нашей сегодняшней передаче дал сам митрополит Илларион Алфеев и благодарен ему за это. Кстати. Он не только дал благословение, но и лично посетил меня и нашу съемочную группу во время съемок этой передачи. А это значит, что священноначалие нашей православной церкви поддерживает нас. И эта поддержка мне очень дорога — она показывает и подтверждает, что мой скромный труд не напрасен. До свидания, братия и сестры. Храни вас Господь!

Когда Воробьевский, зачитывая контракт, упомянул Педеромелеха, Кураева стал разбирать смех. Андрей Вячеславович неудержимо просмеялся до самого конца видеозаписи передачи. С одной стороны ему было смешно, но с другой — не очень: ведь было совершенно ясно, что в один прекрасный день Воробьевский может зачитать на всю страну и весь мир контракт, который якобы заключил с Сатаной сам Кураев. Тем более, что с тех пор, как он победил в гастрономическом состязании митрополита Владимира про такой контракт стали ходить упорные слухи — в особенности среди монашествующих. Думая

об этих слухах, Кураев никак не мог понять одного: почему людям, передающим их друг другу, никак не приходит в голову та простая идея, что, возможно, сам митрополит Владимир тоже заключил контракт с Сатаной? «Какая тут логика? — мучил себя вопросами Кураев. — Почему все считают, что мой гастрономический дар — от Дьявола, а гастрономический дар митрополита Владимира — от Господа Бога, а не, скажем, наоборот?»

Вскоре предпринятая Илларионом атака на Чайковского принесла желаемые плоды: несколько музыкальных школ сменили своё имя. Правда, почти все они были в провинции; в Москве сменила имя лишь одна школа. Правда в ней был ещё проведён среди воспитанников конкурс политического плаката. В каких только ужасающих зраках не предстали перед зрителями на этих плакатах королева Англии и Президент Соединённых Штатов Америки... Об этом конкурсе с демонстрацией наиболее отличившихся плакатов даже было рассказано по центральному телевидению. А самый страшный плакат, на котором королева Англии изображалась в виде упыря, а Андрей Кураев — в виде летучей мыши, был отправлен в Московскую консерваторию заведующему кафедрой нравственного богословия — то есть митрополиту Иллариону.

Вобщем, по всеобщему мнению с Чайковским было покончено. И все ужаснулись этому. Но причуды Иллариона на этом не закончились. Его внимание неожиданно для всех привлекли копрофильское эпистолярное и музыкальное наследие Вольфганга Амадея Моцарта. Письма Вольфганга Амадея как-то случайно попались на глаза Иллариону Алфееву и буквально на следующий день он уже зачитывал их на лекциях студентам консерватории, делая обширные комментарии нравоучительного характера, начинавшиеся фразой: «Этот говноед Моцарт...». А ещё через пару дней митрополит Илларион узнал о существовании такого произведения Вольфганга Амадея, как *Leck mir den Arsch fein recht schön sauber* — то есть «Вылижи мой зад нежно, правильно, красиво, чисто» и стал клеймить его. Оно потом сыграло злую шутку с митрополитом Илларионом, который даже никогда его не слышал. Вернее, он слышал его когда-то и даже очень хорошо, слишком хорошо, но не знал, что это оно — до самой последней минуты, когда... Впрочем, об этом позже.

Услышав в речах Иллариона про Моцарта знакомые нотки, все снова ужаснулись и подумали: «Неужели дело дойдёт даже до этого?». Но, опять же, никто не посмел возразить. Однако сам Илларион вовсе не хотел запрещать Моцарта и вёл его «критику» «на всякий случай», «для профилактики». Он, Илларион, считал, что для него вполне хватит и победы над Петром Ильичом; победа же над Моцартом, как думал митрополит, может многими быть воспринята негативно и вызывающе. В конце концов, Илларион ниспровергал Петра Ильича вовсе не для того, что потом пойти по нарастающей и ниспровергнуть Вольфганга Амадея, а для того, чтобы ему удобнее было бороться с Кураевым.

Разумеется, митрополит Илларион понимал, что, разгромив Петра Ильича и громя Кураева, он должен доказать в глазах всех, что он сам находится «на уровне», что он сам — выдающийся композитор. Для этого он давно работал над ораторией «Страсти по Иоанну» и готовился к тому, чтобы представить её на суд зрителей вскоре после Светлой Седмицы. В последние недели Великого поста уже начались репетиции. Илларион думал и все, анонсируя событие, писали, что эта оратория должна стать музыкальным событием года, если не десятилетия. Илларион даже несколько раз давал интервью центральному телевидению, в которых, говоря о своих творческих планах и о своей текущей композиторской работе, упоминал о «Страстях по Иоанну».

На страстной седмице в газете Московской консерватории появилась статья, которая, как и одна из предыдущих статей, тоже имела рифмованный заголовок — «**Сегодня оперу послушал говноед, а завтра — обосрал победы дедов!**». По сути она была повторением статьи «**Сегодня пидора играешь ноты, а завтра — зад продашь, у чёрта взяв банкноты!**» и была направлена против извращения и извращенцев в искусстве; однако, в отличие от прежней статьи, из которой было ясно о каком именно «пидоре» идёт речь, в новой статье не указывалось, кого же именно следует подразумевать под «говное-

дом». Тем не менее, из контекста того, что происходило в консерватории в последнее время, всем было ясно, что под «говноедом» следует понимать Вольфганга Амадея... Все снова застыли в недобром предчувствии.

Прошла Пасха и наступила Светлая Седмица. В её середине Юрий Воробьевский снова появился на центральном телевидении. На этот раз его передача была посвящена Моцарту. Кураев видел её рекламу в конце Великого Поста и взял эту грядущую передачу на заметку. Действительно, разве это не интересно — чего нового скажет Воробьевский о Вольфганге Амадее на основании вновь обнаруженных архивных документов? Андрей Вячеславович, конечно, примерно догадывался, что именно скажет Юрий — и надежды его не обманули. В положенное время, будучи в одной из гостиниц Лос-Анджелеса, изрядно подустав после гастролей по Южной Америке, Кураев растянулся на широкой кровати, уставился в телевизор, подключённый к ноутбуку, и стал внимать появившемуся на огромном экране специалисту по оккультизму и демонологии.

— В прошлый раз мы говорили о Петре Ильиче Чайковском, его загадочном таланте, его загадочной смерти. — вещал Воробьевский. — Время от времени история через архивы и мемуары подбрасывают нам новые документы, которые заставляют нас переосмыслить то, что уже давно осмыслено, пересмотреть то, взгляды на что давно устоялись. И тогда многие события предстают пред нами совершенно в другом свете — совсем не так, как мы этому были научены в школе, были научены литературой, общепринятыми мнениями и прочим подобным. На этот раз мы поговорим о Вольфганге Амадее Моцарте.

— Чего, кажется, можно не знать о Моцарте? Гений, гениальность которого была открыта еще в детстве и развита во всей полноте его родителями. Чего тут и говорить? Конечно, ребенок был очень талантлив — это безусловно. Даже гениален. Но всякий ли гений может пробиться до вершин славы? Нет... Многих и многих из гениев ждал неуспех и забвение просто из-за того, что им не повстречались нужные люди в нужный час и поэтому им не удалось раскрыть свою гениальность... В прошлой передаче мы говорили, что гениальный писатель может родиться в крестьянской семье, в семье крепостных, и до конца своей жизни так и не узнать грамоты. К счастью, Моцарт был избавлен от подобных вещей. Ему повезло. Но что стояло за этим везением? Подлинно ли это было везение, полученное от каких-то безличных, слепых сил природы, полученное случайно, по стечению обстоятельств? Или... Впрочем, не будем забегать вперед.

— Итак, Моцарт. Родился 27 января 1756 года. До него в семье Моцартов родилась старшая сестра — Наннерль, которая была старше Вольфганга Амадея на четыре года. Когда Моцарту было три года, его семилетняя сестра Наннерль стала получать от отца уроки игры на клавесине. Эти уроки оказывают огромное влияние на Моцарта. Уже в это время, в три годика, Вольфганг Амадей садится за инструмент и подбирает созвучия... В четыре года отец начинает разучивать с Амадеем небольшие пьесы и минуэты для клавесина. Почти сразу же Вольфганг выучивается играть их и, притом, хорошо. У него возникает стремление к творчеству и уже в пять лет он сочиняет маленькие пьесы, для записи которых на бумагу, правда, ещё требуется отец. Эти самые первые сочинения были созданы им в 1761 году, в начале года: между концом января и апрелем. Отец понимает, что его ребенок явно очень одарён и решает показать его известным людям. В том же 1761 году отец с сыном отправляются в Мюнхен, где Моцарт-младший даёт концерт, на котором присутствует курфюрст Баварии. В шесть лет Моцарт уже умеет играть не только на клавесине, но и на скрипке. В 1763 году, на седьмом году жизни, отец снова решает показать своего сына «на большой сцене» перед известными людьми. Моцарт с отцом отправляются в Вену и по пути останавливаются в Ибсе, во францисканском монастыре. В этом монастыре маленький Моцарт впервые знакомится с органом и успешно играет на нём. И вот тут-то, по-видимому, в том же францисканском монастыре, с Моцартом происходит нечто интересное и ужасное — то, о чём не говорят и что стало известно только лишь недавно из воспоминаний свояченицы Вольфганга Амадея Софи Вебер. Затем Моцарт прибывает в

Вену — это было 6 октября 1763 года, — дает там концерты и все его воспринимают как музыканта-вундеркинда. Каковым он, в сущности, и был, что называется, «от природы».

— Вряд ли нужно рассказывать историю Моцарта дальше. За небольшим исключением. Итак, что же поведала о Моцарте Софи Вебер?

— Софи Вебер, как уже сказано, была свояченицей Моцарта; она ухаживала за ним во время болезни перед самой его смертью. И вот, согласно недавно обнаруженному дневнику Софи, хранившемуся у ее родственников, стали известны обстоятельства смерти Вольфганга Амадея — обстоятельства, которые раньше не были известны, ибо, как ясно, такое родственники и потомки композитора должны были тщательно скрывать. Согласно записям в дневнике Софи Вебер, Моцарт в последние дни перед смертью стал очень страшиться кого-то невидимого, якобы пришедшего за ним. При этом он часто говорил, что время его истекло и что до конца года к нему обязательно должен вновь придти дьявол и свернуть ему шею, если до этого он, конечно, не умрёт сам. А ещё он говорил, что болезнь с ним приключилась от того, что ночью с 31 января на 1 февраля, после полночи, к нему явился демон, сообщил, что его срок истёк и затем стал душить его. И после той ночи он, как признавался Софи, мучился вплоть до настоящего времени — почти год! И от мук — сначала от муки душевной, а потом и телесной — он всё время хотел умереть.

— Рассказал Амадей и о том, как связался с Дьяволом. В возрасте семи лет по пути в Вену, когда он остановился с отцом в Ибсе, во францисканском монастыре, Вольфганг для интереса стал бродить по монастырю и залез в какое-то помещение на чердаке. Там он неожиданно для себя встретился с неким незнакомцем, который сказал ему: «Мальчик, а ты не хотел бы заняться музыкой по-серьёзному? И стать всемирно известным композитором и музыкантом? Пожалуй, одним из самых известных?». Вольфганг очень переживал по поводу возможной неудачи в Вене; он очень хотел порадовать отца тем, чему выучился; он попросту хотел, чтобы ему все хлопали в ладоши и чтобы он был в центре внимания. Моцарт ответил на вопрос незнакомца «Да»; и тогда незнакомец сказал, что он — сам Дьявол и предложил заключить контракт. Обо всём этом написала со слов умирающего Моцарта в своих дневниках Софи Вебер...

— Софи спросила Моцарта: не хочет ли он позвать священника? Но он отказался. В последние дни жизни Моцарт, оставаясь наедине с Софией, часто повторял: «Нет мне теперь пути обратно, к Богу! Ад, ад ждёт меня за земную славу — и настоящую, и будущую! И я точно знаю это! Мне уже не помочь...».

— Вот, дорогие зрители, и разгадка того, как становятся великими. Безусловно, Вольфганг Амадей был талантлив и даже гениален — и как исполнитель, и как композитор. Но, как мы говорили, для того, чтобы пробиться вверх, для того, чтобы стяжать земную славу одного этого порой оказывается недостаточно... И тогда к нестойким душам, жаждущим славы, почестей и величия иногда приходит демон и обещает преподнести всё это на блюдечке в обмен на бессмертную душу. Надо лишь только заключить «небольшой контракт».

— Известно, что Вольфганг Амадей Моцарт был масоном. И вступил он в масонство отчасти и потому, что искал в масонских кругах протекции и иной помощи. В том числе и, по-видимому, возможности взять денег в долг. В масонство увлек Вольфганг Амадей и своего отца. Поэтому можно предположить, что в масонских ложах хранилось и до сих пор хранится много документов, связанных с жизнью Моцарта. Многие архивные документы масонских лож были захвачены войсками СССР в Германии и Австрии во время Великой Отечественной Войны и затем вывезены. Совсем недавно были обнаружены документы масонских лож, располагавшихся в Австрии, в Вене и среди этих документов нашлась одна весьма прелюбопытная бумажка — тот самый контракт с демоном, который заключил Вольфганг Амадей.

Тут Юрий Воробьевский взял в руки ксерокопию ветхой, пожелтевшей от времени бумаги и показал её крупным планом зрителям. Документ, естественно, был составлен на немецком языке. Пока документ красовался на экране, Воробьевский зачитал его перевод:

«
Типовой контракт продажи души

Срок удовлетворения желаний продавца при жизни — 30 лет.

Срок обладания покупателем душой продавца после смерти — бессрочно.

Смерть продавца: по истечении срока удовлетворения в тот же год его душу забирает демон — наставив болезнь или, если продавец не умрёт от неё, непосредственно умертвив.

Я, Иоганн Хризостом Вольфганг Теофил (Готлиб-Амадей) Моцарт, вступая в ряды всемирного сообщества слуг и поклонников Сатаны и продавая ему свою вечную душу, отрекаясь от Бога, от Богородицы и Её заступничества и от всех святых, предавая себя лукавой и нечистой силе, перед лицом своих товарищей — ведьм, колдунов, еретиков, отступников, жидов и масонов — торжественно обещаю: горячо быть преданным Сатане и ненавидеть Бога. Жить и бороться, как завещал Великий и Страшный Сатана, как учат в масонских ложах и ковенах ведьм. Всегда выполнять законы масонов и колдунов.

По достижении зрелого возраста обязуюсь вступить в масонскую ложу или сообщество (ковен) колдунов, да поможет мне Сатана.

Ещё же торжественно обязуюсь: есть какашки, мазаться дерьмом, лизать задницы, распространять копрофилию и соблазнять в неё, не щадя своей жизни и своих сил. Да поможет мне в этом Сатана.

За это демоны должны сделать меня одним из самых великих композиторов во всем мире. Я должен получить с помощью демонов всемирную известность и всемирное признание. И, притом, эта слава не должна исчезнуть по моей смерти, но должна стать ещё большей. Кроме того, демоны должны содействовать исполнению всех моих блудных желаний и помогать мне деньгами в случае нужды. В обмен за такое покровительство демонов душа моя после смерти будет навсегда принадлежать Сатане.

Вольфганг Моцарт, ранее — раб Божий,
теперь — слуга Сатаны.

27 января 1763 года, 14 ч. 25 мин.

(Подпись кровью)

Копробукк, старший блудный демон.

27 января 1763 года, 14 ч. 25 мин.

(Знак-печать старшего демона)

»

— В семь лет! Продажа души Сатане в семь лет! Подумать только! — мелькнула усмешка в голове у Кураева, когда Воробьевский зачитывал контракт. — Надо же, какой смышлёный! Прямо как пионер или октябрёнок из советских фильмов про разоблачение иностранных шпионов! И даже ещё сообразительнее! Только наоборот. Прямо этакий австрийский Мальчиш-Плохиш!

— Итак, — начал делать заключение Воробьевский, — Моцарт продал свою душу в обмен на тридцать лет славы и величия. Тридцать лет. Тридцать — очень символическое число. Тридцать серебрянников Иуды... «Цена оценённого»... Символ предательства человеком Бога...

— Интересно, что к Петру Ильичу Чайковскому явился более сильный демон, чем к Моцарту: к первому пожаловал сам архидемон-стратилат, а ко второму — всего лишь старший демон. Интересно, почему? Старцы и святые отцы говорят, — и этому учит церковь вообще, — что Дьявол не знает будущего, но лишь только предполагает о нём и по этим предположениям строит свои планы. Вот и про Моцарта, видимо, демоны ещё точно не знали, что из него получится и какова будет его дальнейшая судьба — ведь он был со-

всем ещё маленьким и, например, вполне мог умереть в детстве. Поэтому его и обхаживал, наверное, демон не самого высшего ранга.

— Заметьте, что имена демонов порой очень символичны. Демон, заключивший контракт с Моцартом, именовался Копробукком. Вам известно, что такое «копрофилия»? По-простонародному копрофилов называют «говноедами». И демон Копробукк, как ясно из его имени, есть демон копрофилии. Он возбуждает в человеке эту страсть, он склоняет его к этому, к копрофилии, которая есть не только грех, но и самое настоящее безумство. Конечно, многие могут возразить: «Где написано в заповедях, что это грех?». Но ведь на это тоже можно возразить: «Запрещают обычно то, что люди делают — причем массово. А на редкие дела всяких сумасшедших не напасешься заповедей»...

— Кстати: опытные экзорцисты говорят, что есть блудные демоны, носящие имена Аналфиксанус и Оралфиксанус. Вы, конечно, знаете, что такое «оральная фиксация» и «анальная фиксация» в психоанализе. Эти фиксации были «изобретены» пресловутым доктором Фрейдом в двадцатом веке. Но ведь демоны носили эти имена уже столетия и даже тысячелетия до того, как появился Фрейд! И поэтому возникает вопрос: сам ли Фрейд догадался про эти фиксации или ему кто-то дал подсказку? Или, может быть, эти демоны ему попросту явились? Или, может быть, он был ими одержим? Вот ещё одна загадка! Вот ещё один взлёт гения — доктора Фрейда — взлёт, о котором следует задуматься...

— И ещё: вслушайтесь внимательно в ту клятву, которую дал Моцарт. Вам она ничего не напоминает? В этой клятве легко узнаётся клятва пионеров Советского Союза. Или, вернее, в клятве пионеров Советского Союза легко узнается клятва, приносимая при продаже души демону... Вам это не кажется странным? Вас это не наводит на размышления?

— Но вернёмся к герою нашей сегодняшней передачи, к Моцарту. Как демон Копробукк действовал в его жизни, действовал в нём и через него, Вольфганга Амадея? Моцарт и копрофилия — это очень интересная и очень щекотливая тема. Как известно, Вольфганг Амадей был копрофилом — то есть рабом демона Копробукка. И об этом свидетельствуют некоторые из моцартовских писем. Мы прочитаем несколько выдержек из них, чтобы всем было ясно, о чём идёт речь...

И тут Воробьевский зачитал выдержки из писем Моцарта. Эти выдержки уже были известны Кураеву — именно они, эти выдержки, крутились у Андрея Вячеславовича в голове, когда он после гастрономического поединка с Владимиром Котляровым отдыхал в одном из отелей Иерусалима во время своего Первого всемирного тура...

Сперва Юрий Воробьевский процитировал слова Моцарта из его письма к своей кузине Марии Анне Текле Моцарт в Аугсбург из Мангейма от 5 ноября 1777 года:

«Да, признаюсь,
я насру тебе на нос,
и потечёт по подбородку. <...>
А теперь пожелаю вам доброй ночи,
срите в постель что есть мочи,
сладко спите,
задницу к носу подтяните. <...>

Далее Воробьевский процитировал письмо Моцарта той же Марии Анне Текле Моцарт в Аугсбург из Мангейма от 28 февраля 1778 года:

«Дерьмо! — Дерьмо! О дерьмо! О дивное слово! Дерьмо! Оно вкусно! Тоже хорошо! Вкуси дерьмо! Лижи дерьмо! О Шармант! Лижи дерьмо! О как я рад! Дерьмо вкуси, лизни! Вкуси дерьмо, лизни дерьмо! <...>

Всем моим друзьям приветы,
кто не верит, пусть оближет меня за это,
отныне и вовеки веков,
пока много таких, как я, дураков.

Придётся ему меня долго лизать,
душа моя в пятки начнет убегать,
дерьмо из меня начнет вылезать
и вкусного ему начнет не хватать.
Адъё, ку-у-зинушка».

Наконец, Воробьевский упомянул о существовании такого произведения Моцарта, как *Leck mir den Arsch fein recht schön sauber* — то есть «Вылижи мой зад нежно, правильно, красиво, чисто». И не только упомянул, но и дал в своей передаче прослушать отрывок из этого произведения в исполнении немецкого детского хора длиной в несколько минут.

Передача подходила к концу; Воробьевский загадочно улыбнулся и сказал напоследок:

— Как известно, Моцарт и Гайдн были большими друзьями. Но есть основания полагать, что основами их дружбы были не только личная привязанность и любовь к музыке. Недавно было обнаружено письмо. Его выкупил за большие деньги из частной коллекции один богатый поклонник творчества Моцарта. Выкупил напрямую, минуя аукционы. Хотя с точностью говорить об этом нельзя, но некоторые эксперты полагают, что это письмо Моцарта Гайдну. Мы зачитаем перевод этого письма. Что следует думать в связи с этим письмом — решайте сами...

На экране появился фрагмент из «Волшебной флейты». Исполнялась Первая ария Папагено:

Der Vogelfänger bin ich ja, [Я — птицелов, да!]
Stets lustig heisa hop-sa-sa! [Всегда я весел, гип-гип, тра-ля-ля!]
Ich Vogelfänger bin bekannt [Я, птицелов, известен хорошо]
Bei alt und jung im ganzen Land. [И старикам, и молодым по всей земле.]
Weiß mit dem Lokken umzugehn, [Попробуй научись кружить по лесу с ловушками]
Und mich aufs Pfeiffen zu verstehn! [И играть на флейте понятно для птиц!]
Drum kann ich froh und lustig sein, [Поэтому могу я счастлив и весел быть —
Denn alle Vögel sind ja mein! [Ибо все птицы — да, мои!]

Звук арии постепенно делался тише; наконец, когда он стал слабо слышим, закадровый голос зачитал письмо:

«
Йозеф, мой друг! Бросай свой сраный говнистый Лондон и приезжай ко мне. Мы снова отправимся на пару месяцев колесить по Европе. Помнишь, как мы засовывали друг другу в зад эти изумительные зальцбургские охотничьи колбаски? Таких больше нигде не делают! А от дерьма в твоей заднице они приобретают изумительные привкусы, напоминающие мне стряпню моей матушки в детстве. Может быть, съедемся сразу в Зальцбурге? Черкни пару строк. Адъё, мой засранец и шалун!
»

На неделе, следующей за Светлой седмицей, обе передачи Воробьевского — и про Чайковского, и про Моцарта — были показаны студентам Московской консерватории вместо лекции по нравственному богословию. А в субботу этой же недели в зале Московской консерватории состоялась пробное представление публике новой оратории Иллариона Алфеева — «Страстей по Иоанну». Фактически это была премьера.

Хотя это произведение впервые на публике предполагалось исполнить в консерватории, оркестр и хор не были консерваторскими — как это можно было подумать. И никто ни из хора, ни из оркестра, видимо, тоже не видел последней передачи Воробьевского или же если и смотрел её, то не очень внимательно. Надо сказать, что Илларион Алфеев

также сам не видел этих передач Воробьевского полностью, хотя, конечно, достаточно подробно знал об их содержании — посмотреть их толком у него не было времени.

На премьеру «Страстей по Иоанну» прибыли корреспонденты центрального телевидения. Сама премьера профессионально записывалась на видео. Илларион Алфеев чувствовал себя триумфатором...

Что можно было сказать о музыке митрополита Алфеева вообще? Главной отличительной особенностью его «серьёзных», «больших» произведений было то, что в них невозможно было найти такого отрывка, который хотелось бы слушать снова и снова и даже такого, который попросту запомнился. Его музыка напоминала какую-то безвкусную «дежурную» жвачку и переливание из пустого в порожнее. В этой музыке порой даже трудно было выделить какой-то осмысленный отрывок, фразу... Тем не менее, музыка Алфеева с точки зрения «музыкальных законов», с точки зрения гармонии была безупречна. И, конечно же, было несомненно, что то, что пишет Алфеев — это «классика». Андрей Кураев долго думал о том, что ему напоминала музыка митрополита Иллариона и, наконец, понял: если взять музыкальное произведение и пустить его задом наперед, то получишь что-то похожее на музыку Иллариона. «Интересно, — подумал Кураев, совершив это открытие, — а если музыку Алфеева пустить задом наперед, то, может быть, она от этого даже выиграет?».

Итак, настала суббота, согнанные на представление студенты забили консерваторский зал до отказа и исполнение алфеевских «Страстей по Иоанну» началось. Безусловно, это было одно из лучших произведений Иллариона Алфеева. Однако через несколько минут с задних рядов начались раздаваться смешки. Постепенно они становились всё сильнее и сильнее и, наконец, распространились до первых рядов. Наконец, кто-то не выдержал и, давась от смеха, громко пропел вслед за исполнявшейся мелодией:

— *Leck mir den Arsch fein recht schön sauber!*

Это был конец. Илларион Алфеев, сам не зная как, не намереваясь делать это, неосознанно, заимствовал у Моцарта мелодию из его *Leck mir den Arsch fein recht schön sauber*. Илларион даже не помнил, где он слышал это произведение и не знал, что авторство принадлежит Моцарту. Эта мелодия — в особенности же та её часть, где напеваётся «*Leck mir den Arsch fein recht schön sauber*» пробивалась у Иллариона в его оратории во множестве мест. Эта мелодия развивалась, украшалась, видоизменялась... Как кажется, она была «сердцем» всей оратории, вокруг которого всё крутилось.

Оркестру кое-как удалось доиграть ораторию, а студентам — кое-как дослушать. Разумеется, ни о каком показе видеозаписи илларионовского концерта в консерватории по телевидению не было и речи. Про видеозапись, да и про само это произведение Иллариона официальные медиа словно забыли — будто бы они же сами его никогда не анонсировали. Однако студентами консерватории было сделано несколько любительских записей фрагментов концерта. Эти-то записи и поведали миру об очередном гениальном творении митрополита Иллариона.

«Страсти по Иоанну» Иллариона Алфеева стали поистине народным произведением — таким же известным, как и мифическая якобы постановка оперы «Повесть о настоящем человеке».

Провал нанёс по психике Иллариона сокрушительный удар. Он пришёл в дурное и болезненное расположение духа и несколько недель не ходил читать лекцию в Консерваторию и не делала вообще ничего, объясняя это болезнью. Наконец, он снова появился на публике и стал читать лекции; при этом он стремился делать невозмутимый вид и вел себя так, как будто бы ничего не произошло. Его ораторский пыл, направленный против Петра Ильича и Вольфганга Амадея несколько поуёас, но в Кураева он по-прежнему был готов метать громы и молнии.

13. Псалмокатара

Вернемся во времени назад, к началу Великого поста. Русская Православная Церковь после предания Кураева анафеме примерно год, от начала Великого поста до начала следующего Великого поста, молилась о вселении в Кураева демонов и о том, чтобы Андрей Вячеславович не дожил до следующего дня Торжества православия и до следующей Пасхи. Но вот, настал следующий день Торжества православия, а Кураев всё и не думал ни умирать, ни тяжело болеть, ни становиться бесноватым. И это сильно роняло репутацию церкви и священноначалия в глазах как верующих, так и неверующих. Церковные верхи раздумывали: чтобы предпринять ещё? И, наконец, придумали. Собственно, эту идею того, что надо делать подал ещё год назад отец Наум.

В день Торжества православия, как и полагается, после литургии в храмах был совершён Чин Православия с подобающим проклятием ересей, еретиков и прочих враждебных церкви учений и лиц. Как и в прошлом году, в этом году со всех амвонов Московской Патриархии была зачитана анафеме Кураеву со всеми содержащимися в ней проклятиями. А после Чина Православия в главнейших храмах страны — в Храме Христа Спасителя, в Исаакии, а также в Успенском Соборе Троице-Сергиевой Лавры — был совершен чин псалмокатары. Псалмокатара, совершавшаяся в Успенском Соборе Троице-Сергиевой Лавры, «вживую» транслировалась на всю страну по одному из центральных каналов телевидения. Кураев, естественно, не мог удержаться и посмотрел эту передачу.

Для совершения псалмокатары в Троице-Сергиеву Лавру должен был пожаловать сам Патриарх Кирилл, настоятель Лавры, однако в последний момент вместо него для этого приехал лишь митрополит Илларион Алфеев, который и был самым главным на этой службе.

Хотя обычно псалмокатара совершается семью священниками, однако на этот раз она совершалась семью епископами. Как и положено при совершении этого чина, епископы принародно вышли на середину храма и переодели свои облачения наизнанку и переобулись так, чтобы левая туфля была на правой ноге, а правая — не левой. В центре храма стоял стол, на котором располагались сосуд с уксусом, негашеная известь и семь чёрных смоляных свечей. Илларион Алфеев зачерпнул в ладонь известь и бросил её в сосуд с уксусом, а затем взял чёрную свечу и зажёл её; прочие епископы также взяли чёрные свечи. Последование отлучения, проклятия и призыва бедствий и суда на голову Кураева началось.

— Да будет он все годы жизни своей на земле претерпевать страдания и муки, как Каин... И в жилище его да не наступит никогда благой день, но да будет имущество его предано всяческой гибели; и всё, что имеет он, и все, что сделает он да постигнет гибель... — вещал Илларион.

— Да не рассыплется тело его, да не обратиться в прах, да не подвергнется он после смерти тлению, но да сохранит безобразный вид... — сыпал проклятиями митрополит Питирим.

Каждый из епископов зачитал положенные фрагменты из псалмов.

— Боже, хвалы моя не премолчи, яко уста грешника и уста лстиваго на мя отверзошася, глаголаша на мя языком лстивым, и словеси ненавистными обыдоша мя, и брашася со мною туне. Вместо еже любити мя, оболгаху мя, аз же моляхся, и положиша на мя злая за благая, и ненависть за возлюбление мое. Постави на него грешника, и диавол да станет одесную его. Внегда судитися ему, да изыдет осужден, и молитва его да будет в грех. Да будут дние его мали, и епископство его да приимет ин: да будут сынове его сири, и жена его вдова: движущеся да преселятся сынове его и воспросят, да изгнани будут из домов своих. Да възыщет заимодавец вся, елика суть его, и да восхитят чуждии труды его. Да не будет ему заступника, ниже да будет ущедряя сироты его. (Пс.108:1-2) — глаголал митрополит Меркурий.

— Да будут чада его в погубление, в роде едином да потребится имя его. Да воспомянется беззаконие отец его пред Господем, и грех матере его да не очистится. Да будут пред Господем выну и да потребится от земли память их. Занеже не помяну сотворити милость, и погна человека нища и убога, и умилена сердцем умертвити. И возлюби клятву, и приидет ему, и не восхоте благословения, и удалится от него. И облечеся в клятву яко в ризу, и вниде яко вода во утробу его, и яко елей в кости его. Да будет ему яко риза, в ню же облачится, и яко пояс, имже выну опоясуется. Сие дело оболгающих мя у Господа и глаголющих лукавая на душу мою. И ты, Господи, Господи, сотвори со мною имене ради Твоего, яко блага милость Твоя. Избави мя, яко нищ и убог есмь аз, и сердце мое смятется внутрь мене. (Пс.108:13-22) — глаголал митрополит Никон.

Был пропет «тропарь Иуды»: «Днесь Иуда оставляет Учителя и приемлет диавола, ослепляется страстию сребролюбия, отпадает света омраченный. Како бо можаше зрети, Светило продавый на тридесятих сребреницех? Но нам возсия Страдавый за мир, к Нему же возопиим: пострадавый и сострадавый человеком, Господи, слава Тебе. Днесь Иуда притворяет благочестие и отчуждается дарования, сый ученик бывает предатель; во обычном лобзании лесть покрывает, и предпочитает Владычния любве, несмысленно работати сребролюбию, наставник быв соборища беззаконнаго; мы же имуще спасение Христа, Того прославим»

Наконец, псалмокатара закончилась. Под видеороликом с этим обрядом шло обсуждение чина псалмокатары и Кураев стал читать комментарии. В одном из комментариев кто-то из язычников говорил: «А ещё говорят, что православные — не такие, как иудеи. Что это такое, как не та же иудейская «пульса де-нура»?». Прочитав это замечание Кураев припомнил, что во время духовной беседы с отцом Наумом тот тоже говорил о «православной «пульса де-нуре»» «по святым отцам». Правда, тогда архимандрит Наум о собственном псалмокатаре говорил очень мало и «пульса де-нурой» называл все те действия, которые совершала над Кураевым Русская Православная Церковь в течение года согласно спущенным сверху инструкциям.

— Хм... — подумал Кураев. — А ведь где-то я читал, что «пульса де-нура» должна подействовать в течение года. А ещё я читал, что если эту «пульсу» делать несправедливо и необоснованно, то удар может поразить тех, кто её проводит... Впрочем, разве законы иудейской «пульса де-нуры» имеют хоть какую-то силу для её православного аналога? Вряд ли...

Хотя ожидалось, что после псалмокатары кара постигнет Кураева уже спустя считанные дни, однако Андрей Вячеславович спокойно дождался Пасхи и не думал ни болеть, ни умирать, не бесноваться. Наступило лето; в июле Кураев вернулся из Нового Света в Европу и продолжил гастроли уже там. Он по-прежнему был здоров и полон сил. Поэтому Русской Православной Церкви пришлось объясниться: почему не подействовали её моления против Кураева, длившиеся значительно дольше года, почему не подействовала псалмокатара? Объяснения дал архимандрит Наум. В один воскресный июльский день было пущено в эфир его интервью радио «Радонеж», в котором он говорил:

— Вот, многие говоря, что церковные молитвы против Кураева не подействовали и спрашивают: «Где же Бог?». Но вспомним, чему учил Господь: есть люди, которые терпевают во временной жизни бедствия для очищения от малых грехов, чтобы награду за благие дела воспринять в вечной жизни; и есть люди, которые, благоденствуя, получают награду за благие дела в этой жизни, чтобы за великие грехи свои вечно мучиться в жизни вечной. Для чего церковь молилась о бедствиях для Кураева и о его смерти и бесновании? Чтобы через страдания и муки он покаялся и обратился к Богу. Но, видать, грехи его столь тяжки, что спасение и будущая блаженная вечная жизнь — не для него. Потому-то, мню, Господь и решил сначала воздать ему за благие дела земным благоденствием, а затем тяжело мучить его за грехи в пакибытии. Итак, церковные молитвы были в сущности своей молитвами милосердной и благой церкви о спасении Кураева. И они были отвергнуты Богом! Чтобы предать Кураева не земным, временным мукам, но загробным мукам, мукам

бесконечным и более ужасным, чем земные муки! Что же. Согласимся, что молитвы о милосердии не подействовали. Но как же можно при этом возмущаться «Где же Бог?» из-за того, что Кураева не постигла кара сейчас, если Господь уготовал ему более тяжкую кару потом? Да, мы, как люди, ошиблись, считая, что язвы греховные Кураева могут быть уврачеваны муками в этой жизни, о чём мы и просили Бога. Оказалось, однако, что раны этого нечестивца неисцельны; и за грехи свои он будет гореть сначала в аду, а затем в озере огненном, уготованном Дьяволу и падшим ангелам его! И чем сильнее будет благоденствовать Кураев в этой жизни, тем больше он будет мучиться в той! Так что если кто-то считает, что молитвы церкви о Кураеве должны были быть направлены не на то, чтобы оказать ему милосердие, а на то, чтобы причинить ему муку без всякого милосердия, то такому человеку должно быть стыдно говорить, что молитвы не подействовали — ибо Господь поступил даже ещё строже с Кураевым, чем об этом просилось в молитвах. Правда, поступил не так, как нам хотелось, а несколько иначе. Но кто мы такие, чтобы указывать Богу, что Ему делать? Кто мы такие, чтобы познать неизреченный Промысел Его? Он поступил так, как лучше и разве можем мы упрекать Его за это? Поэтому я хочу сказать так мыслящим людям: Как это так вы говорите, что молитвы не подействовали? Подействовали! Правда, не совсем так, как нам хотелось и как мы об этом просили. У Господа зло никогда не оставалось и не останется безнаказанным!

За лето молебны о гибели Кураева постепенно сошли на нет.

Второй большой Кураевский тур закончился в октябре там, откуда он и начался — в Европе, в Англии. Это был поистине триумфальный тур. Отзывы о нём были ещё более восторженными, чем о первом туре. Особенно зрителям понравились опера «Берен и Лютиэн» (АК-572), а также опера «Властелин колец. Часть I» (АК-552) и «Властиелин колец. Часть III» (АК-557) и балет «Хоббит» (АК-560).

Когда Кураев вернулся в Эдинбург, в свой замок Броксгейт, поклонники попросили его составить каталог своих произведений. Андрей Вячеславович и сам давно думал об этом. Он засел за работу на целую неделю и, наконец, такой каталог был составлен. Произведения свои Кураев каталогизировал безо всяких хитростей: сначала он приставлял к буквенно-цифровому обозначения произведения буквы «АК», означавшие «Андрей Кураев», а затем добавлял к буквам через дефис порядковый номер произведения, который присваивался в хронологическом порядке — в той степени, в какой Андрей Вячеславович мог вспомнить дату создания произведения. После каталогизации оказалось, что всего Кураев написал 605 музыкальных произведений, в числе которых были 72 оперы, 43 балета и 94 симфонии.

После окончания каталогизации, в начале ноября, просматривая русскоязычный Интернет, Андрей Вячеславович наткнулся на статью «Русского вестника», которая была перепечатана «Третьим Римом», «Русской линией» и «Православным миром». Эта статья называлась: «Размножение пидарасов: Трахаются в рот, рожают жопой. Новости жизни Эдинбургского пидора».

Суть статьи заключалась в следующем: люди уже не раз замечали двух детей, мальчика и девочку лет шести-семи, посещавших замок Броксгейт. Об этом стало известно и начались обсуждения: кто бы это мог быть? Слухи о детях дошли до православных русских патриотов и почти все решили, что это дети Андрея Кураева и Альфреда, получившие жизнь с помощью искусственного оплодотворения и выношенные суррогатной матерью; некоторые предполагали также, что над эмбрионами были произведены какие-то серьезные генетические манипуляции, далеко выходявшие за рамки того, что происходит при искусственном оплодотворении. Это-то и стало темой для обсуждения в «Русском вестнике».

В действительности все было значительно проще: это были дети двоюродной сестры Альфреда, вдовы, медсестры по образованию и способу заработка на жизнь, которую Кураев нанял для ухода за парализованным Альфредом. Собственно, эти дети по закону были наследниками всего имущества Кураева и Альфреда и потому их матери не было ну-

жды работать вообще, но она решила официально заработать пенсию; и потому Кураев нанял её. Вместе со своими детьми она проживала в замке. Каждый будний день шофёр отвозил детей в Эдинбург, в одну из частных школ, и в документах, хранящихся в школе, имелись записи о том, кто был родителями этих детей: это, естественно, были двоюродная сестра Альфреда и её покойный муж. Все одноклассники детей знали об этом.

Кураев углубился в «Русский вестник» и прочёл:

«

Вот мне интересно. Всем известно, что партнёр Кураева, пидирас Альфред, с которым пидарас Кураев трахается, парализован. Как же они там трахаются? Что там кто кому куда вставляет и что там кто у кого сосёт и лижет? И разве интересно Кураеву трахать парализованного Альфреда, который лежит, как бревно? Но интерес мой возрос ещё больше после того, как стало известно, что Альфред и Кураев завели детей — мальчика и девочку. Встает вопрос: как? Как размножаются пидарасы? Может быть, для размножения один оприходует другого в рот, а затем тот беременеет и рождает жопой таких же выблядков и де-генератов, как он сам? По-видимому, да! Ибо как же ещё? Поэтому поздравим папу и папу с тем, что они обогатили гей-сообщество Великобритании ещё двумя кусками дерьма, ещё двумя рождёнными из жопы деланными пальцем педерастическими выблядками из про-бирки, которые, безусловно, последуют по пути своих отцов. Которые, несомненно, поста-раются сами сделать из своих детей петухов.

»

Кураев уже давно привык к подобным выходкам и с улыбкой относится к россий-ским статьям про себя. Но тут ему стало совсем невесело. Какая-то тёмная туча невольно спустилась в его голову; он потерял самоконтроль и самообладание и пришёл в бешенст-во. Он изменил своим представлениям о своих богах любви и света и своей вере в них. Ку-раев поднял правую руку к небу, сжал в кулак ладонь и проклял Россию, русский народ, Русскую Православную Церковь и Иегову, их Бога. Он вовсе не хотел и не намеревался так поступать. Все произошло как-то само, безо всякого участия разума. Кураев пробыл в помрачении несколько минут и, наконец, пришел в себя.

Кураев пребывал в мрачном расположении несколько дней. В это время он прочи-тал в интернетных новостях про один ужасающий случай — рассказ про нравы в одном из детских домов Санкт-Петербурга. Старшие дети из этого детдома наладили гетеро- и го-мосексуальную проституцию младшими детьми. Всё это происходило с ведома начальст-ва — то есть педагогов. При этом старшие дети, выступавшие сутенёрами (а это естест-венно, были почти сплошь мальчики) сами насиловали младших детей — и девочек, и мальчиков. Услугами этого детдома-борделя пользовались священники, чиновники и ино-странцы-туристы. В том числе и секс-туристы. Писали, что вначале цены на секс-услуги были очень дешёвыми: так, девочку-малолетку можно было заказать всего за несколько банок пива. То есть старшие дети попросту демпинговали. Но делали они это не осознан-но, не стремясь сначала разорить конкурентов, а потом поднять цену, а просто чтобы по-лучить хоть какую-то прибавку к тому немногому, что они имели в детдоме. Ведь, в конце концов — продавали и предавали же люди в лагерях друг друга за пачку чая...

Когда Кураев прочитал это, то на глаза его навернулась слеза.

— Это несчастные люди... — сказал Кураев сам себе, придя в сентиментальное на-строение. — Незачем их проклинать. Хотя бы потому, что и без нас там уже проклято всё, что можно. И Иегову тоже нужно жалеть. Ибо если правы буддисты, если Иегову ждёт пе-рерождение — то его участь очень незавидна. Кем он будет? Голодным духом? Демоном? Ведь одно избиение египетских первенцев стоит немало... Да, сильно Он испортил себе карму — как сказал бы Далай-Лама. Что можно противопоставить злобе Иеговы и его слуг? Что-то вроде христианской любви, милосердия и всепрощения... что-то вроде буд-дистского сострадания... И вот с этим у меня пока ещё того — туго...

Затем в голову Кураеву пришли другие мысли:

— Вот, — думал Кураев, — эти безумцы в одиночку хотят тягаться с Европой, США, Китаем и мусульманским миром! Но если не под Киевом, так под Варшавой или Константинополем им дадут прикурить так, что... И тогда получается, что готовиться им надо не к десанту на Аляске или под Сан-Франциско и Лос-Анджелесом, не к штурму Лондона или Берлина, а к безоговорочной капитуляции и оказанию секс-услуг оккупантам и прочим иностранцам. К тому, чтобы гордый православный руссич или его жена умели делать миньет китайскому офицеру или американскому сержанту-негру. Тогда они смогут получить банку тушенки, чтобы не умерли от голода их дети и они сами. Чего тут такого для них — в самом деле? Ведь лизнут же они, не переставая задницы и причинные места своему президенту, правительству, своим вора и бандитам? Им ли привыкать?! Вот именно этим, скорее всего, и закончится торжество православия в одном отдельно взятом православном царстве...

— Хм... — продолжал размышлять Кураев. — Вот, попы, наверное, будут говорить молодым, гоня их в окопы умирать: «Да, вы великие грешники, но, «положив живот за други своя», за Родину, вы очистите свои грехи; они вам будут прощены и вы попадёте на небо; ангелы, святые и Богородица со Христом лично примут ваши души и отведут их в места блаженства. Тем-то и хороша война, что при ней таким образом убеляются и очищаются грешники...». Но что будет на деле? Война — это озверение. И вся эта гопота и уголовная шваль из «Святой Руси» и ей подобных организаций на войне, скорее всего, не придёт к богам света и любви, а лишь падёт ещё ниже. И вместо просветления будет лишь окончательное озверение и падение во тьму и мрак. И этих-то павших во тьму и озверевших церковь и общество объявят святыми и, лицемерно обрядив в белые сияющие одежды, поставят в пример будущим поколениям, которые тоже пойдут на пушечное мясо...

— Хм... озверение... свет снаружи и тьма внутри... лицемерие... — задумался Кураев и продолжил: — Может быть, здесь даже лучше сказать не озверение, а «объиеговление»? Или, следуя гностикам, «обиалдабаофление»? Так и кажется, будто Христос, говоря о «гробах накрашенных, полных внутри всякой нечистоты», имел в виду не столько фарисеев, сколько Того, Кого Он, — может быть, сознательно обманывая окружавших его иудеев, чтобы те его не разорвали прежде времени на части, — называл Своим Отцом?

— Они, конечно, будут кричать «Русские непобедимы!»... — продолжал размышлять Кураев. — Но что значит «непобедимы»? Конечно, непобедимы! В представлении русских окончательно победить — значит даже не убить, а оттрахать в рот и в жопу! Это для них все равно, что вбить осиновый кол в сердце упыря или переломить иглу с Кощеевой Смертью. Но кто на такое пойдет — даже не по моральным, а чисто лишь по имиджевым соображениям? Вот так вот взять и публично, перед всем цивилизованным миром, изнасиловать, оттрахать в рот и в жопу целый народ, больше ста миллионов человек?! И тот, кто на такое все-таки решится — не станет ли он сам русским подобно тому, как в легендах рыцари, победившие драконов, порой сами становились драконами?

— О, загадочная русская душа! — воскликнул с горькой усмешкой Кураев. — Ты предо мной прямо как на ладони! — а затем подумал: — Интересно, а князь Владимир со своими головорезами, то есть новокрещёнными дружинниками-варягами, — угрожали ли они при крещении Киева несогласным стать христианами оттрахать их в рот и в жопу всей дружиной перед смертной казнью?!

Наконец, эти тёмные дни, в которых Кураев пребывал в расстройстве, прошли. А вскоре — это было в середине ноября — Кураеву сообщили, что король Англии решил возвести его в рыцарское достоинство. Церемония прошла в начале декабря. Всё прошло так, как и предполагалось; Андрей Кураев стал рыцарем и получил титул «Сэр». На церемонии присутствовали сэр Пол Маккартни и сэр Элтон Джон. А после церемонии в одном в Лондоне Кураев устроил шикарную вечеринку. Съёмки церемонии и вечеринки стали достоянием общественности. Надо ли говорить, какова на это была рекация Иллириона Алфеева, а также «Русского Вестника» и других, подобных ему, изданий?!

Незадолго до церемонии Кураев внезапно заметил, что не только давно перестал думать по-русски, но и отчасти разучился делать это даже при желании. Он обнаружил с удивлением для себя, что забыл многие русские слова; ещё больше слов он мог припомнить лишь с великим трудом. Кураев никогда не ходил туда, где собирались русские эмигранты или туристы и даже сторонился этих мест. Языка русской молодёжи, заезжавшей в Эдинбург, он не понимал более чем наполовину; да и к тому же говорили они слишком быстро. Он перестал смотреть русский Интернет и читать письма на русском, к нему приходившие — всё это ему в один солнечный день стало просто неинтересно. На Россию и на её обитателей он стал смотреть почти так, как белый человек конца девятнадцатого века смотрел на Папуасию и папуасов с их шаманам, битьем в бубен и барабан и неистовыми плясками вокруг костра. И только Александр по-прежнему, словно живой, был рядом и согревал его душу, будто бы он и не умер в холодной России, а переехал вместе с ним, с Кураевым, в Эдинбург. Кураеву удалось воскресить его в себе — хоть и лишь отчасти. Всё было так, как и говорил старый одинокий профессор из Московской консерватории... Но Кураев точно знал, что Александр — это вовсе не Россия, ибо в России для Александра места нет и не было и что эта далёкая страна была монстром, его сожравшим.

14. Финал

Его Святейшество уже в который раз смотрел столь полюбившийся ему фильм про сверхгероев «Логан» — последний — по крайней мере, логически — из фильмов про Росомаху. Понравился этот фильм Гундяеву тем, что в нём главные сверхгерои — Росомаха и доктор Ксавье — гибли, а сверхгерой, пришедший им на смену, был ещё очень юной неопытной девочкой. После очередного просмотра этого фильма, когда уже шли титры, Кирилл любил повторять: «Хе-хе... А ведь Магнето вас, дурней, давно предупреждал! И кто, спрашивается, теперь виноват?!» или что-то в этом роде. Вот и в этот раз Кирилл начал произносить эти заветные слова:

— Хе-хе... А ведь Магнето вас, дурней...

Внезапно дверь открылась и в комнату вошла испуганная пожилая монашка, прислуживавшая Гундяеву в той загородной подмосковной резиденции, где он сейчас находился. Она, оживлённо жестикулируя, сказала:

— Ваше Святейшество! С Илларионом что-то неладное. Он только что заехал сюда и, не заходя к вам, взял банку с заспиртованной колбасой — ну, ту самую... взял и уехал. В Переделкино, на дачу Патриарха Алексия Второго, которую вы ему отдали в распоряжение.

— Как взял банку? — спросил Кирилл. — Ведь ключи у меня! И комната с холодильником, где хранится банка, заперта!

— Я и говорю, — сказала монашка, — я и говорю: он выломал дверь и забрал себе банку! И потом. С ним было что-то не так. Он был весь вне себя и что-то бормотал как помешанный. Его движения были резкими; сам он был весь возбуждён. Я бы даже сказала, что он выглядел как безумец. Когда он взял эту банку, то, словно одержимый, заорал: «Я! Я! Я буду! Я обязательно стану!». А кем он хочет быть и стать — этого я не поняла. Вы бы, Ваше Святейшество, нагнали его и проверили — всё ли с ним в порядке? И зачем, наконец, ему эта чёртова банка?

Слухи о временах странном поведении митрополита Иллариона поступали к Кириллу и раньше. Самые ранние из них, пожалуй, появились после провала оратории «Страсти по Иоанну». Но затем эти слухи на некоторое время затихли. И вот теперь, после того, как Андрей Кураев стал рыцарем, они возникли вновь. За последнюю неделю они поступали несколько раз; из-за этих слухов Кирилл не на шутку обеспокоился душевным здоровьем Иллариона. Теперь же Кирилл понял, что происходит нечто исключительное и немедля бросился вдогонку за Илларионом.

Когда Кирилл подъехал к переделкинской резиденции Иллариона, то оказалось, что тот прибыл сюда считанные минуты назад. Кирилл бросился в здание — благо, запасные ключи у него были с собой. Иллариона он нашёл в спальне. Это было ужасное зрелище...

Илларион стоял одетым в одни трусы и было видно, что он собирался их снимать. В правой руке он держал злосчастную палку колбасы. Открытая банка со спиртом, в которой хранилась колбаса, стояла на столе. Кирилл, вошедши в комнату и увидев всё это, застыл в оцепенении. Илларион, увидев неожиданно появившегося Кирилла, тоже застыл в оцепенении. Так, в оцепенении, они недвижимо простояли друг напротив друга достаточно долго...

Наконец, до Кирилла дошло, что намеревался сделать Илларион.

— Послушай! — сказал Кирилл. — Ты что — действительно намереваешься сделать это? То есть засунуть себе в задницу палку этой старой заспиртованной колбасы? Но зачем? Ты что — совсем сдурел?!

— Ах! Она... Как ты не понимаешь, отец?! — молвил Илларион. — Как ты не понимаешь, отец?! Она же — волшебная!

— Сколько раз я говорил тебе — не называй меня отцом, сын! Даже когда мы наедине! Не расслабляйся!

— Извини... извини... — начал извиняться Илларион.

— Ты что, Илларион?! — снова взревел Кирилл. — Какая волшебная палка колбасы?! Ты что — свихнулся? Это — колбаса, купленная Кураевым в обычном супермаркете возле дома! Ты ещё на ней ораторию свою сыграть попробуй... Тоже мне — нашёл волшебную флейту! Ну-ка, рассказывай, что теперь взбрело в твою дурную голову!

— Я подумал: Гайдн и Моцарт засовывали друг другу в зад зальцбургские охотничьи колбаски. И Кураев тоже засунул себе в зад палку колбасы. Побольше... И все они стали великими композиторами. И тут я понял: весь секрет — в колбасе! Если засунуть её... Ну, в общем ты понял... Но подойдёт не всякая колбаса, а только волшебная. Тут кому повезёт... Им повезло. И мне повезёт! Эта колбаса — волшебная! Не мешай мне!

Глаза Гундяева, слушавшего этот откровенный бред, округлились и выкатились от изумления. «Вот уж воистину — не имей «Амати», а умей играти...» — пронеслось у него в голове.

— Ты болен! Илларион, ты болен! — громко сказал Кирилл. — Немедленно положи колбасу в банку и оденься! Разве ты не помнишь, что весь этот бред с письмом Моцарта Гайдну выдумали люди из ФСБ по твоей же просьбе?! Ты сдурел, чокнулся! Опомнись! Тебя нельзя оставлять одного...

От этих слов Илларион встрепенулся и на него словно сошло просветление. Он успокоился; глаза его прояснились. Он обхватил руками голову и пробормотал:

— Отец! Отец! Что со мною? Что я делаю? Почему я раздет?! Зачем здесь эта колбаса?!

Впоследствии на даче в Переделкино найдут целую комнату, заставленную разбитыми бюстами Чайковского и Моцарта; найдут и видеокассету с программным выступлением Иллариона в полном митрополичьем облачении, в котором он призывает запретить оперу, балет, театры вообще и кинематограф...

Гундяев запер Иллариона в спальне. Затем он позвал одного из охранников и сказал ему, чтобы он и не позволял делать Иллариону чего-то странного и не выпускал его из спальни, а в случае чего, выломал дверь и зашёл в эту спальню. Далее Гундяев связался с одним маститым протоиереем, доктором медицинских наук и бывшим психиатром и рассказал ему о том, что происходит с Илларионом. Кирилл не хотел предавать происходящее огласке и тем более не хотел помещать Иллариона даже в зарубежную частную клинику. «Обойдётся! — думал Кирилл. — это всё из-за проклятого Сэра Кураева! Не могли дать рыцарства приличному человеку... Тоже мне — король Англии, будь он неладен!». Бывший доктор сказал, что прибудет в Переделкино, к Иллариону вечером, будет наблю-

дать за ним и, в случае необходимости, даст лекарств. Кирилл успокоился и поехал в Москву, в Чистый переулок, на работу. Сегодня ему должны были занести несколько миллионов евро за грядущие епископские хиротонии.

Лишь только Иллариона заперли в комнате, в архиерейский покоях, как внезапно неизвестно откуда в этих покоях появился человек в черном пальто и чёрной шляпе. Этот человек неспешно снял и положил шляпу на стол, неспешно набил чёрную трубку табаком, закурил, пустил несколько колечек дыма и сказал:

— Так, значит, Владыко, вам очень нравится засовывать в задницу палки копчёной колбасы? Весьма, весьма оригинально. Может быть, вы — ещё больший оригинал? Может быть, вы засовываете туда не только колбасу? Вы знаете, кто такой Каземент?

— Нет... — ответил Илларион, изумляясь появлению человека в чёрном.

— Это странно. Ведь вы были епископом в Соединённом Королевстве и в Ирландии. А, значит, вам стыдно не знать, кто такой был знаменитый ирландец Каземент. Странно, правда, что ему ещё не установили памятник... Роджер Каземент был английским дипломатом, Сэром, — то есть он был возведен королем Англии в рыцарское достоинство, но затем, во время Первой мировой войны, стал борцом за свободу Ирландии. В 1916 году он был схвачен, судим и повешен за государственную измену. Общественное мнение было против казни; поэтому властям пришлось опубликовать дневник Каземента, в котором он подробно описал свои сексуальные, а именно гомосексуальные приключения. Каземент фиксировал для каждого сношения или оргии количество партнёров, а также длину, толщину и крепость их членов. В дневнике было свыше пятисот страниц... Опубликование этого дневника и помогло казнить Каземента, настроив против него общественное мнение или, по крайней мере, заставив это «общественное мнение» умолкнуть. В 1925 году, после обретения Ирландией независимости, Каземент, разумеется, стал национальным героем. Теперь он — патриот, мученик, святой. А доживи он до этого времени, — то есть до независимости Ирландии, — то, несомненно, Роджер Каземент стал бы членом ирландского правительства. Поэтому вот что я вам советую, Ваше Высокопреосвященство: вы, по подобию того, как делал этот Каземент, заведите себе дневник и в нём каждый раз фиксируйте подробности засовывания себе колбасы в зад. Подробно описываете сорт колбасы, её длину, толщину, твёрдость, вкус, текстуру её поверхности, ваши ощущения от засовывания; обязательно пишите про то, как она, эта колбаса, находясь в вашей заднице, помогала писать вам музыкальные произведения. Столь удивительная практика не должна остаться безвестной как для ваших современников, так и для их потомков; да и для истории вообще!

— Как вы смеете? Кто вы вообще такой?! — вспыхнул Илларион. — Как вы сюда попали? Немедленно убирайтесь!

— Что же... На первый раз, думаю, достаточно. Разрешить откланяться. Надеюсь, мы с вами ещё встретимся. — сказал таинственно незнакомец и исчез, растворившись в воздухе на глазах у изумлённого митрополита.

Илларион, увидев исчезновение, немного испугался и решил позвать на помощь — на всякий случай. Но затем он подумал, что рассказ о загадочном появлении и исчезновении человека в чёрном лишь укрепит и охранника, и Патриарха Кирилла в том мнении, что он, Илларион, сошёл с ума и из-за этого не стал никого звать.

Минул полдень. Было часа два дня. Деньги Кириллу ещё не занесли. Однако, ему позвонил охранник, оставленный с Илларионом и сообщил вот что: он, охранник, услышал в комнате Иллариона какой-то странный шум и затем — выстрел; тогда он быстро открыл дверь, вошёл в покои митрополита и увидел, как Илларион стоит со строительно-монтажным пистолетом, приставленным к голове и собирается выстрелить... Вокруг валялись металлические дюбели, гвозди к дюбелям и монтажные патроны. Охранник немедленно отобрал у Иллариона пистолет, патроны, дюбели и гвозди, снова закрыл его в покоях, позвонил Кириллу и рассказал о происшествии.

Кирилл изумился тому, что собирался сделать Илларион и немедленно позвонил ему.

— Что пришло в твою голову на этот раз? — спросил Кирилл. — Зачем ты пытался выстрелить себе в голову из монтажного пистолета? Ты что?!

— Ваше Святейшество... Я долго думал: вот, у Кураева его дар от многочисленных травм мозга: от кровоизлияний, от проломов черепа, от всяких инородных тел вроде сучков и веток, проникших вглубь мозга... Я долго думал и решил: почему мне не попробовать сделать себе что-то подобное? Конечно, есть риск, но он вполне оправдан. Вот я и купил себе монтажный пистолет. И сегодня решил его опробовать. Но мне помешали...

— Дурная твоя голова! — вскричал Кирилл. — Сиди себе спокойно в своей комнате и не думай ничего предпринимать! Слышишь!

Кирилл подумал, что ему немедля следует ехать до Иллариона, чтобы собственноручно следить за ним, но потом все-таки решил сперва дождаться денег.

Наступил вечер. Почти все покинули здание Патриархии на Чистом переулке. Деньги были уже занесены. От этого Кирилл значительно повеселел. «Друг предаст, брат предаст, сын предаст, а копейка — не предаст!» — носились в голове у Патриарха мысли, заимствованные им у Николая Васильевича Гоголя. Кирилл одиноко сидел в своём кабинете, раздумывал о чём-то приятном и собирался ехать в Переделкино, к Иллариону. Неожиданно зазвонил телефон. Звонил охранник, оставленный Кириллом в Переделкино сторожить Иллариона.

— Ваше Святейшество! Срочно приезжайте! Илларион повесился! У себя в спальне. Он мёртв! Я не успел...

У Кирилла защемило сердце. Сначала он встал и попробовал пройти к двери несколько шагов, но затем волна немощи накатила на него и он стал медленно оседать на пол. Кирилл ухватился за стол и, придерживаясь за него, смог добраться до кресла.

— В комнате Иллариона всё затихло на подозрительно долгое время. — продолжал говорить Кириллу по телефону охранник. — Мне показалось это странным. Я постучал, но никто не ответил. Тогда я почуял, что дело неладное и ворвался в комнату, выломив дверь. Я снял его, но было уже поздно... Что делать?! Приезжайте!

Звонок был окончен. Кирилл вновь попытался встать; это ему удалось. Но затем в голове у Патриарха расплылось красное пятно, он потерял сознание и рухнул на пол возле своего стола.

Кирилл пришёл в себя через несколько минут.

— Сын... Мой сын... Мой преемник... — носились у него в голове мысли об Илларионе.

Кирилл понял, что сам встать не сможет; и поэтому он решил звать людей на помощь. Но уста не слушались его: вместо громких ясных звуков выходило какое-то тихое хриплое бормотание. Тогда он попытался двигаться, но встать всё равно не смог: руки и ноги не слушались его; они совершали какие-то слабые беспорядочные движения.

— У меня инсульт. Обширный инсульт. — подумал Кирилл. Что же теперь делать? Сюда зайдут самое лучшее завтра утром, после десяти часов. Здесь, конечно, горит свет, но сторож, если он, конечно, будет здесь бродить, скорее всего, подумает, что я попросту забыл выключить лампу и пройдёт дальше. А мне нужна срочная помощь. Кровотечение надо остановить как можно быстрее. А я — в беспомощном положении.

Гундяеву становилось хуже и хуже с каждой минутой. Он стал чувствовать приближение смерти. Он начал вспоминать свою жизнь. Это, правда, были обычные воспоминания, а не те, в которых жизнь в краткие мгновенья целиком прокручивается перед находящимся в смертельной опасности. Внезапно голову Гундяева осенила мысль:

— Я умираю. Умираю в одиночестве, хотя мог бы ещё прожить лет десять, а то и пятнадцать. Мой сын и преемник мёртв. Вот оно, то возмездие и та расплата, о которой говорила старая ведьма!

Вскоре после этого Гундяев ощутил, как в его голове снова расплылось красное пятно. Это был новый, второй инсульт. Больше Его Святейшество не мог ни говорить, ни видеть, ни слышать, ни двигаться. Наступала смерть. Началось погружение во тьму. И последними не словами, а, кричащими мыслями, вспыхнувшими у него в голове в наступающей тьме, были:

— Ты победил меня, Бэтмен! Будь ты проклят! Проклят! Проклят!!!

15. Кураев у старца Наума. Исповедь (глава не по порядку)

После смерти Александра мир снова померк для Кураева. Мелодии перестали приходить к нему. Он лежал днями на кровати в зашторенной от солнечного света комнате, в которой царила тьма, и ни о чём не думал. А когда через две недели ему стало немного лучше, Кураев оказался охвачен сильнейшим покаянным чувством, непонятно как возникшим. Под его воздействием он составил огромный список своих грехов и поехал каяться в Троице-Сергиеву Лавру, к архимандриту Науму, великому старцу и прозорливцу.

Кураев выехал задолго до восхода Солнца. Когда он приехал в Лавру, то обнаружил, что возле келии старца уже толпились люди. Их было больше сотни — может быть, даже человек сто пятьдесят или более. Многие из них ждали приёма несколько недель. Старца ещё не было — он обычно начинал приём часом или двумя позже.

Увидев скопление народа, Кураев подумал: «Сегодня мне вряд ли посчастливится попасть к старцу на исповедь и беседу...» и решил в таком случае исповедаться перед причастием у простого лаврского священника за литургией. Но Андрею Вячеславовичу повезло — он не только попал к старцу, но даже пробыл у него очень долго на зависть прочим: из-за того, что старец долго «возился» с Кураевым ожидавшие приёма в очереди даже стали возмущаться. Впрочем, всё сложилось хорошо — так, как Кураев не мог и надеяться.

Отцу Науму не спалось. Он заснул лишь на краткое время, рано проснулся и понял, что больше ему не заснуть. Тогда, зная, что народ уже собрался и ждёт, он решил выйти к жаждущим его пораньше. Сотворив молитвы, архимандрит Наум, к радости ожидающих, пришёл в келию, в которой вёл прием, на час или даже на два раньше, чем обычно. Когда он шёл сквозь толпу собравшихся, то сразу же заметил Кураева. Отец Наум узнал его издалека. Старец остановился возле Кураева и сказал ему: «Вас сейчас пригласят!». Это было неслыханной удачей. И действительно — спустя пару минут к Андрею Вячеславовичу подошла одна из женщин, прислуживавших старцу, и попросила его пройти к старцу.

Когда Кураев вошёл в келию, то увидел отца Наума, сидящего в кресле, стоявшим возле аналоя. Рядом с аналоем стоял другой стул — для посетителей.

— Присаживайтесь! — сказал старец и указал на стул.

Кураев присел.

— Исповедоваться будешь, чадо? — спросил старец.

— Да. — ответил Кураев.

Тогда старец начал читать молитвы перед исповедью. Кураев же, не очень-то вникая в читаемое, оглядел келию. На стенах висели иконы; под ними теплились лампы. Рядом со старцем стояло несколько забитых до отказа книжных полок. Андрей Вячеславович поднапряг зрение и прочитал названия части этих книг и понял, что книги эти в основном были душеназидательные — то есть самые что ни на есть подходящие к тому, что происходило в келии: Библия на русском и на церковнославянском, так и недоизданные до революции «Великие четьи минеи» Макария, всем привычные «Жития святых» Димитрия Ростовского, «Луг духовный» Иоанна Мосха, «Лавсаик» Еленопольского епископа Палладия, «Лествица» Иоанна Лествичника, «Посмертные вещания Нила Мироточивого», различные патерики и прочее подобное. Кроме этого, Кураев заметил на полках ещё и та-

кие книги, как: «Номоканон при Большом требнике с комментариями», «Тайная исповедь в православной восточной церкви», «А се грехи злые, смертные...», «Кормчую» с комментариями, кодекс Юстиниана, а также три каких-то странных и таинственных книги с надписями на корешках: «М-Ж», «М-М» и «Ж-Ж». Эти три книги были переплетены кое-как, по-любительски — то есть явно было видно, что никто их не относил даже в переплётную мастерскую; надписи же на корешках были выполнены от руки — фломастером или маркером. Кураев очень заинтересовался этими тремя книгами, но как раз в этот момент старец Наум закончил читать молитвы перед исповедью и отложил требник с молитвам в сторону. Затем он возвел очи горé, протянул пару четок и назидательно произнёс те слова, которые обычно говорил исповедающимся у него людям:

— Рцы мне, брате, и не сокрый от меня ничтоже: до каких блудных естественных и противоестественных грехов дошел ты и как растлил ты естество своё блудной скверной! Рцы мне, как и с кем ты пал — с женою ли своею законную или с блудницей? Или с замуженной женою или со многими женами? Или же пал ты с мужами? Или с отроками? Или со скотом? Или с птицею? Или с рыбами? Не убойся и не устыдись, но поведай мне обо всех твоих блудных студодеяниях и сквернодействиях, ничего не скрывая! Не убойся и не устыдись, как бы страшен и постыден ни был грех — ибо ты пришёл во врачebницу, дабы обрести здравие духовное, и стал пред врачём, который должен узнать какова болезнь твоя, дабы сотворити лекарство. Помысли же: како возможет врач сотворити лекарство, не узнав прежде от тебя о болезни твоей? И помни: если солжешь мне и пред Богом или же не откроешь мне и пред Богом все грехи твои, то сугубую вину за это примешь — сиречь, будешь виновен вдвойне! Итак, чадо, рцы мне грехи беззакония и грехи свои безо всякой утайки!

Кураев выслушал эти слова, а затем махнул рукой и несколько раздражённо сказал:

— Ах, отец Наум! Оставьте! Давайте без таких формальностей! Вы же прекрасно знаете кто я и что со мной — в смысле: чем я грешен. Так давайте сразу к делу! Вы же и так знаете, что я — гей!

Тогда отец Наум, словно не заметив эти слова, произнес:

— Чадо! Ты сглатывал или сплёвывал?

— Чего?!

— Истечения семенной скверны, яже истекали из мужеского переднего естества, сиречь срамного уда!

Кураев замялся.

— Чадо! — молвил отец Наум. — Ты же, как вижу, хоть и пришёл исповедаться, но о своих грехах вроде как стесняешься говорить ясно и понятно; вот я и решил помочь тебе, задав этот вопрос. Ведь ты же сам сказал только что, что ты — гей. А геи не столько сношаются в заднее естество, сиречь в срачный ход, сколько в верхнее переднее естество, сиречь в рот, — когда сосутся и лижутся. И при этом истечения семенной скверны они могут проглатывать, а могут и сплёвывать. Вот я и спросил тебя: сглатывал ты или же сплёвывал скверные истечения из мужеского члена, когда сосал или лизал его у друга своего, с которым ты творил сей богомерзкий содомский грех смешения в рот? Ты ведь творил этот грех — да?

Кураев замялся и покраснел. Наконец, он сказал:

— Да, творил. Но насчёт таких подробностей я как-то особо не задумывался. Какая тут, в сущности, разница?! Ну а вообще — когда сглатывал, а когда — сплёвывал.

Старец Наум улыбнулся, протянул ещё несколько чётков, и произнес:

— Чадо Андрее! Ты за годы философствования и проповеди, как вижу, не слишком-то увлекался изучением канонов и правил, которые законоположили святые отцы и святые соборы нашей Церкви для врачевания грешников! Не очень-то ты, как я вижу, увлекался и изучением исповедных чинов... Ну да для тебя это простительно — ведь ты был диаконом, а не священником; тебе это, вобщем-то, было в совершенстве знать и необязательно. Поэтому-то ты и спрашиваешь сейчас у меня: «Какая тут, в сущности, разница?!».

Так вот — про эту разницу: исповедные чины, в которых указаны епитимии за грехи, ясно говорят, что на жену, «скверну семенную вкусившую», накладывается епитимия в один год; и при этом также указано, что грешник, который «с присными, то есть с родными своими, беззаконие сотворяет в рот», получает епитимию в пять лет. Такую же епитимию, как ясно, получает и тот, с кем он «беззаконие сотворяет в рот». Но здесь епитимии для родственников, а не для чужих друг другу; а епитимии для блудных грехов тех, кто состоит в родстве друг с другом, всегда выше. Посему уполовиним эту епитимию в пять лет. К тому же, согласно другим правилам, за этот грех содомского «беззакония в рот» может быть наложена епитимия от года до трёх лет. В результате получим, Андрее: за то, что ты позволил да «беззаконие сотворят над тобою в рот» — два с половиной года епитимии тебе; и за то, что ты сглатывал скверну семенную, тебе в рот излитую, — год ровно тебе епитимии; итого — всего три с половиной года епитимии. И да не причастишься ты во все эти три с половиной года и да творишь на всякий день по сто поклонов земных: по пятьдесят утром и по пятьдесят вечером, а все положенные уставом церковным посты да проводишь с сухоядением. Се — первая твоя епитимия!

Андрей Кураев умолк и понурил голову. Отец же Наум приободрился и задал новый вопрос:

— Рцы ми, чадо, и не утай от меня ничегоже — егда творили над тобою «содомское беззаконие в рот» — то, как именно ты позволял творить его? Держал ли ты язык за зуба... ой... зубы за языком или нет? И как глубоко было сотворяемо над тобою беззаконие сие? О чём ты думал при этом и что чувствовал? О чём мечтал?

Кураев снова изумился подробности задаваемых отцом Наумом на исповеди вопросов. Когда отец Наум спросил Кураева: «О чём ты думал при этом?», то ему припомнился один эпизод из какой-то книги иностранного автора — там католический священник спросил исповедовавшегося юношу-онаниста о том, о чём он думал, занимаясь онанизмом, и получил такой ответ: «О том, чем занимался, о том и думал». Немного помявшись и собравшись с мыслями, Кураев подробно ответил старцу на все его вопросы и старец продолжил исповедь.

— Чадо Андрее! — спросил отец Наум. — Рцы ми: токмо лишь ты позволял то, чтобы над тобою было «беззаконие содомское сотворяемо в рот» другом твоим, ближним твоим? Не простирался ли ты на большее — не творил ли ты сам содомское «беззаконие в рот» над другом своим, над ближним своим?

Андрей Кураев ещё ниже понурил голову и тихо рёк:

— Да...

— О окаянный! — воскликнул отец Наум. — Горе тебе! Ты не только осквернил уста и гортань свою и язык свой и чрево своё величайшим осквернением, но великим содомским осквернением осквернил и детородный уд свой! Горе тебе!

Отец Наум успокоился и продолжил:

— Конечно, за содомские грехи одна епитимия — взлазит ли грешник на ближнего своего или же тот взлазит на него. Такая же епитимия и тогда, когда сначала первый взлазит на второго, а затем — второй на первого или же когда всё происходит наоборот. Посему не могу более увеличить тебе епитимию. Но всё равно: горе тебе! Итак, каешься ли ты во всех грехах, о которых мы говорили только что и молишь ли усердно и слёзно Господа об их прощении?

— Ей, отче! — сказал Кураев. — Каюсь от всего сердца во всех сих грехах и беззакониях и слёзно молю Господа о прощении своих грехов!

После этого старец Наум перешёл к дальнейшему испытанию совести Кураева.

— Чадо, — сказал отец Наум, — чадо! Рцы ми: растлил ли ты и сокрушил ли сосуд свой или нет? И как и с кем?

— Чего?! — переспросил Андрей Вячеславович.

— Того! — ответил отец Наум. — Разве не знаешь, о чём рекут правила 186-е и 187-е Номоканона при Большом Требнике, в которых приводятся глаголы Иоанна Постни-

ка о том, кто достоин священства, а кто — нет? Правило 186-е гласит: «Если кто-то в отрочестве воспринял от иного лица истечение в бёдра и позже, повзрослев, захотел принять священство, то таковой после несения соответствующей епитимии за этот грех может принять сан — ибо этот грех не был окончательным падением, поскольку педагогон не вошёл в афедрон; но если педагогон вошёл в афедрон, то такой мужчина да не дерзнёт принять священство — не из-за того, что якобы не имеет некоего снисхождения ради того, что согрешил, будучи ещё в несовершеннолетних летах, но из-за того, что сокрушился сосуд его и от этого он стал негоден принять священство». Правило же 187-е глаголет: «Также следует судить и в том случае, если желающий принять священство творил истечение в другое лицо: если его педагогон вошёл в афедрон другого лица, то, хотя сотворивший это и был в несовершеннолетних летах и ради этого имеет некое снисхождение, ему все равно запрещается принимать священство». Так вот, чадо Андрее! То и значит: «Растил ли ты и сокрушил ли ты сосуд свой или нет?» — «Дозволил ли ты, чтобы друг твой, ближний твой, ввёл педагогон свой в афедрон твой и так совершил туда истечение своей семенной скверны?» — сиречь, ввёл уд свой срамной в твой срачный ход или, иначе говоря, в твоё заднее естество. Теперь, надеюсь, ясно?!

Тут Кураев покраснел и молвил:

— Ей, отче! Растлен и сокрушен сосуд мой от ближнего моего, от друга моего!

Тогда отец Наум снова кротко спросил Кураева:

— Скажи мне, чадо, о чём ты думал при этом и что чувствовал? Испытывал ли ты нападение скверной сладострастной срачноходной похоти содомской — этого огня геенского, опаляющего душу и тело ещё при жизни?

И Кураев, немного подумав, ответил на эти вопросы. После этого старец Наум, опытный и искусный духовник, продолжил:

— Чадо! А не сокрушал ли ты сосуда ближнего своего, друга своего? Не вводил ли ты педагогона своего в афедрон его?

Кураев задумался, немного замялся и сказал:

— Не знаю, отче, — может быть, его сосуд уже был сокрушён ещё до меня... А что касается этого самого... то да, вводил.

Наум взял паузу, а затем сказал:

— Каешься ли ты в этих грехах и молишь ли Господа Бога о прощении?

— Да, отче! — сказал Кураев. — Каюсь и молю!

После этого старец Наум продолжил испытывать совесть Кураева.

— Чадо Андрее! — сказал отец Наум. — А скажи: как часто ты занимался с другом своим всем этим? Как часто вы вводили свои педагогоны в рот и в срачный ход друг другу?

Кураев покраснел, ненадолго задумался и ответил:

— Ну, по несколько раз в неделю — это точно. А иногда... иногда случалось так, что и по несколько раз в день...

— И как долго это продолжалось? — спросил старец Наум.

— Около года. — ответил Кураев и понурил голову.

Тогда отец Наум сказал:

— О чадо Андрее! Зри же, как глубоко Дьявол проник в составы, во все члены тела твоего, во всё твоё нутро и как крепко он засел там! Как растлил он тебя изнутри! Не знаешь ли, чадо, что при крещении священник просит изгнать из крестящегося нечистого духа и что крещаемый получает просимое? И ты получил это тоже! Но что же ты соделал после крещения? Каковы дела твои? Они таковы, что дух нечистый вновь угнездился в тебе и обрел в тебе своё жилище! Не знаешь ли что сказано в Евангелии про таких, как ты Самим Господом?! Вот что: «Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и, не находя, говорит: возвращусь в дом мой, откуда вышел; и, придя, находит его выметенным и убраным; тогда идет и берёт с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там, — и бывает для человека того последнее хуже

первого» (Лук.11:24-26). Сотвори же достойный плод покаяния! И помни: «Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь» (Матф.3:10). Итак, каешься ли ты, чадо Андрее, во всех сих грехах и молишь ли Господа о прощении? Это очень тяжкие грехи! За них ранее светская христианская власть, власть государей православных, главу отсекала мужеложцу или уд срамной! А святой царь Юстиниан однажды собрал мужеложцев и в наказание одних оскотил, а других... а другим он позабывал в срачные ходы колья и так водил их нагими по граду Константинополю всем на показ, чтобы все люди устрашились во след им творить столь смрадные и ужасные грехи! Так, с кольями в срачных ходах, они все и поперемерли, восприняв позорную смерть! Итак, каешься ли ты?

— Да! — ответил Кураев. — Каюсь и молю Господа о прощении!

— Так вот, чадо Андрее! — сказал старец Наум. — За мужеложество, сиречь за противоестественное содомское блуждение в срачный ход с мужчиной, полагается тяжкая епитимия: отлучение на пятнадцать лет от причастия. И ещё дополнительно накладываю на тебя сие: да постишься ты с сухоядением во все посты, которые уставом своим установила наша церковь и да творишь по двести поклонов земных каждый день в эти пятнадцать лет — по сто поклонов утром и по сто — вечером! И сие есть вторая епитимия твоя.

После этого старец Наум продолжил испытывать совесть Кураева.

— Скажи, чадо: когда ты творил мерзкий содомский грех мужеложества с ближним своим, с другом своим, то взлазил ли ты на него по подобию того, как женщина взлазит на мужчину?

Кураев изумился и спросил:

— А зачем такие подробности-то? Какое это имеет значение?

На это старец Наум ответил:

— Чадо! Разве я здесь исповедаюсь, а не ты? Разве не я был духовником Лавры? Разве не я исповедовал множество семинаристов и академиков и не я давал им рекомендации на рукоположение? Разве не меня сюда поставил наместник лавры, а его — сам Патриарх? Умолкни, чадо! Умолкни и ответствуй на мои вопросы.

Кураев немного задумался и сказал:

— Да, старче! Грешил я так...

Тогда Наум спросил его:

— А скажи, чадо: когда ты творил мерзкий содомский грех мужеложества, то выпускал ли ты на себя ближнего своего, друга своего по подобию того, как мужчина выпускает на себя взлазющую на него женщину?

— Да, старче. — ответил Кураев.

— А скажи, чадо Андрее, — молвил отец Наум, — когда ты взлазил на мужчину по образу взлазющей вверх на мужа жены, то после излития тебе в срачный ход семенной скверны — вытекала ли эта скверна, эта мокрота, наружу и орошала ли того мужа и тебя самого?

— Зачем это-то?! — вновь изумился Кураев.

— Отвечай! — продолжал настаивать великий старец и всероссийских духовник.

— Да! — ответил Кураев.

— А скажи, чадо Андрее, — продолжал отец Наум, — когда ты выпускал на себя мужчину и он взлазил на тебя, то после излития ему в срачный ход семенной скверны — вытекала ли эта скверна из него наружу и увлажняла ли и тебя, и его?

— Да! — по-прежнему недоумевая о том, зачем это надо великому старцу, сказал Кураев.

— Так вот, чадо Андрее! — молвил Наум. — При мужеложестве муж, взлазющий на мужа страстным люблением по образу того, как женщина взлазит вверх на мужчину, очевидно, исполняет роль женщины и заднее естество его, сиречь срачный ход его, исполняет роль переднего нижнего женского естества, сиречь женской срамоты. А что говорят святые правила, устанавливающие епитимии для подобных грехов? Они гласят: за тако-

вые дела епитимия полагается в зависимости от того, было ли истечение семенной скверны наружу из женского нижнего переднего естества. Так, согласно одним правилам, если истечения не было, то полагается трехлетняя епитимия, а если было — пятилетняя. Сие правило глаголет: «Муж жену на себя пускал — три года отлучения и двести земных поклонов каждый день плюс сухоядение в определённое время; а если при этом из жены изошло семя — пять лет отлучения от причастия и триста земных поклонов каждый день плюс сухоядение в определённое время». А по другим правилам наибольший срок отлучения может составлять и шесть лет, и семь. Посему, чадо Андрее, за это скверное содомское взлезание на мужа с истечением семенной скверны из афедрона да будет тебе отлучение в шесть лет; а если бы не было сего истечения, то я, убогий архимандрит Наум, наложил бы на тебя отлучение в четыре года. И, вдобавок к этому, да творишь ты по сто земных поклонов каждый день: по пятьдесят утром и по пятьдесят вечером и да держишься сухоядения во все дни постов, которые установила наша святая церковь. И се — третья твоя епитимия!

— Пойдите! — попытался возразить Андрей Вячеславович. — Пойдите! Разве это справедливо? Ведь это всё уже включено в прежний грех, в мужеложество! Тут что-то не так!

Отец Наум ласково и снисходительно улыбнулся, молча протянул несколько чёток и сказал:

— Чадо Андрее! Я мню, что обычному блуднику, если он пребыл с женщиной «лицом к лицу», полагается епитимия в семь лет; но если при этом женщина взлезала на него, то ему, как мне кажется, полагается и епитимия за блуд в семь лет, и епитимия за то, что на него взлезала женщина! И в результате имеем не семь лет отлучения, а больше. Тут получается как бы блуд с отягчающим обстоятельством — не так ли?

— Но ведь сказано: за одно преступление да не отмстишь дважды! — вновь пытался возражать Кураев.

На эти слова архимандрит Наум сказал:

— Чадо! Тут и есть одно наказание за одно преступление! Но это преступление может быть с отягчающими обстоятельствами, а может быть и без. А в твоём случае эти обстоятельства, мню, есть. Чего тут может быть непонятно? Впрочем, если ты считаешь мои епитимии слишком тяжелыми и думаешь, что они против правил и исповедных чинов церковных, то можешь пожаловаться наместнику лавры или Патриарху, который есть вместе с тем и настоятель сей Лавры. И если они укажут мне на ошибку, то я с радостью облегчу епитимию!

Наступило молчание. Наконец, Кураев нарушил его и спросил:

— Так это что же получается — «в идеале», согласно учению православной церкви, не только гетеросексуалисты, но и гомосексуалисты должны... должны... э... делать «это» «лицом к лицу», в «миссионерской» позе? Я как-то над этим не задумывался...

Отец Наум немного рассмеялся и сказал:

— Чадо Андрее! Ты сам понимаешь, что, строго говоря, гомосексуалисты, согласно учению православной церкви, вообще не должны делать «это»! А говоря «не строго» — да, ты прав! Так меньше всего греха! Это же ведь ясно как дважды два!

И отец Наум продолжил испытывать совесть Андрея Вячеславовича.

— Чадо Андрее! — молвил старец. — Скажи мне: мужеложествовал ли ты по-скотски — сиречь не лицом к лицу, а так, как совокупляется скот? Взлазил ли ты на друга своего подобно скоту люблением мужеэстрастным и впускал ли друга своего взлезать на себя подобно скоту мужеэстрастным люблением?

Кураев снова покраснел и сказал:

— Да, старче! И я сам взлазил, и на себя впускал взлазить!

Отец Наум протянул несколько чёток и молвил:

— За сей содомский скотский грех — сиречь за то, что ты не просто мужеложествовал, но мужеложествовал по-скотски — вот тебе епитимия: сорок дней отлучения; и да

творишь каждый день по сто поклонов, и да пребываешь в сухоядении во все эти дни. Се — четвертая епитимия твоя!

Далее исповедь пошла значительно быстрее.

— Чадо Андрее! Тыкал ли ты лоном, сиречь областью педагогона твоего, в область срачного хода друга своего — но так, однако, что при этом педагогон не входил в афедрон? Например, ради забавы? И поступал ли он сим образом с тобою?

— Да, старче! И я, грешный, тыкал, и мне, грешному, тыкали!

— Двадцать дней да пребудешь за это в сухоядении и без причастия и да творишь по шестьдесят земных поклонов в день! Се — пятая твоя епитимия! Кайся!

— Каюсь, отче, и молю Господа о прощении!

— Чадо Андрее! Целовал ли ты срамной уд друга своего и давал ли ему целовать свой срамной уд — так, однако, что при этом не было вхождения педагогона во уста?

— Да, отче! И я целовал, и мне целовали!

— Двадцать дней да пребудешь за это в сухоядении и без причастия и да творишь по двести земных поклонов на всяк день! Се — шестая твоя епитимия! Кайся!

— Каюсь и молю Господа о прощении!

— Чадо Андрее! Прикладывал ли ты нос, браду или глаза к мужскому сраму своего друга — сиречь, к детородному срамному уду? И друг твой — делал ли он то же для тебя?

— Да, старче! И нос, и браду, и очи свои! И он делал так же...

— За нос, за браду и за уши да пребудешь по восемь дней в сухоядении и без причастия — а всего двадцать четыре дня; и да творишь в каждый из этих двадцати четырёх дней по шестьдесят земных поклонов! Се — седьмая твоя епитимия! Кайся!

— Каюсь и молю Господа о прощении!

— Рукоблудствовал ли ты с другом своим взаимно — так, что он воздвизал твой срамной уд, а ты — его?

— Да, отче!

— А как часто вы делали это и как долго?

— Несколько раз в неделю, отче, а, бывало, что и по несколько раз в день. И продолжалось это около года.

— За сие взаимное рукоблудие, также взаимной или сугубой малакией именуемое, да пребудешь восемьдесят дней в сухоядении и без причастия; и да творишь по пятьдесят земных поклонов каждый день! Се — восьмая епитимия твоя! Кайся!

— Каюсь и молю Господа о прощении! Но, отче, рукоблудие — это ведь не малакия! Малакия — это пассивный гомосексуализм! А рукоблудие малакией называют по ошибке.

— Внемли, чадо! Ей, зовется мужеложество мужа, в свой срачный ход срамной уд восприимлющего, малакией; но и рукоблудие зовётся малакией же. И что имеется в виду — сие надо смотреть по той епитимии, которая за оную малакию даётся. Если даётся отлучение с сухоядением на сорок, шестьдесят и восемьдесят дней или даже на сто двадцать дней — то речь идёт о рукоблудии, малакией именуемом. А если дается отлучение с соблюдением поста по уставу на три года и более — вплоть до пятнадцати, например, — то речь идёт об оном мужеложестве, также малакией именуемом. Зде, однако, есть трудность: ибо некоторые правила, в строгих покаянных чинах содержимые, предусматривают и за рукоблудие епитимию в два и в три года отлучения — но с соблюдением поста по уставу, а не с сухоядением. И сии два или три года, о коих глаголят сии строгие чины, могут быть по правилу Иоанна Постника сокращены в несколько раз при усердном покаянии, во все дни коего соблюдается сухоядение и творятся многие земные поклоны. Явно же есть, яко когда речь идёт о епитимии за мужеложество в три года, то разумеется усердное покаяние с постоянным сухоядением и со многими поклонами! Если же это не так — сиречь, если речь идёт о епитимии за мужеложество в три года без многих поклонов и с постом по уставу, — то не следует внимать таким чинам. А что под малакией разумеется в чинах исповедных также и рукоблудие — в том числе и сугубое или взаимное — сие видно из од-

ного чина, где явно сказано, что малакию может творить и один человек и что есть два вида этой малакии: та, которую человек творит руками, и та, которую человек творит бёдрами; и обе сии малакии злы и лукавы суть. А почему рукоблудие прозвалось малакией — сие есть дело тёмное, запутанное и непонятное. Понял ли, чадо Андрее, что есть малакия?

— Ей, отче!

— Чадо Андрее! Вдевал ли ты язык твой в лоно, сиречь в срачный ход, сиречь в заднее естество, друга своего, ближнего своего и творил ли он такожде тебе? Осызал ли ты языком твоим кишку срачного хода друга своего и осызал ли он языком своим кишку срачного хода твоего?

— Нет, отче! Ни я не вдевал, ни он!

— Возблагодари же Господа, избавившего тебя от сего гнусного блудного греха чрезыестественного! А не то бы я дал тебе суровую епитимию — как за содомское беззаконие в рот, кое деют друг другу мужчины, и как за вдевание мужем языка своего в переднее женское естество!

— Слава тебе, Господи!

— Чадо Андрее! Показывал ли ты другу своему свой детородный уд и показывал ли его он тебе? Например, ради шутки или забавы?

— Да, отче! И я ему показывал, и он мне.

— За грех сей да пребудешь шесть дней в сухоядении и без причастия; и да творишь по двадцать пять земных поклонов каждый день. Се — девятая епитимия твоя! Кайся!

— Каюсь и молю Господа о прощении!

— Чадо Андрее! Не хватал ли ты друга своего за срамной уд и не хватал ли за срамной уд тебя он?

— Да, отче! И я, грешный, хватал его, и он меня!

— За грех сей да пребудешь три дня в сухоядении и без причастия; и да творишь по сто земных поклонов каждый день. Се — десятая епитимия твоя! Кайся!

— Каюсь и молю Господа о прощении!

— Тыкал ли ты, испытывая похоть, руку свою или ногу свою в друга своего так, что чрез одежды его, сиречь чрез портно его, ты как бы пытался воздвигнуть срамной уд его и сотворить ему истечение семенной скверны или же как бы пытался ввести десницу или шуйцу свою в афедрон его, сиречь в срачный ход его, — но так, однако, что при этом не было излияния семенной скверны ни у тебя, ни у него? И творил ли такожде тебе друг твой? Например, ради шутки или забавы?

— Ей! Все сие делал я, грешный, другу моему и он такожде делал сие мне! Горе мне, окаянному!

— За грехи сии да пребудешь двадцать дней в сухоядении и без причастия; и да творишь по пятьдесят земных поклонов в день! Се — одиннадцатая епитимия твоя! Кайся!

— Каюсь и молю Господа о прощении!

— Чадо Андрее! Не втыкал ли ты в срачный ход друга своего, ближнего своего руку свою или ногу свою или персты рук и ног своих? И не делал ли тот тебе также? Сие есть окаанный и треклятый взаимный, сиречь сугубый, ручной блуд содомский!

— Нет, отче!

— Восхвали же Господа, избавившего тебя от этого смрадного блудного греха! А не то бы за это тебя ждала епитимия: сорок дней сухоядения и отлучения от причастия и шестьдесят земных поклонов каждый день!

— Слава тебе, Господи!

— Чадо Андрее! Во взаимном рукоблудии или в иных скверных содомских грехах своих, творимых тобою с другом твоим, не держал ли ты друга твоего за сосцы его или иное что — сиречь, за срамной уд его или за задняя его? И не творил ли он тебе такожде?

— Ей, отче! Творя сии грехи, держал я друга своего за сосцы его и за задняя его и за срамной уд его; такожде и он меня.

— За грехи сии — за сосцы, за срамной уд и за задняя — да пребудешь по три дня в сухоядении и в отлучении от причастия — всего девять дней; и да творишь по шестьдесят земных поклонов на каждый день. Се — двенадцатая епитимия твоя! Кайся!

— Каюсь и молю Господа о прощении!

— Чадо Андрее! В колотьбе, сиречь в играх любовных, когда ты творил с другом своим мерзкие блудные грехи содомские, — кусал ли ты за сосцы его и кусал ли он тебя за сосцы?

— Да! И я кусал его, и он — меня!

— За грех сей — за кусание и угрызение сосцов — да пребудешь семь дней в сухоядении и в отлучении от причастия; и творишь по шестьдесят земных поклонов на каждый день. Се — тринадцатая епитимия твоя! Кайся!

— Каюсь и молю Господа о прощении!

— Чадо Андрее! В колотьбе содомской, сиречь в любовных играх твоих содомских с другом твоим, доходило ли дело до излияния семенной скверны у тебя или у него?

— Ей, отче! Доходило до сего дело у меня! И у него тоже!

— За грех сей да пребудешь тридцать дней в сухоядении и в отлучении от причастия; и да творишь по пятьдесят земных поклонов каждый день. Се — четырнадцатая епитимия твоя! Кайся!

— Каюсь и молю Господа о прощении!

— Чадо Андрее! Целовал ли ты друга своего так, что вдевал ему язык твой в рот его? И целовал ли он тебя такожде?

— Да! И я целовал его так и он — меня.

— За грех сей, за поцелуй «с языком», сиречь за поцелуй «французский», да пребудешь двенадцать дней в сухоядении и в отлучении от причастия; и да творишь по шестьдесят земных поклонов на всяк день. Се — пятнадцатая твоя епитимия! Кайся!

— Каюсь и молю Господа о прощении!

— Чадо Андрее! Бздел ли ты по собственному изволению, а не произвольно, дабы бздением сим привлечь и склонить кого-нибудь к блуду естественному или же противоестественному? Бздел ли ты на спящего человека, приблизившись к нему?

— Чего?

— Повторяю: чадо Андрее! Бздел ли ты — то есть: пукал ли ты, испускал ли ты газы по собственному изволению, дабы бздением этим привлечь и склонить кого-нибудь к блуду естественному или же противоестественному? Бздел ли ты на спящего человека, приблизившись к нему? Например, ради забавы или чтобы досадить ему втайне от него?

— Нет, отче! Не делал я ни одного, ни другого! Да и как это — привлечь и склонить бздением к блуду?!

— Восхвали Господа, избавившего тебя от этих смрадных грехов! А не то бы за это тебя ждала епитимия в сорок дней сухоядения и отлучения от причастия и, вдобавок к тому, ты должен бы был делать по пятьдесят земных поклонов каждый день!

— Слава тебе, Господи!

— Чадо Андрее! Не втыкал ли ты в срачный ход свой руку свою или персты рук своих? Сие есть окаянный и треклятый ручной блуд содомский!

— Да, отче! Втыкал персты рук своих!

— Хм... — нахмурился отец Наум и продолжил вопрошение: — Скажи мне, чадо, о чём ты думал при этом и что чувствовал? О чём мечтал? Испытывал ли ты нападение скверной сладострастной срачноходной похоти содомской? Распалая ли ты этот огонь геенский оным втыканием?

— Да. — ответил Кураев, а затем подробно ответил на вопросы отца Наума.

— Да примешь за это епитимию как за рукоблудие обычное: сорок дней да держишься сухоядения и да не причастишься, творя по пятьдесят земных поклонов на всякий день. Се есть шестнадцатая епитимия твоя! Кайся! — сказал отец Наум.

— Каюсь и молю Господа о прощении!

— Чадо Андрее! Не лежал ли ты или не стоял ли некогда в воде, моясь в реке или в пруду или в бане, или не лежал ли ты некогда на земле ниц, держа в одной руке под собою губу, сиречь губку, и творя в нее срамным удом твоим истечение — истечение как бы в некое женское естество, — а в другой руке держа при этом надутую кишку какого-нибудь животного и проблужая себя этой надутой кишкой, как неким рукодельным срамным удом, в свой срачный ход? Я, чадо Андрее, разумею здесь тот грех, о котором в одном исповедном чине сказано: «Некогда, лежа в воде и стоя, и на земле ниц лежа, истечение рукою спустил и в губу, сиречь в гриб, истечение сотворил, надувая кишку не помню какого животного, и тем в свой проход блудил».

— Чего?! Какой гриб? Какую губу? Какую кишку? Кого надувать?! Куда?! — непонимающе переспросил Кураев, не возмогший понять сути вопроса и охватить его умом.

— Чадо Андрее! Губа или, иначе, губка — се есть не иное что, как морская губка вида *Spongia officinalis*, известная как «греческая» или «туалетная» губка. По имени её видно, яко издревле использовали её люди как мочалку при мытье и подтирании афедрона! И, се, издревле при мытье блудники делали из неё подобие переднего женского нижнего естества, сиречь женского срама, дабы творить в это подобие истечение семенной скверны. А рукодельное подобие мужских тайных удов, ныне в срамных лавках продаваемых, древние блудники делали из кишок животных: свиней, коров, лошадей и прочих. Для сего они брали часть кишки и надували её. И похотью одержимые мужеложники проблужали себя такой кишкой в срачный ход. Разве это не ясно? Ведь это же очевидно! Эх, ты! А ещё профессор — пусть и бывший! И в вопросе речь идет о таком случае, когда некто творит истечение своим хреном в губку и при этом также одновременно тыкает себе в жопу надутой кишкой! Тоже мне — высшая математика! Чадо Андрее! Так ты понял вопрос?

— Ей, отче! Теперь понял! — молвил Кураев. — Не творил я сего!

— Очень хорошо! — сказал отец Наум. — Но, может быть, ты, не вводя ничего в свою жопу, все-таки творил истечение в губку?

— Нет, старче!

— Ну, может быть, тогда ты творил истечение не в губку, а в мочалку какую-нибудь, или в подушку или в матрас?

— Нет, старче!

— Очень хорошо! Но, может быть, не творя ни во что истечение, ты все-таки засовывал себе в жопу что-то иное, нежели надутая кишка? Вспомни! Сие есть мерзкое подобие треклятого скверного ручного блюда содомского! Припомни, чадо Андрее! Как говорится, «грехи разрешу и на смех не подыму»! Не бойся посрамить себя! Не бойся ложного стыда! Ведь самопосрамление — это лекарство! Не скрой от меня ничего!

— Ну, колбасу я себе засовывал... Палку копченой колбасы. Это все знают и все про это давно говорили и говорят.

— Палку, чадо Андрее?! Только ли палку? А как же «дилдо, велонасосы, скалки и много чего ещё»? Не о них ли ты говорил на ступенях храма Михаила Архангела в Тропарёво?!

— Ну, отец Наум... Это я пошутил... Наврал. Для красного словца. На самом деле была только палка копченой колбасы. Больше ничего не было. Честно.

— Ладно. — притихнув, сказал отец Наум. — Но смотри — не пытайся от меня ничего скрыть! Сокрытые грехи становятся греховными вдвойне! Ты предстоишь сейчас пред Самим Господом! А я — только свидетель! Ты об этом знаешь! Не моги, брате, утаить от меня ни единого греха, усрамившись! А за грех твой, за треклятый смрадный грех твой, который подобен ручному блужению содомскому, за втыкание в срачный ход свой

палки копчёной колбасы, сорок дней да пребудешь ты в сухоядении без причастия; и да творишь на каждый день по пятьдесят поклонов земных. Се семнадцатая епитимия твоя! Кайся!

— Каюсь и молю Господа о прощении!

— Чадо Андрее! Дождал ли ты златым дождём на друга своего и дождал ли он златым дождём на тебя?

— Чего?! — непонимающе переспросил Кураев.

— Чадо Андрее! Разве не знаешь, что среди мужеложцев принята такая забава, игра, — они творят водный исход друг на друга, сиречь друг друга обсыкают?! Это-то обсыкание и называют они, треклятые, «златым дождём»! И в сём уподобляются они свиньям, в собственном калу и в собственной блевотине лежащим! Чадо Андрее! Рцы мне: дождал ли ты златым дождём на друга своего и дождал ли он златым дождём на тебя?

— Нет, отче!

— Восхвали Господа, избавившего тебя от этого смрадного греха! А не то бы за него тебя ждала епитимия! Правда, здесь есть трудность — ибо правило говорит: «Если кто помочится на человека, то до следующего вечера да будет отлучен и да сухо яст и да сотворит сто поклонов земных»; но разве это достаточная епитимия для тех, кто дождит «златым дождём»? Не надо ли приложить здесь иное правило — для тех, кто, творя купно водный исход, сиречь сса вместе, делают сие так, что пересекаются струями?! И пусть меня накажет наместник Лавры и даже сам Патриарх, но за «дождь златой» я наложил бы именно такую епитимию! Итак, возблагодари Господа!

— Слава тебе, Господи!

— Чадо Андрее! Творил ли ты с другом своим купно водный исход, сиречь: ссал ли ты вместе с ним, так, что при этом твоя струя пересекалась с его струёю, а его струя — со струёю твоею? Например, ради забавы или шутки?

Кураев хотел сразу же сказать «нет», но немного задумался и вспомнил, что подобное однажды было. Правда, это было ещё в далёком детстве — тогда, когда Андрей Вячеславович, будучи отроком, отдыхал в пионерском лагере. И произошло это не ради забавы или шутки, а как-то случайно. Кураев подумал ещё немного и сказал:

— Да, отче!

— За этот грех, за то, что мочился ты купно с другом своим, пресекаясь струёю своею со струёю его, да будешь отлучен и да пребудешь в сухоядении двенадцать дней и да творишь по шестьдесят поклонов земных на каждый день! Се — восемнадцатая епитимия твоя! Кайся!

— Каюсь и молю Господа о прощении!

— Чадо Андрее! Доходил ли ты до такого нечестия, что без стыда дерзал творить водный исход, сиречь мочиться, на восток или на запад?

Кураев задумался и сказал:

— Отец Наум! У меня унитаз в туалете так стоит, что я всегда творю водный исход на восток. А если я буду делать это по-женски, то тогда получится, что я творю водный исход на запад! Как же мне быть?!

— А подумал ли ты, чадо, о ночном горшке? В него можно сотворить водный исход — скажем в квартире или в ванной, — обратившись на север или на юг! Не посещала ли тебя, чадо, столь простая мысль? И кстати: на какую сторону света обращён рукомойник в ванне твоей, чадо?

— На север, отче!

— Вот и хорошо, чадо! Можно творить водный исход в ванной, в рукомойник! Впрочем, творить водный исход на запад или на восток, живя в современных домах с удобствами, некоторым образом, как я, убогий, мню, извинительно. Но мужи совершенные стремятся точно исполнить заповедь Господа своего, будучи верными и благоразумными рабами Его. Для таких-то мужей и положено ныне препинание. Чуешь ли, чадо Андрее, кто так строит современные дома, что человек, в них живущий, вынужден мочиться

на восток или на запад?! Чуешь, кто? И для чего? Зде «глубины сатанинские»... Чуешь, кто вводит сыворотку в хлеб, чтобы лишить верных возможности исполнить заповедь о посте?! Немногие зрят это и подобное сему — но лишь те, кому дано...

Тут Андрей Вячеславович кое-что вспомнил и прервал старца:

— Отец Наум! У меня в ванной в раковине сливная решётка в форме восьмиконечной звезды. Можно ли в такую раковину мочиться? Не грех ли?

— Богородичная звезда! Проклятые жида! Ишь, чего удумали! Схария и его последователи треклятые, еретики новгородские, оскверняли святые иконы, а ныне враги Христа хотят, чтобы православные оскверняли крест и богородичную звезду! Нет, грех творить водный исход в такую раковину! И вообще сливать туда нечистоты! Лучше творить водный исход в горшок, оборотясь на север или и на юг, а затем выливать содержимое горшка в унитаз! Творить водный исход на восток или на запад — великий грех! За него — отлучение и сухоядение на десять дней и по сто поклонов земных на каждый день полагается. Хотя и имеешь ты некое извинение в том что, живёшь в современном доме с удобствами и в том, что соблюдать в точности все правила ныне есть удел мужей совершенных. Понял, чадо Андрее?

— Понял, старче Науме!

Андрей Кураев внутренне уже ожидал вопроса про следующий грех, но вдруг вспомнил, что он действительно мочился, оборотясь на восток, — и, притом, не в квартире, а на природе. По крайней мере, один раз — точно. Дело было ещё во время его учёбы в школе, в десятом классе. В конце весны друзья уговорили его отправиться в субботу вечером на ночную рыбалку на одну из подмосковных речек. Кураев отчетливо вспомнил, что в ту ночь он выпил много пива, а когда проснулся, то сразу же пошёл творить водный исход. Андрей Вячеславович припоминал, что тем утром он творил водный исход и смотрел на восходящее солнце... Но ведь солнце восходит на востоке! Вспомнив и осознав это, Кураев пришёл в небольшое замешательство. Это замешательство мгновенно заметил отец Наум; он строго спросил Кураева:

— Чадо! Не замыслил ли ты утаить нечто от меня, от своего отца духовного? Не усямись и не убойся! Открой мне всё!

— Отче! — сказал Кураев. — Отче! Я вспомнил: да, действительно, я мочился некогда, оборотясь на восток! И это было не в квартире, а на природе!

— За этот грех твой, за то, что бесстыдно дерзнул ты помочиться, оборотясь на восток, да пребудешь в сухоядении и под отлучением десять дней и да творишь по сто поклонов земных на всяк день! Се — девятнадцатая епитимия твоя, чадо! Кайся!

— Каюсь и молю Господа о прощении!

И старец Наум продолжил испытание совести Кураева.

— Чадо Андрее! Не смотрел ли ты с похотью и с вожделением на мужскую воздвигнутую или невоздвигнутую срамоту друга твоего, на лоно его? И показывал ли ты ему воздвигнутую или невоздвигнутую срамоту свою, дабы он зрел лоно твоё в похоти и в вожделении своём?

— Да, отче! И аз, грешный, зрел и ему показывал! Но, отче Науме, — ведь ты, как я помню, уже спрашивал меня о подобных вещах!

— О чадо Андрее! Действительно, я спрашивал о подобном. Но тогда речь шла о показе мужской срамоты на краткое время и без того, чтобы сильно возбудить себя или сильно возбудить другого. Речь шла о показе вроде бы как в шутку или вроде как бы играя — скорее, так, как показывают шиш или рожки. Здесь же речь идет о смотре на лоно и о показе его в похоти и в вожделении, о смотре и показе долгом и пристальном, подробном, очень близком, происходящем в сладострастном и похотном предвкушении незаконного соития или треклятого рукоблудия. В особенности же речь идёт сейчас о таких случаях, когда смотрящий и показывающий наги и находятся в постели, готовясь к бесстыдному и богомерзкому содомскому совокуплению, дабы возбудить себя. В этом и вся

разница. И за этот грех да пребудешь ты в сухоядении и под отлучением пятнадцать дней и да творишь на всяк день по сто поклонов! Се — двадцатая епитимия твоя, чадо! Кайся!

— Каюсь и молю Господа о прощении!

— Чадо Андрее! Не предавался ли ты скверному содомскому смешению в рот и в сранный ход в пятницу или в субботу или в воскресенье? Знай, чадо, что правила святых апостолов строго возбраняют сие даже для законного соединения мужей и жён и глаголют: «Если муж будет с женою в пятницу или в субботу или в воскресенье, то, если зачнется ребёнок, он будет либо разбойник, либо вор, либо блудник; да получают за это родители епитимию на два года». Что же говорить о незаконном смешении содомском? Ответствуй, чадо!

— Да, отче! Творил я сие и не раз, и не два, но множество раз!

— За этот грех да пребудешь под отлучением два года, постысь так, как предписывает церковь, — по уставу; не буду налагать на тебя дополнительного сухоядения и дополнительных поклонов. Се — двадцать первая епитимия твоя! Кайся!

— Каюсь и молю Господа о прощении!

— Чадо Андрее! Не творил ли ты скверного содомского смешения с другом твоим, когда у тебя или у него был приступ почечуя, сиречь геморроя, — такой, что при смешении на педагогоне оставалась кровь или из афедрона истекала кровь?

— Нет, отче! Но к чему это?!

— Знай, Андрее, что правила святых апостолов возбраняют даже законное смешение между мужем и женою во время кровотечения жены, сиречь во время месячных, глаголя сие: «Ребёнок, зачатый во время месячных да будет прокажённым; родителям за это епитимия два года». Слышишь, чадо, что сказано здесь? Не «может родиться прокажённым», не «должен родиться прокажённым», но: «да будет прокажённым» — то есть слова сии говорят не о некоем законе природы, замеченном людьми, но проклинают того, кто имеет родиться от подобного незаконного соития! Что же говорить о незаконном смешении содомском, происходящем при кровоточении от почечуя?! Восхвали же Господа, избавившего тебя от этого смрадного греха!

— Слава тебе, Господи!

— Чадо Андрее! Се, ты исповедался во многих грехах, за которые церковь налагает епитимии с явно говоренным сроком. Но есть и иные грехи — такие, для которых церковь епитимии чётко не оговаривает, оставляя всё на усмотрение духовника. Далее я буду вопрощать тебя именно о таких грехах; ты же отвечай мне безо всякой утайки, не усамяся ничего!

Старец Наум сделал паузу, протянул несколько чёток, возвел очи горé и продолжил испытание совести Кураева.

— Чадо! После истечения из срамного уда твоего семенной скверны осязал ли ты вред тела своего и срамной уд свой так, что сия скверная мокрота оказывалась на руке твоей и затем подносил ли ты руку свою, которая была в семенной скверне твоей, к ноздрям своим и обонял ли нечистоту скверности своей?

— Нет, отче! Но что такое «вред», о котором ты сказал?!

— Вред есть подпупие — сиречь лобок и ниже; ниже — это там, где срам мужской или женский, а также место около этого срама. Названо же место сие «вредом» оттого, что на нём растут власы, с помощью которых некие люди творят колдовство — сиречь наносят вред ближнему своему: они состругают ножом власы сии и, с нечистотами и с водою смешав их, делают из них приворотное любовное зелье, которое подают ближнему своему на потеху бесам. Хорошо, чадо, что ты не творил греха сего. Но скажи: ведь когда творил ты содомское беззаконие в рот, когда ты сглатывал или сплёвывал скверные истечения из срамного уда друга своего, ближнего своего — ведь ты всё равно обонял нечистоту скверности — не своей скверности, но скверности ближнего своего, друга своего?

— Ей, отче, грешен!

— И за этот грех будет тебе епитимия, окаянный! Попрошу же тебя далее: остригал ли ты волосы на вреде своём, на подпутии своём? Палил ли волосы сии свечою?

— Нет, отче!

— Помазывал ли ты уд срамной свой дёгтем или иным чем? Делал ли тако ближне-
му своему, другу своему? Делал ли он тебе тако?

Тут Кураев немного замялся и сказал:

— Ну, того... помазывал. Себе и ему. И он мне. Смазкой анальной или чем-то вроде неё... Грешен, отче!

— И за этот грех тоже будет тебе, окаянный, епитимия! А теперь скажи мне, чадо: творил ли ты истечение срамным удом своим, вложив его в повертление древа?

— В дупло? В дырку в доске или в полене что ли?

— В попе — дырка! А в доске — отверстие, сиречь повертление! Творил или нет?!

— Нет, отче!

— Хорошо, чадо! А теперь скажи: деял ли ты с другом своим один другому скоктание? Скоктал ли ты ему и скоктал ли тебе он, чадо?

— Чего?

— Я, чадо, о скоктании говорю, сиречь о запретном треклятом щекотании сладострасном! В особенности же — в области подпутия, сосцов, седалища и иных подобных сему мест. Скажем, во время колотьбы, сиречь игр любовных! Скоктали ли вы?

— Ей, отче! И аз, грешный, скоктах, и меня скоктали!

— О окаянный! Попрошу же тебя далее: явно, что ты с другом своим взлазили один на другого по-скотски и выпускали один другого на себя по образу того, как муж выпускает на себя жену; и ты, чадо, покался в этом. Но скажи мне, отцу твоему духовному поистине: когда вы творили незаконное содомское мужеложественное смешение — то было ли так, что тот, кого проблужали, задирали при этом ноги? Задирали ли ноги ты, чадо, когда тебя проблужал друг твой, ближний твой, и задирали ли ноги он, когда ты проблужал его?

— Ей, отче! И аз, грешный, задирали, и он задирали!

— Се есть грех, чадо. Даже когда муж творит сие с законною женою своею. И хотя многие супруги почитают это за малый грех и говорят весьма небогоугодную пословицу, что, мол, «Грех, когда ноги вверх, а ноги опустил — Господь простил», но это — большой грех. Ибо правила святых апостолов, хотя явно и не оговаривают, какова за этот грех епитимия, но ясно дают понять, что негреховно лишь соитие между мужем и женой «лицом к лицу»; а когда «ноги вверх» — это, чадо, не «лицом к лицу». И за этот грех, окаянный, ты получишь епитимию! А теперь скажи мне чадо ещё вот что: когда ты и твой друг творили «содомское беззаконие в рот», то делали ли вы сие таким образом, который современные люди называют «позицией шестьдесят девять» — сиречь так, что педагогон каждого был во рту другого?

— Ей, отче!

— О окаянный! Сколь осквернил ты себя! И паки попрошу тебя: скажи мне, чадо, безо всякой утайки: каким образом ещё вы творили своё незаконное мужеложественное содомское смешение? Вот тебе книга и покажи мне по ней, как именно, указав на нужные картинки!

Тут старец достал с книжной полки книгу, на корешке которой было написано от руки «М-М», развернул её и подал Кураеву. Кураев пригляделся к открытой книге и обнаружил, что она была чем-то вроде «Камасутры» — только картинки в ней были очень и очень схематичными: на них присутствовали человечки, подобные тем, которых обычно рисуют на дорожных знаках или дверях туалетов. Андрей Вячеславович пролистал книжку, отметил интересовавшие отца Наума позы и показал их старцу, проговаривая стоявшие под этими позами обозначения:

— 1-А, 4-А, 6-Б и 7-Е!

— О окаянный! — произнес великий старец. — Уже будет тебе за это епитимия! Непременно будет!

Старец ненадолго задумался, протянул несколько чёток, и сказал:

— За все эти грехи, которые ты мне сейчас исповедал, да не причастишься и да пребудешь в сухоядении сто дней; и да творишь на всякий день по сто земных поклонов: по пятьдесят утром и по пятьдесят вечером. Се — двадцать вторая твоя епитимия! Кайся!

— Каюсь, отче, пред Богом, во всех сих грехах, которые исповедал ныне пред тобою Господу Богу, и молю Его о прощении! — возопил Кураев.

— Чадо Андрее! — сказал старец. — А теперь я подсчитаю сколько у тебя всего лет отлучения и сколько лет и дней сухоядения, чтобы определить полную епитимию.

И старец Наум начал писать на бумаге все епитимии, которые он только что наложил на Кураева и складывать их, чтобы «подвести итог». Великий всероссийский духовник выглядел словно доктор, прописывающий рецепт пациенту. Внезапно у Кураева, вспоминавшего прошедшую исповедь, возник вопрос и он спросил старца, не побоявшись отвлечь его от писанины:

— Стоп. Так это что же — если в афедрон, то рукополагать нельзя, а если в рот — можно?

Отец Наум отвлекся от дела, которым был занят, и сказал:

— Именно так. Так гласит каноническое право православной церкви. Если кандидат прежде творил содомское беззаконие в рот, то может быть рукоположен, если в жопу — то нет!

После этого отец Наум вообще забросил писанину, развернулся к Кураеву и начал пространное рассуждение:

— Но вот если после рукоположения, то что в рот, что в жопу — всё равно надо извергать. И не только за «в рот и в жопу», когда мужчина с мужчиной, но и когда «в рот и в жопу» мужчина с женщиной — даже если эта женщина есть законная жена священника. Эх, ваше мудролюбие! Чему вы только в ваших университетах и академиях учились, что канонического права толком не знаете? Священник извергается даже за занятие онанизмом! Его, конечно, могут простить в первый раз — но только если он «не ведал, что творил». А во второй раз его надо извергать непременно. Да только кто сейчас из священников «не ведает, что творит», когда дронит? После семинарии-то?! Даже за совокупление с законной женой хоть в женское естество, но по-скотски, сиречь сзади, он тоже извергается. Ну, может быть, в первый раз его можно и помиловать — если «не ведал, что творил». Только кто сейчас «не ведает»? И за лизание женского срама, как и за совокупление в рот, он тоже извергается. Разве только за «осквернение уст» он не извергается, а лишь только не производится в высшую степень: то есть после «осквернения уст» диакон не может стать священником, а священник — епископом! А осквернение уст — это всего лишь страстный поцелуй. Трудно порой сказать, какой поцелуй страстный, а какой — нет; но если при поцелуе один вдевал свой язык в уста другого, то, определенно, это уже — «осквернение уст». И если священник впускал на себя жену, то его тоже надо извергать — это подобно тому, как если бы он с ней по-скотски или даже, скорее, подобно тому, как если бы он её «в рот и в жопу»! — заключил старец и вновь вернулся к своему занятию.

Старец расписывал на бумаге епитимии, наложенные на Кураева, а тот сидел и молча рассматривал келию старца. Наконец, отец Наум закончил писать и подал Кураеву листок. Тот взял его и начал внимательно рассматривать:

«

Епитимии:

1. 3.5 года отлучения; сухо ясти в посты; 100 поклонов земных на день;
2. 15 лет отлучения; сухо ясти в посты; 200 поклонов земных на день;
3. 6 лет отлучения; сухо ясти в посты; 100 поклонов земных на день;
4. 40 дней отлучения; сухо ясти; 100 поклонов земных на день;
5. 20 дней отлучения; сухо ясти; 60 поклонов земных на день;
6. 20 дней отлучения; сухо ясти; 200 поклонов земных на день;

7. 24 дня отлучения; сухо ясти; 60 поклонов земных на день;
8. 80 дней отлучения; сухо ясти; 50 поклонов земных на день;
9. 6 дней отлучения; сухо ясти; 25 поклонов земных на день;
10. 3 дня отлучения; сухо ясти; 100 поклонов земных на день;
11. 20 дней отлучения; сухо ясти; 50 поклонов земных на день;
12. 9 дней отлучения; сухо ясти; 60 поклонов земных на день;
13. 7 дней отлучения; сухо ясти; 60 поклонов земных на день;
14. 30 дней отлучения; сухо ясти; 50 поклонов земных на день;
15. 12 дней отлучения; сухо ясти; 60 поклонов земных на день;
16. 40 дней отлучения; сухо ясти; 50 поклонов земных на день;
17. 40 дней отлучения; сухо ясти; 50 поклонов земных на день;
18. 12 дней отлучения; сухо ясти; 60 поклонов земных на день;
19. 10 дней отлучения; сухо ясти; 100 поклонов земных на день;
20. 15 дней отлучения; сухо ясти; 100 поклонов земных на день;
21. 2 года отлучения; ясти по уставу; без поклонов;
22. 100 дней отлучения; сухо ясти; 100 поклонов земных на день;

Всего:

- 24.5 года отлучения с сухоядением в посты и с поклонами;
- 2 года отлучения с постом по уставу и без поклонов;
- 466 дня отлучения с сухоядением и с поклонами;

По правилу Иоанна Постника первые два срока суммой в 26.5 лет сокращаются в несколько раз при сухоядении и многих поклонах; 26.5 лет отлучения можно сократить до:

8 лет отлучения с сухоядением и 700 поклонами земными на день;
»

Пока Кураев рассматривал листок, отец Наум комментировал написанное:

— Итак, чадо Андрее, у тебя: двадцать четыре с половиной года отлучения от причастия с сухоядением в уставные посты и с поклонами; два года отлучения с постом по уставу и без поклонов; и четыреста шестьдесят шесть дней или один год и сто один день отлучения исключительно с сухоядением и с поклонами. По правилу Иоанна Постника первые два отлучения общим сроком в двадцать шесть с половиной лет при усердном покаянии, проводимом исключительно с сухоядением и со многими поклонами, можно сократить в несколько раз. Властью, данной мне, я мог бы сократить эти двадцать шесть лет до восьми лет отлучения исключительно с сухоядением и с семьюстами земными поклонами на каждый день; но ведь ты немощен, чадо Андрее! Посему не могу пойти на такое сокращение для тебя, даже если ты будешь этого просить — ибо это есть чистое безрассудство. Нет, даже не проси меня об этом! Тебе бы вынести те дни сухоядения и те поклоны, которые уже установлены тебе для твоего обычного покаяния, а не усиленного! Нет, даже не проси меня об этом!

Услышав это, Кураев сильно понурил голову и восскорбел. Ещё бы — он сможет причаститься лишь спустя двадцать семь лет и даже более того! А сейчас ему было уже за пятьдесят... То есть, скорее всего, отлучение, которое хотел наложить на него отец Наум, в сущности было пожизненным; и причаститься Кураев мог надеяться только лишь в том случае, если окажется при смерти. От таких размышлений Андрей Вячеславович пришёл в совершенное расстройство духа.

— Ну что, чадо Андрее, — сказал отец Наум, — всё ли ты мне исповедал? Если всё, то можешь начать задавать мне свои вопросы; мы можем начать духовную беседу. А после, перед уходом, я наложу на тебя епитимию и разрешу тебя от грехов. Может быть, во время беседы ты вспомнишь ещё какие-то грехи и исповедаешь мне их...

— Отец Наум! — молвил Кураев. — Дело в том, что я написал целую тетрадку своих грехов. О некоторых грехах из этой тетрадки я уже сказал, а о некоторых — нет. Я хочу, чтобы вы прочитали и приняли написанное как мою устную исповедь!

Тут Андрей Вячеславович достал из-за пазухи ученическую тетрадку в клеточку, в двенадцать листов, почти всю исписанную грехами, и подал её старцу Науму. Но тот не принял тетрадь.

— Чадо Андрее! — сказал старец Наум. — Стар я стал и слаб на глаза. Да и почерк твой разбирать мне, может быть, будет трудно. Да и неплохо бы было, если бы ты исповедался в грехах устно. Ведь все срамные блудные грехи свои, мню, ты мне уже исповедал; и поэтому прочих своих грехов ты не будешь так сильно стесняться. Ранее, помню, преданные духовные чада мои приносили мне свои исповеди и в две, и в три таких тетрадки — и я читал их. А теперь стар я стал — силы уже не те. Так что читай, чадо, а я буду слушать!

И отец Наум поудобнее уселся в кресле, прикрыл глаза и стал слушать.

Кураев готовил свою исповедь по книжке «В помощь исповедающимся», которую он давным-давно купил в Почаевской Лавре во время одной из своих миссионерских поездок на Украину. Книжка была издана типографией этой Лавры и содержала огромный перечень самых различных грехов, разбитых по сотницам; блудные грехи занимали в ней восьмую, девятую и десятую сотницы и Кураев выписал из этих трех сотниц чуть ли не половину пунктов — если не больше. Конечно, он добавил в свою тетрадку и грехи из других сотниц, а также те пришедшие ему на память грехи, которые не входили ни в одну из сотниц этой книги. Андрей Вячеславович набрал в грудь побольше воздуха, раскрыл тетрадку на первой странице и начал читать, временами посматривая на отца Наума, сидевшего в кресле. Наконец, Андрей Вячеславович дошёл до блудных грехов, многие из которых он уже исповедал, и тут архимандрит Наум слегка оживился. Андрей Вячеславович прочитал блудные грехи из восьмой сотницы и перешёл к сотнице девятой:

- 901. Долго сидел в туалете.
- 902. Услаждался каканием.
- 903. Специально затягивал какание ради услаждения.
- 904. Слишком долго мыл гениталии и область афедрона
- 905. Услаждался ощущениями при мытье гениталий и области афедрона.
- 906. Специально затягивал мытье гениталий и области афедрона ради услаждения.
- 907. Услаждался при постановке клизмы.
- 908. Ставил сам клизму или просил других, чтобы они сделали это ради услаждения.
- 909. Лечился клизмами сверх необходимого.
- 910. Специально подбирал диету, чтобы образовались запоры, а затем услаждался, испражняясь твердым калом.
- 911. Предавался мечтам, в которых услаждался тем, как испражняюсь твердым калом или как какаю вообще или как мне ставят клизму.
- 912. Подтираясь после испражнения, сверх необходимого раздражал область афедрона.
- 913. Услаждался мочеиспусканием.
- 914. Слишком долго и слишком усиленно придерживал член или мочеиспускании.
- 915. С услаждением и необоснованно часто использовал свечи для лечения геморроя.

Тут всероссийский старец и духовник прервал Кураева и задал ему вопрос:

— Скажи, чадо Андрее, — лечил ли ты простатит треклятым массажем, для свержения коего блудливым грешникам вводят в срачный ход различные предметы или даже перст руки?

— Но у меня нет простатита! — сказал Кураев.

— Возблагодари же Господа! — молвил отец Наум. — Таковое лечение простатита есть треклятый ручной блуд содомский или то, что ему подобно! Только сам Дьявол мог надоумить безбожных врачей на такое «лечение». Это — прямой путь к мужеложеству, к Содому! Сие есть треклятый ручной блуд содомский! Причем взаимный, сугубый — когда проблужение перстом в срачный ход творит врач! Лучше погибнуть в страшных муках, чем так лечить простатит! Святые мученицы предпочитали в древности смерть бесчестию блуда! Вот так! Зришь ли, чадо Андрее, кто и зачем всё это вводит в лекарскую науку на соблазн всем православным христианам и всем человекам?! Зришь ли? Паки реку: не все видят это, но лишь те, кому дано...

Старец на пару мгновений умолк, а затем снова спросил Кураева:

— Вот, мню, в детстве тебе ставили клизмы. И при этом наверняка смазывали клизму вазелином. Ты должен помнить это. Скажи, чадо Андрее, — тебе было приятно? Тебе хотелось, чтобы это сделали снова? Ты помнишь раздражение и восстание срачноходной похоти, которое при этом испытывал?

— Да, да, да... — ответил Кураев и зарыдал. — Всё это так... Горе мне, окаянному!

— Вот так, чадо, из детей и делают мужеложцев! Сылшишь? Слышишь, чего советуют врачи?! Лучше, чтобы ребёнок погиб от запора, чем ставить ему треклятые клизмы! А ещё выдумывают всякие промывания кишечника... Лучше погибнуть! Тогда Господь примет тебя как мученика! Понял?

— Понял, отче! — ответил Кураев.

Старец умолк и Андрей Кураев продолжил зачитывать свои грехи. Он миновал грехи из десятой сотницы и, наконец, дошёл до самого конца. Кураев закрыл тетрадь и засунул её обратно себе за пазуху. Отец Наум заметил это, встрепенулся и задал Кураеву вопрос:

— Чадо Андрее! Вот, ты каялся, что творил водный исток с услаждением. Но это, если можно так сказать, есть нечто внутреннее при творении водного истока. А есть и внешнее. И должно быть чисто как внутреннее, так и внешнее. Скажи: мочился ли ты мимо очка или мимо унитаза?

— Что?! — переспросил Кураев.

— Но ведь ты часто путешествовал, чадо, — стал давать пояснение к вопросу отец Наум, — часто совершал разные миссионерские туры по нашей стране и по всему миру! Поэтому, мню, ты часто пользовался общественными туалетами. Вот я тебя, чадо, и спрашиваю: часто ли ты мочился мимо очка или мимо унитаза? Ведь это грех! Ибо этим самым ты неуважительно относился к труду уборщиц и уборщиков туалетов, а также развёл антисанитарию, от которой могли пострадать люди! Да и сам подумай — приятно ли было людям, которые шли за тобою справить свою нужду, садиться на обоссанный стульчак унитаза или становиться на обоссанный пол и мочить об него края своих брюк?

— Да, отец Наум. Мочился. Порой. В университетах и на вокзалах. А особенно — в поездах... Там вечно качает, там вечно толчки... Струя от этого постоянно сбивается с цели...

— Вот видишь, чадо Андрее! Вот видишь! Во всём ты грешен! «Яко беззакония моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготеша на мне» (Пс.37:5) — как сказал царь Давид! «Это грех мелкий...» — думаешь ты. Но даже малое крыло мухи имеет вес на весах Господа! И когда чаша весов перевесится на нужную сторону от наших добрых дел, от нашего покаяния в грехах, — тогда Господь смиляется над нами и над нашей страной, тогда Господь помилует Россию...

Старец Наум ненадолго умолк; он протянул несколько чёток, а затем задал Кураеву вопрос:

— Чадо Андрее! Исповедуясь мне по своей тетрадке, ты только что сказал, что грешил тем, что бздел в храме. Скажи мне: ты бздел прилюдно или наедине? Вольно или невольно? И главное: неужтоль простёрся ты на то, чтобы бздеть даже во святом алтаре?!

— Отче! Конечно же, я это делал невольно, ненамеренно или тогда, когда уже не было сил терпеть и всё само неумолимо так и рвалось наружу! Что мне было делать? Разумеется, я старался это делать неприлюдно, отойдя куда-нибудь в сторонку. Но, увы, это не всегда было возможно. Иногда приключалось по великой нужде пукнуть даже в алтаре, среди своих братьев, священников и дьяконов... Особо коварны были длительные ектении на вечернем богослужении после переедания... Или вот ещё опасность — когда из-за отсутствия чтецов порой приходится выходить на клирос и читать кафизмы. Грешен, отче! Но дозвошь спросить: вот, ты вопрошал меня — бздел ли я по собственному изволению, чтобы бздением привлечь и склонить ближнего к блуду и бздел ли я на ближнего своего. Но как такое возможно, отче? Как возможно бздением привлечь или склонить к блуду?

— О любопытное чадо! Воистину неутомим ты в своём любопытстве! Есть такие гнусные грешники, до конца растленные в похотствовании и в любострастии своём, которые для возбуждения того, с кем они хотят совокупиться, например, садятся на него и даже не лицо его и тако бздят! И сего достаточно для тебя! Понял, чадо?

— Ей, отче!

Отец Наум на пару секунд умолк, а затем как бы невзначай спросил Кураева:

— Да... а смывать ты не забывал?

— Смывать? После того, как по-большому?

— И после того, как по-большому, и после того, как по-маленькому!

— Забывал порой, отче! Грешен.

— А руки после мыл?

— Тоже порой забывал. Грешен!

Великий всероссийский духовник перевёл дыхание. Исповедь была закончена. Отец Наум протянул несколько чёток и сказал:

— Ну что, чадо? Се, ныне ты исповедался в смертных и тяжких грехах своих. Но ведь не только за этим ты пришёл сюда? Ты пришёл сюда, ища духовной беседы, духовного разрешения своих вопросов и духовного наставления! О чём же с тобою мне говорить? Спрашивай меня, чадо!

Кураев немного замялся, а затем спросил:

— Старче! Почему я голубой?!

— Голубой? Гей? Мужеложник? Педераст? — переспросил его отец Наум.

— Почему я стал геем? Ведь ещё недавно я был нормален! Почти всю жизнь я был нормальным! За что?! Отчего это со мной?

Отец Наум улыбнулся и произнёс:

— Неисповедимы пути Господни! Кто может уразуметь благой Промысел Его и познать ум Его? Это всегда надо помнить прежде всего! И поэтому за все, что бы ни случилось с тобою, чадо, надо благодарить Господа Бога. «Слава Богу за всё!» — как говорил многострадальный Иоанн Златоуст! Поэтому, чадо Андрее, рассуждая о подобных вопросах, всегда помни об этом! И всегда помни о том, что мы, как люди грешные, всегда достойны воспринять по делам своим самые различные ужасные бедствия. Даже праведный Иов — и тот страдал; и, притом, страдал ни за что! А нам ли, со множеством грехов наших, избежать мучений и страданий в жизни сей?! А теперь — теперь что же... имея в себе ум Христов, давай поищем ответ на твой вопрос...

Старец задумался на краткое время, протянул несколько чёток и продолжил речь, отвечая вопросом на вопрос:

— Сам-то ты, раб Божий, как думаешь почему?

— Отче Науме! Я знаю, что церковь учит по вопросу о природе гомосексуальности. По учению церкви она либо от того, что человек развратился — сам или с помощью демонов, — либо от одержимости, которая, скорее всего и чаще всего, вызвана усиленной греховностью. И, конечно, и от того, и от другого вместе. В принципе, по учению церкви, гомосексуальная страсть — это что-то вроде блудной страсти обычного человека или стрем-

ления обычного человека красть — например, стремления красть в детстве. Достаточно воспитания и самоконтроля, достаточно поста, молитвы, посещения служб церковных, исповеди и причастия, достаточно почаще слушать «Радио «Радонеж»»...

— Не переходи границу, раб Божий! — молвил отец Наум, немного посуровев. — Не моги дерзить!

— Я и не дерзю! — ответил Кураев, развивая мысль далее. — Так вот, достаточно делать все это — и от страсти не останется и следа... Она будет побеждена — если, конечно, вообще возникнет.

— Верно ты об этом, рассудил, чадо! Так и учит святая мать-церковь! Постись, молись, подавай обильную милостыню церкви и служителям её, а также нищим, утесняй всячески плоть иными, чем молитва и пост способами, чаще посещай божественные службы, чаще причащайся, почаще слушай ради... ой... — ну, вообще, ты понял, что надо делать — и эта треклятая мужеложественная страсть отступит и пройдет! Или же, если по благому промыслу Божьему этого не произойдёт, — мужественно стой в брани сей супротив плоти и супротив блудных демонов до самой смерти! Под руководством нашей матери-церкви, под руководством опытного и мудрого духовника!

— Но только, отче... Но только после того, что со мной произошло, я стал думать, отче, что гомосексуальная наклонность у меня появилась в результате травм мозга... Ведь до них ничего же не было! А после этого я стал думать, что раз может быть такая причина гомосексуальности как, например, травмы мозга, — то почему не может быть врожденной, природной гомосексуальной наклонности, передающейся по наследству? Или образующейся случайно — например, в ходе генетических мутаций... Я долго раздумывал над подобными вопросами и, в конце концов, отче, решил, что есть ещё и третья причина гомосексуальности — врождённая, природная гомосексуальная повреждённость, которая может передаваться по наследству! Или, например, как у меня — травмы и нарушения работы головного мозга, вызванные физическими повреждениями.

— Ох, мутации... — с нескрываемым неудовольствием проговорил сквозь зубы отец Наум. — Тоже мне — мутатор... Путаник ты маловерный, а не мутатор! Понял — кто ты, чадо Андрее?! Заблудившийся и ошибающийся путаник! Нет никакой такой «природной» или «врождённой» гомосексуальности! Бес, бес, демон прячется за всем этим — за всякими этими «врождённостями», «природностями» и «мутациями»! Бес! Только он очень хорошо запрятался — так, что никто — ни ты, ни прочие маловерные люди — его не видят!

— Я так не думаю, отец Наум!

— А ты и не должен думать так! Ты должен верить! Верить так, как учит церковь! Всем сердцем твоим, всем умом твоим и всею душою твоею!

Здесь наступила неловкая минута молчания. Наконец, старец прервал её:

— Раб Божий Андрей, — молвил старец, — на твои вопрошения я вот что ещё тебе скажу. В древности по Руси ходил премудрый рассказ о том, как некая жена, часто интересовавшаяся тем, почему первые люди согрешили, нарушила лёгкую для исполнения заповедь мужа своего. Она же долго размышляла на тему: почему наши прародители, жившие в Раю, нарушить повеление, данное им Господом, — повеление не вкушать от Древа познания добра и зла. Размышляла она над этим и не могла понять одного: разве тяжело было жене не нарушать столь лёгкую заповедь? Жена сия часто говорила мужу своему: «Позор Адаму, позор Еве, прародителям нашим! Если бы я была на месте Евы, то ни за что бы не пала!». И тогда её премудрый муж, дабы научить и вразумить её, сказал ей, что он якобы уезжает по своим делам на неделю или на две и при этом дал жене заповедь: она не должна была валяться в большой луже грязи, которая была посреди двора их дома. А после муж сказал: «Если исполнишь заповедь мою, то щедро награжу тебя, когда вернусь домой!». Жена, думая, что исполнение сей заповеди есть дело легкое — с чего бы, спрашивается, ей добровольно лезть в лужу грязи? — согласилась на условие мужа. Муж же, хоть и покинул свой дом, но не поехал по своим делам, а стал следить за своей женой.

И что же? Сперва жена не обращала внимания на лужу, но потом в ней возникло желание извлекаться в ней, в её грязи! И это желание постепенно крепло и крепло; это желание искушало жену. И, как ни боролась она с ним, вскоре произошло падение. Жена вышла из дома, улеглась в эту лужу и стала, словно свинья, валяться посреди неё в грязи. Тут-то и вышел к ней её муж, следивший за ней, и сказал ей: «Потеряла ты, о, жена, награду свою — ибо преступила ту заповедь легчайшую, которую я дал тебе! И от сего — от того, что было с тобой — уразумей, как пали Ева и Адам и не хвались пред ними!». Понял ли ты, раб божий Андрей, о чём эта притча?

Отец Наум перевёл дыхание и продолжил:

— Не помнишь ли, что глаголал Павел-апостол? «Я жил некогда без закона; но когда пришла заповедь, то грех ожил, а я умер; и таким образом заповедь, данная для жизни, послужила мне к смерти, потому что грех, взяв повод от заповеди, обольстил меня и умертвил ею. Посему закон свят, и заповедь свята и праведна и добра. Итак, неужели доброе сделалось мне смертоносным? Никак; но грех, оказывающийся грехом потому, что посредством доброго причиняет мне смерть, так что грех становится крайне грешен посредством заповеди. Ибо мы знаем, что закон духовен, а я плотян, продан греху» (Рим.7:9-14). Вот об этом и притча сия, раб Божий! Грех и греховные страсти обретают великую силу из-за того, что даётся заповедь не грешить таким-то именно образом и затем с великим упорством они, грех и страсти греховные, и демоны, которые их распаляют, пытаются соблазнить человека и подтолкнуть его к тому, чтобы именно этим-то образом он и согрешил! И мы грешим от этого не потому, что будто бы заповедь сама по себе зла, а потому, что мы склонны ко греху и, подобно рабам, находимся в его власти. Стоит только благому Господу дать благое повеление не творить такой-то грех — например, не красть, — как тотчас же грех, греховные страсти и нечистые демоны, зная, что мы у них словно рабы, нападают на нас и приказывают нам согрешить именно таким образом — то есть, что-нибудь украсть! Делают же они это отчасти и для того, чтобы надругаться над божественной заповедью, которая свята; а отчасти они это делают и для того, чтобы сильнее губить человека — ведь меньший грех на том, кто согрешил, не имея данной ему Богом заповеди не грешить, по сравнению с тем, кто согрешил, имея пред собой заповедь и зная, что её дал Сам Бог!

— Так это что же?! — сказал, немного подумав, Кураев. — Это же получается: если отменить заповедь, запрещающую заниматься гомосексуализмом, то никто им заниматься и не будет — так что ли?! В смысле: само природное стремление к лицу своего пола исчезнет? Но тогда кто виновен в том, что это врожденное стремление есть и что этим гомосексуализмом занимаются — Тот, Кто дал эту заповедь?!

— О окаянный раб Божий Андрея! — воскликнул отец Наум. — Сколь развращён и омрачён плотской ум твой страстями и бесовским мудрствованием! Ты этого не видишь, а я вижу это — и вижу ясно, как дважды два! Мудрствование бесовское твоё ведёт тебя в погибель; и не приемлешь ты здорового слова! Что с тобою делать, «о, род неверный и развращённый» (Матф.17:17)! Нечестивый грешник! О подобных тебе пророчествовал Енох, седьмой от Адама: «Се, идёт Господь со тьмами святых Ангелов Своих — сотворить суд над всеми и обличить всех между ними нечестивых во всех делах, которые произвело их нечестие, и во всех жестоких словах, которые произносили на Него нечестивые грешники» (Иуд.1:14-15). Так-то ты спасительное слово наставления и поучения превращаешь и обращаешь к собственной гибели! Горе тебе! Как ты не поймёшь меня, как ты всё не приклонишь ухо своё к моим словам о том, что стремление это окаянное и треклятое мужеложественное к лицам своего пола — не природное — то есть не врождённое, — но приобретаемое добровольно человеком тогда, когда он развращается — или сам или от демонов — или тогда, когда он становится одержим этими демонами! Ты же сам говорил об этом и сам признаёшь эти причины гомосексуальности! Зачем, скажи мне, о маловерный, искать ещё какие-то другие причины, если эти причины всё объясняют?! Демоны, демоны и добровольно приобретённые мужеложником страсти на самом деле стоят за тем, что он,

маловерный, несчастный и жалкий, нечестиво называет «естественным» и «врождённым» и даже «вариантом нормы»! К святому Антонию Великому, егоже память семнадцатого января, как повествует житие его, составленное Афанасием Великим, явился низложенный им, Антонием, демон блуда и сказал ему: «Я — друг блуда, обязан уловлять юных в блуд, производить в них блудные разжжения и называюсь духом блуда. Многих, желавших жить целомудренно, обольстил я; великое число воздержанных довел до падения своими разжжениями. За меня и Пророк укоряет падших, говоря: «духом блужения прельстишася» (Ос. 4:12), потому что я был виновником их преткновения. Многократно смущал я и тебя, но всякий раз был низложен тобою». Слышишь, чадо Андрее? Есть дух блуда естественного, а есть дух блуда противоестественного! Этот-то дух противоестественного блуда и напал на тебя! А по слову Спасителя, «Сей же род изгоняется только молитвою и постом» (Матф.17:21) — сиречь, демоны и страсти! Молитвою и постом и всяким иным подвижничеством и послушанием матери-церкви! А вовсе не генетическими манипуляциями над половыми клетками и зародышами — как про это думают масоны-отступники и жиды-христоубийцы, занимаясь чёрти чем в своих тайных подземных лабораториях, про которые страшно и подумать! Что там творится! Ужас! Ужас! Ужас!!!

Старец воздел руки вверх, а затем обхватил ими свою голову.

— Бес хочет обмануть тебя! — молвил, выждав некоторое время, старец Наум. — Нет никакой врождённой гомосексуальности. Бес насел на тебя по грехам твоим и соблазняет тебя к мужеложеству, а ты, окаянный, по развращённости своей, следуешь советам и нашептываниям беса и распаляемой в тебе блудным бесом блудной страсти! И вот грехи твои, за которые бес получил над тобой власть: ты, раб Божий Андрей, был модернистом и сторонником отмены многих святых канонov нашей церкви; ты покрывал и оправдывал экуменистов, врагов Божьих! Ты заступался за «Pussy Riot»! И эти твои дела говорят о том, что ты взрастил в себе великую гордыню — ты возгордился так, что восстал даже на священные каноны и правила, установленные святыми мужами на святых соборах и принятые повсеместно церковью от времён древних. А эти правила святая церковь заповедала хранить навек неизменно! И все архиереи Божии, князья церкви, при посвящении в сан епископа приносили и приносят клятву в том, что будут хранить всё это неизменно! Ты же, чадо Андрее, по гордости своей, всё это вменил ни во что и восстал на церковь и на Бога! А ещё, раб Божий Андрее, ты не по-православному учил народ о колдовстве — о всяких там порчах, сглазах и прочем подобном. Ты учил, что будто бы всего этого нет или что, по крайней мере, православному христианину, который истинно верит в Бога и соблюдает Его заповеди и при этом сам не обращается к духам тьмы и к их слугам, ничего подобного не грозит! И тем самым ты подавал великий соблазн — ибо жития святых ясно нам говорят, что колдовство, волшебство, волхвование есть и что оно действует — и, притом, не так, как это предполагаешь ты. По попущению Божьему, оно действует даже на таких христиан, о которых ты говоришь, что им невозможно подпасть под колдовские чары! То есть колдовство действует даже на истинных православных христиан, не обращающихся к духам тьмы и к их слугам! А ещё ты, вопреки учению и преданию церкви, вопреки видениям святых, учил о том, что и мытарств никаких нет, на которых злые духи истязают души усопших грешников за совершенные ими при жизни грехи! За это-то Бог и убрал с тебя Свою божественную защиту и предал тебя на поругание блудным демонам и распаляемым ими страстям!

— Помнишь историю с Иовом Многострадальным? Дьявол и волоса на голове его не смел тронуть, пока Господь Сам не перестал защищать его и пока Сам же Господь не дозволил, сиречь не попустил, Сатане искушать его и вредить ему!

— Святой апостол Иаков Зеведеев, егоже память тридцатого апреля, некогда боролся с волхвом Гермогеном; и когда пришли к апостолу Иакову бесы, то он приказал им привести к нему сего волхва связанным; при том бесы сказали апостолу: «В твоём доме мы не смеем и мухи тронуть».

— Так-то, чадо! Уразумей из сего, как Господь хранит верных своих! Сотвори же достойный плод покаяния! Ибо грехи твои возопиют пред Богом о возмездии и земля, которая осквернилась от мерзких противоестественных грехов твоих, также вопиет к Богу о возмездии и просит Господа об очищении своём чрез пролитие твоей оскверненной противоестественным нечестием крови! И разве не знаешь ты, что есть иное наказание, жутчайшее смерти, которое может сотворить тебе Господь? Ведь Он, по слову апостола Павла, может тебя «предать сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа» (1Кор.5:5)! Покайся, покайся — ибо «и секира уже при корне дерев лежит» (Лук.3:9), и огонь всеподающий и неугасимый ожидает солому (Лук.3:17)! И не ищи себе оправданий! И помни — бес скрывается под маской всяких травм мозга и травм психики!

16. Кураев у старца Наума. Колдовство (глава не по порядку)

— Но отец Наум! — сказал Кураев. — Я, конечно, правда считаю, что колдовство не действует или что, по крайней мере, верным Богу православным, истинным православным, не обращающимся к бесам, колдунам и ведьмам, его бояться нечего. И я правда считаю, что загробного суда в виде прохождения воздушных мытарств — по крайней мере, в таком виде, в каком про них обычно говорят в церкви — нет! И, честно говоря, я не знаю, что могло бы изменить моё мнение — я ведь ознакомился со множеством материалов и даже не знаю — какой материал ещё можно найти, чтобы поменять то своё мнение. Вряд ли такой материал даже существует...

— Модернист! Окаянный модернист! — возмутился духом старец. — Как высокоумно, дерзко и гордо ты говоришь здесь предо мною, отвергая то, чему из века в век учила православная церковь и множество святых! Но вспомни, чадо, в какие грехи ты впал! Вспомни и оставь свои высокоумие, гордость и надмение! Как он, высокий ум твой, помог тебе избежать всех тех падений, которые ты только что исповедал?! Ты же ведь как свинья во калу лежишь в грязи грехов и беззаконий своих! И беззаконий студных, блудных, срамных! Разве этого не видит высокоумный и гордый ум твой?! Горе тебе! Ибо если он не видит сего, то окончательно пал ты; и как восстанешь ты от падения своего, не видя и не разумея его?! Не знаешь ли, что порой Господь попускает подвижнику впадать в злосмрадные студные блудные грехи за его высокоумие и гордость, чтобы исцелить его от них? Ибо высокоумие и гордость суть грехи злейшие и горчайшие блуда; они ведут к восстанию на Самого Бога! Ей, порой попускает Господь подобные падения подвижнику, чтобы, попав в кал и смрад грехов блудных, он смог узреть это и задуматься: «Почему я пал и где я оказался?». И чтобы узрев своё ничтожество, смог он отказаться от погибельного высокоумия сатанинского своего и от гордости сатанинской своей! Задумайся, чадо: не по этой ли причине милосердный и благой Господь попустил тебе пасть в злосмрадное благо противоестественного блудного греха?! Задумайся: не для того ли благой Господь соделал это? Содела, чтобы предотвратить твоё грядущее восстание на Творца своего из-за сатанинской гордости и сатанинского высокоумия?! Одумайся, чадо!

Старец сделал небольшую передышку и продолжил:

— И смотри — как бы за твоё неверие в действенность колдовства тебе самому не пришлось собственными глазами узреть, что оно действует — причем самым печальным образом — на собственном горьком опыте! А ещё — не знаешь ли ты, что есть такая пословица про грехи: «Чему посмеяхомся, тому поработаем»? То есть: над каким чужим грехом человек посмеется, в такой, по попущению Божьему, сам и впадет — чтобы не уничижал он ближнего и не гордился собственной праведностью. Так не всегда бывает, конечно, но иногда бывает — потому-то и сложилась эта пословица. Так и тут, в твоём

случае, раб божий Андрей: во что не веришь, с тем, по попущению Божьему, может быть, и столкнёшься на своём горьком опыте — чтобы не подавал более ты соблазнов другим своим неверием и чтобы не превозносился ты лжемудрствованиями гордого и высокоумного ума своего. Ведь церковь явно учит и проповедует, что колдовство есть и что оно действует! И, притом, действует даже на истинных христиан — разумеется, по Божьему попущению и по неизреченному Промыслу Господа, который не в силах понять ум человеческий. И, следовательно, мудрствования твои ложны.

— Не знаешь ли, о чадо Андрее, что есть спасительный страх не только пред Господом, но и пред Сатаной, бесами, а также колдунами и ведьмами?! «Какой же может быть спасительный страх перед Сатаной?!» — спросишь ты. А вот какой: когда человек, может быть, и не боится Бога и даже не верит в Него, но, веруя в Сатану и злых духов, боится хотя бы их и, боясь попасть в ад, не грешит. «Какой же может быть спасительный страх перед ведьмой?!» — снова спросишь ты, чадо. А вот какой: может быть, человек давно уже не молится и не ходит в церковь, да и в Бога не очень-то верует, но, испугавшись чар ведьмы, он и в церковь начинает ходить, и исповедоваться, и причащаться, и молиться, и книги святые читать, пытаюсь обрести в церкви и в её святом учении и в святых обрядах её защиту от сил зла. А что делаешь ты, о Андрее?! Ты разрушаешь своим неверием и лжемудрствованиями плотского ума своего сей спасительный страх! Но, — скажешь ты, — я говорил, не то, что колдовства нет, а то, что или его нет, или же что на истинных христиан оно не действует. На это скажу тебе, чадо: говоря так, ты всё равно подавал повод многим считать, что колдовства и таких его разновидностей, как порча и сглаз нет. Притом, говоря, что на истинных христиан колдовство не действует, ты всё равно приуменьшал силу колдовства и волшебства и так ослаблял спасительный страх перед ним! Скольких людей ты этим уже погубил и скольких ещё погубишь — ты не задумывался об этом?! И не задумывался ли ты о том, что за всё это тебе может быть ниспослано ужасное наказание от Господа Бога ещё при этой жизни?! Убойся же! Убойся и покайся! Ведь ты же, о чадо Андрее, не только колдовство отрицаешь, но и страшные не только для грешников, но и для величайших праведников воздушные мытарства! Покайся, пока не поздно! Сегодня утром мы есть, а сегодня вечером — всё! — нас уже нет! «*Pulvis sumus homo quasi herba dies eius sicut flos agri sic florebit quia spiritus pertransiit eum et non subsistet et non cognoscet eum ultra locus eius*» (Ps.102:104-106) — молвил, забывшись, отец Наум. А затем, опомнившись и осознав, что всемирно-известному православному старцу и все-российскому духовному наставнику вряд ли следует говорить по-латыни даже с докторами наук и профессорами от филологии, — хоть публично, хоть наедине — он сказал «Тьфу ты!» и повторил это же самое по-церковнославянски: «Персть есмы. Человек, яко трава дние его, яко цвет селный, тако отцветет: яко дух пройде в нем, и не будет, и не познает ктому места своего» (Пс.102:104-106).

Здесь старец сделал короткую передышку и продолжил:

— Чадо Андрее! Попытаюсь убедить тебя в том, что колдовство есть и что оно действует на примерах из житий святых. Но сначала приведу из них примеры не собственно колдовства, но действий силы Божьей, с помощью которой святые совершали различные чудеса. Хоть этого-то ты не будешь отрицать? Нет?! Вот их хорошо!

— Целителя Панетелимона, егоже память двадцать седьмого июля, за совершённые им чудесные исцеления обвинили в волшебстве; но он действовал не силой демонской, а силой божественной и поэтому в ответ на такое обвинение ответил: «Моё волшебство — Христос»! Ей, много всяких чудес сотворили святые, которые могли бы быть приписаны демонам и их действиям; но все сии святые действовали силой Бога, силой Христа и Святого Духа; и их «волшебством» поистине был Сам Христос, Сам Дух Святой и святые ангелы!

— Василий Великий, егоже память первого января, в ожидании великих гонений на христиан по возвращении царя Юлиана Отступника с войны с Персами, молился пред иконами Богородицы и святого Меркурия, чтобы этот богопротивный царь погиб. В это

время в ставке Юлиана появился неизвестный воин и своим копьём поразил Юлиана; и ровно в это же время изображение святого Меркурия на иконе, пред которой молился святой Василий, исчезло; а затем оно вновь появилось на иконе — но при этом с копья святого Меркурия капала кровь. Вот какой молитвенник был Василий Великий! Его молитвой был поражен нечестивый царь!

— Но не только лишь молитвой одного Василия был повержен Юлиан Отступник!

— Преподобного Иулаина, егоже память восемнадцатого октября, верные просили молиться о низложении нечестивого царя Юлиана, врага христиан. И когда шла война с Персами, на которую отправился сей царь, этот преподобный десять дней молился об освобождении христиан от злого мучителя. Наконец, его молитва — как и молитва святого Василия Великого — была услышана Господом: Иулиан услышал сверхъестественный, чудесный глас: «Нечистое и мерзкое животное погибло». И зело возрадовался святой Иулиан от гласа сего.

— Нечестивый еретик Арий обманул царя Константина в том, что будто бы он, Арий, мыслит по-православному, чему, кстати, сами православные во главе с патриархом не верили. Но царь Константин ради мира церковного решил принудить святого Александра, православного патриарха Константинопольского, егоже память тридцатого августа, к тому, чтобы он вступил в общение с треклятым еретиком Арием. Накануне того дня, когда Ария должны были ввести в православную церковь и принять в общение, патриарх Александр молился Богу, чтобы Он взял душу злосмрадного еретика прежде, чем тот войдёт в православную церковь. И Господь услышал раба Своего! Все знают, как погиб Арий: по пути в храм он почувствовал необходимость зайти в отхожее место, чтобы справить большую нужду; и когда он справлял её, у него разверзлось чрево и внутренности его вывалились наружу. И от этого его нечестивая душа покинула осквернённое грехами тело — покинула, чтобы вечно мучиться в аду. Так молитвой православного патриарха был умерщвлён гнусный еретик, погибший позорной смертью в назидание всем!

— Святой Геннадий, патриарх Константинопольский, егоже память тридцать первого августа, имел в своём подчинении клирика Харисма, который вёл ужасный и недостойный образ жизни: он предавался лени и нерадению, а также, как говорили, занимался разбоем, блудом и волшебством. Святой Геннадий долго терпел злодеяния Харисма и кротко увещевал его прекратить творить беззакония; но это не помогало. Тогда Геннадий стал применять к Харисму наказания. Наконец, видя, что всё это не даёт плода, святой Геннадий послал своего слугу в храм мученика Елевферия — в тот храм, при котором Харисм и был клириком, — чтобы этот слуга от имени Геннадия попросил мученика Елевферия либо исправить, либо отсечь от церкви преданного грехам Харисма. И на следующее утро после этой молитвенной просьбы Харисм был найден мёртвым.

— Святитель Порфирий, епископ Газский, егоже память двадцать шестого февраля, как повествуется в его житии, умертвил своей молитвой еретичку-манихейку.

— Священномученик Корнилий Сотник, егоже память тринадцатого сентября, молитвой своею разрушил идольское капище; оно рухнуло и своими обломками завалило жену правителя вместе с его сыном.

— Преподобный Флорентий, егоже память двадцать третьего августа, имел ручного медведя. Четыре монаха-завистника, чтобы досадить преподобному, убили этого медведя. Тогда Флорентий проклял их за это и все они умерли.

— Пророк Божий Елисей, егоже память четырнадцатого июня, как повествует об этом Библия, проклял насмехавшихся над ним из-за его плеши детей именем Господа — детей иудеев же, а не язычников — и «вышли две медведицы из леса и растерзали из них сорок два ребенка» (4Цар.2:24).

— Преподобная мученица Евдокия, еяже память первого марта, пребывала в монастыре; к ней проник её прежний мирской поклонник Филострат — естественно, вопреки её воле. Когда Филострат приблизился к Евдокии, она дунула в его лицо и он умер. Впоследствии Евдокия воскресила Филострата, получившего должный урок.

— Святой Спиридон Тримифунтский, святитель и чудотворец, егоже память двенадцатого декабря, приказал жене-прелюбодейке, забеременевшей не от мужа и не хотевшей сознаваться от кого именно она беременна: «Плод не выйдет из чрева твоего, пока ты не скажешь истины». И та, не желая сознаться, умерла в родовых муках, так и не разродившись.

— Старица Пелагия Рязанская, девица, ещё нигде не канонизирована даже как местночтимая святая. Но как я, убогий старец Наум, мню, — и не только я, но и великое множество православного народа на Руси — она есть истинная святая и истинная подвижница Божья, достигшая блаженства; она уже прославлена как святая у Бога на Небе и церковное прославление её на земле лишь дожидается своего часа. Так вот, чадо. Она говорила, что советский глава Хрущёв был страшным магом, задумавшим уничтожить всё духовенство и ещё при жизни своих современников показать последнего священника по телевизору — ибо, по слову старицы, все колдуны ужасно ненавидят православных священников. А ещё, по её же слову, маг Хрущёв жаждал уничтожить треть населения страны; и для сего он приказал засеять поля вместо пшеницы плевелами из Америки. И совсем бы погибли духовенство и народ, если бы старица Пелагия не взяла на себя подвиг: сто дней она пламенно молилась, чтобы Господь убрал с престола самозванца Хрущёва. В каждый из этих ста дней старица вкушала лишь по одной просфоре и пила лишь по одному стакану воды. И Господь услышал верную рабу Свою: Хрущёв неожиданно для всех был отстранен от должности своими же соратниками. Он не был убит: милосердный Господь оставил его на покаяние — несмотря на все его злодеяния и нечестия. Так по молитвам блаженной Пелагии духовенство было спасено от истребления, а народ получил ослабу. Вот что значит молитва одного праведника пред Богом! Эта старица была велика пред Богом почти как святой Василий Великий! Понял ли ты это, чадо?

— А что сказать о святом праведном Иоанне Кронштадтском, этом величайшем девственнике, милостораздавателе и чудотворце? Разве не знаешь, чадо, как он молился о гибели страшного соблазнителя и богохульника Льва Толстого? В выписках из последнего дневника отца Иоанна за 1907 – 1908 годы, изданных отдельной книгой с названием «Живой колос с духовной нивы», в которой, правда, записи не разделены по дням, он со всей убежденностью в истинность своих слов глаголет: ««Умрёте во грехах ваших, если не будете веровать в Меня» (Ин.8:24) — говорит Господь фарисеям. Горе Льву Толстому, не верующему в Господа и умирающему во грехе неверия и богохульства! Смерть грешника люта. И смерть его — Толстого — будет страхом для всего мира. (Конечно, это скроют родные.)». Позже, в том же 1908 году, в том же своем последнем, предсмертном дневнике, в той его части, которая охватывает период с двадцать четвёртого мая по одиннадцатое декабря, отец Иоанн делает другие записи — записи, не вошедшие в названную книгу, — в которых он собственно и просит у Бога смерти Толстому. Так, двадцать четвёртого августа отец Иоанн пишет, как бы намекая и жалуясь Богу, что Толстому уже пришла пора погибнуть: «Доколе, Господи, терпишь злейшего безбожника, смутившего весь мир, Льва Толстого? Доколе не призываешь его на Суд Твой? [Не Ты ли Сам сказал:] «И се, гряду скоро, и мзда Моя со Мною, воздати коемуждо по делом его» (Откр.22:12)? Господи, земля устала терпеть его богохульство». Затем шестого сентября он пишет: «Господи, не допусти Льву Толстому, еретику, превзошедшему всех еретиков, достигнуть до праздника Рождества Пресвятой Богородицы, которую он похулил ужасно и хулит. Возьми его с земли — этот труп зловонный, гордостью своею посмрадивший всю землю. Аминь». Далее седьмого октября отец Иоанн пишет: «Господи, убери М. Антония, Яничева и прочих неверных людей! Пошли твёрдых в вере и благочестии. Буди! Л. Толстого возьми». Кроме того, есть ещё собрание выдержек из того же последнего, предсмертного дневника отца Иоанна, известное как «Последний дневник», в котором дневниковые записи также не разделяются по дням. В этом «Последнем дневнике» отец Иоанн, выражая свою уверенность в грядущем наказании Толстому, пишет: «Горе Льву Толстому, не верующему в Господа и умирающему во грехе неверия и богохульства. «Смерть грешников люта» (Пс.33:22)...». И

так святой Иоанн Кронштадтский писал и мыслил не в неразумной молодости и не в расцвете и буйстве сил, а уже стоя на самом краю могилы, перед самой своей смертью, будучи умудрён многим жизненным опытом и стяжав многочисленные добродетели и дары Святого Духа!

— Знаешь ли, чадо, что у иудеев есть обряд «пульса де-нура» — «удар огнём»? Бог есть свет и Он же есть огонь. Бог есть свет, просвещающий человека и согревающий его и милующий его; и Он же есть огонь, пожирающий грешника и правосудно карающий его. Когда Бог является грешному человеку «не слишком сильно», то человек видит приятный для него свет божественной святости и милосердия. Когда же «слишком сильно» — то грешный человек чувствует, что он испепеляется огнём божественной святости и правосудия. И никто, испытав этот огонь, не может остаться в живых. Ибо кто не грешен? И когда кто-то из иудеев сильно грешит против Господа и против Израиля, то другие иудеи собираются и проводят этот обряд «пульса де-нура», в котором просят, чтобы Господь явился грешнику как всепожирающий огонь и истребил этого грешника. Но, чадо Андрее! Как ты видишь, у нас, у православных, есть своя «пульса де-нура»! Разве то, что делал Василий Великий и преподобный Иулиан — это не «пульса де-нура»?! Разве то, что делал патриарх Александр, желая погубить Ария, или святитель Порфирий, епископ Газский, желая умертвить еретичку-манихейку, — это не «пульса де-нура»?! И разве оное славное деяние блаженной девицы Пелагеи — это не «пульса де-нура»?! Но приведем ещё подобные примеры из житий...

— Святой Иаков, епископ Низибийский, егоже память тринадцатого января, однажды увидел девиц с непокрытыми головами и оголёнными ногами. Ему очень не понравилось такое нецеломудрие и он проклял этих девиц. И они тотчас же состарились и поседелли, увяли как осенние листья на морозе.

— Святой юродивый Симеон, егоже память двадцать первого июля, спасая блудниц от вечной гибели, давал им золото с тем условием, чтобы те не грешили более блудом; и если какая-либо из этих блудниц нарушала клятву, то Симеон обличал её и посылал на нее либо болезнь, либо беса, чтобы тот мучил её; и та блудница болела или мучилась от беса до тех пор, пока не давала Симеону истинных доказательств своего покаяния и оставления пути творения блудных грехов. Однажды этот же Симеон шёл мимо веселящихся девиц, которые стали издеваться над ним и зазывать его в своё собрание. Тогда он, желая наказать их за бесчинство и сделать целомудреннее, помолился Богу и скривил им всем глаза: каждая из них стала косой. Впоследствии одних из них он исцелил, поцеловав в глаза, а других — нет — ибо они отказались от того, чтобы Симеон целовал их в глаза. О тех, кои не были исцелены, Симеон сказал: «Если бы Бог не искривил им глаз, то они превзошли бы блудодеянием всех сирийских женщин; а теперь они не будут такими».

— Святому мученику Потиту, егоже память первого июля, при мучениях забивали гвоздь в голову; при этом по Божьему действию боль в голове началась и у императора.

— Святого мученика Иулиана, егоже память двадцать восьмого июля, подвергли избиению; и когда мучители били его, то руки у них по Божьему действию разболелись и от этого они не могли держать орудия пыток.

— Когда язычники восхотели убить святого мученика Луппа, егоже память двадцать третьего августа, то по Божьему действию убийцы, устремившиеся на святого Луппа, внезапно начали посекать друг друга и стрелять один в другого.

— Святая мученица Ариадна, еяже память восемнадцатого сентября, убегала от преследователей. При погоне свершилось чудо: святую Ариадну сокрыла в себе скала; преследователи же её по чудесному Божьему действию начали поражать друг друга.

— Святой апостол и евангелист Иоанн Богослов, егоже память двадцать шестого сентября, своей молитвой сделал так, что у игемона, подписавшего ему несправедный приговор, отсохла та рука, которой он это сделал, а у Проклиании, оклеветавшей Иоанна и своего сына, отсохли обе руки и перекошились оба глаза. Этот же апостол некогда проповедовал Христа и обличал язычников возле языческого храма; при этом он говорил, что

идолопоклонники вместо бога почитают беса. От этого народ исполнился ярости и стал метать в Иоанна камни; но они летели так, что побивали самих их метających. Затем Иоанн помолился — и настала такая жара, что от нее попадало и умерло двести человек.

— В житии преподобного Саввы Сторожевского, егоже память третьего декабря, говорится, что один слепой, утеревшись покрывалом преподобного, прозрел; другой же человек, зрячий, узнав об этом, сказал про покрывало святого: «Этим только глаза засоришь» и ослеп.

— Святитель Епифаний, архиепископ Кипрский, егоже память двенадцатого мая, как повествуется в житии его, однажды дунул на сребролюбивого архиепископа Иоанна и тот ослеп.

— В житии преподобного Григория Печерского, егоже память восьмого января, повествуется, как однажды он узнал, что у него спрятались воры; и святой сотворил молитву, по которой эти воры проспали пять дней и пять ночей. В другой раз воры забрались к святому в сад. Взвалив мешки на плечи, они не могли двинуться дальше; и так, с мешками на плечах, они простояли в саду два дня и две ночи.

— Преподобный Феодор Сикеот, егоже память двадцать второго апреля, молитвой остановил вора, похитившего церковное имущество; и вор стоял как будто связанный до тех пор, пока не был узан и приведен в то место, где он похитил имущество.

— В житии преподобного Пафнутия Боровского, егоже память первого мая, повествуется о том, как воры похитили из его обители скот, но не смогли уйти далеко, ибо заблудились у самой обители и, будто слепые, ходили ночью вокруг неё. Утром они захотели бежать без скота, но, удерживаемые Божьей силой, не могли отойти от похищенного скота, пока не были обнаружены и приведены к преподобному.

— Святой Феодор Едесский, епископ, егоже память девятого июля, будучи в Вавилоне, участвовал в споре между христианами и иудеями. В ходе спора он сказал противоборствующему ему иудею: «Да онемеют уста лживые, которые против праведника говорят злое с гордостью и презрением» (Пс.30:19) — и этот иудей онемел.

— Святой Александр, патриарх Константинопольский, егоже память тридцатого августа, — тот самый, что молитвой своей умертвил Ария — однажды спорил о вере с еллинскими философами; в ходе спора он сказал одному из них: «Именем Господа моего Иисуса Христа повелеваю тебе умолкнуть!» — и тотчас у этого философа отнялся язык.

— В житии преподобного Луки Ефесского, егоже память седьмого февраля, повествуется, как однажды олени повадились ходить в его сад; одно они поедали, а другое — попирали. Тогда преподобный Лука, увидев одного из этих оленей, сказал ему: «По повелению Господа, не сходи с места, на котором стоишь, но прими достойное наказание!». И олень этот сразу же упал на землю, залёг и более не мог сдвинуться с места.

— Чадо! Рассуди сам: люди несведущие разве не приняли бы все эти случаи за случаи колдовства? Разве не посчитали бы они этих святых отцов магами? Ей, посчитали бы. Но действовали эти святые отцы не с помощью силы бесовской, но с помощью силы божественной, с помощью силы Христовой, силою Духа Святого! Рассуди же о том, что необходимо, дабы чудо свершилось — и ты найдёшь, что для этого необходимы: во-первых, изволение святого на чудо, выраженное в просьбе или молитве; во-вторых, Бог или ангелы, которые совершат просимое и желаемое святым; и, в-третьих, изволение или попущение Бога на то, что просит и желает святой. При этом напомним, чадо: если речь идёт о вреде людям и причинении им зла, то мы говорим о попущении Божьем; а в иных случаях мы говорим об изволении Божьем; попущение же, как ясно — это тоже изволение, а именно изволение на вред и зло. И без изволения Божьего не происходит ничего — ибо, по слову Господа, «Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены» (Матф.10:29,30). И когда есть все эти три условия, тогда-то и свершается то, о чём молит и чего волит и желает святой — свершается силой божественной или ангельской, а не силой

самого святого. И при сем святой не творит зла в нравственном понимании этого слова — в отличие от колдуна или ведьмы. Так-то, чадо!

— Но есть нечто ещё более удивительное! Ведь святой, желающий чего-то и молящий об этом, может, в конечном счёте, осуществить желаемое не силой божественной или ангельской, но дьявольской! Да-да! Ведь Господь или ангелы, если будет на то Божье изволение, могут связать беса и принудить его сделать то, чего желает и о чём просит святой! И, притом, даже то, чего этот бес не хочет — например, доброе дело! В этом случае святой подвижник, Господь и ангелы Его используют злого беса как своё орудие! В этом случае святой подвижник с помощью Господа и ангелов получает власть над бесом и повелевает им! И не хотел бы бес сделать то, что ему приказывают — да не может и подчиняется — ибо кто сильнее Господа? Как сказано про Господа Иисуса Христа: «Создав же двенадцать, дал силу и власть над всеми бесами и врачевать от болезней» (Лук.9:1). И жития святых приводят нам примеры сего, чадо! Из них видно, что святые даже насылали демонов на грешных людей, чтобы те причиняли им страдания — то есть эти святые действовали подобно колдунам — однако же, с благою целью!

— Святой Симеон Юродивый, егоже память двадцать первого июля, о котором уже говорилось, спасая блудниц от вечной гибели, давал им золото с тем условием, чтобы те не грешили более блудом; и если какая-то из этих блудниц нарушала клятву, то Симеон обличал её и посылал на нее либо болезнь, либо беса, чтобы тот мучил её. И эта блудница болела или мучилась от беса до тех пор, пока не давала Симеону истинных доказательств своего покаяния, а также того, что она оставила путь творения блудных грехов.

— Святой Левкий Исповедник, егоже память двадцатого июня, однажды изгонял беса из человека, готовившегося к крещению и уже прошедшего оглашение. Бес спросил Левкия: «Если я выйду из него, то куда пойду?»; и Левкий приказал ему: «Войди же в тех людей, которые не веруют в Господа нашего Иисуса Христа и не поклоняются Его животворящему кресту». И бес вышел.

— Тот же святой Симеон Юродивый, егоже память двадцать первого июля, однажды изгнал беса из некоего места и этот бес, приняв образ малого страшного эфиопа, отправился в овощную лавку, которой владели некие супруги-еретики, державшиеся лжеучения Севера. Бес сделал в той лавке много беспорядков: он всех там перепугал и разбил там всю посуду. Когда Симеон возвращался домой, то, проходя мимо этой лавки, встретил испуганную жену владельца лавки. Когда та рассказал Симеону о том, что сотворил бес, Симеон сказал ей: «Это я послал его на вас — за то, что вы не присоединяетесь к святой церкви».

— Преподобный Феодор, инок Киево-Печерский, егоже память одиннадцатого августа, однажды отправился молоть зерно; на мельнице он увидел, как жернова сами пришли в движение. Феодор уразумел, что это — козни дьявольские и запретил бесу молоть; но бес не послушал его. Тогда Феодор приказал бесу именем Святой Троицы не оставлять работы, пока не перемелет всё — чтобы этот бес поработал на монастырскую братию. В другой раз этот преподобный увидел, как бес сбрасывал в реку брёвна, лежавшие на берегу и заставил беса носить эти брёвна наверх, на высокий берег.

— Так-то, чадо! — молвил старец Наум Кураеву. — Ты думаешь что — рассказ Гоголя про Пузатого Пацюка — это выдумка?! Э, нет! Мню, преподобный Феодор, если бы захотел, мог именем Господа нашего Иисуса Христа повелеть бесу невидимо обмакивать в сметане вареники и подавать их за трапезой прямо себе в рот! И не только себе, но и всей монастырской братии — скажем, на Пасху или на Масленую. Вера, вера — вот, что главное! Она, по слову Спасителя, горы движет!

— Святой Иоанн, епископ Новгородский, егоже память седьмого сентября, запечатал беса в рукомойнике. Во время молитвы святого один бес влез в рукомойник и начал греметь, чтобы помешать Иоанну молиться; тогда-то Иоанн и запечатал его. После сего нечистый дух стал громко вопить и просить отпустить его. Иоанн же согласился на это лишь при том условии, что тот доставит его в Иерусалим. И он согласился: демон превра-

тился в чёрного коня и доставил Иоанна во Святой Град. Иоанн поклонился там великим святыням, а затем вернулся на чёрте обратно.

— Так-то, чадо! Святой Иоанн съездил на бесе, обузданном действием Божьей силы, во Святой Град подобно тому, как ведьмы слетаются на бесах на шабаш на Лысую Гору! «Всё могу в укрепляющем меня Иисусе Христе» (Фил.4:13) — как сказал апостол Павел!

— Преподобный Виталий монах, вразумитель и наставник блудниц, егоже память двадцать второго апреля, некогда незаслуженно получил оскорбительный удар в щёку от одного юноши-блудника; кроме того, этот юноша осудил Виталия. Святой не стал отвечать ему ударом на удар, но сказал нечестивцу: «За меня смиренного получишь и ты удар по щеке такой, что сбежится вся Александрия на твой крик». И действительно: позже, уже после смерти Виталия, этому юноше явился бес и нанес ему сильнейший удар, сказав: «Прими удар, который прислал тебе монах Виталий!».

— Святой мученик Конон Исаурийский, егоже память пятого марта, однажды связал именем Иисуса Христа множество бесов, пришедших к нему; и они стали молить Конона не посылать их в бездну. Тогда святой запретил им вредить людям и послал их на работы: одни демоны копали землю в огородах и пропалывали их — вырвали терновник, крапиву и прочие травы; другие демоны пахали поля и сеяли на них; третьи — охраняли плоды; четвёртые — пасли стада и охраняли их от диких зверей; пятые — кололи дрова, носили воду и исполняли домашнюю работу. Бесы, как рабы и пленники, служили блаженному Конону, ибо были связаны силой Божьей. Когда к святому Конону пришли разбойники, связали его и пытками начали выведывать у него, где он прячет золото, по повелению Божьему явились служащие Конону бесы, схватили разбойников и немилосердно били их; а потом они развели огонь в печи и стали опалять их тела. Святого же бесы освободили от уз. Демоны даже оберегали честь имени Конона: когда кто-то из неверующих хулил его, то на него невидимо нападали бесы и избивали его. Однажды волк украл у матери ребёнка. Святой Конон отдал приказание бесам и те принесли к нему этого волка вместе с ребёнком, который оказался невредим. А когда вор проник в сад Конона, чтобы украсть плодов, бесы, словно невидимые сторожи, схватили его, избили и вместе с ослом и мешком украденных им плодов привели к святому.

— Так-то, чадо Андрее! Думаешь что — думаешь, все эти рассказы про то, как демоны охраняют гробницы и сокровища — шутка? Нет, это не шутка! Жрецы и колдуны с помощью различных жертвоприношений и прочих обрядов действительно ставили бесов охранять гробницы и сокровища! И эти бесы действительно охраняли всё это от грабителей — отпугивая их различными ужасами или даже нанося увечья и убивая!

— Вернёмся же к деяниям святых. Конечно, чадо Андрее, люди несведущие, рассматривая помянутые мной случаи, скажут, неразобравшись: «Всё это волшебство, колдовство, магия!». Мы же, как люди, просвещённые светом Христовым, скажем вслед за целителем Пантелеимоном: «Моё волшебство — Христос!».

— Кстати, чадо Андрее! Разве не видишь, что дела святого Симеона Юродивого и святого Левкия Исповедника, насылавшего бесов на грешников для их наказания и вразумления болезнями, горестями и утратами действовали согласно со словами и делами апостола Павла, который решил некоего отъявленного грешника «предать сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа» (1Кор.5:5), что и было сделано? При сём Павел также и двух других тяжких грешников, Именей и Александра, «предал сатане, чтобы они научились не богохульствовать» (1Тим.1:20) — так что подобное предание Сатане, которое творил сей апостол, не было единичным случаем! Что же следует разуметь здесь под «преданием Сатане»? Господь защищает человека и не дает нечистым духам вредить ему; когда же убрана сия защита, то нечистый дух может приступать к человеку и вредить ему: причинять ему всякие болезни и горести — как телесные, так и душевные. И когда церковь во главе с епископом или епископами, действуя властью, данной им от Бога — по слову Господа: «Истинно говорю вам: что вы

свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Матф.18:18) — выносит свой приговор: «Да будет предан сей человека Сатане!», то она на самом деле постановляет: «Да будет снята с человека сего защита Божия, и да будет чрез поущение Божье из-за этого открыт к нему доступ Сатане, чтобы тот мог вредить ему и мучить его, как он хочет и насколько ему поущено». И этим деянием благая мать-церковь не только снимает с человека защиту и наводит на него поущение Божье и, соответственно, бедствия от бесов — если, конечно, с этим согласится суд Божий, — но ещё и вызывает к правосудию Божьему, испрашивая кары для грешника чрез бесов.

— А что если бес не захочет? — спросил Кураев.

— В смысле? — ответил вопросом на вопрос архимандрит Наум.

— Ну, например, — начал рассуждать Кураев, — есть какой-то ересиарх; церковь предала его Сатане; а тот не хочет его мучить и убивать — потому, что ему, наоборот, надо, чтобы он был в полном здравии дабы распространять свою ересь. И потом: смерть ересиарха от тяжелой болезни его последователи могут воспринять как кару Божью, как божественное указание на неправильность его учения и из-за этого отойти от ереси и вернуться в истинную церковь!

— Хм... — промычал отец Наум. — В этом случае, чадо, снова вспомним святого Симеона Юродивого, который насылал на блудниц бесов, дабы те причиняли им за их блудные грехи различные болезни с тою целью, чтобы они, наконец, претерпевая наказание, отстали от этих грехов. Спросим: может быть, эти бесы и не хотели, чтобы блудницы болели и мучились? Ведь через это они не только сами отвращались от греха, но и из-за своих болезней и мук не вовлекали в грехи других! Но поскольку святой так приказал им, то бесы, связанные божественной силой, хоть и против своей воли, но шли и причиняли блудницам болезни и муки! Так и в случае твоего ересиарха: если бы бес не хотел ему вредить болезнями и смертью, то Бог связал бы этого беса Своей божественной силой и приказал бы ему идти и вредить так, как Бог ему попустил! И этот бес никуда бы не делся — пошёл бы и навел на ересиарха болезнь, а затем забрал бы его душу. Вот возьмем тех же блудниц, которых наставлял и исправлял Симеон. Какая, в сущности, разница — заболеют они действием бесовским или же, по поущению Божьему, из-за обычной встречи с больным человеком? А что до твоего ересиарха — то опять же: какая, в сущности, разница — убьёт его бес или, по поущению Божьему, какой-нибудь грабитель, забравшийся в его дом? Ясно ли тебе это, чадо?

— Ей, отче! — ответил Кураев.

— А что до предания Сатане — продолжал отец Наум, — то первого упомянутого грешника апостол Павел предал Сатане «во измождение плоти» — то есть, чтобы тот вредил непосредственно только плоти его, не касаясь души, — подобно тому, как Сатана вредил Иову. Хотя, конечно, при этом от страдания плоти душа всё равно страдает. Но ведь можно предать не только во измождение плоти, но также и во измождение духа! Или только лишь во измождение духа! В этом последнем случае бес непосредственно будет вредить лишь душе грешника. Ибо есть болезни, муки и скорби телесные, а есть болезни, муки и скорби душевные; и одному душеспасительно страдать от муки и болезни телесной, а другому — от муки и болезни душевной или духовной. Вот, один может смириться от паралича или от утраты членов тела своего, а другой — от того, что постоянно находится в жуткой скорби или же от того, что пребывает одержимым. Так-то, чадо! Как спасительнее для грешника, так и должен он быть предан Сатане милосердной и любвеобильной матерью-церковью и судом церковным! Кстати: апостол Павел про Именей и Александра написал, что просто «предал их сатане», не сказав как именно — во измождение ли одной только плоти или во измождение одного только духа — то есть души — или же и во измождение плоти, и во измождение духа! И тут надо думать и веровать, что как спасительнее и душеполезнее для них было — так и предал. Так-то, чадо Андрее! И тогда приступили к ним бесы и тяжело их мучили.

— Наконец, перейдем к собственно волшебству и колдовству, о котором говорится в житиях святых. Я разумею те случаи, когда колдун или ведьма соединяются вкупе с бесом и действуют во вред людям при наличии на то Божьего попущения. Для успешности такого колдовства также необходимо исполнение трех условий: во-первых, наличие ведьмы, волящей и желающей сотворить зло и обращающейся для сего к демону как к своему помощнику и орудию; во-вторых, наличие демона, нуждающегося для творения зла в ведьме как в своей помощнице и, в определённой степени, как в своём орудии; и, в-третьих, наличие Божьего попущения на то, чтобы ведьма, замыслившая зло, и бес, взявшийся ей помогать в творении этого зла, могли соделать сие зло. И когда исполнены эти три условия, тогда ведьма приказывает служащему ей бесу и тот исполняет приказанное. Так-то и свершается колдовство, чадо Андрее! И это — то есть творение колдовства — очень похоже на то, о чём я говорил выше — то есть на творение чудес святыми посредством Бога или ангелов или даже демонов. Как обстоит дело там — примерно так обстоит дело и здесь! И для верующего здесь нечему удивляться; и для него здесь нет чего-то, чему нельзя или не следует верить.

— Вот, ты считал, что даже если колдовство и есть, то всё равно оно не действует на истинных, а не по названию только христиан, которые не обращаются сами к демонам и к их слугам — ведьмам и колдунам; ибо, как ты, неразумный, считал, Господь всегда защищает таких христиан. В смысле: защищает до такой степени, что свершение колдовства над ними совершенно невозможно. О неразумное чадо! Ты забыл о попущении Божьем! О попущении Божьем, которое действует согласно неизреченному Промыслу Божьему — Промыслу, который не в силах постичь немощный человеческий ум! И если будет попущение Божье — то колдовство подействует даже на истинного, а не по названию только христианина, который и не думал, и не думает обращаться ни к бесам, ни к колдунам, ни к колдуньям! Так-то! Уразумей сие, неразумное чадо! Разве ты познал Промысел Господа?! Разве этот Промысел открылся тебе, чтобы ты мог утверждать, что такого не было, нет, не будет и не может быть?!

— Но ты, о маловерное чадо Андрее, вопрошаешь: разве не хочет бес всегда творить зло человеку? Разве не всегда он изыскивает этой возможности? И разве не больше сил у беса, чем у ведьмы или колдуна? Но тогда зачем, спрашиваешь ты, о маловерный, вообще нужна бесу ведьма или колдун?! Познай же: не сделал бы бес того сильнейшего зла, которое он сделал, обрета себе союзницей ведьму, но сделал бы меньшее зло. Равно, и ведьма, не обрета себе союзником и орудием беса, не сделала бы того сильнейшего зла, которая она сделала, но сделала бы меньшая зло — как лишённая невидимого могучего союзника. Когда же здесь говорим о меньшем зле, то, явно, и на него должно быть попущение Божье — как и на сильнейшее зло. И когда ведьма и бес соединяются вместе, то, когда есть на то попущение Божье, они могут творить большее зло — такое, которое не могли бы сотворить они, действуя по одиночке и без совершения колдовских обрядов! Посредством же этих колдовских обрядов ведьма высказывает своё желание, чтобы было совершено то или иное зло с помощью беса и даёт на то свое изволение. И при таком колдовстве ведьма и бес разделяют ответственность за совершенное ими совместно зло. Понял ли и уразумел ли ты сие, чадо Андрее? Не приказала бы ведьма — и бес не полетел бы наводить болезнь на человека или убивать его. Без приказа ведьмы он не в силах ничего ему сделать — ибо нет попущения Божьего, чтобы бес сам вредил этому человеку без приказа ведьмы! Или чтобы ведьма обычным образом убила его — скажем, дав выпить ему смертоносное зелье.

— «Но как же милосердный Господь попускает происходить такому?!» — спросишь и возмутишься ты, о маловерное чадо Андрее. А, может быть, не только возмутишься, но и ужаснёшься. Отвечу: не знаешь ли, что отвечал на подобные вопросы Феодор Михайлович Достоевский? Великий русский писатель говорил, что могущество власти Дьявола трудно осознать, ибо власть Дьявола над творением доходит до таких глубин, которые человек не может себе и представить! Разумей же, что власть сию — тлетворную

власть вредить и искушать — Дьявол получает по попущению Господа; без попущения же Бога Дьявол нисколько не властен над творением Божьим!

— Отец Наум! — стал спорить Кураев. — Но ведь что говорит Писание? Оно говорит во множестве мест: «Бога бойся»; и: «Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Матф.4:10). Бога должен бояться христианин и Ему одному служить! Он не должен бояться бесов и идолов! А если приписать колдунам и бесам, да ещё и идолам ту огромную власть, о которой вы говорите — что же тогда получается? Тогда их надо бояться — даже истинному христианину! Тогда даже на истинного христианина колдун с помощью бесов может навести тяжкую болезнь и даже смерть! Или беснование. В таком мире страшно жить! Просто страшно! Из этого-то я и делаю вывод, что Бог защищает, по крайней мере, своих верных чад и не даёт колдунам и бесам вредить им с помощью волшебства. И что, следовательно, нет попущения Божьего на то, чтобы колдуны с бесами вредили им своими чарами! Бойся одного Господа и служи ему в истине — и Он обязательно избавит тебя от козней колдунов и содействующих им бесов!

На эти слова отец Наум лишь улыбнулся и молвил:

— А вот ты, чадо Андрее, не мудрствуй лукаво, и, как тебе и заповедано, бойся одного лишь Бога и служи лишь Ему одному, воюя при этом с бесами и колдунами, но при этом помни: если будет на то Божье попущение, то колдун и служащие ему бесы жестоко поразят тебя мучениями, болезнями и беснованием. Либо в отместку, либо просто по своей злобе. Именно так и было уже множество раз до тебя. Но ты и в таком бедствии всё равно бойся одного лишь Господа Бога и лишь одному Ему служи! И будет тебе награда на Небесах! Веруй, что Господь не попустит тебе претерпеть испытание и бедствие свыше твоих сил по слову Писания, а не в то, что испытаний и бедствий не будет! Где же твоя вера? Веруй, и за всё благодари Господа! «Слава Богу за всё!» — как говорил святой Иоанн Златоуст. На войне многие воины именно что не боятся врага или, на худой конец, борются с таковым страхом и побеждают его! Но разве это значит, что бесстрашный воин, пойдя в атаку на врага, по Божьему попущению не может получить пулю в лоб? Или тяжкое ранение, после которого он на всю жизнь останется инвалидом? Так же и тут — в брани с колдунами и бесами. По-твоему из того, что в атаке можно быть убитым или покалеченным и из того, что надо не бояться врага следует, что воинов, на которых убивают и калечат, не может быть — ибо Господь, как ты мыслишь, просто не может попустить «такой ужас»?! Нелепое умозаключение! А ведь ты — офицер. Ещё Советской Армии, разгромившей Германию! Чтобы ты делал в сорок пятом — я уже не говорю о сорок первом?! По-твоему, чадо Андрее, духовная брань это что — только лишь путешествия по банкетам за архиерейскими столами, сидение в библиотеках и на конференциях, выступления за трибуной и написание книжек?! Э-э нет! А побыть бесноватым, помучиться, словно в аду ещё при жизни от колдунов и бесов ради Господа — не хочешь? Считаешь, что это — не для тебя и не для таких, как ты? Э-эх... Слаб человек. И тем более слаб, если он сам себя расслабляет. Как сказал поэт: «Да, были люди в наше время — не то, что нынешнее племя...».

Кураеву возразить было нечем. Сказав эти слова, отец Наум ненадолго умолк, а затем продолжил:

— А теперь, чадо Андрее, вот тебе примеры из житий святых собственно колдовства и волшебства — сиречь тлетворных и злых дел колдунов и ведьм, совершаемых ими с помощью бесов, которые действуют как их орудия!

— Святой апостол и евангелист Иоанн Богослов, егоже память двадцать шестого сентября, как повествуется в житии его, боролся с могучим волхвом Кинопсом, которого язычники в ослеплении своём почитали за бога. Увидев то бесчестие своим богам, которое наносил апостол Иоанн проповедью Христа, эти язычники попросили Кинопса, имевшего в услужении множество бесов, погубить Иоанна. И Кинопс несколько раз посылал бесов, чтобы те убили его — как сказано в житии, чтобы они «взяли его душу». Иоанн же силой

Христа связывал их и изгонял — так, что они ничего не могли с ним сделать. Один из этих бесов сказал Иоанну: «Вся сила сатанинская в нём, в Кинопсе, и он имеет соглашение с нашими князьями, а мы с ним — и Кинопс слушает нас, и мы — его». Из сего речения бесовского можно видеть, что Кинопс повелевал младшими бесами, находившимися у него в услужении, от имени самого их, бесов, князя — Сатаны. Или от имени каких-то старших бесов. Явно же есть яко для обретения власти повелевать младшими бесами Кинопс должен был войти в соглашение с самим Сатаной или с иными старшими бесами, князьями демонскими. Иоанн особо спрашивал этого беса: «Посылал ли он, Кинопс, тебя когда-либо взять душу человеческую и принести ему?» — то есть убить человека. Как сказано, бес и пришёл к Иоанну для того, чтобы «взять его душу». Из сего видим, что власть колдунов может простираться даже на то, чтобы убивать людей. Этот же Кинопс явил пред множеством народа призрак человека, утонувшего в море; или, лучше сказать, явил беса, принявшего вид этого утопленника. Кинопс вывел этого человека из моря и все думали, что этот волхв может воскрешать мёртвых.

— Апостол Иаков Зеведеев, егоже память тридцатого апреля, боролся с волхвом Гермогеном. Книжники и фарисеи, видя успешную проповедь Христа и не имея силы воспротивиться силе слова апостола Иакова, наняли волхва Гермогена, чтобы тот посрамил его. Гермоген заклал бесов, служивших ему, чтобы они привели к нему Иакова связанным. Но когда бесы пришли к нему, то Ангел Господень связал их самих невидимыми узами и стал мучить. Тогда бесы возопили: «Иаков, апостол Христов, будь милосердным к нам, ибо мы по повелению Гермогена пришли связать тебя и Филита, а, вот, ныне сами крепко связаны и жестоко страдаем». Эти же бесы сказали Иакову: «Мы даже и мухи не можем тронуть в твоём доме» — так крепко Господь охранял святого апостола! После сего Иаков повелел бесам привести к себе волхва Гермогена; и когда они сделали это, то стали просить Иакова, чтобы он дозволил им отомстить свои обиды на Гермогене. Но апостол не разрешил сего. Не желая принуждать волхва к христианской вере силой, Иаков хотел отпустить его, но тот сказал: «Как только я выйду из твоего дома, меня тотчас убьют бесы, ибо я знаю, как велика их ярость; знаю также, что мне невозможно избавиться от них, если ты не защитишь меня».

— Священномученик Киприан, бывший волхв, егоже память второго октября, обучился в совершенстве различным бесовским премудростям и всякому злу. Он постиг различные бесовские превращения; он мог с помощью бесов изменять свойства воздуха, наводить ветры, производить гром и дождь, возмущать морские волны, причинять вред садам, виноградникам и полям, насылать болезни и язвы на людей; и ещё он мог делать многое другое подобное сему. Он сам своими собственными глазами видел бесчисленные полчища бесов с Князем Тьмы во главе; при этом одни бесы предстояли пред ним, другие — служили ему, третьи — восклицали, восхваляя своего князя, а четвертые были посылаемы в мир для совращения людей. Киприан сам своими собственными глазами видел в мнимых образах языческих богов и богинь, а также различные призраки и привидения, вызыванию которых он учился. Киприан научился такому наваждению, как вызывание мертвецов из могил и разговоры с ними. А ещё он изучил астрологию в Халдее. Был он также и в Мемфисе, где тоже обучался чародейству. Киприан достиг того, что беседовал лицом к лицу с Князем Тьмы и удостоился от него великой чести. И Князь Тьмы, Дьявол, дал ему своих бесов в услужение. Многих людей Киприан научил волхвованию: одних — летать, других — плавать в ладьях по облакам, а третьих — ходить по водам. Язычники обращались к Киприану за волхвованием для помощи в своих нуждах и он помогал им с помощью бесов: одним он содействовал в блудных грехах, другим — в мщении, вражде, зависти и гневе. Этот Киприан, будучи в языческой своей жизни волхвом, содействовал своим волшебством юноше Аглаиду в том, чтобы в него влюбилась христианка — будущая мученица дева Иустина. Киприан вызвал для этого дела беса, которого он и наслал на Иустину; и этот бес дал Киприану некий сосуд и сказал, чтобы Киприан передал его юноше, а тот окропил содержимым сосуда дом Иустины. После того, как юноша сделал это, бес

вошёл в дом Иустины и стал искушать её: Иустина ощутила в теле бурю телесной похоти и пламя геенского огня. Но мученица сумела побороть искушение. Не достигнув цели, Киприан волхвованием придал юноше Аглаиду призрачное подобие птицы и сделал его способным летать — разумеется, с помощью беса, — а затем послал его в дом Иустины, посоветовав ему влететь в этот дом через окно. Но когда Аглаид прилетел к дому Иустины, то та случайно посмотрела в окно и бес, увидев Иустину, бежал. После этого тотчас исчез призрачный образ птицы, который получил Аглаид или, лучше сказать, за которым Аглаид был сокрыт, а сам он полетел вниз, на землю и едва не погиб из-за этого падения. После этого Киприан сам, принимая то призрачный образ птицы, то призрачный образ женщины, пытался проникнуть в дом Иустины. Так ничего и не добившись, Киприан по злобе стал мстить за свой позор: он наводил волхвованием бедствия на дом Иустины и на дома её родных, соседей и знакомых; он убивал их скот и поражал их рабов язвам; он навёл болезнь даже на саму Иустину. По попущению Божьему Киприан навёл бедствия даже на весь город, в котором жила Иустина — отчасти, видимо, из того соображения, что горожане, возможно, уговорят Иустину пожалеть их и покориться воле Киприана и желанию Аглаида.

— В «Житиях святых» на двадцать третье июня содержится повесть о покаянии Феофила, который связался с Сатаной и отрекся от Христа, подписав хартию, — словом, «продал душу Сатане» — ради того, чтобы обрести в церкви высокое положение. И Дьявол исполнил просимое Феофилом после совершения этой сделки! Вот какую власть может возыметь Дьявол даже в церкви Христовой!

— В житии Василия Великого, егоже память первого января, повествуется о рабе сенатора Протерия — рабе, который связался с Сатаной и отрекся от Христа, подписав хартию, — словом, опять же, «продал душу Сатане», — чтобы вступить в брак с дочерью этого сенатора. Как только этот несчастный подписал хартию, Дьявол наслал на эту девушку демонов любодеяния и они возбудили в ней такую сильную любовь к этому рабу, что она, пылая страстью, упала на землю и стала кричать отцу: «Пожалей меня, пожалей дочь твою и выдай меня замуж за нашего раба, которого я со всею силою полюбила! Если же ты этого для меня, единственной твоей дочери, не сделаешь, то увидишь меня скоро умершею от тяжких мучений и отдашь за меня ответ в день судный!».

— В житии преподобного Василия Нового, егоже память двадцать шестого марта, повествуется о колдунье Мелетинии, о её матери, тоже колдуньи, и об ученике этого преподобного, Григории, который пострадал от чар Мелетинии. Некто Александр, наёмный работник, работавший в винограднике Григория, вступил в брак с отроковицей Мелетинией, которая, как оказалась, была не только злонравная любодейка, но и волшебница. Она имела столь неудержимую страсть к прелюбодеянию, что вскоре после брака с Александром совершила этот грех почти со всеми мужчинами из окрестных селений. Люди же боялись обличать её беззакония — ибо она за это волхвованиями наводила на говоривших о ней худое болезнь. Если кто-то смел сказать против неё хоть одно обличительное слово, то делался расслабленным в течение двух или трёх месяцев; а если кто осмеливался ударить Мелетинию, то умирал, едва прожив после этого два дня. Она навела своими чарами болезни даже на своего мужа. Эти болезни столь утомили и обессилили его, что он сам не мог даже мухи отогнать от себя. При этом говорили, что мать Мелетинии с помощью волшебства могла удерживать полёт птиц, останавливать течение реки и творить много другого прочего зла.

— Чадо Андрее! Вспомни житие святого Конона Исаврийского! Там говорится, что бесы охраняли честь имени Конона — они били всех, кто осмеливался хулить его. Что же мы зрим здесь? Волшебница Мелетиния с помощью колдовства — то есть с помощью бесов — наводила болезнь на тех, кто обличал её беззакония. Но Мелетиния действовала лишь дьявольской силой, а святой Конон — силой божественной, которая связывала силу дьявольскую, бесов, и направляла их. Воистину — волшебством ведьмы Мелетинии был Дьявол, а «волшебством» святого Конона — Христос!

— Так вот. Эта злая волшебница Мелетиния, увидев упомянутого Григория, который был юн и красив, решила склонить и его к сожитию. Посредством бесов она внушала ему по отношению к себе нечистые мысли. Так, по ночам она насылала на него сны и в сонных видениях являлась пред ним в бесстыдном виде, возбуждая в нём нечистую похоть. А в то время, когда Мелетиния, следуя за Григорием, видимо прельщала его на грех своим телом и своими речами, бес невидимо разжигал в Григории огонь похоти — огонь вожделения к оной Мелетинии. Григорий, борясь с блудом, хотел отвадить волшебницу от себя, но долго не прогонял её, ибо боялся сделаться жертвой её волшебной силы. Наконец, он не выдержал и все-таки прогнал от себя эту колдунью, для чего ему пришлось поступить с нею грубо. Как он и ожидал, посредством своего волшебства в отместку за своё отвержение она наслала на него болезнь. Эта болезнь была очень тяжёлой. Григорий умер бы от неё или покончил бы с собой, если бы не был исцелён чудесным образом. Сам Григорий так рассказывал об этой болезни: «В один воскресный день я пошел к часовне во имя святого великомученика Георгия, находившейся посреди виноградника. Стояло жаркое утро, и я, совершив молитву, немного почил при часовне. И вот во сне вижу, что надвинулось черное, смердящее облако, которое упало на меня и показалось мне очень тяжелым и чрезвычайно холодным; из облака был слышен голос: «Прими, что приготовила для тебя Мелетиния». Затем это облако вошло в меня. Проснувшись, я увидел, что одержим лютою болезнью, и познал, что она наведена на меня означенною выше волшебницею Мелетинией за то, что я противился ее нечистому желанию. С трудом поднялся я, пошел к дому, не имея сил удержаться от стонов, и лег на одре моем. День ото дня болезнь моя становилась тяжелее, и уже приближалась кончина моя. Внутренности мои все были воспалены жестоким огнем, который пожирал тело мое, как пожирает сухой тростник. Не имея сил переносить жар, я вставал и бегал, становился под сень деревьев, ища прохлады, и устремлялся к реке, чтобы в холодных струях ее остудить бывший во мне пламень. Неоднократно помышлял я утопиться и часто восклицал: «О, горе, горе! Если таков огонь геенский, то лучше бы человеку не родиться». Не мог я узнавать людей или с кем-либо беседовать, и ночь казалась мне продолжительнее сорока лет».

— В житии святого первоверховного апостола Петра, егоже память двадцать девятого июня, повествуется о борьбе этого апостола с Симоном-волхвом, который своими чарами так обольстил невежественных язычников, что многие из них стали почитать его за бога. Симон-волхв показывал людям различные привидения, о которых говорил, что это души умерших; показывал он и якобы воскресших из мёртвых людей, которые кланялись ему как богу; а ещё он якобы исцелял хромых. Но всё это было не действительностью, а призраком. Однажды, потерпев поражение в состязании с Петром, Симон-волхв бежал, придав с помощью бесовской силы своей голове вид головы собачьей. В другой раз Симон приказал отсечь себе голову мечом, обещая при этом на третий день воскреснуть. Но вместо себя он с помощью волшебства подставил под меч овна, придав ему способность казаться человеком. Люди же, смотревшие на казнь, не заметили этого обмана. А ещё Симон-волхв пообещал вознестись пред людьми на небо, чтобы так доказать свою божественность. Он поднялся на высокое задние, произнёс речь к собравшимся людям, а затем всплеснул руками и бросился в воздух. К всеобщему удивлению, Симон-волхв не упал, но, поддерживаемый бесами, с их помощью стал летать по воздуху, возносясь вверх. Видя это, невежественные люди говорили: «Это дело Божье — летать с плотью по воздуху!».

— Так-то, чадо Андрее! Паки реку тебе: думаешь, что — рассказы про ведьм, летающих на шабаш на помеле — это сказки?! Нет! Ей, летают ведьмы на помеле! Садятся они на него, а потом и за помело, и за саму ведьму берутся бесы и несут ведьму вместе с помелом по воздуху на Лысую Гору! Или ещё куда.

— Святой Сильвестр, папа Римский, егоже память второго января, боролся с иудеем Замврием, который был волхвом. Тот говорил, что знает некое тайное имя Бога и этим именем может творить чудеса. Так, Замврий умертвил вола, тихо произнеся над его ухом это имя. На самом же деле этот волхв действовал посредством силы бесовской.

— В житии преподобного Макария Египетского, егоже память девятнадцатого января, рассказывается, как один египтянин захотел склонить к прелюбодейству замужнюю жену, христианку, с помощью волшебства. Для этого он отправился к волхву; волхв же, не преуспев в этом деле, по своей злобе очаровал глаза всех смотревших на эту женщину так, что они видели не женщину, а лошадь — то есть им эта женщина казалась лошадей. И даже её муж, тоже христианин, когда смотрел на жену свою, видел не женщину, а лошадь. И лишь преподобный Макарий избавил несчастную от колдовских чар. Подобным образом он же избавил от чар и некую девицу, которую другой волшебник превратил в ослицу — то есть сделал с помощью колдовских чар так, что эта девица казалась всем ослицей.

— Преподобный Феодор Сикеот, егоже память двадцать второго апреля, изгнал демона из некоей бесноватой жены. Этот демон сказал ему: «О горе! За что гневаешься на меня? Виноват ли я — ибо не по своей воле вошёл в неё? Я послан от Феодора-волхва, прозываемого Караппос, который живет в Мазамии». И эти слова демона были правдой. Впоследствии волхв Феодор Караппос вознегодовал на преподобного за это изгнание беса; кроме того, волхв сильно завидовал преподобному за то, что тот совершал различные чудеса и был почитаем народом. Тогда Феодор Караппос наслал на Феодора Сикеота бесов: те должны были придти к нему и замучить его до смерти. Но бесы ничего не смог сделать преподобному, ибо его хранил Бог.

— Святой Лев, епископ Катанский, егоже память двадцатого февраля, боролся с волхвом Илиодором, отступником от христианства, который научился волшебству от некоего иудея. Этот волхв Илиодор своим волшебством мог сделать так, что людям казалось будто бы по сухой земле, по дорогам и по улицам, текут реки; и люди обоего пола, обнажившись, прямо посреди города переходили эти кажущиеся реки. Камни Илиодор обращал в золото — но лишь на малое время. На торжищах своими волхвованиями он причинял большие убытки купцам; благородных девиц, дочерей честных и сановитых граждан, своим волшебством он так возбуждал к плотскому греху, что они, забыв стыд, оставляли свои кровы и родителей и ради любодеяния бегали по различным местам. Два раза цари за его деяния доставляли его в Константинополь для суда и приговаривали к казни — но каждый раз перед казнью он становился невидим и чудесным образом возвращался обратно домой, в Катану. Илиодор решил простереть своё волхвование даже на самого архиерея. Однажды в праздник святитель Лев правил службу в церкви. Туда вошёл Илиодор и начал тайно совершать волхвования. Под воздействием колдовских чар люди, находившиеся в церкви, стали вести себя бесчинно: одни топотали ногами, словно лошади и рычали подобно зверям; другие неудержимо хохотали; третьи — гневались. Волхв же стал хвалиться, что сделает так, что и сам епископ со священством и клириками будут, прекратив службу, скакать и плясать в церкви, словно под звуки музыки.

— В житии блаженной царицы Феофании, еяже память шестнадцатого декабря, рассказывается о волхве Сантаварине, которые в действительности держался веры манихейской, но притворялся христианином и даже был в епископском сане. С помощью чудес, творимых чрез волхвование, ему удалось добиться расположения царя Василия, который из-за этих ложных чудес почитал волшебника за святого. Однажды этот Сантаварин с помощью колдовства представил и показал царю его умершего сына, по которому царь Василий очень скорбел. Царь даже обнял этого сына перед тем, как тот исчез. На самом же деле это был не сын, а некое приведение, призрак или мечтание сына.

— В житии святителя Николая, егоже память шестого декабря, повествуется о неких людях, которые решили отправиться в паломничество к мощам святителя на корабле. Перед отплытием к ним подошёл бес, принявший облик женщины; она попросила отвезти к мощам как её дар сосуд с елеем. Над елеем же тем были проведены бесовские чарования — так, что он нёс вред и гибель паломникам. Из-за этого елея по пути они встретили различные затруднения — в частности, продолжительное морское волнение. Испытывая эти трудности, они даже решили повернуть назад. В это время к ним на корабль явился святитель Николай и повелел бросить сосуд с заколдованным елеем в море. Когда палом-

ники исполнили повеление, то тотчас из сосуда вышли чёрный дым и пламя, воздух наполнился великим смрадом, море разверзлось, вода закипела и заклокотала до самого дна и поднялись водные брызги, которые были подобны огненным искрам. В описанном случае сосуд передал паломникам сам бес, принявший образ женщины; но ведь сосуд с заколдованным елеем путникам могла передать и женщина-волшебница или кто-нибудь из людей, которых она послала!

— В житии преподобного Пуппия, егоже память пятого апреля, рассказывается как царь Юлиан Отступник, готовя поход на персов, предварительно послал на восток демона, чтобы тот разведаль путь, по которому следует идти войску. Преподобный же Пуппий, узнав духом о прибытии в его страну этого демона, встал на молитву — и демон десять дней не смог сдвинуться с места. Так и не разведав пути, бес вернулся к Юлиану ни с чем. Но ведь если бы не было этого подвижника, то бес нашёл бы для царя Юлиана нужный ему путь для военного похода на персов! Так, с помощью бесов, которых могли посылать языческие жрецы или волхвы, языческие цари могли одерживать военные победы! Они могли узнавать от бесов лучшие пути для военного похода, места расположения вражеских войск и их состав.

— «Жития святых» также учат нас, чадо Андрее, что волшебство может иногда совершаться с помощью подбрасывания тому, против кого оно направлено, различных предметов. К этим предметам как бы «привязан» бес — то есть маг при таком колдовстве отдаёт бесу повеление находиться рядом с этим предметом и вредить жертве колдовства лишь тогда, когда предмет, на который «наколдовано», находится у этой жертвы или поблизости от неё. Когда вредоносный предмет оказывается, например, спрятан в доме жертвы или в одежде, которую носит жертва, то тогда-то и приходит бес, как бы «привязанный» к этому предмету, и наносит жертве вред. Уничтожение этого предмета может удалить и беса от жертвы; но, впрочем, бес может быть удален божественной силой и без разрушения предмета, на который было «наколдовано».

— Так, как уже сказано, чадо Андрее, священномученик Киприан, будучи в языческой своей жизни волхвом, содействовал волшебством юноше Аглаиду в том, чтобы в него влюбилась христианка — будущая мученица дева Иустина. Киприан вызвал для этого дела беса, которого он затем и наслал на Иустину; этот бес дал Киприану сосуд и сказал, чтобы Киприан передал его юноше, а тот окропил содержимым сосуда дом Иустины. После того, как юноша сделал это, бес вошёл в дом Иустины и стал искушать её: дева Иустина ощутила в теле бурю телесной похоти и пламя геенского огня.

— Преподобный Илларион Великий, егоже память двадцать первого октября, изгнал блудного беса из бесноватой девицы. Бес вошёл в неё так. Некий юноша сильно полюбил эту девицу и хотел обладать ею, но она не хотела этого и противилась ему. Тогда юноша пошёл в Мемфис к волхвам Асклепия за помощью. Те дали ему медную дощечку, на которой были написаны какие-то волшебные слова, и приказали закопать её под порогом дома, в котором жила эта девица, что юноша и сделал. После этого бес тотчас же вошёл в девицу. Он так сильно распалил в ней блудную похоть, что она начала бесстыдно кричать и призывать этого юношу по имени для удовлетворения страсти; она сбрасывала с себя одежды, обнажалась, металась и горела огнём любодеяния. Этот бес сказал преподобному Иллариону: «Я неволей вошел в сию девицу и насильно послан в неё моим властелином. Теперь же я жестоко мучаюсь и не могу выйти, так как привязан к медной дощечке и закопан под порогом. Я не выйду, пока не разрешит привязавший меня юноша!». Но преподобный изгнал беса, не обращаясь к этому юноше.

— Нечто подобное сему, чадо, творили и святые — то есть они чудотворение, совершаемое силой Божьей или святыми ангелами, как бы «привязывали» к определенной вещи!

— Апостол Иаков Зеведеев, егоже память тридцатого апреля, освободил уверовавшего во Христа Филита, ученика волхва Гермогена, которого этот Гермоген связал с помощью бесов своими чарами, послав к Филиту своё полотенце. Тот, получив это полотен-

це, произнес слова псалма, указанные апостолом, и бесы устремились полотенца и этих слов и бежали.

— Примеры, подобные этому, имеются в Библии.

— Так, ангел посоветовал Товии взять печень и сердце рыбы, чтобы тот воскурил их перед своей будущей женой, возле которой находился демон и убивал её мужей. Это воскурение печени и сердца должно было избавить невесту от демона (Тов.6:5-8). Как сказано ангелом: «если кого мучит демон или злой дух, то сердцем и печенью должно курить пред таким мужчиною или женщиною, и более уже не будет мучиться» (Тов.6:8). Разве, спросим, свойственно печени и сердцу рыбы прогонять бесплотных демонов? Нет! Но с воскурением печени и сердца было сопряжено действие силы Божьей, которая и прогоняла демонов. И сие Бог соделал по особому смотрению и промыслу Своему для Товии и невесты его.

— Так, пророк Даниил уничтожил дракона или, вернее, демона, принимавшего вид дракона, которого вавилоняне чтили как некоего живого идола, бросив в его пасть ком из смолы, жира и волос. Как сказано: «Тогда Даниил взял смолы, жира и волос, сварил это вместе и, сделав из этого ком, бросил его в пасть дракону, и дракон расселся» (Дан.14:27). Разве, спросим, свойственно смоле, жиру и волосам прогонять бесплотных демонов? Нет! Но с этим бросанием Даниила кома из смолы, жира и волос в пасть дракону было сопряжено действие силы Божьей, которая и уничтожила дракона, прогнав изображавшего его демона. И сие Бог соделал по особому смотрению и промыслу Своему для Даниила и вавилонян.

— Так, праотец Иаков, когда желал, чтобы зачинался скот такого окраса, который был ему нужен, клал перед этим скотом прутья; и так Иаков обогатился на скоте Лавана — ибо Иаков и Лаван договорились о том, как делить промеж собой новорожденный скот из стад, которые пас Иаков. Как сказано: «И взял Иаков свежих прутьев тополевых, миндальных и яворовых, и вырезал на них [Иаков] белые полосы, сняв кору до белизны, которая на прутьях, и положил прутья с нарезкою перед скотом в водопойных корытах, куда скот приходил пить, и где, приходя пить, зачинал пред прутьями. И зачинал скот пред прутьями, и рождался скот пестрый, и с крапинами, и с пятнами» (Быт.30:37-39). Разве, спросим, свойственно прутьям от деревьев так влиять на окрас скота? Нет! Но с этим полаганием прутьев пред скотом в водопойных корытах было сопряжено действие силы Божьей, которая и делала окрас зачинаемого скота таким, каким нужно было Иакову. И сие Бог соделал по особому смотрению и промыслу Своему для Иакова и потомков его. Вот, многие могут сказать, что то, что делал Иаков — это магия, волшебство. Но нет! Это — не магия! Ибо при волшебстве действует сила бесовская, а здесь действовала сила божественная. И не демоны, а Сам Господь умудрил Иакова в том, как ему следует поступать, чтобы родился скот нужного ему окраса.

— Так-то, чадо Андрее! Уразумел ли ты из сего, из многочисленных примеров, которые дают нам жития святых, что колдовство есть и что оно действует — то есть то, что оно, говоря церковными словами, действительно и действенно, когда на его свершение есть попущение Божье?! И колдовство это, по попущению Божьему, может действовать даже на православных христиан! И, притом, не только лишь на носящих имя христианина, но и на истинных христиан, которые никогда не обращались к силам тьмы и к их слугам! Ясно ли тебе сие, чадо?

— Ясно, отче Науме! — сказал Кураев.

— А раз ясно, — продолжил старец, — то познай также и то, что верно и истинно и учение церкви о мытарствах! И не смей больше противоречить учению сему! Ясно ли тебе сие, чадо?!

— Ясно, отче Науме! — сказал Кураев.

17. Кураев у старца Наума. Наставление (глава не по порядку)

— Ну, так что, чадо Андрее, — двинемся дальше? Задавай ещё свои вопросы! — молвил отец Наум.

— Отче Науме! Но всё-таки — почему я голубой?!

— О окаянный! — грозно сказал старец. — Разве не уразумел ли ещё ты ответ на свой вопрос из того, что было тебе уже сказано?! Попытайся же уразуметь его! И помни, что Промысел Божий неисповедим! И посему не пытайся постичь его немощным и плотским умом своим! Веруй! Веруй! Веруй! Веруй, как учит святая церковь! Скажи: «Верую, Господи! Господи, помоги моему неверию!».

— Верую, Господи! Господи, помоги моему неверию! — повторил вслед за отцом Наумом Кураев.

— Вот! Так-то лучше! — сказал великий всероссийский старец и продолжил: — Писание глаголет нам: «Если вы не верите, то потому, что вы не удостоверены» (Ис.7:9); удостоверения же веры — сиречь, веры в то, что незримо — суть чудеса и знамения — как сказано Господом с укоризной иудеям: «Вы не уверуете, если не увидите знамений и чудес» (Иоан.4:48). А разве мало чудес явил всему миру Господь наш Иисус Христос? Притом будем помнить, что Им же сказано: «Блаженны невидевшие и уверовавшие» (Иоан.20:29). Может быть, чадо Андрее, ответ на твой вопрос сокрыт от тебя для того, чтобы ты не лишился сего блаженства, но явил крепость веры, за которую получишь великую награду на Небе? Ты не думал об этом?!

Старец задумался ненадолго, протянул пару чёток и продолжил:

— Притом, чадо, помни сказанном в житии святой Марии Магдалины, еяже память двадцать второго июля, а именно: бывают бесноватые не за грехи свои, но бесноватые по Провидению. А житие Иова Многострадального нас учит, что и бедствия, и жестокие утраты и болезни также могут случиться с человеком вовсе не за его грехи, но по неизреченному Промыслу Господню! А посему, может быть, произошедшее с тобою случилось вовсе не за грехи твои! Но, чадо, вспомни — сколько у тебя грехов! И посему почитай, что за грехи эти тяжкие ты достоин всяческого оставления Богом, а, значит, и всяческих бедствий, искушений, беснования и болезней! Притом, говоря про болезни, чадо, я, упреждая твои слова, замечу: под болезнями я вовсе не имею в виду «природный» гомосексуализм, но болезни вроде проказы Иова и Гиезия, рака, чахотки, почечуя и иных. Уразумел ли сие чадо?

— Уразумел, отче!

— А раз уразумел, то с терпением и упованием на Господа, с кротостью и верой переноси искушения, нападки страстей и бесов, беснование, оставление Богом, раны, болезни и почитай себя достойным всего сего по грехам твоим! И за всё благодари Господа! А ещё помни сказанное в житии святой Феодоры, изменившей своему мужу, еяже память одиннадцатого сентября: иногда Бог допускает падения, чтобы человек лучше осознал своё плачевное состояние и нужду в благодати Божьей. Впрочем, про это я уже отчасти говорил — помнишь слова про высокоумных и гордых подвижников, которым Господь порой попускает впасть в скверные плотские грехи, дабы, впад в них, они осознали свою немощность и ничтожность и необходимость Божьей помощи и чтобы они перестали гордиться и превозноситься умом своим? Понял ли сие?

— Понял, отче!

Старец Наум снова замолчал ненадолго, а затем продолжил:

— Чадо Андрее! Вот, ты все задаёшься вопросом: «Почему я оказался в таком плачевном состоянии?». Но не лучше ли задаться вопросом: «Как выйти из этого плачевного состояния?». Ей, порой без ответа на первый вопрос нельзя получить ответа и на второй.

Но твой случай — не такой. Даже не зная ответа на первый вопрос для тебя вполне уместно и даже нужно озаботиться отысканием ответа на второй вопрос; получив же ответ, следует поступить так, как этот ответ говорит. Я разумею сие: не получив ответ на вопрос «От чего именно у меня все эти страсти, искушения и беснование?» вполне можно и нужно заняться избавлением от всего этого. А как от этого избавиться — об этом издревле учит церковь. Тебя мучают страсти и искушения, мучают демоны, которые наводят их, мучают демоны, которые обуревают тебя? Вспомни слова Евангелия: «Сей же род изгоняется только молитвою и постом» (Матф.17:21) и вонми им! И молитвою и постом, а также всяким иным подвижничеством и послушанием матери-церкви действуй супротив демонов и страстей, супротив искушений, беря пример с многочисленных святых! «Каковы же эти примеры?» — спросишь ты, о маловерный! Отвечу: все эти примеры давно указаны нам в житиях святых — только сейчас мало кто читает их и прислушивается к ним! Вон-мем же тому, что там написано в назиданием и верующим, и неверующим!

— Нынче люди зело возлюбили чистоту телесную и благоухание телесное. И возлюбили оные более, чем духовную чистоту и духовное благоухание. Но чему же учит церковь в лице великих подвижников своих и великих святых?! Ей, учит она, что должно возлюбить смрад и нечистоту телесные заради обретения Царствия Небесного! Учит, но никто ныне не внимает ей на собственную погибель!

— Василий Великий, егоже память первого января, никогда не ходил в баню!

— Святой Феодосий Печерский, егоже память третьего мая, мыл только лицо и руки.

— Святая Олимпиада, еяже память двадцать пятого июля, не ходила в баню, а мылась только в ванной, причем в рубашке, дабы не видеть даже своего нагого тела!

— Святой Никандр Псковский, егоже память двадцать четвёртого сентября, умывал токмо лишь лицо и руки.

— Святой апостол Иаков, брат Господень, егоже память двадцать третьего октября, никогда не ходил в баню!

— Святой Авраамий, егоже память двадцать девятого октября, никогда не умывал лица своего!

— Святой Иоанн Молчальник, егоже память третьего декабря, никогда не ходил в баню, дабы не видеть наготу не только чужих телес, но даже не видеть наготу и своего собственного тела!

— Святая Мелания Римлянка, еяже память тридцать первого декабря, тоже никогда не ходила в баню!

— Блаженная дева Сальвия, о коей пишет в своём «Лавсаике» Палладий, епископ Еленопольский, никогда не умывала ни рук, ни ног, ни какой иной части тела своего, кроме кончиков перстов своих — да и то лишь тогда, когда готовилась принять Святые Тайны! А ведь она была учёной, начитанной девой — она изучила труды всех древних толковников и толковников её времени!

— Святой Амон, егоже память четвертого октября, как сообщается в его житии, никогда не видел своего тела.

— Нынче люди возлюбили телесное здравие и безболезненную и неутеснительную жизнь. Возлюбили их более, чем здравие духовное, которое порою обретается чрез многие болезни, злострадания и утеснения! И как нынешние люди гонятся за телесным здравием и за легким и безболезненным житием, так древние отцы гнались за здравием духовным, предпочитая кратковременно пострадать телом в этой жизни, чтобы не страдать вечно в будущей жизни и телом, и душой в огне геенском! Так-то, чадо! Бери пример с древних и с тех, кто следует их пути! О! Как они утесняли себя и как мучили они свою грешную и страстную плоть, чтобы обрести Царствие Небесное!

— Серафим Саровский, егоже память второго января, обнажившись, отдавал себя комарам, которые во множестве кусали его и пили его кровь; тело его от этого синело, а кровь на его теле — запекалась!

— Святая Аполлинария, еяже память пятого января, сокрылась от людей в среди болот и там отдала себя на мучения комарам, которые облепляли её. В течение года её кожа сделалась, как кожа у черепахи.

— Святой Макарий Александрийский, егоже память девятнадцатого января, шесть месяцев провел в болоте нагишом. Он был так искусан комарами, что его узнали только по голосу. Комары, кусавшие его, были столь велики и сильны, что прокусывали кожу вепря.

— Преподобный Феодосий, игумен Печерский, егоже память третьего мая, раздевшись до пояса, сидел на открытом месте и так, отдав своё голое тело комарам, до утра прятал пряжу. Возвращался он только утром, облитый кровью.

— Преподобный Пахомий Великий, егоже память пятнадцатого мая, надев грубое шерстяное платье, уходил на всю ночь в жаркое место и стоял там до утра на молитве, простерев руки к небу и не сгибая ни рук, ни колен. Его ноги иногда пухли от напряжения; руки же его до крови кусали москиты.

— Преподобный Никита Столпник, егоже память двадцать четвертого мая, однажды ушёл на болото и лёг там. Комары и мошки заедали его три дня; он же постоянно вопиял к Господу: «Спаси меня!».

— Преподобный Никандр Псковский, егоже память второго сентября, на ночное время отдавал своё тело на мучение комарам, а на дневное — оводам. Кровь текла струями по его телу, а он сидел и невозмутимо прятал шерсть.

— Преподобный Фома Дефуркин, егоже память десятого декабря, был мучим Дьяволом в уединении: нечистый сначала три года напускал на него комаров, затем три года — мух, а после изводил преподобного муравьями. Комары нападали на него и когда он лежал, и когда он вставал на молитву; их было такое множество, что нельзя было говорить — ибо они набивались в рот и проникали даже до гортани. Большие мухи кусали преподобного и как бы острыми стрелами пронзали его изнуренное воздержанием тело. Муравьи, нападавшие на святого во множестве, заползали к нему и в глаза, и в ноздри. Но преподобный непоколебимо претерпевал все эти напасти. А после этого Дьявол многие годы мучил святого нашествием змей.

— И многими другими различными способами святые утесняли свою плоть и мучили её, чтобы стяжать Духа Святого.

— Преподобный Нил Столбенский, егоже память седьмого декабря, не хотел нежить плоть спаньем лёжа и посему вбил в стену крюки и отдыхал, на них опираясь.

— Святой Василий Блаженный, юродивый, егоже память второго августа, не носил на теле одежды и ходил нагим и летом и зимою — зимою замерзая от холода, а летом — страдая от зноя. Он не имел никакого жилища. В юродстве Василий провёл семьдесят два года из восьмидесяти восьми лет своей жизни.

— Святой Тихон Калужский или Медынский, егоже память шестнадцатого июня, удалившись в леса, жил в дупле дуба и питался дикорастущими травами и плодами.

— Также и святой Павел Комельский или Обнорский, егоже память десятого января, жил в дупле.

— Также и преподобный Александр, первоначальник обители «неусыпающих», егоже память третьего июля, проводил жизнь в дупле.

— А преподобный Иоанн Рыльский, егоже память девятнадцатого октября, провел в дупле дерева шестьдесят лет!

— Святой Корнилий Молчальник Переяславский, егоже память двадцать второго июля, ещё в юности принимая постриг, притворился глухим и немым и молчал всю жизнь.

— Преподобный Марон Пустынник, о котором говорит Феодорит Кирский в «Истории боголюбцев», егоже, Марона, память четырнадцатого февраля, почти всё время подвижничества жил под открытым небом.

— Преподобный Феодосий Антиохийский, егоже память одиннадцатого января, облекшись во власяницу, носил на себе тяжёлые вериги — на шее, на чреслах и на обеих руках.

— Преподобный Феодор Сикеот, егоже память двадцать второго апреля, сделал себе тесную железную клетку, в которой часто подолгу затворялся. Эта клетка стояла под открытым небом и преподобному порой приходилось переносить непогоду. А еще этот преподобный и всё своё тело заключил в железные узы: ноги свои он обувал в кованые сапоги, на руки надевал кованые же нарукавники, на туловище надевал тяжелую железную броню, опоясывался толстыми веригами и носил железный жезл. За эти подвиги бесы называли Феодора Сикеота «сокрушителем железа». — Так-то чадо!

— Не помнишь ли, чадо, слова Апостола Павла: «Но те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями. Если мы живем духом, то по духу и поступать должны» (Гал.5:24-25)? Воистину, эти святые соделали так, как учил Павел! Но умножу примеры ещё более...

— Преподобный Никита Столпник Переяславский, егоже память двадцать четвёртого мая, вместо столпа выкопал себе глубокую яму — вроде некоего столпа, обращённого не ввысь, а вглубь — и жил в ней. На голове он носил тяжелую железную шапку; ещё же он носил на себе тяжёлые вериги: более лёгкие вериги он носил прямо на нагом теле, а более тяжёлые — поверх одежды; последние были весом в два пуда!

— Преподобный Симеон Столпник, егоже память первого сентября, многие годы простоял на столпах — сначала высотой в четыре локтя, затем в двадцать, затем в тридцать, и, наконец, в сорок локтей. На последнем столпе он пребыл шестнадцать лет — вплоть до самой своей смерти! Он стоял под дождем, градом, бурей и испепеляющим солнцем! Среди ударов молний! По молодости, ещё до восшествия на столп, он обмотал себя верёвкой от чресл до шеи — обмотал так туго, что веревка глубоко въелась ему в плоть и сделала раны вплоть до костей его. В ранах этих завелось множество червей. Но он жил с этими червями, не разматывая верёвку и не леча свою плоть! От разлагающейся больной плоти его и от червей в ней исходило великое зловоние — так, что никто не мог стоять с ним. Черви во множестве падали из ран его на землю и на постель его. А позже, когда святой Симеон стоял на столпе, дьявол нанёс ему рану в бедро. Но Симеон продолжил свой подвиг и не ушёл со столпа — хотя из-за раны он мог стоять только на одной ноге. Так, на одной ноге, он простоял целый год! Эта рана, которую нанёс ему дьявол, была сильной. Она загнила. В ране завелись черви. Они во множестве извергались из раны, спускались по телу на столп, а оттуда падали на землю. Но святой Симеон всё равно не уходил со столпа! Ибо прежде, из-за того, что едва не поддавался дьявольскому обольщению, он решил наказать себя и сказал правой ногой своей: «Ты не вернёшься назад, но будешь стоять здесь до моей кончины!». Рядом с Симеоном тогда был некий юноша, который по его приказанию подбирал падавших из раны на землю червей и передавал их наверх Симеону. Симеон же влагал этих червей обратно себе в рану и говорил им: «Питайтесь тем, что дал вам Господь!».

— Святая Синклитикия, еяже память пятого января, три с половиной года жила вся в червях, но, однако же, не позволяла себя лечить, чтобы избавиться от них.

— Преподобный Симеон Дивногорец, егоже память двадцать четвертого мая, подобно Симеону Столпнику стоял на столпе и подобно ему же крепкой и жёсткой вервью обвил туго тело своё — так, что вервь эта, растерзав плоть, проникла до самых костей. От этого тело святого покрылось язвами, из которых изливалась кровь; от этого же плоть его начала гнить; и от гнившей плоти его начал исходить смрад. Святой Симеон был вынужден прекратить этот подвиг по приказу наставника своего, аввы Иоанна. Позже святой Симеон придумал иное мучение для плоти своей: он сидел на ногах своих и не вставал в продолжение целого года. От этого бедра и голени его начали гнить; и из-за этого гниения вокруг стал распространяться смрад. Авва Иоанн, узнав об этом, призвал врача и просил его

уврачевать язвы преподобного Симеона, но тот отверг помощь врача. Впоследствии Симеон был исцелен чудесным способом.

— Преподобный Феодор Сикеот, егоже память двадцать второго апреля, укрылся от людей в пещере, которую он ископал под камнем и пребывал в той пещере два года. Когда его отыскиали, то увидели, что голова его покрылась струпьями и червями.

— А знаешь ли, чадо, что сказал святой Серафим Саровский? Сказал Мотовилову? Вот что: «Ах, если бы ты знал, возлюбленный, какая радость, какая сладость ожидает праведного на Небе, то ты решился бы во временной жизни переносить скорби с благодарением. Если бы сама эта келия была полна червей и они бы всю нашу жизнь ели нашу плоть, то и тогда надо бы терпеть со всяким благодарением, чтобы только не лишиться той небесной радости...»! И жития святых подтверждают эти слова!

— А ведаешь ли, чадо, как святые боролись с искушениями — особенно же с искушениями блудными? И не только с искушениями, которые находили на них, но и с теми искушениями, которые они сами могли подать ближнему? «Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха...» (Евр.12:4) — говорит апостол Павел нерадивым и теплохладным христианам. Возьмём же пример с тех святых, которые подвизались против греха до крови и даже до смерти, смерти мученической!

— Святая Матридия Александрийская, еяже память двадцать четвёртого ноября, дала обет девства и, чтобы некий юноша не соблазнился её красотой, и, в особенности, красотой её глаз, она выколола себе глаза челноком, которым ткала полотно.

— Святой Иоанн Многострадальный, егоже память восемнадцатого июля, испытывал сильнейшую блудную брань, в борьбе с которой он провёл много лет; для борьбы с блудной страстью святой Иоанн изнурял тело постом и бодрствованием, жил нагим, носил на теле тяжёлые вериги и мучил своё тело холодом. Но этого было мало и однажды он провёл Великий пост, закопав себя в землю по плечи; в этот пост он претерпел ужасные искушения, страхования и мучения от Дьявола.

— Преподобный Аммоний Долгий или Длинный, иначе называемый Аммонием Безухим, егоже память десятого января, — тот, о коем пишет в своём «Лавсаике» Палладий, епископ Еленопольский — так бегал от почестей и славы и так возлюбил подвижническую жизнь, что, когда его хотели сделать епископом, отрезал себе ухо, дабы этого не произошло. Когда же его хотели возвести на епископский престол даже несмотря на отсутствие уха⁹, он пригрозил, что отрежет себе и язык; и он исполнил бы сказанное, если бы от него, наконец, не отстали, видя его непреклонность.

— Святой мученик по имени Философ, егоже память тридцать первого мая, претерпевал во время мучений искушения от некоей пытавшейся соблазнить его женщины. Чтобы избавиться от блудной брани, он сначала сильно, до крови, кусал себе язык, а затем и вовсе откусил и выплюнул его. В прекраснейший сад, полный всяких многоцветных и благоуханных растений, для мучений была поставлена роскошная постель; на неё был положен связанный по рукам и по ногам мученик. К нему привели блудную жену. Слыша от пришедшей к нему блудной жены соблазнительные и бесстыдные слова, он смежил свои глаза, чтобы не смотреть на неё, но вежд и ушей своих не мог закрыть. Тогда, кусая зубами язык свой и нанося себе этим сильную боль, он добился того, что от боли не слышал внушений бесстыдной жены. А так как он не имел возможности закрыть себе ноздри, чтобы не обонять благоуханий, то он мочил своим окровавленным языком нечистую постель и одежду. Наконец, как о том рассказывается в житии Павла Фивейского, егоже память пятнадцатого января, этот юноша-христианин по имени Философ откусил себе язык и выплюнул его этой девице. Свидетелем этих мучений был оный святой Павел Фивейский.

⁹ В действительности каноническое право православной церкви запрещает рукополагать в епископы глухих (причём, очевидно, на оба уха, а не на одно), а не безухих, у которых, к тому же, другое ухо — целое; Аммоний же даже не оглушил себя на одно ухо, а лишь отрезал себе одно ухо.

— Святой Нифонт, епископ Кипрский, егоже память двадцать третьего декабря, ведя борьбу с нечистыми духами, часто, затворившись в своей хижине и раздевшись, бил себя чем-нибудь по всему телу так сильно, что иногда от ран отпадали куски тела. Этот же Нифонт тщательно хранил уста свои от празднословия, сквернословия и клеветы. Он положил себе за правило сильно ударять себя сорок раз по лицу, если когда-либо по неосторожности произносил непотребное или бранное слово. Если же святой Нифонт чувствовал плотское вожделение, то целую неделю не брал в рот даже хлеба и морил себя голодом и жаждою.

— Преподобный Мартиниан, пустынник, егоже память тринадцатого февраля, был искушаем блудницей, специально пришедшей, чтобы совратить его; он принес в келию хвороста, разжёг огонь, встал в костёр и через боль от опаляющего его огня избегнул падения.

— Преподобный Иаков Постник, егоже память четвертого марта, претерпевал искушение от некоей женщины, решившей подстроить ему падение. Чтобы избавиться от вожделения он два или даже три часа жёг свою руку на огне — причём так сильно, что у него отвалились суставы пальцев!

— А как, чадо, преподобные древности и просто подвижники творили покаяние и проводили в этом покаянии всю свою жизнь! Как они исполняли послушания! Вот пример всем нам!

Тут великий старец достал с книжной полки книжку, открыл её на нужной закладке и сказал:

— Вот, чадо, послушай, что пишет преподобный Иоанн Лествичник в своей «Лестнице», в пятой главе её, про обитель осуждённых, именуемую «Темницей», и про то, как там древние великаны духа проводили покаяние!

Старец принялся читать книгу, но Кураеву показалось, что отец Наум смотрит на страницы лишь для вида, а на самом деле дословно или почти дословно цитирует содержание книги по памяти — видимо, оттого, что слова её уже давно въелись ему в память за долгие года их повторения.

— «Видел я, что одни из сих неповинных осуждённых всю ночь, до самого утра, стояли на открытом воздухе, не передвигая ног, и жалким образом колебались, одолеваемые сном по нужде естества; но они не давали себе ни мало покоя, а укоряли сами себя и бесчестиями и поношениями возбуждали себя.

Другие умилённо взирали на небо, и с рыданием и воплем призывали оттуда помощь.

Иные стояли на молитве, связавши себе руки назад, как преступники; печальные лица их были преклонены к земле; они считали себя недостойными взирать на небо. От недостойности помыслов и от угрызений совести не знали они, что сказать и как проговорить, какие молитвы вознести к Богу, как и откуда начать моление; но только душу немощную и ум безгласный представляли они Богу и были исполнены мрака и как бы тонкого отчаяния. Другие сидели на земле во вретисе и пепле, лицо скрывали между коленями и челом ударяли о землю.

Иные непрестанно били себя в грудь, возывая прежнее состояние души своей и невинность своей жизни. Иные из них омочали землю слезами; а другие, не имея слёз, били сами себя. Иные рыдали о душах своих, как о мертвецах, будучи не в силах переносить сердечной туги; другие же, рыдая в сердце, глас рыдания удерживали в устах; а иногда, когда уже не могли терпеть, внезапно вопияли.

Видел я там, что некоторые от сильной печали находились как бы в иступлении; от многого сетования они были безгласны, совершенно погружены во мрак, и как бы нечувствительны ко всему, касающемуся земной жизни; умом своим они сошли в бездну смирения, и огнем печали иссушили слезы в очах своих.

Там можно было видеть действительное исполнение слов Давидовых — видеть страждущих, согбенных до конца жизни своей; видеть весь день сетуя ходящих; видеть смердящих согнившими ранами тела своего (Пс.37:7) и небрегающих о врачевании оных; видеть забывающих «снести хлеб свой» и питье воды «с плачем растворяющих»; видеть «прах и пепел вместо хлеба едящих»; видеть имеющих «кости прилепленные к плоти» — тех, которые «яко сено иссохли» (Пс.101:5-12). Ничего другого не слышно было у них, кроме сих слов: «Увы, увy! Горе мне, горе мне! Праведно, праведно! Пощади, пощади, Владыко!». Некоторые говорили: «Помилуй, помилуй»; а другие же ещё жалостнее зывали: «Прости, Владыко! Прости, если возможно!».

У иных видны были языки воспалённые и выпущенные из уст, как у псов. Иные томили себя зноем; иные мучили себя холодом. Некоторые, вкусивши немного воды, переставали пить; они пили ровно столько, чтобы только не умереть от жажды. Другие, вкусив немного хлеба, далеко отвергали его от себя рукою, говоря, что недостойны человеческой пищи, потому что делали свойственное скотам.

Так и делали сии блаженные осуждённые. У них видимы были колена, оцепеневшие от множества поклонов; глаза, померкшие и глубоко впадшие; веки, лишённые ресниц; ланиты, уязвлённые и опалённые горячестью многих слез; лица, увядшие и бледные, ничем не отличавшиеся от лиц мёртвых; перси, болящие от ударов, и кровавые мокроты, извергаемые от ударений в грудь. Где там было приготовление постели? Где одежды чистые или крепкие? У всех они были разорванные, смердящие и покрытые насекомыми. Что в сравнении с их злостраданиями злострадания беснующихся или плачущих над мертвецами или пребывающих в заточении или осуждённых за убийства? Поистине — невольное мучение и томление оных ничто в сравнении с произвольным страданием сих. И молю вас, братия, — не подумайте, что повествуемое мною — басни».

Старец Наум закончил цитировать слова поучения из «Лествицы», торжественно поднял очи горё, протянул несколько чёток и продолжил:

— Так-то, чадо Андрее! Понял, как надо проводить ревностную покаянную жизнь, чтобы умиловить Владыку и стяжать Дух Святой через утеснение плоти?

Затем отец Наум немного помолчал, взял с полки другую книгу для цитирования, раскрыл её на нужном месте и сказал:

— А вот, чадо Андрее, тебе пример того, как в древности сурово и строго готовили послушников к жизни монашеской! Повествуется сие в книге «Посмертные вещания Нила Мироточивого», в которой описывается то, как некий мудрый и благочестивый архиерей смирял и наказывал своего послушника Сервия, избранника Божьего, которого он, архиерей, готовил к постригу. Однажды послушник Сервий был ложно обвинен в грехе, которого в действительности не совершал. Как же наказал его этот мудрый архиерей? Вот как:

— «Сейчас же повелел архиерей слугам и сказал: «Выройте одну яму, поставьте его в ней стоя, внутри, закопайте его в землю до груди, а нечистое его кушанье (то есть купленное на базаре и осквернившееся от собеседования) выбросьте перед ним; вылейте на Сервия семь кадок воды, чтобы не провоняло это место от нечистого тела его; пусть он будет совершенно наг; руки у него да будут связаны, чтобы он не вылез; голову и прочее тело его пусть вымажут коровьим калом; пойдите в церковь сказать служащему, чтобы он созвал церковь, чтобы все люди шли и оплевали его, как нечистого, каков он и есть. Если же к утру он умрет, то пусть его не поминают как нечистого. Чтобы никто не подходил и не разговаривал с ним, но пусть он один издыхает, как нечистая скотина»».

— Так-то, чадо! — молвил отец Наум. — И не один раз так сурово поступал сей архиерей с Сервием, но много раз! И бесприкословно слушался его раб Божий Сервий. Понял ли ты и уразумел ли из сего, чадо, что такое истинное смирение и истинное послушание? И что такое истинная забота о душах пасомых?

— Ей, отче! — ответил Кураев.

Отец Наум провел несколько мгновений в молчании, а затем ласково улыбнулся и спросил:

— Чадо! Ты, небось, стяжал за жизнь земную некие богатства. Что же именно ты стяжал? Есть ли у тебя дом, квартира, дача, драгоценности? Всё мне скажи и не утай от меня ничегоже!

— Ей, отче! — ответил Кураев. — Есть у меня неплохая квартира в Москве — относительно новая. И ещё есть у меня квартира, тоже в Москве, — от умерших родителей. Но половиной её владеет мой старший брат. А ещё у меня есть то ли дом, то ли дача в Абхазии.

— А поди, чадо, ты и деньжишек-то прикопил?

— Я, старче, долго безработным был — так что многое израсходовалось. Но ещё есть кое-что. На чёрный день.

Старец улыбнулся и сказал:

— Чадо! А не хочешь ли ты земным и тленным богатством своим купить богатство вечное и нетленное, богатство на Небесах — сиречь Царствие Небесное?

Кураев замялся и не знал, что отвечать на эти слова.

— Хочу, конечно! Но ведь если я ото всего этого избавлюсь — то на что же и как мне жить? Я так не могу! — понутив голову, проговорил Андрей Вячеславович.

— «Иисус сказал в ответ: истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной» (Мар.10:29-30) — процитировал старец слова Евангелия Кураеву.

Затем старец процитировал Андрею Вячеславовичу другие слова Христа:

— «И, подозвав народ с учениками Своими, сказал им: кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее. Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Мар.8:34-38).

— Понял ли сие, чадо? — спросил отец Наум.

Старец снова возвёл очи горё, протянул несколько чёток и с великой важностью и великим назиданием изрёк Кураеву:

— Чадо! Чадо! Мне открыто, что Господь призывает тебя к подвигу монашескому. И из-за великого позора твоего и из-за великого стыда твоего тебе легче будет бросить мир, бросить всё, к чему привязан ты, и посвятить остаток жизни своей Господу Богу, смиренно служа Ему иноком в отдалённой обители. Чадо! Послушайся этого божественного призыва и не пренебрегай словами моими! Чадо! Вот что мне открыто о том, что будет с тобой, если ты послушаешь словес Господа: совсем немного времени ты проведешь послушником, а затем будешь пострижен в мантию. А через два года после этого, по чудесному стечению обстоятельств, ты примешь великую схиму! И будешь проводить ревностную подвижническую жизнь до конца дней своих. Ты даже — уже ближе к смерти своей — сотворишь несколько чудес! И — как знать? — может быть, лет через пятьдесят или через сто, если то будет угодно Господу, ты станешь преподобным! Чадо! Послушай моих словес! Уходи из мира! Уходи как можно быстрее, не оглядываясь! Вспоминай же в бегстве и в исходе своём жену Лотову! Вот прямо сейчас, чадо, не возвращаясь домой, и отправляйся в тот монастырь, в какой я тебе укажу! А потом там, не уходя из него, распорядись о продаже имущества своего и пожертвуй его на нужды церкви. Вот, там, в этом монастырьке, и купола позолотить надо, и колокольню достроить, и новый братский корпус и ещё много чего! Можешь, конечно, и нищим всё раздать — но первое и богоугоднейшее дело — это пожертвовать на святую мать-церковь! Поспеши же, чадо! Не будь как тот юноша, про которого повествуется в Евангелии: «Иисус сказал ему: если хочешь быть

совершенным, пойдя, продай имение твоё и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною. Услышав слово сие, юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение» (Матф.19:21,22)».

— Чадо! Возможно, мир будет притягивать тебя различными науками и искусствами — ведь ты муж учёный. Но вспомни, что было с блаженным Иеронимом Стридонским, егоже память пятнадцатого июня, который был любителем наук, философии и красноречия и который так восхищался речами Цицерона! Этот святой, желая перевести Ветхий Завет с иврита на латынь, начал изучать еврейский язык. И при изучении этого языка Иероним нашёл его неблагозвучным и грубым. Но однажды блаженный узрел сонное видение, в котором был восхищен к престолу Небесного Судии. Там Иеронима спросили о том, кто он и Иероним ответил, что он — христианин. Тогда Господь сказал ему: «Ты лжешь! Ты — цицеронец, а не христианин; ибо где твоё сокровище, там и сердце твоё». После сего Господь повелел Ангелам Своим бичевать Иеронима. Его плечи посинели от ударов. И даже когда он проснулся, то всё ещё ощущал удары от этих божественных побоев. Так-то, чадо! Старайся более изучать божественные книги, которые предлагает своим чадам святая церковь! Книги же светские, светские искусства и светские науки и вовсе оставь! Ибо, вот, уже и жизнь твоя клонится к закату! Долго ли времени тебе осталось жить, чадо? Посвяти же остаток своих дней целиком делам божественным — чтению Писания, житий святых, святых отцов, а не чтению Честертона, Роулинг, Толкиена, Булгакова и прочих им подобных! Посвяти остаток дней своей углубленной молитве Иисусовой в тиши монастыря или скита, а не шумным разездам по стране и по миру, где множество искушений! Понял ли меня, чадо?

После этого старец полез в коробку, стоявшую возле его кресла и достал оттуда упаковку с чем-то; кроме того, он достал также и новые четки. Это были знаменательные подарки, которые он пожелал подарить Кураеву. Сперва отец Наум дал Андрею Вячеславовичу четки — и с этим знаменательным даром всё было ясно: ведь старец пророчил Кураеву будущее монашество и даже, возможно, канонизацию в чине преподобного. Что касается второго подарка, находившегося в упаковке, то с ним дело обстояло не так просто. Когда Андрей Вячеславович развернул упаковку, то обнаружил в ней паяльник — обычный стоваттный паяльник, ничем не примечательный; такие паяльники во множестве продавались и продаются в хозяйственных магазинах. Кураев не преминул изумиться такому дару:

— Что это? К чему? Что-то я ничего не пойму! Этим, отче, вы, вероятно, хотите мне сказать, чтобы я всегда огненно пламенел любовью к Богу и ревностью к подвигам? И чтобы я всегда был соединён с Господом в молитве своей? И всегда имел в себе чрез это соединение теплоту Духа Святого? — спросил Андрей Вячеславович.

— Можешь толковать и так. — ответил ему отец Наум. — Но вообще-то я сделал этот дар для того, чтобы ты с его помощью боролся с демоном противоестественного мужеложественного блуда, сиречь с демоном срачноходной мужеложественной похоти и вожделения! Понял, как? Или еще не догадался?

— Как? — недоумевая, спросил Кураев, придя в полное замешательство.

— Когда почувствуешь огненное распаление оной окаянной срачноходной содомской похоти, тогда сунь себе туда... туда... в ход срачный этот раскалённый паяльник и опали эту похоть! Чрез сильную боль побори искушение! В великом страдании ты забудешь и отвлечешься от блудных помыслов и блудного вожделения! «Ибо страдающий плотию перестает грешить» (1Пет.4:1) — как говорит апостол Пётр. Попали и побори огнём и жаром огонь и жар! Вспомни, как боролся с демоном блуда, с похотью и вожделением преподобный Иаков Постник, несколько часов державший на огне руку свою и так сильно сжёгший её, что у него отвалились суставы пальцев! Вспомни преподобного Аммония Долгого! Святого мученика Философа! Святого Нифонта, епископа Кипрского! Преподобного Мартиниана пустынножителя, который, чтобы избежать блуда, стал в разожжённый костёр! Я уже не говорю о святой Мастридии, выколовшей себе глаза, чтобы

они не соблазняли даже не её саму, а ближнего! А ведь она была не мужем, а девой! Помнишь, как бесы называли преподобного Феодора Сикеота? «Сокрушитель железа»! Потрудишься подобно ему — и тебя будут называть «сокрушителем раскалённого железа» — будут называть и бесы, и люди! А ещё — «сокрушителем срачноходной содомской похоти»! Так-то, чадо! Надо только потрудиться! Как сказано апостолом Павлом про утеснение собственной плоти: «А иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми» (Гал.5:24)!

Кураев опешил от такого напора старца и пришёл в замешательство ещё больше. Одурело, не понимая вполне то, что он говорит, Андрей Вячеславович сказал старцу:

— Отче! Послушайте — но ведь там же двести двадцать вольт! Паяльник-то от сети работает, а в сети — двести двадцать вольт! Что если изоляция подведёт?! Так ведь и погибнуть можно! Может, тут какой-то иной паяльник нужно — с пониженным напряжением, работающий через трансформатор? Чтобы на выходе было всего вольт двадцать — двадцать пять?! Техника безопасности — это всё-таки не шутка!

— Трансформатор! Техника безопасности! — усмехнулся отец Наум в ответ. — Да ты просто раскали паяльник до нужной температуры, затем отключи его от сети, а потом уж и суй его неподключённым! И никакого тебе трансформатора не надо, и техника безопасности соблюдена! Тоже мне! А ещё профессор! Хоть и бывший! Сразу видно, Андрей, что ты — не технарь, а гуманитарий! А можно и вовсе по-простому делать: взять небольшой ломик или даже простое зубило или долото, раскалить его на открытом огне или на газовой плите и... и действовать! Всего-то дел!

Кураев понемногу стал отходить от ошеломивших его советов великого старца, но всё ещё был не вполне в себе. Затея старца ему явно не очень нравилась. И тогда Андрей Вячеславович выдвинул возражение медицинского характера:

— Отче! Но это ведь означает ожёг, а, может быть, даже и прободение прямой кишки! Ожёг анального сфинктера! Там же так можно себе всё выжечь! Всю прямую кишку! Всю задницу! Как же в этом случае ходить по нужде?! И вообще ходить?

— Чадо! — молвил отец Наум на это возражение. — Чадо! Вот, ты боишься стать сокрушителем срачноходной содомской похоти, боясь всё себе там... там повредить... А знаешь ли ты про больных раком прямой кишки? Знаешь ли ты, что сейчас её вообще вырезают и делают вывод кишечника в другом месте, на боку? Делают колостому? И подобные операции называются колостомией. Разве не знаешь этого?! Так стоит ли бояться уничтожить у себя прямую кишку и задний проход, если этим ты избежнешь лютых падений в злосмрадные блудные грехи? Разве не помнишь ты слова Евангелия: «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну» (Матф.5:29-30)?

Кураев стоял и молчал, а меж тем отец Наум всё подступал и подступал к нему, суя в руки паяльник и вещая:

— Прими. Это твой крест. От креста не бегают. С него не сходят. Его несут до смерти. Ты — избранный. Ты будешь велик. Было столпничество и были столпники. Было затворничество. Были пустынноничество и постничество. Иные жили в пещерах и прозвались пещерниками. Ты же будешь паяльником. Первым. Примером для других. Подвигополжником и Истоком паяльничества, напоющим всю Вселенную благодатью... Прошу — помяни тогда меня, убогого отца Наума, в славе своей!

Кураев не знал, как ответить на такой напор... Наконец, ему на ум пришло новое возражение.

— Отче Науме! — сказал Кураев. — Но ведь эти слова Христа про вырывание глаз и отсечение рук надо понимать не в прямом смысле! Тут надо разуметь выражение «правый глаз твой» в смысле: «того, кто для тебя как правый глаз твой» или: «того, что для тебя как правый глаз твой». Речь здесь идёт, например, о близком тебе человеке, друге, че-

рез которого ты ввергаешься в искушения. Такого друга надо немедленно удалить от себя. Это и значит «вырвать правый глаз свой и бросить его от себя»! И такое толкование подтверждается тем, что церковь канонами своими запретила оскотление и самооскотление. И даже запретила самооскотившихся рукополагать! Например, именно поэтому не был рукоположен Ориген. Это ведь все знают!

На такие слова Кураева старец Наум лишь улыбнулся и сказал в ответ:

— Про оскотление и самооскотление ты верно сказал, чадо; и я в этом с тобой не спору. Но заметь: Христос и не говорит здесь о самооскотлении — он говорит о глазе, о руке, о ноге и о прочих подобных членах тела. И если ты считаешь, что эти слова Христа не следует понимать в прямом смысле из-за того, что в этом случае они окажутся неверными и их смысл будет совсем не тот, который имел в виду Христос, то скажи мне: на чём тогда основывались дела святой девы Мастридии, выколовшей себе глаза даже не ради себя, но ради немощи ближнего — дабы не соблазнять его красотой своею? На чём тогда основывались дела преподобного Иакова Постника, сжегшего себе на огне руку так, что у него отвалились суставы пальцев — то есть, вероятно, так, что он полностью потерял на руке несколько пальцев?! Дела преподобного Аммония Долгого? Святого мученика Философа? Святого Нифонта, епископа Кипрского? Преподобного Мартиниана пустытника? На чём основывались дела всех этих святых, чадо, если не на этих самых словах Христа, понимаемых ими очень даже буквально?!

Кураев замаялся; он не знал, что тут и отвечать. Отец же Наум продолжал речь:

— Притом заметь, чадо: церковь запретила оскотление — имея в виду главным образом оскотление в целях борьбы с блудом, — но не, например, жжение и не попаление срамного мужского уда ради той же цели. Жжение же и попаление разумей такое, что при нём, однако, не происходит оскотления. И да, конечно, — ещё нельзя палить власы на подпупии. Например, свечою. А что касается женщин, то они, борясь с блудом, вполне могут жечь и попалать себе паяльником или раскалённым ломом и влагалище, и похотник, сиречь клитор. Церковные каноны этого вовсе не воспрепятствуют. Есть, правда, в исповедных чинах запреты тыкать во влагалище и в срачный ход перстами, руками или какими-то предметами. Но я, убогий, мню, что сие распространяется лишь на такие случаи, когда это тыканье и введение совершаются в целях доставления похотного наслаждения. Когда же подобные действия делаются для борьбы с ним и приносят не наслаждение, а боль и злострадание — в этом случае я, убогий старец Наум, мню, что подобные запреты недействительны. Так-то, чадо! И для борьбы с похотью и вожделением как естественным, так и противоестественным, содомским, вот ещё что следует взять на заметку: можно, борясь болью с демоном блуда и страстями, ударять себя по яичкам! Например, железным молотком или деревянной колотушкой. Можно и посильнее! Однако же не так сильно, чтобы от этого разбились или раздавились яички. Ибо это будет оскотлением. Поэтому, чадо, можешь купить себе молоток или деревянную колотушку — ту, например, которой отбивают котлеты — и попробовать укротить ею восстание своей плоти. Понял, чадо?

— Кстати. Знаешь, что было сказано святому преподобному Иоанну Многострадальному, егоже память восемнадцатого июля, Самим Господом после того, как этот Иоанн испытал сильнейшую и ужаснейшую блудную брань, вдохновляемую Дьяволом? Когда после этой брани Господь явился Иоанну, тот спросил Его: «Господи, зачем ты оставил меня на жестокое мучение?»; глас же Господень ответил ему: «По мере твоего терпения было это послано тебе, чтоб ты, испытанный огнем, стал чист, как золото; выше силы не допустит Бог искушения человеку, чтоб не изнемог он и не был поруган лукавым змеем. Но как разумный хозяин поручает крепким и сильным рабам большую и тяжелую работу, а слабосильным и слабым — плохую и легкую, так понимай и ты о борьбе с телесною похотью». Так-то чадо! Что если ты и есть тот самый крепкий и сильный раб, которому, с Божьей помощью, посильны подвиги, подобные подвигам святой девицы Мастридии и святого Иоанна Постника?! Ты не задумывался над этим? Что если твоё падение — лишь шаг к будущему восстанию, после которого ты будешь у Господа в ещё большей

славе, чем прежде? Что говорит Писание? «Семь раз упадет праведник, и встанет» (Прит.24:16) — вот что!

Кураев по-прежнему стоял потрясенный услышанным и так и не знал, что отвечать старцу на подобные речи. А всякий раз, когда старец говорил про то, как следует себя бить молотком по яйцам или же засовывать себе в задницу раскалённый паяльник в целях борьбы с демоном блуда, Андрей Вячеславович вполне искренно сильно морщился и кривил свой лик. В эти моменты он вспоминал про то, как в его студенческие годы преподаватели кафедры атеизма МГУ рассказывали студентам про всяких полоумных сектантов-изуверов. И при вспоминании этих рассказов Кураева посещала мысль о том, что сейчас перед собой он видит именно такого изувера.

Наконец, старец решил, что духовную беседу с Кураевым пора сворачивать и что настало подходящее время отпустить Андрею Вячеславовичу исповеданные им грехи.

— Чадо! — сказал отец Наум. — Окончим на этом нашу беседу, ибо на неё и так ушло очень много времени; и, кроме того, меня ждут другие страждущие наставления и покаяния люди. Самое время отпустить тебе грехи. Не вспомнил ли ты ещё каких-нибудь грехов своих за время нашей беседы?

— Нет!

— Ну что же... Тогда самое время для разрешительной молитвы. Но сперва скажи, чадо: готов ли ты от всего сердца исполнить данную мною тебе епитимию? Ведь она очень тяжелая — более двадцати пяти лет! И тут и сухоядение, и поклоны земные! Так что, чадо, — обещаешься ли исполнить всё, что я, твой отец духовный, наложил на тебя?

— Ей, отче! — понутив голову, сказал Кураев. — А куда мне деваться?!

Старец на эти слова улыбнулся и сказал:

— Чадо! А готовился ли ты причащаться сегодня?

— Готовился, отче! Но ведь мне можно будет причаститься лишь спустя много лет... Возможно, только лишь перед самой смертью!

— А вот послушай меня, чадо! Меня, твоего духовного отца! За искреннее и нелицемерное твоё раскаяние, за чистосердечное исповедание всех грехов и за пламенную готовность исполнить все наложенные на тебя епитимии ныне я, убогий старец Наум, разрешу тебя от твоих грехов безо всяких епитимий!

Тут старец обхватил голову Кураева своими руками и прочёл над ним разрешительную молитву. Кураев опешил от такого поворота вещей и сказал:

— Старче! Но тогда к чему же все эти речи по епитимии?

— А для того, чадо, чтобы ты осознал всю тяжесть грехов своих и всё то великое милосердие матери-церкви, которое она являет даже на самых закоренелых грешниках! А также для того, чтобы ты явил великую ревность в очищении грехов своих!

Тут Кураев вспомнил, что два греха, за которые на него были наложены епитимии, а именно: творение водного исхода, пересекаясь струей со струей ближнего своего, а также творение водного исхода на восток, были совершены им ещё до крещения и, следовательно, не требовали ни покаяния, ни епитимии. Но поскольку старец и так не наложил на него никакой епитимии за грехи, Кураев не стал говорить ему об этом.

— Ну так что, чадо Андрее? — спросил старец Наум Кураева, перебив его размышления. — Раз уж готовился ты сегодня к причастию, то иди и причащайся! Вот, в Успенском Соборе поздняя литургия ещё сегодня не закончилась! Ещё успеешь! Но сперва — несколько слов про твой уход в монахи и про монастырь.

Тут старец Наум достал из кармана записную книжку, нашёл в ней нужный адрес, переписал его на бумажку и отдал её Кураеву. Это был адрес одного монастыря или, вернее, пока что скита, находившегося во Владимирской области, в сотне километров от славного города Владимира. Скит находился на берегу реки, возле полузаброшенной деревни, окружённой дикими лесами и непроходимыми болотами.

— У этого скита есть замечательная древняя церковь. — молвил старец Кураеву. — Каменная, с тремя престолами. Главный престол — в честь святого мученика Луппа, его-

же память двадцать третьего августа; правый престол — в честь святого мученика Пуплия, егоже память пятнадцатого марта; левый же престол — в честь святого апостола Пуды, егоже память пятнадцатого апреля. Святые Луппе, Пуплие и Пуде, молитесь Бога о нас!

— У скита сего — продолжал старец, — как мне открыл то Господь, — великое будущее! Из него получится известный монастырь, а после — Лавра, которая станет пятым уделом Богородицы! Свято-Луппская Болотножабская Лавра! Ибо скит сей стоит ныне и будет стоять подле селения Болотные Жабы, которое впоследствии станет большим городом со своей собственной епископской кафедрой! И потечёт в эту Лавру великий поток паломников со всей Руси и со всего мира! То-то будет диво дивное! И будут явлены в сей Лавре пять мощей святых, которые в ней подвизались. Настоятельствует сейчас в этом скиту архимандрит Лупп Козов, в миру — Михаил. Он — моё духовное чадо. Имя же монашеское его — в честь святого мученика Луппа. И открыто мне было, что онный отец архимандрит Лупп Козов будет прославлен как преподобный и что мощи его будут почивать в Свято-Луппской Лавре. Только ты, чадо Андрее, не говори ему сего при его жизни. И при моей тоже. А ещё, чадо, мне открыто, что если ты изволишь монашествовать в этом скиту, то примешь в нём схиму с именем Пуплий — в честь святого мученика Пуплия. Сам Господь открыл мне это! И ещё много чего Господь открыл мне о тебе, чадо, — только больше того, что я тебе ныне сказал, знать тебе бесполезно и непозволительно. Иди же, чадо в монастырь сей, в скит, и подвизайся в нём, имея великое упование на Господа!

Старец немного помолчал, а затем продолжил:

— А что грехи твои стали известны всему миру — о сём не переживай! Ведь раньше, чадо, исповедь был публичной! И то, что ты сказал мне ныне наедине, ранее, в древние времена, ты должен был сказать пред множеством христиан, пред всей церковью! Вот это было самопосрамление, чадо! Вот это было самоуничижение! Вот это было поправление собственной гордыни и собственного ложного стыда! Кто хочет стать истинным христианином, тот должен научиться пить собственное уничижение как воду и дышать им, как воздухом! Святой Никита столпник, Переяславский чудотворец, егоже память двадцать четвёртого мая, три дня стоял при монастырских воротах, плакал и исповедовал перед всеми проходящими грехи свои!

Услышав эти речи про самопосрамление и про публичную исповедь в древности, Кураев сначала представил, что его сегодняшняя исповедь стала достоянием всех, живущих в одном с ним доме... А далее Кураев представил, как он идёт в магазин и проходит мимо сидящих на скамейке бабушек, обсуждающих свежие новости... И «христианская любовь» первых веков тотчас заиграла перед глазами Андрея Вячеславовича новыми, доселе неизвестными ему красками.

— Хм... Вся эта христианская любовь выглядит как-то странно! — промолвил про себя Кураев.

Далее старец Наум начал рассказывать про необычные дарования архимандрита Луппа Козова, настоятеля Болотножабского скита:

— Чадо Андрее! Вот что ты можешь делать сверх того, что умеешь писать книги и вести миссионерские беседы? Быть плотником, столяром или каменщиком можешь? А кровлю храма крыть — можешь?! А коров доить?! А вот архимандрит Лупп Козов — он всё это может и, вдобавок, может много чего ещё сверх этого! У него просто огромная сноровка! Выдающаяся! Знаешь, что он затевает? Он хочет завести в скиту ондатровую ферму! И шить из ондатры всякую одежду — хочешь шубы, хочешь тулупы, хочешь — ещё что. Он и охотник хороший. Бывало, отец Лупп рассказывал мне как, будучи ещё мальчишкой, он ходил на охоту с семизаряд... ой... с самозарядной отцовской или даже дедовской винтовкой и добывал медведей, лосей, волков и другую живность. Белке в глаз мог попасть, чтобы шкуру не испортить! Это просто замечательный человек! Ещё он мне рассказывал, как подрабатывал по молодости: делал кнуты и конские уздечки и продавал их как сувениры! А ещё он вот что затевает: хочет завести пасеку и изготавливать настоящие, восковые свечи! А избыток свечей и мёда, ненужный скиту, продавать! Это тебе не

копящие стеариновые свечи! Вот какой замечательный человек архимандрит Лупп! С ним тебе обязательно надо познакомиться! Ты многому от него научишься!

Старец немного помолчал и продолжил рассказывать про жизнь в Болотных Жабах и её окрестностях:

— А ещё, чадо Андрее, в Болотных Жабах на отшибе, возле самого болота, живут две самых настоящих ведьмы! Это даже не ведьмы в средневековом понимании — то есть люди, сознательно отвергшие Бога и заключившие сделку с Сатаной, — а какие-то древние то ли славянские, то ли финно-угорские жрицы, сохранившие свою преемственность с древнейших, ещё языческих времён. Про них мне отец архимандрит Лупп как-то рассказывал, когда мы с ним здесь, прямо как я с тобою сейчас, за чаем сидели. Как сейчас помню: сидит передо мной отец Лупп, весь замерзший, в неснятом тулупе, и рассказывает... Так вот. Эти ведьмы действительно могут ворожить. Если кто их обидит, то они на него посылают служащих им духов и те делают человеку постоянный стояк. И так ходит человек со стояком, мучается от него — до тех пор, пока не пойдёт к этим старушкам и не извинится! А иначе ничто ему не помогает! А ты, Андрее, говоришь, что нет колдовства... А какие леса там! Ельники и дубравы с высоченными деревьями... А в древних дубах — множество огромных дупел...

Старец ещё немного помолчал и сказал:

— Да, Андрее! Забыл тебя спросить про некоторые грехи — творил ли ты их или нет? Скажи, чадо: веровал ли ты в сръшу, в полáз, в чох или в птичий грай?

— Нет, отче! — ответил Кураев, не совсем понимая о чём его собственно спрашивают, но догадываясь, что речь идёт о каких-то то ли суевериях, то ли гаданиях.

— А коли так — то и слава Богу! — молвил отец Наум. — Гряди, чадо, с миром и помни слова Евангелия: «Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лук.9:62). Вспоминай жену Лотову!

Кураев понял, что его аудиенция закончена, встал и вышел из келии-приёмной старца. Когда он шёл мимо множества людей, толпившихся у келии, то явно слышал следовавший за ним шёпот недовольства: вот, мол, как долго пробыл у старца этот посетитель — за это время можно было десятка два людей принять! И действительно — Кураев пробыл у старца очень долго. Краем глаза Кураев заметил, как в келию старца зашёл следующий человек — им оказался никто иной, как Димитрий Энтео. Народ узнал его и по рядам страждущих встречи со старцем вновь понёсся шёпот недовольства...

Кураев шёл в Успенский Собор Лавры, на причастие. Он успел — зашёл в собор к окончанию «Отче наш» и, недолго ожидая, причастился. И после этого причастия, как и тогда, когда Кураев исповедовался и причащался в больнице, он снова не почувствовал ничего возвышенного, просветляющего и утешающего душу — словно вместе с травмой мозга для Кураева стала недоступна столь важная для него прежнего область бытия, словно вместо открытой двери туда он обнаружил стену с толстой кирпичной кладкой. Кураеву даже казалось, словно её, этой области, никогда и не было, а те смутные воспоминания о ней, которые ещё оставались в голове, представлялись Кураеву пришедшими не из действительности, а из какого-то странного сна.

Осознав всё это, Андрей Вячеславович снова опечалился. Кураев вышел из храма, не выслушав послепричастных благодарственных молитв, и стал бесцельно и бездумно бродить по Лавре. Пробродив некоторое время, он внезапно обнаружил, что стоит возле лавочки с урной. Кураев выбросил в эту урну подаренный ему старцем паяльник и с грустным видом уселся на лавочку. И тут к лавочке подошла косая, хромая и горбатая старуха...

**Лорин Патрик МакКевин
(Lorin Patrick McKevin)**

Curadeus

**Удивительная история Сэра Андрея Кураева — открытого гея
и всемирного короля оперы, бывшего диакона и миссионера**

религиозно-мистико-юмористический романн

Общественное достояние, лицензия CC0 1.0 Universal (CC0 1.0).

Не охраняется авторским правом.

Public Domain, CC0 1.0 Universal (CC0 1.0) license.

No Copyright

Дата создания макета: 31.08(Aug).2017; MS Word 2003; Формат: A4; Шрифты: Times New Roman, Arial;
Версия произведения: 1.0 от 30.08(Aug).2017, Первое цифровое издание;
Усл. печ. л. 21.3;

Издательство «Phoenix», Worchester, MA, USA

Почтовый адрес автора книги: lorin.patrick.mckevin@protonmail.com
temptator@protonmail.com
Сайт автора книги: <http://temptator.ihostfull.com>
Страничка этой книги на нём: <http://temptator.ihostfull.com/books/curadeus>
Блог автора книги: <http://temptator.dreamwidth.org>

Печатается в авторской орфографии
Расстановка переносов — автоматическая
Правильность расстановки переносов не проверялась
Оформление обложки — авторское
Фотографии и графика, использованные для оформления обложки принадлежат творче-
ским общественным владениям, лицензия CC0 1.0 Universal (CC0 1.0)
Дизайн обложек также передан автором в творческие общественные владения по лицен-
зии CC0 1.0 Universal (CC0 1.0)

Пустая страница

PHOENIX 2017